

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

**Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology**

2 ' 2022

Выпуск 2 (36)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 2 (36) 2022

**ТОМСК
2022**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университет
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека
(г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии,
(зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

*Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики,
университет Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013 г.

Подписано в печать: 31.10.2022 г. Дата выхода в свет: 25.11.2022 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 16,8. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1234/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Н. Н. Сафронова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 2 (36) 2022

**TOMSK
2022**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

*O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*

*N. A. Tuchkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the "Museum of Nature and Human" (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*

S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);*

E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);

E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);

L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

*V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);*

Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);

Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);

N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;

M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Address for Correspondence:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 31.10.2022. Publication date: 25.11.2022. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1218/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: N. N. Safronova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: G. V. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
Герасимова Л. Н. Особенности употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-9-21	9
Забелина Е. А. Распределение комплементаризеров в урмийском идиоме села Урмия DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-22-33	22
Кичеева К. В. К вопросу о происхождении форм прошедшего времени на -чых/-чык/-йук и их дифференциации с формами на -жээ, -чу, -ааччы, -ча (на материале хакасского языка) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-34-46	34
Рудницкая Е. Л. Атрибутивное употребление отглагольных имен в эвенкийском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-47-58	47
Сулейманова Р. А. Башкирские фамильные антропонимы, образованные от терминов родства DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-59-66	59
Ушницкая Н. Ю. Концептуализация охотника в языковой картине мира эвенков DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-67-76	67
Чугунцова А. Н. Дейктические частицы в хакасском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-77-89	77
АНТРОПОЛОГИЯ	
Александров Е. В. Документальный фильм как повод для обращения к прошлому (на материале российской истории поиска дирижабля «Италия») DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-90-104	90
Бурнаков В. А. Конь как небесное существо в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – XX век) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-105-117	105
Дампилова Л. С., Миндибекова В. В. Совмещение функций шамана и сказителя в устной традиции народов Сибири DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-118-126	118
Нилогов А. С. Генетико-генеалогическое исследование некоторых хакасских родов DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-127-148	127
Степанова О. Б. Пища в мифологических представлениях селькупов DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-149-159	149
Степанова Н. Ф., Кирюшин Ю. Ф., Рыбаков Д. Ю. Результаты технико-технологического анализа керамики кулайской культуры с Нововасюганского городища и поселения из Нарымского Приобья DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-160-172	160
Чудова Т. И. Состав праздничных блюд в г. Сыктывкаре в 1970–1980-х гг. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-173-181	173
РЕЦЕНЗИИ	
Дронова Т. И. «Как это мудро – быть самим собой». Сборник научных статей и воспоминаний памяти профессора В. А. Семёнова / под ред. Т. И. Чудовой. Сыктывкар, 2021. 328 с.: ил. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-182-186	182
НАШИ АВТОРЫ	187
AUTHORS	189

CONTENTS

From the Editors	7
LINGUISTICS	
Gerasimova L. N. Features of the image-forming verbs using in the Yakut and Altai epics DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-9-21	9
Zabelina E. A. Distribution of complementizers in the Urmi varieties of Urmiya DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-22-33	22
Kicheeva K. V. To the question of the origin of the past tense forms -chykh/-chyk/-yuk and their differentiation with forms -zhee, -chu, -aachchy, -cha (based on the material of the Khakass language) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-34-46	34
Rudnitskaya E. L. Attributive use of deverbal nouns in Evenki DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-47-58	47
Suleymanova R. A. Family anthroponyms formed from relationship terms DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-59-66	59
Ushnitskaya N. Yu. Conceptualization of the hunter in the language worldview of the Evenki DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-67-76	67
Chugunekova A. N. Deictic particles in the Khakass language DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-77-89	77
ANTHROPOLOGY	
Aleksandrov E. V. Documentary film as a reason to return to the past (on the material of the Russian history of the search for the zeppelin "Italia") DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-90-104	90
Burnakov V. A. The horse as a celestial being in the religious and mythological representations of the Khakas (late XIX – XX century) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-105-117	105
Dampilova L. S., Mindibekova V. V. Combining functions of shaman and storyteller in the oral tradition of peoples of Siberia DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-118-126	118
Nilogov A. S. Genetic and genealogical research of some Khakass clans DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-127-148	127
Stepanova O. B. Food in the mythological ideas of the Selkups DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-149-159	149
Stepanova N. F., Kiryushin Yu. F., Rybakov D. Yu. The results of the technical and technological analysis of Kulai culture ceramics from the Novovasyugan settlement and the settlement from the Narym Ob region DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-160-172	160
Chudova T. I. The composition of festive dishes in Syktyvkar in the 1970–1980s DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-173-181	173
REVIEWS	
Dronova T. I. "How It's Wise To Be Yourself." Collection of scientific articles and memories in memory of professor V. A. Semyonov / ed. T. I. Chudova. Syktyvkar, 2021. 328 p.: ill. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-182-186	182
AUTHORS (In Russian)	187
AUTHORS (In English)	189

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Л. Н. Герасимова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯКУТСКОМ И АЛТАЙСКОМ ЭПОСАХ¹

Приводится анализ изобразительных глаголов якутского и алтайского языков, которые выступают в качестве экспрессивно-выразительных средств эпоса и широко применяются в речи сказителя, с целью выявления структурно-семантической специфики и установления функциональных особенностей данной группы глаголов в эпическом тексте. Материалом для исследования послужили эпосы с малым объемом – якутское олонхо «Үс халлаан күүһэ күүстээх Көбүө Дьабыл буҕатыр» (Богатырь Кёбюё Джагыл) П. Хабарова и алтайский эпос «Алтай Буучай» Н. Улагашева. Систематизация глаголов была сделана, основываясь на работе Л. Н. Харитонова. Путем метода сплошной выборки и компонентного анализа из якутского олонхо выявлено 17 глаголов, из алтайского эпоса – 10; глаголы распределены по группам: глаголы движения в широком смысле; глаголы, характеризующие походку, движение тела, частей тела; глаголы, характеризующие мимику, лицо человека (данной группы в алтайских глаголах не обнаружено); глаголы, характеризующие световое восприятие. Структурно-семантический анализ показал, что среди выявленных якутских изобразительных глаголов преобладает заимствование основ с монгольским происхождением, а у алтайских глаголов – подавляющее большинство основ с тюркским происхождением. Результат метода контекстного анализа показывает, что функция изобразительных глаголов в олонхо заключается в описании местности, природы и богатства жителей Среднего мира, также в характеристике внешности положительных и отрицательных персонажей, раскрытии их психологического и эмоционального состояния и внешнего вида, передаче оценки происходящего. В алтайском эпосе изобразительные глаголы в большей степени служат для описания персонажей. Помимо этого, анализ данных глаголов показал, что изобразительные глаголы в якутском и алтайском эпосах служат составными частями таких распространенных приемов художественного описания, как сравнение и параллелизм. По мнению автора, употребление таких языковых единиц, как изобразительные глаголы, придающих речи сказителя красочность и многообразие, может иметь общие особенности и характерные черты, несмотря на то, что каждый отдельный сказитель эпоса имеет свою манеру исполнения, обладает разной степенью мастерства и определенным лексическим запасом родного языка. Для выявления более конкретных общих и отличительных функциональных особенностей изобразительных глаголов необходимо провести исследование с эпическими текстами больших объемов.

Ключевые слова: эпический язык, глагол, образные глаголы, олонхо, алтайский эпос, функциональность, сравнительное изучение, сказительство, лексический словарь сказителя.

Введение

Уровень мастерства любого сказителя напрямую зависит от его лексического запаса, от того, насколько он владеет выразительными и образными оборотами речи. Выступающие в качестве экспрессивно-выразительных средств эпоса и широкоприменяемые в речи сказителя изобразительные глаголы относятся к числу таких оборотов речи.

В якутском языке много изобразительных глаголов и большинство из них предположительно заимствовано из монгольских языков. В. И. Рассадин считает, что много заимствований встречается в тех языках, которые оказались под значительным влиянием монгольского языка (Рассадин, 1980: 75). Большое количество монгольских заимствований в якутском языке Е. И. Убрятова связывает с тем, что у якутских предков было сформировано развитое образное мышление (Убрятова, 1960: 8). В алтайском же языке, как отмечает В. И. Рассадин, монгольских заимствований намного меньше (Рассадин, 1980: 75).

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительные аспекты».

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью использования изобразительной лексики в эпических текстах. В данной работе представлен анализ изобразительных глаголов в языке двух народов – родственных, территориально близких и с похожей эпической традицией – с целью выявления структурно-семантической специфики и установления функциональных особенностей данной группы глаголов в эпическом тексте этих народов, что, несомненно, будет иметь значение для определения генетической связи якутского олонхо с эпическими традициями тюрко-монгольских народов Сибири.

Как известно, начало сравнительного изучения якутского олонхо и алтайского эпоса было заложено И. В. Пуховым, который выделил общие, сходные и различные особенности в сюжетах, образах и стилях рассматриваемых эпосов (Пухов, 2003). Современными исследователями затронуты темы эпических формул (Ефремов, 2015), сравнения (Львова, 2019), генетические связи на основе семантических значений эпических формул и структурно-композиционного построения текста (Гоголева, 2015), проблема параллелизма (Борисов, 2013) и др.

Изобразительные глаголы – это особая лексико-семантическая группа глаголов, в значении которых основными составляющими являются чувственное восприятие и движение, при этом во многих случаях преобладает зрительный образ (Харитонов, 1960: 203). Фундаментальными трудами, посвященными изобразительным глаголам якутского языка, считаются монографии Л. Н. Харитонova (Харитонов, 1847; 1954; 1960). В исследованиях последних лет якутскими лингвистами изучены отдельные группы изобразительных глаголов, такие как глаголы движения (Ефремов, 2017), глаголы, выражающие походку человека (Жиркова, 2017). А также в направлении сопоставительно-сравнительного изучения тюрко-монгольских языков есть ряд статей, где изобразительные глаголы рассмотрены в сопоставлении с монгольским (Монастырев, Ефремов, 2019; Шамаева, Прокопьева, 2019) и киргизским языками (Аргунова, Сорова, 2019). В «Грамматике современного алтайского языка» изобразительные слова как морфологическая единица не отмечаются, лишь в разделе «Словообразование глагола» путем словосложения упоминаются как неглагольный компонент (Грамматика современного алтайского языка, 2017: 447). В настоящее время в алтайском языке отсутствуют специальные исследования, направленные на изучение изобразительных глаголов как отдельной лексико-семантической группы. Поэтому при попытке классификации глаголов данной группы якутского и алтайского языков мы опирались на фундаментальный труд Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке» (Харитонов, 1954). Данная монография содержит общие теоретические положения об изобразительных глаголах как об отдельной группе глаголов якутского языка, их семантическую классификацию, кроме того, здесь приведены видовые формы и отмечены основные фонетические особенности изобразительных глаголов.

Материалы и методы

В связи с тем, что данная статья является первой попыткой сравнения особенностей употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах, материалом для исследования послужили эпосы с малым объемом – якутское олонхо «Үс халлаан күүһэ күүстээх Көбүө Дьабыл буҕатыыр» (Богатырь Кёбюё Джагыл) П. Хабарова и алтайский эпос «Алтай Буучай» Н. Улагашева. В работе использованы метод сплошной выборки для сбора примеров изобразительных глаголов из эпических текстов; компонентный анализ, который позволяет дифференцировать значение слова на минимальные языковые единицы (признаки, компоненты, семы); метод контекстного (дистрибутивного) анализа, предоставляющий возможность выявить различные значения и оттенки значений исследуемых глаголов в составе контекста в зависимости от их функций.

Структурно-семантическая характеристика изобразительных глаголов

Из текста якутского олонхо выявлено 17 образных глаголов, их можно отнести к следующим группам: 1) глаголы движения в широком смысле (4); 2) глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела (8); 3) глаголы, характеризующие мимику и лицо человека (3); 4) глаголы, характеризующие световое восприятие (2).

1. Глаголы движения в широком смысле:

як. *күөрэй* 'взвиваться, всплывать вверх, парить ввысь' (Харитонов, 1954: 290). Данная словоформа соотносится с монгольской основой KÖGERE- (kögɛʒ -ge-) халх. *хөөр-*, бур. *хөөрэ-*, калм. *көөр-* 'пениться; кипеть, переливаясь (например, о молоке); подниматься вверх, поверху (например, о снеге, облаке)' (Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина (далее – ЭСМЯ), т. 2, 2016: 136);

як. *субуруй* 'мгновенно тянуться, протягиваться вдоль; удлиняться, волочиться' (Харитонов, 1954: 297). Используется в эпическом тексте в форме мгновенности *субурус гын* и соответствует монгольской SUBURI- [*subu-ri-] бур. *хубари-* 'идти следом, гуськом; литься, течь струей; волочиться, тащиться нитью'; калм. *совр-* 'тянуться, растягиваться' (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 130);

як. *үллэннээ* 'сильно волноваться, вздыматься; задвигаться, зашевелиться; раздуваться, сотрясаться' (Большой толковый словарь якутского языка (БТСЯЯ), т. 7, 2015: 425). В структурном плане соотносится с монгольской словоформой ÜYILJE- (*üyil2 -lje-) халх. *үйлз-* 'течь волна за волной; прибоями; дуть частыми порывами (о ветре); (перен.) быть в смятении, волноваться' (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 215);

як. *халый* 'сбиваться с пути, уклониться в сторону; катиться, раскатиться, разлиться, заливать' (Харитонов, 1954: 301). Данное слово соответствует монгольской глагольной основе QALII – [←*qali-] халх., бур. *хали-*, калм. *халь-* 'переливаться через край; выступать из берегов, поверх льда; взлететь вверх, парить в высях' (о птицах); (перен.) умереть; халх. 'падать с коня' (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 25).

2. Глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела:

як. *бөлөнүй* 'свертываться, сгущаться в результате скисания или застывания; полнеть, поправляться (о человеке)' (Толковый словарь якутского языка (ТСЯЯ), т. 2, 2005: 447). Соотносительен с монгольской словоформой BÜLIN халх. *бүлэн*, бур. *булин* 'сгусток крови' (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 123);

як. *быакай* 'стянуться в талии, быть слишком тонким в талии' (Харитонов, 1954: 287). Встречается в эпическом тексте в форме *быакарый*, образованном с помощью аффикса *-рый* видовой формы подвижности или динамичности воспринимаемого явления. Основа *быакай*, по мнению Л. Н. Харитонova, возможно, происходит от слов *быа* или *баай* или от их архетипа (Харитонов, 1954: 228). Глагол *быакай* можно соотнести с древнетюркской словоформой *bay* 'оковы, узы; овязка, покрывало; узел, кипа; вязанка; группа, разряд' (Древнетюркский словарь (ДТС), 1989: 77);

як. *көнчөй* 'неестественно вытягиваться, напряженно выпрямляя спину и шею; казаться прямым, негнушимся, неsgiбающимся (о человеке)' (БТСЯЯ, т. 4, 2007: 285); 'напряженно выпрямлять спину и шею; казаться неsgiбаемым, неуклюжим' (Харитонов, 1954: 289). В тексте олонхо встречается глагол *көнчөһнөө*, который образован от *көнчөй* с помощью аффикса *-һнаа* видовой формы равномерной кратности. Словоформа *көнчөй* относится к древнетюркской основе *köp-* 'выпрямляться; исправляться, становиться на правильный путь; исправляться, становиться покладистым, смирным' (ДТС, 1989: 314);

як. *кынчай* ‘смотреть сверху и вбок’ (Харитонов, 1954: 290). В структурно-семантическом отношении подходит к двум древнетюркским лексемам *қынжыр* ‘косой, косоглазый; уродливый, имеющий телесный недостаток; покосившийся, перекошенный; жадный; алчный, ненасытный; трахома’ (Э.В. Севортян, Л.С. Левитская (далее – ЭСТЯ), т. 6, 1997: 221) и *қыңыр* ‘кривой, косой; неправый; упрямый; сердитый’ (ЭСТЯ, т. 6, 1997: 222);

як. *махчай* ‘слегка приседать на ширококорасставленных и кривосогнутых ногах’ (Харитонов, 1954: 292); ‘с усилием тянуть, поднимать что-л., упираясь ширококорасставленными и согнутыми в коленях ногами в землю’ (БТСЯЯ, т. 6, 2009: 254). Основа соответствует к монгольской *BAŋĠAYI-* (*baŋġa-yi-*), калм. *багцэ-* ‘быть коротким и толстым’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 68);

як. *мотой* ‘двигаться, ходить, быстро переступая, перебирая ножками (о пухленьком маленьком ребенке)’ (БТСЯЯ, т. 6, 2009: 300). В олонхо зафиксирован глагол *мооторуй* – *моторуй*, который образован от основы *мотой* при помощи аффикса *-руй* видовой формы подвижности. Данный глагол соотносится с глаголами *мотурай* ‘(о ребенке) быть пухленьким и миловидным’ и *мотуранда* ‘двигаться – о пухленьких и миловидных детях’ (Киргизско-русский словарь (КРС), т. 2, 1985: 34) в киргизском языке;

як. *тарай* ‘раскидываться, растопыриваться, лежа или откидываясь назад, имея небольшую фигуру’ (Харитонов, 1954: 298); ‘лежать или упасть навзничь, раскинув руки-ноги’ (БТСЯЯ, т. 10, 2013: 239). В лексико-структурном плане соответствует монгольской основе *TARAYI-* (*taŋa-yi-*) халх. *тарай-* ‘растянуться при падении’; бур. *тарай-* ‘развалиться, раскидываться; растягиваться’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 154);

як. *чохчай* ‘сидеть на корточках’ (БТСЯЯ, т. 14, 2017: 200). По нашим наблюдениям, исходит от древнетюркской основы *ċök-* ‘опускаться, становиться на колени; *прям. и перен.* опускаться, падать; погружаться; *перен.* огорчаться’ (ДТС, 1989: 154), и это подтверждает наличие в киргизском языке лексемы *чөгөөлө-* ‘стоять на коленях’ (КРС, т. 2, 1985: 371).

3. Глаголы, характеризующие мимику и лицо человека:

як. *ардбай* ‘скалить свои крупные и редкие зубы’ (ТСЯЯ, т. 1, 2004: 557); ‘быть редкими и крупными, торчать там и сям (о зубах)’ (Харитонов, 1954: 285). Основа глагола совпадает с монгольской лексемой *ARĠAYI* халх., бур. *арзай-*, калм. *арза* ‘быть оскаленным (о зубах)’; халх. ‘быть шероховатым, неровным, грубым’; калм. ‘(перен.) ухмыляться’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 56);

як. *ордой* ‘иметь торчащие зубы (о человеке)’ (БТСЯЯ, т. 7, 2010: 326); ‘выставлять зубы, иметь выступающие передние зубы’ (Харитонов, 1954: 296). Глагол *ордольдуй*, образованный с помощью присоединения аффикса раздельной кратности *-лдьый* к *ордой*, имеет соотношение с монгольской глагольной основой *ORSUYI-* [*←*orsa-yi-*] халх. *орсой*, калм. *орса-* ‘выдаваться вперед, криво, быть неровным (о зубах)’ (ЭСМЯ, т. 2, 2016: 216);

як. *чамчай* ‘иметь маленькое лицо с тонкими поджатыми губами; иметь короткое лицо с широким и низким лбом’ (Харитонов, 1954: 302). По значению и структуре сходится с монгольской лексемой *TABQAYI-* (**tabġ-qa-yi-*) халх. *тавхай-* ‘быть плоским, плосковерхим’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 146).

4. Глаголы, характеризующие световое восприятие:

як. *килбэй* ‘блистать, блестеть’ (Харитонов, 1954: 289); ‘отсвечивать, блестеть’ (БТСЯЯ, т. 4, 2007: 93); як. *кылбай* ‘сверкать, переливаться, ярко блестеть, отражая свет; отличаться, выделяться белизной’ (БТСЯЯ, т. 5, 2008: 227). У указанных глаголов одинаковая основа и относится к монгольской словоформе *GILBA-* (*← gila-ba-*): халх. *гялба-*, бур. *гилба-*, калм. *гилв-* ‘блестеть, сверкать, слепить, играть всеми цветами радуги’ (ЭСМЯ, т. 2, 2016: 44). Глагол *кылбай* в примерах эпического текста встречается в видовой форме равномерной кратности *кылбаннаа*, образованной с помощью прибавления аффикса *-ннаа*.

Из алтайского эпоса было зафиксировано всего 10 изобразительных глаголов, которые распределены на три группы: 1) глаголы движения в широком смысле (8); 2) глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела (1); 3) глаголы, характеризующие световое восприятие (1).

1. Глаголы движения в широком смысле:

алт. *барбай* ‘распушиться’ (Балакина, Дедеева, 2015: 25). Данная словоформа соответствует монгольской основе BARBAYI- (*barba-yi-) халх. *барвай-*, бур. *барбай-*, калм. *барвэ-* ‘быть мохнатым, окладистым, взлохмаченным, грубым’. В «Этимологическом словаре монгольских языков» есть дополнение о том, что в киргизском языке также существует основа *барбай-* со значением ‘иметь вид вздувшегося, распухшего, толстого’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 77);

алт. *бурмакта* ‘крутиться, извиваться’ (Ойротско-русский словарь (ОРС), 1947: 35). В лексико-структурном плане соотносится с тюркской лексемой *бур-/bur-* ‘крутить; сверлить, буравить; кружиться; ввинчивать, завинчивать, ввертывать; поворачивать; поворачиваться; *перен. знач.* переводить разговор, уклоняться от прямого ответа; *перен. знач.* решать дело в пользу кого; направлять; гнуть, сгибаться; морщить, морщинить; плести; вытягивать; закрывать’ (ЭСТЯ, т. 2, 1978: 264);

алт. *бүкте* ‘сложить, согнуть, загнуть’ (Балакина, Дедеева, 2015: 34); ‘складывать, сгибать что’ (Алтайско-русский словарь (АРС), 2018: 138). Основа глагола относится к тюркской *бүк-/bük-* ‘гнуть, сгибать; сгибаться, пригнуться; крутить; (с)вязать; вынимать; делать ч.-л. из теста; загораживать; укрывать, скрываться, утаиваться; обрубать; жаждать ч.-л.; присваивать себе чужую долю; подстерегать; устраивать, уравнивать’ (ЭСТЯ, т. 4, 1989: 291);

алт. *жайкан* ‘качаться’ (Балакина, Дедеева, 2015: 38). Имеет соотношение к двум тюркским основам *jajqan-* ‘колебаться’ (ДТС, 1989: 227) и *йайқа-* ‘приводить в [колебательное] движение’ (ЭСТЯ, т. 4, 1989: 77);

алт. *селбекте* ‘качать (на качелях); колебать, трясти; шатать’ (АРС, 2018: 579); ‘качаться, колебаться, трястись; повиснуть, болтаться’ (ОРС, 1947: 127). По данным «Этимологического словаря монгольских языков», глагол соотносится с двумя лексемами ČERBE2 – калм. *цэргэ-* ‘прыгать, красиво бежать (о лошади); легко идти (о людях); висеть, раскачиваться, скользить’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 139) и ČERBELjE- (čerbe2 -lje-) халх. *цэргэлз-* ‘качаться (о растениях)’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 140). Однако в труде М. Рясанена «Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen» есть тюркские основы тел. *jalby* ‘обмахивать (тканью, веером)’ и тел. *jalbra* ‘трепетать, дрожать на ветру’ (Räsänen, 1969: 182, 196), которые имеют соотношение к структуре и значению глагола *селбекте*;

алт. *түрүл* ‘свертываться, завертываться, подвертываться, засучиваться (о рукавах, подоле)’ [ОРС, 1947: 163]. Отношение данного слова к тюркским лексемам подтверждается основами *дүйр-* ‘свертывать, скатывать; складывать, сгибать; вертеться’ (ЭСТЯ, т. 3, 1980: 319) и *tür-* ‘сворачивать, заворачивать, свертывать; складывать’ (ДТС, 1989: 598);

алт. *чайбал* ‘расплескаться, всплескивать, взбалтывать’ (Балакина, Дедеева, 2015: 145). Глагол можно соотнести с двумя тюркскими основами *jajqal-* ‘колебаться’ (ДТС, 1989: 227) и *йай-* ‘приводить в движение; колебать; трясти; качать; иметь склонность; наклоняться; наклонять; полоскать; пахтать, сбивать масло; разливать, рассыпать, разливаться, распространяться; пасти’ (ЭСТЯ, т. 4, 1989: 75);

алт. *шуң эт* ‘носиться быстро (туда-сюда)’ (Балакина, Дедеева, 2015: 155); ‘стремительно проноситься; быстро пролетать’ (АРС, 2018: 884). Предположительно, произошел в результате присоединения звукоподражания ветру «шуу» (АРС, 2018: 155) и вспомогательного глагола *эт* = ‘делать’. В других источниках не обнаружена какая-либо информация про основу данного глагола.

2. Глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела:

алт. *бёкёй* ‘гнутья, нагибаться, наклоняться’ (Балакина, Дедеева, 2015: 31). В лексико-структурном плане соответствует двум монгольским лексемам *BOKIYI-* (*boki2-yi-) бур. *бохий-*, калм. *боки-* ‘согнутья, сгорбиться’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 97) и *BÖKÜYI-* (*bökü-yi-) халх. *бөхий-*, бур. *бүхы-*, калм. *бөки-* ‘нагибаться, горбиться’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 105).

3. Глаголы, характеризующие световое восприятие:

алт. *мызылда* ‘блестеть, сверкать’ (Балакина, Дедеева, 2015: 91); ‘сверкать, мерцать; сверкать, отличаться белизной; сверкать от чистоты, блестеть’ (АПС, 2018: 479). Основа данного глагола предположительно соотносится с монгольской основой *MIRALJA-* (*mira2-lja-) бур. *миралза-* ‘переливаться, рябить’ (ЭСМЯ, т. 2, 2016: 171).

Анализ изобразительных глаголов показывает, что из зафиксированных основ в якутском языке преобладает использование группы глаголов, характеризующих походку, движение тела и частей тела, в алтайском языке – глаголы движения в широком смысле. В результате структурно-семантического разбора отмечено, что в якутском языке из 17 глаголов 12 основ имеют соотношение к монгольским основам (70,59%): *ардьай, бөлөнүй, килбэй, күөрэй, кылбай, махчай, ордьой, тарай, субуруй, үллэннээ, халый, чамчай*; 5 основ – к тюркским (29,41%): *быакарый, көнчөнгөө, кынчай, мооторуй, чохчай*. В алтайском языке 6 глаголов из рассматриваемых 10 относятся к основам с тюркским происхождением (60%): *бүкте, бурмакта, жайкан, түрүл, чайбал, шун эт*; 4 глагола – к основам с монгольским происхождением (40%): *барбай, бёкёй, мызылда, селбекте*. Следовательно, можно утверждать, что среди выявленных якутских изобразительных глаголов преобладает заимствование основ с монгольским происхождением, а у алтайских глаголов – подавляющее большинство основ с тюркским происхождением.

Функциональные особенности изобразительных глаголов

1. Изобразительные глаголы в олонхо

Изобразительные слова, как отмечает А. М. Николаева, эксплицируют яркую образность, тем самым выполняют функцию средства художественного описания (Николаева, 2014: 105), и в этом плане изобразительные глаголы активно используются сказителями для изображения происходящего действия. При анализе выполняемых функций глаголов в тексте обнаружено:

1. Изобразительные глаголы в олонхо привлечены преимущественно для описания местности, природы и богатства жителей Среднего мира. Так, глаголы *халый* и *быакарый* употреблены для характеристики домашней утвари жителей Среднего мира в отрывке: *Бу дьон / Быакарийан кэлэр быһыччалаахтар, / Сүүрэн кэлэр сүгэлээхтэр, / Халыйан кэлэр хаптаһыннаахтар* (Хабаров, 2004: 207) ‘Эти люди имеют ножики утончающиеся, топоры прибегающиеся, доски приплывающиеся’ [здесь и далее перевод автора].

Глаголы *кылбаннаа* и *моторуй* содействованы для описания особенностей природы Среднего мира, а именно деревьев: *Кыыс дьахталлар / Кылбаннаа туралларын курдук, / Кыһыл иирэ талахтар / Үүнэн бартар* (там же: 208) ‘Как будто девушки-женщины стоят поблескивают, красные ивы начали расти’; *Саныйахтаах омук оҕолоро / Төттөрү-таары моторуһа / Сысса туралларын курдук, / Лобуой хара болбукталар / Үүнэн бартар* (там же: 208) ‘толстые черные орешники стали вырастать, как будто дети другого народа с дохами ходят и бегают туда-сюда, быстро перебирая ножками’.

2. Изобразительные глаголы употреблены большей частью для передачи состояния, характеристики внешнего вида и нрава богатыря айыы. Так, напр., глаголы *чихчай* и *махчай*

показывают, насколько богатырь айыы стал могучим и способным состязаться с равным ему по силе в примере: *Торбос-тыһаҕас / Сыатын сиэммин / Махчайа байдым, / Чохчойо тоттум* (Хабаров, 2004: 209) 'Съев сало теленка-бычка, разбогател до приседания на широко расставленных ногах, насытился до приседания на корточках'. Далее в отрывке: *Хайа дайды / Оһорсунун ороон сиэн / Араҕастыйа бөлөнүйэн / Буолар да эбиккин, оҕолоор!* (там же: 213) 'Траву какой страны собрав и скушав, располнел ты так до желтизны, оказывается', богатырь абаасы перед началом сражения как бы поражается внешностью богатыря айыы, но на самом деле насмехается над ним и поэтому данный отрывок следует понимать как: «Посмотрим, из какого теста ты сделан!». Стоит отметить, что глагол *бөлөнүй* выступает в переносном значении 'полнеть, поправляться (о человеке)' (ТСЯЯ, т. 2, 2005: 447).

В тексте олонхо есть эпизод, где богатырь айыы в гневе высказывает злобные слова: *Бу дайды / Торбонун торолутуом, / Бу дайды үөнүн үллэннэтиэм, / Бу дайды көйүүрүн көнчөннөтүөм* (Хабаров, 2004: 212) 'Изголодавшего этой страны откормлю, насекомых этой страны заставлю вздуться, мелкую живность этой страны заставлю сгибаться', использованные здесь глаголы *үллэннээ* и *көнчөннөө* служат для передачи психологического состояния богатыря айыы и его угрозы богатырю абаасы.

3. Изобразительные глаголы задействованы для описания внешнего вида и оценки действий богатыря абаасы. Глагол *субурус гын* встречается в описании мгновенного исчезновения богатыря абаасы, превратившись в зеленый свет, в отрывке: *Күөх уот буолан, / Халлаан туһарҕаатын (тус арҕаа) диэки / Субурус гынан хаалбыт* (там же: 216) 'Зеленым светом прямо на западную сторону неба мгновенно потянулся'. В примере: *Аһыс хос мэйшилээх / Өлүү куоҕаһа буолан күөрэйбит* (там же: 223) 'Всплыл вверх обернувшись гагарой смерти с восемью мозгами вместо одной' глагол *күөрэй* используется для изображения появления абаасы из огненного моря с целью успеть сказать свое последнее слово перед смертью. В этих двух примерах глаголы служат для передачи динамики происходящего через описание скорости действий и движений богатыря абаасы.

Наглядное представление о богатыре абаасы в моменте движения достигается с помощью глагола *кынчай* в отрывке: *Сур кырынаас буолан / Өрө кынчайан иһэн, / Убайар уот байҕалга / Төбөтүн оройунан барбыт* (там же: 223) 'Как серый горностай шел, смотря сверху вбок, в Огненное море прямо макушкой упал'. В следующем примере: *Үс чаас курдук / Уган ардьаһа турбут* (там же: 212) 'Падал в обморок в течение трех часов, скаля свои крупные и редкие зубы' с помощью глагола *ардьай* создается портрет абаасы, имеющего торчащие крупные зубы, таким образом, дается характеристика неприглядного внешнего вида персонажа.

Глагол *чамчай* используется в высказывании просьбы богатыря абаасы к духу Огненного моря: «*Өрөгөйүм үрдүө буоллар, / Саргым чамчайыа буоллар*» (там же: 221) 'Иль удача моя возрастет, иль благополучие мое снизится', иными словами «пусть случится то, что суждено». Данное высказывание выражает отчаяние богатыря абаасы, готового к худшему исходу происходящего.

В процессе исследования установлено, что изобразительные глаголы являются компонентом изобразительно-выразительных средств, в данном случае – сравнений. Глаголы *кылбаннаа* и *моторуй* являются компонентами сравнительной конструкции с показателем *курдук* 'словно, подобно, как, похожий', которая является самым распространенным и универсальным способом выражения сравнения в якутском языке в целом (Васильев, 1986: 62–63): *Кыыс дьахталлар / Кылбаннаа туралларын курдук, / Кыһыл иирэ талахтар / Үүнэн бартар* (Хабаров, 2004: 208) 'Как будто девушки-женщины стоят поблескивают, красные ивы начали расти'; *Санһыйахтаах омук оҕолоро / Төттөрү-таары моторуһа / Сысса туралларын курдук, / Лобуой хара болбукталар / Үүнэн бартар* (там же: 208) 'Как будто дети другого народа с дохами ходят и бегают

туда-сюда, быстро перебирая ножками, толстые черные орешники стали вырастать'. Глагол *кынчай* относится к сравнительной конструкции с показателем *буолан* 'как' в примере: *Сур кырынаас буолан / Өрө кынчайан иһэн, / Убайар уот байбалга / Төбөтүн оройунан барбыт* (там же: 223) 'Как серый горностай шел, смотря сверху вбок, в Огненное море прямо макушкой упал'. Участвуя в образовании сравнений, изобразительные глаголы способствуют зрительной передаче свойств предмета, состояния или поведения, тем самым придают речи наглядность.

Следует добавить, что кроме сравнений изобразительные глаголы широко используются в составе параллелизмов. Например, глаголы *махчай* и *чохчой*: *Торбос-тыһаҕас / Сыатын сиэммин / Махчайа байдым, / Чохчойо тоттум* (там же: 209) 'Съев сало теленка-бычка, разбогател до приседания на широко расставленных ногах, насытился до приседания на корточках'. А также глаголы *үллэннээ* и *көнчөннөө*: *Бу дайды / Торбонун торолутуом, / Бу дайды үөнүн үллэннэтиэм, / Бу дайды көйүүрүн көнчөннөтүөм* (там же: 212) 'Изголодавшего этой страны откормлю, насекомых этой страны заставлю вздуться, мелкую живность этой страны заставлю сгибаться'.

2. Изобразительные глаголы в алтайском эпосе

Как показало исследование, изобразительные глаголы используются в сюжетной линии алтайского эпоса в большей степени при описании персонажей. Глагол *шун эт* употребляется в примере: *Онон ары јерди көстөн, / Шонкор кептү шунуп ийди* 'Дальше, устремив свой взор в следующую землю, / Как сокол, стремглав полетел' (Улагашев, 2013: 56), в котором движения богатырского коня, уносящего небесную девушку на землю, уподобляются полету сокола.

Следующий глагол *бурмакта* привлекается для описания действия, подобного движению пыли, когда хан ударяет двух женщин плеткой, то есть изображается исчезновение женщин во мгновение ока: *Тоозындый озор бурлай берди, / Тумандый кайыла бергиледи* '[Они], как пыль, развеялись, / Как туман, рассеялись' (там же: 52). Здесь глагол *бурмакта* показывает быстроту движения, а также содержит оценку силы удара хана.

Возвращение хана Алтай Буучая с охоты в родной дом и характеристика езды коня Камчы-Дерена (к Матери-Земле) даются через описание природы. Все объекты представляются живыми, их движения и действия отождествляются с человеческими, напр., *Кайа-таштар кожондоп јадат, / Кара агаштар бүктелип јадат, / Алтай үсти селендеп, турат, / Агын суулар чайбалыжат* 'Скалы-камни запели, / Множество деревьев пригнулись, / Поверхность Алтая содрогалась, / Текущие реки расплескались' (там же: 32); *Јердин үсти селес этти, / Агаши баштары бүктели берди, / Јаан суулар чайбала берди* 'Поверхность земли содрогнулась, / Верхушки деревьев пригнулись, / Большие реки расплескались' (там же: 20). В упомянутых примерах глагол *чайбал* отражает движение рек, глагол *бүкте* показывает движение деревьев, а глагол *селбекте* передает состояние земли при появлении хана.

Для яркой передачи внешности старика используется изобразительный глагол *бөкөй* в примере: *Чоргодый бойы бөкөйгөн, / Шалтай-Белтей деп атту өбөгөн / Алтай-Буучайга мұргұди* 'Как дугообразная трубка сгорбившийся, / Старик по имени Шалтай-Белтей / Алтай-Буучаю поклонился' (там же: 50), а при описании лисицы применен глагол *түрүл*: *Јеерен кызыл түлкү айтты, / Түрүлеле, уйуктай берди* 'Рыже-красная лисица сказала, / Свернувшись [клубком], уснула' (там же: 36).

Глаголы *јайкан* и *барбай* использованы для изображения появления чудовища из его дворца и ясно показывают его отталкивающую внешность: *Тогус башту јелбеген / Јер кара өргөдзинен / Тогус баштары јайканыжып, / Тогус сагалы барбайыжып, / Чыгып келбей канайтты* 'Девятиглавый Джелбеген / Из земляного черного дворца / Девятью головами раскачивая, / Девятью щетинистыми бородами шевеля, / Тут и вышел' (там же: 38).

Вероломные жена и дочь Алтай-Бучая, встречая его противников-ханов, всю наряжаются, прихорашиваются, и в описании этой картины участвует глагол *мызылда*: *Торко тондоры мызылдап, / Алтын чачактары јайылып, / Эки каанның адын алдылар, / Ак өргөёзине колтуктап кийдирдилер* ‘Шелковыми шубами сверкая, / Золотыми кисточками [шапок своих] играя, / У двух ханов коней приняли. / В белый дворец, под руки взяв, провели’ (там же: 20).

Как и в якутском олонхо, изобразительные глаголы в эпосе «Алтай Буучай» встречаются в качестве компонентов сравнения. Как пишет Л. Ц. Санжеева, сравнение как один из общепринятых приемов художественного описания эпических текстов подчеркивает отчетливость, изобразительность предметов и явлений, к тому же, прибавляя ясность и живость изложения, повышает эмоциональную выразительность (Санжеева, 2017: 13). Согласно классификации Л. Н. Тыбыковой (Тыбыкова, 1988: 111–127), сравнения с изобразительными глаголами в алтайском языке относятся к сравнительным конструкциям со словом *кептү* ‘словно, подобно’: *Оноң ары јерди көстөп, / Шонкор кептү шунуп ийди* ‘Дальше, устремив свой взор в следующую землю, Как сокол, стремглав полетел’ (Улагашев, 2013: 56) и к сравнительным конструкциям с аффиксом *-дый/-дий*: *Тоозындый оло бурлай берди, / Тумандый кайыла бергиледи* ‘[Они], как пыль, развеялись, / Как туман, рассеялись’ (там же: 52); *Чоргодый бойы бөкөйгөн, / Шалтай-Белтей деп атту өбөгөн / Алтай-Буучайга мүргүди* ‘Как дугообразная трубка сгорбившийся, / Старик по имени Шалтай-Белтей / Алтай-Буучаю поклонился’ (там же: 50).

Выявлено, что изобразительные глаголы в алтайском эпическом тексте являются незаменимым компонентом параллелизма и служат для выражения эмоционально-оценочной характеристики движения. Напр., *Кайа-таштар кожондоп јадат, / Кара агаштар бүктелип јадат, / Алтай үсти селендеп, турат, / Агын суулар чайбалыжат* ‘Скалы-камни запели, / Множество деревьев пригнулись, / Поверхность Алтая содрогалась, / Текущие реки расплескались’ (там же: 32); *Јердин үсти селес этти, / Агаи баштары бүктели берди, / Јаан суулар чайбала берди* ‘Поверхность земли содрогнулась, / Верхушки деревьев пригнулись, / Большие реки расплескались’ (там же: 20).

Заключение

В результате проделанного структурно-семантического анализа изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах малого размера можно заключить, что данные глаголы относятся к глаголам движения в широком смысле, глаголам, характеризующим походку, движение тела, частей тела, глаголам, характеризующим мимику, лицо человека, и глаголам, характеризующим световое восприятие. В якутском языке из 17 глаголов 12 основ соответствуют монгольским основам (70,59%); 5 основ – к тюркским (29,41%). В алтайском языке из 10 глаголов 6 основ имеют параллели с тюркскими основами (60%); 4 основы – с монгольскими (40%). В якутском олонхо функция изобразительных глаголов как части эмотивной лексики, раскрывающей экспрессивное и эмоционально-оценочное отношение сказителя к персонажам и событиям, заключается в описании местности, природы и богатства жителей Среднего мира, также в характеристике внешности положительных и отрицательных персонажей, раскрытии их психологического и эмоционального состояния и внешнего вида, передаче оценки происходящего. В алтайском эпосе изобразительные глаголы в большей степени служат для описания персонажей. Следует заметить, что, может, это и есть подтверждение предположения Е. И. Убрятовой о том, что, действительно, частое употребление изобразительных глаголов на протяжении всей сюжетной линии в олонхо обуславливается развитым образным мышлением якутского сказителя. Кроме того, нужно добавить, что изобразительные глаголы в якутском и алтайском эпосах служат составными частями таких распространенных приемов художественного описания, как сравнение и параллелизм. Как показывает данное исследование, употребление

таких языковых единиц, как изобразительные глаголы, придающих речи сказителя красочность и многообразие, может иметь общие особенности и характерные черты, несмотря на то, что каждый отдельный сказитель эпоса имеет свою манеру исполнения, обладает разной степенью мастерства и определенным лексическим запасом родного языка. На наш взгляд, для выявления более конкретных общих и отличительных функциональных особенностей изобразительных глаголов необходимо провести исследование с эпическими текстами больших объемов.

Источники:

Улагашев Н. У. Алтай Буучай // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Т. XV. Горно-Алтайск, 2013. 272 с. (на алтайском и русском языках).

Хабаров П. Үс халлаан күүһэ күүстээх Көбүө Дьабыл бубатыыр (Юс халлаан кююсэ кююстээх Кёбюё Джагыл бугатыыр // Муома олонхолоро. Якутск: Бичик, 2004. 240 с. (на якутском языке).

Литература:

Аргунова К. В., Сорова И. Н. Фоноструктурная и интонационная реализация глаголов зрительного образа в якутском и киргизском языках // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. С. 43–68.

Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

Балакина О. Н., Дедеева В. С. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск: Лепта, 2015. 168 с.

Борисов Ю. П. Основные черты параллелизма в якутском олонхо и в алтайском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–2 (29). С. 44–50.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: в 15 т. ред. Слепцов П. А. Новосибирск: Наука, 2007–2015.

Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 109 с.

Гоголева М. Т. К проблеме генетической связи якутского олонхо и малых алтайских сказаний // Филология и человек. 2015. № 3. С. 78–87.

Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.

Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.

Ефремов Н. Н. Эпические формулы в олонхо (в сопоставлении с алтайским героическим эпосом «Маадай-Кара») // Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения: сб. тезисов. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2015. С. 14.

Ефремов Н. Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения, в якутском языке (структурно-семантический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 112–118.

Жиркова Е. Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка). Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 118–124.

Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 2. Л–Я. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии, 1985. 480 с.

Львова С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и Кай Чёрчөк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Эпосоведение. 2019. № 3 (15). С. 126–139.

Монастырев В. Д., Ефремов Н. Н. Лексические средства выражения категории образности в якутском и монгольском языках (на материале образных глаголов визуального действия, характеризующих движение) // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. С. 163–175.

Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 128 с.

Ойротско-русский словарь. Баскаков Н. А. (ред.). Москва, 1947. 312 с.

Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия. URL: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_462.pdf (дата обращения 02.04.2020).

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Москва: Наука, 1980. 115 с.

Санжеева Л. Ц. Речевые средства эпической образности в бурятских улигерах о Гэсэре // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Эпосоведение. 2017. Т. 2. № 6. С. 5–16.

Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах тылдьыта. Ред. П. С. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2004–2006.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск. 1988. С. 111–127.

Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к тюркским, монгольским, а также тунгусо-маньчжурским языкам. Москва, 1960. 34 с.

Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947. 320 с.

Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. Москва; Ленинград, 1954. 312 с.

Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. Москва; Ленинград, 1960. 179 с.

Шамаева А. Е., Прокопьева С. М. Образные глаголы якутского языка, характеризующие части тела человека в сопоставлении с монгольским языком // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. С. 147–163.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шеввернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Москва: ИВ РАН, 2015–2018.

Севертян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». Москва: Наука, 1989. 291 с.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p.

Герасимова Лилия Николаевна.

Научный сотрудник сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, г. Якутск, 677000.

E-mail: gelinica@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 марта 2021 г.

L. N. Gerasimova

FEATURES OF THE IMAGE-FORMING VERBS USING IN THE YAKUT AND ALTAI EPICS²

The image-forming verbs represent a special lexico-semantic group of verbs, in the meaning of which the main function is performed by sensorial perception and action, and in many cases, the visual image appears. The article provides a study of image-forming verbs of the Yakut and Altai languages, which perform the function of epic expressive means and are often applicable in the speech of the narrator. The purpose of this study is the identification of the structural and semantic specifics of image-forming verbs of the Yakut and Altai languages, and establishment of the functional features of this verbs group in the epic text. Materials of research: Yakut olonkho “Bogatyr Köbyue Dzhagyl” of P. Khabarov and Altai epic “Altai Buuchay” of N. Ulagashev. The systematization of verbs was done based on the work of L. N. Kharitonov. Methods: continuous sampling method for collecting verbs from epic texts; component analysis, which considers the meaning of the word as consisting of elementary meanings (signs, components, seme); the method of contextual (distribution) analysis, which allows to identify various meanings and nuances of the meanings of the studied verbs by their function inside the text. Result: 17 verbs have been identified from the Yakut olonkho and 10 verbs – from the Altai epic; verbs are divided into groups: verbs of movement in a broad sense; verbs characterizing gait, body movement, body parts; verbs characterizing facial expressions, a person’s face; verbs characterizing light perception. Among the identified Yakut image-forming verbs borrowing of stems with Mongolian origin predominates, and for Altai verbs – the overwhelming majority of stems with Turkic origin. The function of image-forming verbs in olonkho is presented in the description of the terrain, wealth of the inhabitants and nature of the Middle World, also for characterizing positive and negative characters, revealing their well-being and appearance, and evaluating actions. In the Altai epic image-forming verbs are more involved in the description of characters. In addition, the analysis of these verbs shows that image-forming verbs in the Yakut and Altai epics serve as components of the widespread methods of imaginative description as comparison and parallelism. According to the author, the using of linguistic units as image-forming verbs can have common features and characteristics, despite the style of performance, skill and lexical resources of the narrator. To identify more specific general and distinctive functional features of image-forming verbs, it is necessary to conduct research with epic texts of large volumes.

² The study was carried out as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Keywords: *epic language, verb, image-forming verbs, olonkho, Altai epic, functionality, comparative study, narrative, vocabulary of the narrator.*

Sources:

Ulagashev N. U. Altay Buuchay // Altay baatylar (Altayskie bogatyri) [Altai Buuchai. In: Altai Baatylar (Altai Bogatyr)] T. XV. Gorno-Altaysk, 2013. 272 p. (In Altaic and Russian)
Khabarov P. Ys khallaan күүһе күүстеех Көбүө D'аһыл буҕатыр (Kebyue Dzhagyl bugatyyr // Muoma olonkholoro [Kebyue Dzhagyl Bogatyr. In: Olonkhos of Muoma] Yakutsk: Bichik, 2004. 240 p. (Sakha booturdara: 21 t.; 4-y t.) (In Yakut)

References:

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Altaic and Russian)
Argunova K. V., Sorova I. N. Fonostruktura i intonatsionnaya realizatsiya glagolov zritel'nogo obraza v iakutskom i kirgizskom iazykakh. In: Kategoriya obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniya iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaya monografiya [Phono-structural and intonational actualization of visual impression verbs in the Yakut and Kyrgyz languages. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 43–68. (In Russ.)
Balakina O. N., Dedeeva V. S. Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk: Lepta, 2015. 168 p. (In Altaic and Russian)
Borisov Iu. P. Basic features of parallelism in Yakut olonkho and Altai epic. Issues of Theory and Practice Philological Sciences 2013. № 11–2 (29). Pp. 44–50. (In Russ.)
Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaarylaakh ulakhan tyld'yt'a [Large defining vocabulary of Yakut language]: v 15 t. red. Sleptsov P. A. Novosibirsk: Nauka, 2007 – 2015. (In Yakut and Russian)
Drevneturkyskiy slovar' [Ancient Turkic vocabulary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)
Gogoleva M. T. K probleme geneticheskoi svyazi iakutskogo olonkho i malykh altaiskikh skazanii // Filologiya i chelovek [On the genetic contacts between Olonkho and Tuvan Heroic Legends. Philology and Human] 2015. № 3. Pp. 78–87. (In Russ.)
Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of modern Altai language. Morphology] Gorno-Altaysk, 2017. 576 p. (In Russ.)
Efremov N. N. Epicheskie formuly v olonkho (v sopostavlenii s altaiskim geroicheskim eposom "Maadai-Kara"). In: Eposy narodov mira: problemy i perspektivy sravnitel'nogo izucheniya: sbornik tezisov [Epic formulas in olonkho (in matching with the Altai heroic epic "Maadai-Kara") // Epics of the world nations: problems and horizons of comparative study: collection of theses]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2015, P. 14. (In Russ.)
Efremov N. N. Image-forming verbs forming the spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). Pp. 112–118. (In Russ.)
Kharitonov L. N. Sovremennyy iakutskiy iazyk. Fonetika i morfologiya [Modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947. 320 p. (In Russ.)
Kharitonov L. N. Tipy glagol'noi osnovy v iakutskom iazyke [The types of verb stem in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1954. 312 p. (In Russ.)
Kharitonov L. N. Formy glagol'nogo vida v iakutskom iazyke [Forms of verbal aspects in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1960. 179 p. (In Russ.)
Kyrgyz-Russian vocabulary: in 2 books. Book 2. L – Ya. Frunze: Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sovetskoy Entsiklopedii, 1985. 480 p. (In Kyrg. and Russ.)
L'vova S. D. Sravneniya v iakutskom i altaiskom eposakh (na materiale olonkho "Moguchii Er Sogotokh" i Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Comparisons in Yakut and Altai epics (on the material of the olonkho "Mighty Er Sogotokh" and Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"]. 2019. № 3 (15). Pp. 126–139. (In Russ.)
Monastirev V. D., Efremov N. N. Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii obraznosti v iakutskom i mongol'skom iazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo deistviya, kharakterizuyushchikh dvizhenie). In: Kategoriya obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniya iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaya monografiya [Lexical means of expressing the category of figurativeness in the Yakut and Mongolian languages (based on the material of image-forming verbs of visual action characterizing motion) In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. Pp. 163–175. (In Russ.)

Nikolaeva A. M. Sredstva vyrazheniia ekspressivnosti v iakutskom iazyke [Methods of expressing expressivity in Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2014. 128 p. (In Russ.)

Pukhov I. V. Geroicheskiy epos tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichii [Heroic epic of Turk-Mongolian peoples of Siberia] [Elektronic source] Rezhim dostupa: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_462.pdf (In Russ.)

Rassadin V. I. Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh iazykakh [Mongolian-Buryats borrowings in Siberian Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russ.)

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p. (In Germ.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological vocabulary of Mongolian languages]: in 3 volumes. Moscow: IV RAN, 2015–2018. (In Mong. and Russ.)

Sanzheeva L. Ts. Rechevye sredstva epicheskoi obraznosti v buriatskikh uligerakh o Gesere. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Means of epic expressiveness in the Buryat uligers about Geser. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"] 2017. T. 2. (6). Pp. 5–16. (In Russ.)

Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Ж", "Zh", "Y" [Etymological vocabulary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems on the letters "Ж", "Zh", "Y"]. Moscow: Nauka, 1989. 291 p. (In Turk. and Russ.)

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Defining vocabulary of the Yakut language]. Ed. Sleptsov P. A. Novosibirsk: Nauka, 2004–2006. (In Yakut and Russian)

Tybykova L. N. Sposoby vyrazheniia sravneniia v altaiskom iazyke // Voprosy altaiskogo iazykoznanii [Methods of expressing comparison in Altai language. In: Issues of Altai linguistics]. Gorno-Altai. 1988. Pp. 111–127. (In Russ.)

Ubriatova E. I. Iakutskii iazyk v ego otnoshenii k tiurkskim, mongol'skim, a takzhe tunguso-man'chzhurskim iazykam [Yakut language and its relation to the Turkic, Mongolian, and also to the Tungus-Manchurian languages]. Moscow, 1960. 34 p. (In Russ.)

Shamaeva A. E., Prokop'eva S. M. Obraznye glagoly iakutskogo iazyka, kharakterizuiushchie chasti tela cheloveka v sopostavlenii s mongol'skim iazykom. In: Kategoriia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [The image-forming verbs of the Yakut language, characterizing parts of the human body in comparison with the Mongolian language. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. Pp. 147–163. (In Russ.)

Vasil'ev Iu. I. Sposoby vyrazheniia sravneniia v iakutskom iazyke [Methods of expressing comparison in Yakut language] Novosibirsk: Nauka, 1986. 109 p. (In Russ.)

Zhirkova E. E. Features of Figurative Verbs Expressing the Human Gait in the Yakut Language (using materials of the Japanese language). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). Pp. 118–124. (In Russ.)

Gerasimova Liliya Nikolaevna.

Researcher of sector "Linguofolkloristics" of Olonkho Research Institute.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

58 Belinsky st., Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: gelinica@yandex.ru

E. A. Zabelina

DISTRIBUTION OF COMPLEMENTIZERS IN THE URMI VARIETIES OF URMIYA¹

The aim of the paper is to analyze the complementizer distribution in Urmi, a North Eastern Neo-Aramaic variety, as spoken nowadays in the village of Urmiya, Krasnodar Krai (Russia). The families of Urmi speakers mostly come from Iran, Armenia and Georgia, so the system of complement-marking in their varieties is compared to the patterns of the respective regional Urmi varieties, reported in the literature. The Urmi varieties in Urmiya display a variation in complementizer marking that is not directly accounted for by the initial dialectal division. Urmiya varieties also display some innovations. For instance, semantic contrasts in complements of perception verbs can be expressed by interrogative manner words: this pattern, even though typologically expectable, has so far been unattested in Urmi. The distribution of complementizers in the subjunctive has a functional basis, at least in elicited data: different-subject constructions tend to be more frequently introduced by a complementizer than same-subject constructions. I show that several of the innovations can be accounted for, or at least favoured by contact influence. The contact influence of Russian on complementation manifests as instances of both matter- and pattern-borrowing, but does not go deeper than complementizer marking and, probably, word order permutations. Thus, the distribution of complementizers in the Urmi of Urmiya is different from the distributions reported in the literature for Urmi of other regions, which reflects the fact that complement-marking is more prone to contact influence and innovations than deeper layers of syntax and morphology.

Keywords: *complementation, complementizer, language contact, functional typology, pattern-borrowing, grammaticalization, North Eastern Neo-Aramaic, Urmi.*

Introduction

The paper aims at analyzing the distribution of complementizers in Urmi, a North Eastern Neo-Aramaic language. To that end, I examine the distribution of complementizers across semantic contexts in typological perspective and assess the influence of Russian on the complementation in Urmiya.

North Eastern Neo-Aramaic (NENA) is a group of fairly diverse dialects/languages that belong to the Semitic language family. Speakers of NENA identify themselves as Assyrians² (*suráyə/+aturáyə*). Formerly, Assyrians lived on the territories of the present Iran, Iraq and Turkey. Following the tragic upheavals of the last century³, they moved to other regions, forming diaspora communities all over the world, including Russia. There is only one settlement in Russia where Assyrians constitute a majority of the population, viz. the village of Urmiya in the Krasnodar Krai.

In the village of Urmiya, there coexist several NENA varieties. Urmi (*urməžnáya*) is the most prominent and prestigious variety. It is represented by several groups, based on the waves of migration to the village. However, they do not always seem to cluster along the regional lines. Currently, all the NENA varieties in the village are under the profound influence of Russian, which is used for communication with the speakers of other dialects and languages.

Sentential complementation is a linguistic phenomenon whereby a predication functions as a complement of another predicate (Noonan, 2007: 52), such as in the English sentence below.

(1) John thought_{CTP} [that_{COMP} Mary was right].

Formal distinctions in complementation correlate with distribution over semantic contexts (Givón, 1980, 2001; Cristofaro, 2003). Complementation and complementizers, markers identifying a complement clause as such, have long been object of linguistic research (Givón, 1980; Noonan, 2007; Dixon & Aikhenvald, 2006; Schmidtke-Bode, 2014; Boye & Kehayov (eds.), 2016, among other). Yet, coexistence of several complementizers in a language and their distribution across complement types and contexts remains an intriguing topic for exploration.

¹ This study was supported by RFBR, grant No. 20-012-00312 "Documentation of Northeastern Neo-Aramaic spoken in Russia".

² A term which is used to cover all Aramaic-speaking Christians or the Nestorian Christians only (Coghill, 1999: 5).

³ For details on the history of the Assyrian people, see (Khan, 2016a: 1–7).

The paper is organized as follows. In Section 1, I analyze the complementation marking in the regional varieties of Urmi on the basis of the published data. In Section 2, I discuss the distribution of complementizers observed in the field work data on Urmi of Urmiya, against the background of the previously documented varieties. Section 3 is dedicated to the putative emergence of a new specialized complementizer in the varieties of Urmiya.

1. Distribution of complementizers in UI, UA and UG

The regional varieties of Urmi, documented in (Khan, 2016a-d), will be referred to as UA (Urmi of Armenia), UG (Urmi of Georgia), and UI (Urmi of Iran).

The system of sentential complementation was deduced from the corpus of texts and the description of the Urmi syntax (Khan, 2016b; Khan, 2016d). I sampled ~10 000 symbols from the texts in each variety, viz. UI, UA and UG, manually extracted sentences with sentential complements⁴ and annotated them for predicate morphology, its ontological type, and complementizer use. The resulting sample contains 502 instances of complementation.

1.1. General features

The least reduced *indicative*⁵ complement type is used with predicates of utterance and cognition: here, the connection between the two situations is the loosest (Givón, 2001: 41). In Urmi, it also partly covers perception complementation. The *subjunctive* type is used for irrealis complements⁶ of modal, desiderative, speech causation predicates.

Complement constructions for the majority⁷ of types can be either asyndetic or introduced by a complementizer: *kat* for the UI and UA, *yan(ət)* for the UG. The distribution of complementizers across semantic contexts is summarized in Table 1.

Table 1

Basic complementizer frequency across contexts in the UI, UG and UA

Semantic type	UI			UG			UA			Total, %
	N	Σ	%	N	Σ	%	N	Σ	%	
utterance ⁸	16	91	18	0	28	0	0	17	0	12
indirect polar question	0	5	0	0	2	NA	0	2	NA	0
propositional attitude	1	6	17	0	0	NA	0	0	NA	17
knowledge	5	9	56	0	1	NA	3	4	75	57
perception	1	11	9	2	10	20	1	7	14	14
speech causation	2	9	22	1	2	NA	1	1	NA	33
desiderative SS ⁹	0	14	0	1	2	NA	0	8	0	4
desiderative DS	0	0	NA	0	1	NA	0	0	NA	NA
Modality	0	37	0	0	16	0	0	11	0	0
Total	25	182	14	4	62	6	5	53	11	11

⁴ Identification of complements was based on the semantics of the matrix predicate attributable to one of the defined types (Noonan, 2007) and the presence of a verbal clause, functioning as a complement, within the same sentence.

⁵ I adopt the terminology from (Noonan, 2007). *Indicative* stands for the type that most closely resembles declarative main clauses, and *subjunctive* is a cover term for non-reduced, non-declarative moods. *Reduced* complement type only allows for limited expression of participants and grammatical categories.

⁶ In main clauses, the subjunctive verb form expresses deontic modality (Khan, 2016b: 113).

⁷ Urmi also has a *reduced* complement type: it occurs with phasal predicates (Khan, 2016b: 192). This type is never introduced by a complementizer, so it is not discussed further.

⁸ The main utterance verb in Urmi, viz. *amər* I 'say' displays grammaticalization tendencies. For that reason, only full-fledged finite forms of *amər*, as well as other utterance verbs were taken into account.

⁹ Here and elsewhere in the paper, SS stands for same subject, DS for different subject.

Generally, 15 % of the *indicative*-type complements have a complementizer.

Predicates of knowledge, which are often considered semi-factive (Noonan, 2007: 129; Karttunen, 1971), take a complement with a complementizer more often than any other type. Commentative predicates are virtually missing in the data, but the only found example is marked with a complementizer. Thus, for “strong” factive and semi-factive predicates, around 60 % examples were found to be syndetic¹⁰.

Utterance and propositional attitude¹¹ predicates, on the contrary, mostly take asyndetic complements.

The complements of perception verbs, at least in the UI and UG¹², are formally heterogeneous. They are mainly asyndetic, but sometimes a complement involves additional morphological features: an optional presentative¹³ marker *ina*, copula omission or deictic copula. Deictic copulas designate “that a particular resultant state comes into the perception of the referent in question for the first time” (Khan, 2016b: 180), which entails the *state-of-affairs* immediate perception reading¹⁴:

- (2) *xzɪ́-l* *xa-* *nára* *+rába* *+jùra*
 see.PST-LS.3M one river(M) very big.M
'ina *nášə* *dúna* *bədváqa* *nùynə*.
 but person(M).PL NEAR.3PL seize.PROG fish(F).PL
 ‘He saw a very large river and people catching fish.’ (A 9:2)

On the contrary, only indirect perception instances with no additional morphology were found to be occasionally marked with a complementizer. It is impossible to sort out immediate perception automatically, but if we exclude instances with special morphology, the ratio of complementizer-marked examples goes up to 19 %.

Idiosyncratically, indirect polar question is the single indicative type that is always asyndetic (Khan, 2016b: 478):

- (3) *xázz-ən* *b-ḳabl-ìtun-li*.
 see.PRS-SS.1M FUT-accept.PRS-SS.2PL-LS.1SG
 ‘<I have come to speak with you> to see whether you will accept me.’ (A 36:5)

In the *subjunctive* type, only 5 % complements are syndetic. Several examples of speech causation complements are marked with *kat*.

- (4) *'ána* *muyy-é-li* *bèta*| *mər-ri* *ḳa*
 I bring.PST-SS(O).3PL-LS.1SG home say.PST-LS.1SG to
d-á *ḳat-* *ḳúdmə* *bašl-àt-lun*.
 OBL-DEM1.SG COMP tomorrow cook.PRS-SS.2F-LS.3PL
 ‘I brought them home and said to her to cook them tomorrow’ (A36:15).

¹⁰ Factive complements are known to be often syndetic, but “no researcher has found an effect based on factivity alone” (Staum, 2005: 8).

¹¹ “Predicates expressing positive propositional attitude are the most likely predicates to be used parenthetically” (Noonan, 2007: 125).

¹² No such morphological features were attested in the UA sample.

¹³ Here, *ina* is annotated as ‘but’: one of its main functions is to introduce unexpected information (Khan, 2016b: 427).

¹⁴ Immediate perception involves sentential state-of-affairs as a complement, while indirect perception complement designates a proposition (Lehmann, 2019). It is cross-linguistically common for the distinction of immediate and indirect perception to be formalized (Dik & Hengeveld, 1991).

Otherwise, the use of a subjunctive type does not seem to be automatically triggered by the matrix verb. For instance, *xašəv* I ‘consider’ normally takes an indicative complement, but in the example below (5) it takes a subjunctive one¹⁵.

- (5) *’ána* *bəxšáv=ən* *brát-an* *yavv-áx-la*
 I consider.PROG=1SG girl(F)-P.1PL give.PRS-SS.1PL-LS.3F
 kə- *d- áha.*
 to OBL-DEM1.SG
 ‘I think we shall give our daughter to him’ (A35(S): 5).

Desiderative verbs are mostly asyndetic in the sample: 96% instances are coreferential, and they cross-linguistically tend to be reduced¹⁶. However, the only complement-marked instance in the data is same-subject: due to their scarcity of the data, it is not clear whether it is a specifically UG-feature.

Modal verbs do not normally take complements headed by a complementizer.

To sum up, both the least and the most semantically bound types naturally tend to be asyndetic: neither parenthetical constructions of propositional attitude, nor constructions with modal verbs represent a full-fledged polypredication that would require a complementizer. Complementizers are concentrated in the middle of the binding hierarchy, namely around the knowledge predicates. Indirect perception complements can be treated along with them, as they are semantically and formally close, contrasting to the immediate perception complements at least in the UI and UG. *Subjunctive* complements are generally less often complement-marked than *indicative* complements, the only type that is syndetic with a certain regularity is speech causation.

1.2. Dialectal variation

Utterance complements are often *kat*-marked (18%) in the UI, and always asyndetic in the UG and UA¹⁷. For non-basic utterance predicates, the share of *kat*-marked complements is even higher, 50%¹⁸. Owing to that, the total share of syndetic complements is higher in the UI than in the other two varieties, especially UG.

In the UG, several minor features are also outstanding. First, *kat* is not used as a complementizer, particles *yanət* (*yan*) and *t-i*¹⁹ are reported to partly cover this function (Khan, 2016b: 485).

Second, within the *subjunctive* type, the complementizer *yan(ət)* occurs in desiderative complements that are asyndetic in the other varieties.

- (6) *+xárta* *R’užé R* *+bayy-í=va*
 then already want.PRS-SS.3PL=RETR
 yán *kəm-í=va* *’az-í=va.*
 COMP rise.PRS-SS.3PL=RETR go.PRS-SS.3PL=RETR
 ‘Then they already wanted to get up and go.’ (A51:7)

¹⁵ Cf. similar patterns for the cognate verb *xošəv* in Hebrew (Noonan, 2007: 135).

¹⁶ Cf. partly overlapping focused study of desiderative constructions on the same corpus (Khan, 2016d) that also shows that same-subject desiderative constructions tend to have less heavy marking: out of 190 desiderative constructions, 89% are same-subject and asyndetic, while within the rest 11% of different-subject constructions one complement is introduced by the complementizer *kat* (Zabelina, 2017).

¹⁷ An additional search throughout all the texts in the Urmi of Armenia revealed only one contentious example with the verb *čarčəṛ* ‘make a buzz’ in the sense of ‘shout’.

¹⁸ High frequency matrix verbs discourage the presence of an overt complementizer (Staum, 2005: 12).

¹⁹ The particle *t-i* is used for factive complements (Khan, 2016b: 491). It is attested in the sampled data once, and even that example might be treated as relativization, so it is not counted as a basic complementizer here.

Third, a polar question complement is once attested with a conjunction *ən* ‘if’.

- (7) R í R +*xárta* *jašúk-u=va* *kámxa* *p̂-ìd-u*
 and then look.PROG-P.3M=3.RETR flour(M) with-hand(F)-P.3M
 ‘ən- *jīs* *kámxa* *bitáy=əva*.
 if- good flour(M) come.PROG=3.RETR
 ‘Then he checked the flour with his hand (to see) whether the flour was flowing well’. (B17:8)

In sum, the main dialectal difference is the overt complementizer marking of utterance complements that is only found in the UI. The range of semantic types that allow a complementizer is also slightly differing: in the UG, indirect polar questions and desiderative complements can at least occasionally contain complementizers. Moreover, the UG system features a formally different complementizer: probably it accounts for the subtle difference in the distribution over contexts.

2. Urmiya varieties

2.1. General features

Assyrians in the Russian village of Urmiya identify themselves with different ethnic subgroupings and speak in different varieties. Urmi is represented by two groups, conventionally differentiated here as “Old Urmi” and “New Urmi”. “Old Urmi” speakers’ ancestors came from Iran, they migrated to Urmiya around the year of its foundation (1924). There are only few senior speakers in this group living in the village now. “New Urmi” speakers migrated to Urmiya since 1990s from Georgia and Armenia. Since families of Urmi speakers in Urmiya came from Iran, Armenia and Georgia, their varieties can be compared with the three varieties examined above: the UI (“Old Urmi”), UG (“New Urmi” of Georgia), and UA (“New Urmi” of Armenia). I analyzed elicited data and checked them against the background of texts collected from “New Urmi” and “Old Urmi” speakers²⁰. These texts were recorded in Urmiya in 2019 and 2021.

The morphosyntactic distinction of types (*indicative* vs. *subjunctive* vs. *reduced*) in all the Urmi varieties in Urmiya is retained. However, complementizer distribution does not coincide with any of the subsystems discussed above.

2.2. Complementizers

For the majority of the speakers and varieties, the basic complementizer is *kat*, as in the UI and UA. In several idiolects, this complementizer can surface as either *kati* or *ki*. These variants are in free variation with *kat* for all speakers who use them, so they will not be discussed further.

Another general complementizer attested only in the corpus for the Old Urmi, is *što*, borrowed from the Russian subordinator *što*. Neither *yan* nor *t-i* reported for the UG in (Khan, 2016b) are attested in our data.

Some varieties also feature specialized, semantically marked complementizers for specific contexts (see 3, for Urmi).

2.3. Distribution over contexts

The distribution based on the elicited data is absolutely uniform.

²⁰ The corpus of recorded narratives contains 22417 tokens at the moment of access. It is yet under construction, but later will be made available for the public use. The corpus has been created by the team of linguists studying the NENA of Urmiya, the creation has been guided by Maria Ovsjannikova.

Table 2

**Distribution of complementizers in the Urmi varieties of Urmiya
based on elicited data**

	Old Urmi	“New Urmi” of Armenia	“New Urmi” of Georgia
utterance	<i>kat</i>	<i>kat</i>	<i>kat</i>
indirect polar question	asyndetic, WO	asyndetic, WO	asyndetic, WO
propositional attitude	<i>kat</i>	<i>kat</i>	<i>kat</i>
knowledge	<i>kat</i>	<i>kat</i>	<i>kat</i>
perception	<i>kat</i>	<i>kat</i>	<i>kat</i>
desiderative SS	<i>kat</i>	<i>kat</i>	<i>kat</i>
desiderative DS	asyndetic	asyndetic	asyndetic
speech causation	<i>kat</i>	<i>kat</i>	<i>kat</i>

However, texts recorded from the same speakers reveal some differences. In the sentential complements of propositional attitude, knowledge and certain commentative predicates, the complementizer *kat* is consistently overt in the elicited data (arguably, due to the priming effect of the stimulus in Russian). However, in the corpus, at least the complements of knowledge verbs lack a complementizer as often as feature an overt complementizer (this is true for both New Urmi of Armenia and New Urmi of Georgia)²¹.

The complements of utterance verbs are less frequently introduced by *kat* even in the elicited data. Corpus data display major discrepancies. For Old Urmi, none of the 34 examples of reported speech in the corpus contained a complementizer, even though nearly all the elicited examples from the same speakers were introduced by *kat*. For the New Urmi of Armenia, 12% of the utterance complements in the corpus are syndetic. For the New Urmi of Georgia, 9% complements of this type are introduced with a complementizer *kat/ki*. Thus, in the varieties of Armenia and Georgia utterance complements are even more often complementizer-marked than in the Old Urmi, unlike the distribution attested in (Khan, 2016d).

One common feature for all the varieties in Urmiya is that indirect polar questions are never introduced by a complementizer, but instead often display a change in word order, so that the finite verb precedes the subject:

- (8) *áni +bukər-run cáms-a á báxta*
 they ask.PST-3PL can.PRS-SS.3F DEM1.SG woman(f)
bášl-a +xálta
 cook.PRS-SS.3F food(F)
 ‘They asked whether this woman can cook’ (AGG fieldwork data).

This phenomenon might reflect the influence of Russian, where such predicate-fronting is common in polar questions. However, the Russian complementizer *li* that also occurs in these contexts has not been attested in Urmi, probably because of its non-peripheral (post-predicate) position in the clause.

In elicited data, perception complements make up a specific system, which is common for practically all the varieties. Interrogative manner words *dax(i)* or *muğğurra*, both meaning ‘how’, are consistently used to report of immediate perception (see Section 3). Indirect perception complements feature the basic complementizer *kat*.

Thus, the *indicative* type is organized similarly to the distribution presented in Section 1: complements are most regularly marked with a complementizer for verbs of knowledge, while reported speech and propositional attitude complements are normally asyndetic. However, perception

²¹ In Old Urmi there were too few examples, but all were introduced by *što*.

complementation is differently organized: in elicitation, the opposition of indirect perception and immediate perception is expressed by means of different complementizers: the basic complementizer *kat* is contrasted to *dax(i)* or *muğğurra*, unattested in this function in the available descriptions.

The *subjunctive* type in Urmiya is fairly often marked with a complementizer *kat*. In elicited data, non-coreferential complements of the desiderative predicate *+bayyə* I ‘want’ (9) and speech causation (10) favour the use of a complementizer.

- (9) *+ávun byáy=əl kat a náša*
 he want.PROG=3M COMP DEM1.SG man(M)
máxxa az-íni
 from_here go.PRS-SS.3M.LONG
 ‘He wants this man to get out of here’ (OMG fieldwork data).

- (10) *áni +tləb-lun kat áyən zámra*
 they ask.PST-3PL COMP she sing.PRS-SS.3F
 ‘They asked her to sing’ (AGG fieldwork data).

The morphosyntactic make-up of this type formally coincides with the purpose²² clausal construction in Urmi (11), which reflects the semantic affinity between these contexts.

- (11) *mà-y-u=na | kat- +kətl-ì-lə.*
 bring.PROG-P.3M=3PL COMP kill.PRS-SS.3PL-LS.3M
 ‘They bring him to kill him.’ (A3:31)

It goes in line with the observation that “[c]onstructions used in purpose clauses are often extended to complements of manipulative and desiderative predicates due to shared semantic components of finality and intentionality <...>” (Cristofaro, 2014: 9).

In the coreferential desiderative complements, a slightly reduced morphosyntactic subtype is used instead, with no overt complementizer and no nominal subject (12).

- (12) *áyən byáy=əla gáška film*
 she want.PROG=3F watch.PRS-SS.3F movie
 ‘She wants to watch a movie’ (VMS fieldwork data).

However, corpus data contradict the claim that different-subject constructions tend to be complement-marked. For the New Urmi of Armenia, none of the desiderative constructions, including 4 different-subject ones, has a complementizer:

- (13) *ána len +byáya ka díyy-ax párm-i*
 I NEG.1SG want.PROG to OBL.PRON-P.2F slaughter.PRS-SS(S).3PL
 ‘...I don’t want them to slaughter you...’ [210819_lii_AL_AR_ES_Zheltaya_korova]

In Old Urmi and New Urmi of Georgia, only same-subject desiderative complements were sampled. Among them, one contentious example was introduced by *kat*.

²² Diachronically, *kat* is a marker of purpose. Presumably, it can be traced back to the object preposition *ka* and relativizer *t* (Khan, 2016b: 476).

- (14) *lá* <+bi-l...> +*báyyə=va* *káša*
 neg want.PST-LS.3M want.PRS.SS.3M=RETR priest(M)
kát <*avíva-ni*>
 COMP be.PRS.SS.3M.RETR-AUG
 ‘He didn’t want to become a priest <...>’ [190710_vms_MO_Poezdka_v_Echmiadzin].

Thus, desiderative complementation in Urmiya displays a tendency to differentiate same-subject and different-subject predications, which is only obvious in elicitation. Typologically²³, “optative” contexts (speech causation and complements of the verb ‘want’ with different subjects) are more often syndetic than same-subject desiderative constructions.

In addition to the typological considerations, we can, again, suspect the influence of Russian to play a role. In Russian, same-subject constructions have neither complementizers, nor overt subjects (15), while different-subject constructions allow overt subjects and are introduced by a special subjunctive complementizer (16), which is contrasted to the default indicative complementizer (17).

- (15) *Petja xočet ujti.*
 Petya want.PRS.3SG leave.INF
 ‘Petya wants to leave’.
- (16) *Petya xočet, čtoby Maša ušla.*
 Petya want.PRS.3SG COMP.SUBJ Masha leave.PST.SG.F
 ‘Petya wants Masha to leave.’
- (17) *Petya skazal, čto ujdět.*
 Petya say.PST.SG.M COMP leave.FUT.3SG
 ‘Petya said that [he] would leave’.

Thus, complements of same-subject desiderative constructions show the affinity with complements of modal verbs that have a coreferential subject and are not normally introduced with a complementizer.

The distribution of corpus data collected in Urmiya against the corpus data from (Khan, 2016d), is summarized below.

Table 3

Distribution of complementizer marking in the Urmi of Urmiya

	Old Urmi, <i>kat/što</i>			UI, <i>kat</i>	“New Urmi” of Armenia, <i>kat</i>			UA, <i>kat</i>	“New Urmi” of Georgia, <i>kat</i>			UG, <i>yan(ət)</i>
	N	Σ	%		N	Σ	%		N	Σ	%	
utterance	0	34	0	18%	5	43	12	0%	4	44	9	0%
knowledge	2	2	NA	56%	4	9	44	75%	5	9	56	NA
perception	1	6	17	9%	0	16	0	14%	1	6	17	20%
speech causation	1	1	NA	22%	1	1	NA	NA	0	1	NA	NA
Desiderative C	1	1	NA	0%	0	12	0	0%	0	2	0	0%
desiderative NC	0	0	ND	ND	0	4	0	ND	0	0	ND	NA
Modal	0	5	0	0%	0	45	0	0%	0	11	0	0%

²³ Naturally, when there is a change of subject across subordinate clause boundaries, complementation construction tends to display heavier coding. Same-subject or coreferential complements are generally claimed to be more frequently asyndetic (Staum, 2005: 11).

To sum up, the Urmi varieties of Urmiya generally retain the Neo-Aramaic system of complementation as represented in (Khan, 2016d). However, only the general cross-linguistically established tendencies are intact in complementizer marking: namely, optional marking of *indicative* complements, with the consistent marking of *factive* complements. Perception complements are mostly unmarked, but a speaker can express immediate perception by using a specialized complementizer, grammaticalized from the interrogative manner word. In the *subjunctive* type, elicitation reveals a semantically motivated distribution: complementizers tend to appear in “optative” contexts where the change of subjects occurs across the clause boundary. However, this tendency is obscured in the corpus data for all the varieties, so it might be not specific for Urmiya. Regional distribution of complementizers is probably lost: *yan(ət)* and *t-i* reported for the UG are not found in the New Urmi of Georgia as complementizers. Regional complementizer distribution patterns have also blurred: the variation is not directly accounted for by dialectal division.

3. *dax* as a perception complementizer

The interrogative manner word *dax(i)* ‘how’ is regularly found in elicitation of immediate perception complements, in all varieties of Urmiya.

- (18) *ayən* +*bəšmay=əla* ***dax*** *bəzmar=əna* *səprə*
 she hear.PROG=3F how sing.PROG=3PL bird(M).PL
 ‘She hears birds singing’. (OMG fieldwork data).

In some cases, instead of *dax* another manner word, *muğğurra* ‘how’, ‘what kind of’ was used. There is no indication of such usages in (Khan, 2016).

- (19) *ayən* +*bəšmay=əla* ***muğğurra*** *səprə* *bəzmar=əna*
 she hear.PROG=3F how bird(M).PL sing.PROG=3PL
 ‘She hears birds singing’. (OMG fieldwork data).

This usage is probably primed by the subordinator *kak* ‘how’ used in the Russian stimulus, but in the corpus data, a similar usage of *dax* is also found.

- (20) +*xúlma* *xzí-li* ***dax*** *bəsxáy=ənva* *gu* *yáma*
 dream(M) see.PST-LS.1SG how swim.PROG=1SG.RETR in sea(F)
 ‘I saw a dream that I was swimming in the sea’. [210814_jsb_VSh_AL_Son_pro_devushek]

Similative verbs such as ‘resemble’ or ‘be like’, manner adverbials and deictics are among the most common sources of complementizer grammaticalization (Chappell, 2008: 3). The shift from the meaning ‘how’ to a perception complementizer²⁴ is, therefore, not unusual (Heine & Kuteva, 2002: 274, 258; König, 2015; Boye & Kehayov (eds.), 2016; Treis & Vanhove (eds.), 2017).

Function words are particularly prone to borrowing (Thomason & Kaufman, 1988: 74; Matras, 1998), but pattern-borrowing is generally rarer than matter-borrowing. The latter is exemplified by the complementizer *što*, borrowed from Russian: in the speech of some Old Urmi (21) as well as several non-Urmi Neo-Aramaic speakers of Urmiya, it has practically ousted *kat* as a general complementizer.

²⁴ Reports of perception are claimed to be “inherently more similative than reports of speech” (Meyerhoff, 2002: 252).

- (21) *+pürmî-li* *što* *zvîn-u=na* R *sudyá* R
 understand.PST-LS.1SG COMP buy.RES.PL-P.3M=3PL judge
 ‘I understood that they bought (=bribed) the judge’ [190708_vms_SS_Grabiteli_Rostov].

However, even in their idiolects, perception complement clauses in elicitation are introduced by *dax*, rather than Russian *kak*:

- (22) *áyən* *šmî-la* *dax* *səprə* *bəzmár=əna*
 she hear.PST-LS.3F how bird(M).PL sing.PROG=3PL
 ‘She heard birds sing’ (VMS fieldwork data).

Arguably, the *dax* pattern, even if borrowed, is conventionalized rather than situational, as a similar usage is also found in the literary Assyrian corpus (Lyavdansky et al.):

- (23) *+spay* *mabyun=əva* *dax* *mən* *gami* *+al* *pat=ət*
 good be_seen.PROG=3.RETR how from boat(F) on face(F)=REL
miyya *+musli-lun* *lodka*
 water(PL) bring.down.PST-LS.3PL boat
 ‘It was clearly seen how the boats were brought down from the ship onto the water surface’
 (Christian Urmi Corpus: Lebedev Robinzon d Arxangelsq.txt)²⁵.

Thus, in the Urmi varieties of Urmiya, the interrogative manner word has been consistently identified with the Russian subordinator of the same meaning. It is elicited in the contexts of immediate perception for all the Urmi varieties and infrequently occurs in spontaneous speech. More research is needed to determine whether *dax* is established as an actual specialized complementizer in the Urmi of Urmiya.

4. Conclusion

The Neo-Aramaic system of complementation as represented in the Urmi of Iran, Armenia and Georgia is largely retained in all the varieties of Urmi in Urmiya. Sentential complementation patterns reflect the traces of both the inherited Semitic system and the contact influence of Russian.

Features retained in the Urmiya varieties that are common with the UI, UA and UG are as follows.

- (i) Complements of modal verbs and indirect polar questions are practically always asyndetic.
- (ii) Complements of immediate perception verbs are never introduced by the basic complementizer, but they can be formally differentiated by morphosyntactic means.
- (ii) Complements of other semantic types are occasionally introduced by a general complementizer.
- (iii) Complements of the verbs of knowledge (and, probably, all the factive predicates) are more regularly introduced with a complementizer than any other type.

The following features are specific for the varieties of Urmiya:

- (i) The general complementizer is *kat* for all speakers of Urmi in the village.
- (ii) In some idiolects, *što*, borrowed from Russian, is also regularly used as a complementizer in speech: it is a case of matter borrowing.

²⁵ The transcription is modified according to the conventions of the project, translation and glosses are mine (E. Z.).

(iii) Immediate perception complements can be introduced by *dax*, an interrogative manner word, putatively on its way to grammaticalization into a specialized complementizer under the influence of Russian: it is a case of pattern borrowing.

(iv) In *subjunctive* complements, complementizers tend to appear in different-subject (non-coreferential) contexts, while same-subject contexts are unmarked; this distinction is functionally motivated.

Regional distribution attested in Urmiya does not coincide with the distribution reported in (Khan, 2016a-d). The UG and UA display a different distribution in that complementizers are less frequent in *indicative* (especially utterance complements), but present in a wider range of *subjunctive* semantic types than in the UI. In Urmiya, in the speech of Assyrians from Georgia and Armenia utterance complements are marked even more often, than in the Old Urmi variety.

Thus, complementizer marking patterns are indicative of the convergence process in Urmiya and reflect the influence of Russian on the Urmi syntax, even though the basic morphosyntactic make-up of the complementation system is retained.

Abbreviations:

1,2,3 – 1,2,3 person; AUG – augment; COMP – complementizer; DEM1 – demonstrative series 1; F – feminine; FUT – future; LONG – long suffix; LS – L-series suffix; M – masculine; NEAR – near deictic copula; NEG – negative; OBL – oblique; OBL.PRON – oblique pronominal; P – possessive; PL – plural; PROG – progressive; PRS – present; PST – past; REL – relator; RES – resultative participle; RETR – retrospective shift; SG – singular; SS – S-series suffix; SS(O) – S-series object suffix; SS(S) – S-series subject suffix.

References:

- Boye, Kasper, & Petar Kehayov (eds.).** 2016. Complementizer semantics in European languages. De Gruyter Mouton.
- Chappell, Hilary.** 2008. Variation in the grammaticalization of complementizers from verba dicendi in Sinitic languages. *Linguistic Typology*. 12. 10.1515/LITY.2008.032.
- Coghill, Eleanor.** 1999. The Verbal system of North Eastern Neo-Aramaic, Dissertation for the M.Phil. Degree, Faculty of Oriental Studies, University of Cambridge.
- Cristofaro, Sonia.** 2003. Subordination. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cristofaro, Sonia.** 2014. Complementation hierarchies and the development of complement constructions. Paper presented at the workshop 'Clausal complementation and (non)factivity', DGfS, Marburg (5 March 2014).
- Givón, Thomas.** 1980. The binding hierarchy and the typology of complements. *Studies in language*. V. 4. № 3.
- Dik, Simon C. & Kees Hengeveld.** 1991. The hierarchical structure of the clause and the typology of perception-verb complements. *Linguistics*, 29 (2), 231–259. De Gruyter Mouton.
- Dixon, Robert M. W. & Aleksandra Y. Aikhenvald (eds.).** 2006. Complementation. Oxford University Press.
- Heine, Bernd & Tania Kuteva.** 2002. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press.
- Karttunen, Lauri.** 1971. Some Observations on Factivity. *Pap. Linguist.* 4, 55–69.
- Khan, Geoffrey.** 2016a. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol 1. Grammar: phonology and morphology. Brill, Leiden.
- Khan, Geoffrey.** 2016b. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol 2. Grammar: syntax. Brill, Leiden.
- Khan, Geoffrey.** 2016d. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol 4. Texts. Brill, Leiden.
- König, Ekkehard.** 2015. Manner deixis as source of grammatical markers in Indo-European languages. In Carlotta Viti (ed.), *Perspectives on historical syntax*, 33–60. Amsterdam: John Benjamins.
- Lehmann, Christian.** 2019. Christian Lehmann's personal website. URL : https://www.christianlehmann.eu/ling/lg_system/sem/index.html?https://www.christianlehmann.eu/ling/lg_system/sem/proposition_state_of_affairs.html
- Lyavdansky, Alexey et al.** Christian Urmi Corpus. (Available online at: neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search).
- Matras, Yaron.** 1998. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing. *Linguistics*, 36, 281–331.
- Meyerhoff, Miriam.** 2002. All the same? The emergence of complementizers in Bislama. In T. Güldemann, and M. von Roncador (eds), *Reported Discourse. A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 341–363.
- Noonan, Michael.** Complementation. In Shopen T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. V. 2: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–151.

- Schmidtke-Bode, Karsten.** 2014. Complement clauses and complementation systems: A cross-linguistic study of grammatical organization. Doctoral dissertation, Thüringer Universitäts- und Landesbibliothek Jena.
- Staum, Laura.** 2005. When Stylistic and Social Effects Fail to Converge: a variation study of complementizer choice. Ms., Stanford University.
- Thomason, Sarah G. & Terrence Kaufman.** 1988. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley University of California Press.
- Treis, Yvonne & Martine Vanhove (eds.).** 2017. Similitive and equative constructions: A cross-linguistic perspective (Vol. 117). John Benjamins.
- Zabelina, Elizaveta.** 2017. Morfosintaksis sentencial'nyh aktantov pri predikate 'xotet'' v urmijskom novoaramejskom [Morphosyntax of complements of the verb 'want' in Urmi Neo-Aramaic]. In Zabelina, Logvinova (eds.). Semnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov [17th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Abstracts] (Saint Petersburg, 19–21 November 2020). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. 42–45.

Zabelina Elizaveta Aleksandrovna, PhD student.

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

9 Tuchkov lane, St. Petersburg, Russia, 199053.

E-mail: windmill161@gmail.com

Материал поступил в редакцию 25 августа 2022 г.

Е. А. Забелина

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОМПЛЕМЕНТАЙЗЕРОВ В УРМИЙСКОМ ИДИОМЕ СЕЛА УРМИЯ

Анализируется распределение комплементаризаторов по семантическим контекстам в новоарамейском урмийском идиоме, представленном в селе Урмия (Краснодарский край). Семьи носителей в основном родом из Ирана, Армении и Грузии, поэтому оформление сенценциальных дополнений в урмийском Урмии сопоставляется с оформлением в соответствующих региональных разновидностях этого идиома. Варьирование, наблюдаемое в Урмии, напрямую не объясняется исходным диалектным членением. По-видимому, региональные различия, выявляемые в данных по другим разновидностям, нивелированы: так, особый комплементаризатор, характерный для урмийского Грузии, в Урмии не засвидетельствован, а распределение по семантическим контекстам в элицитации совершенно однородно. Корпусные данные отражают различия между группами носителей, но они не совпадают с теми различиями, которые определяются для других региональных вариантов урмийского. Кроме того, в урмийском Урмии наблюдаются некоторые инновации. К примеру, противопоставление непосредственного и опосредованного восприятия может быть выражено с помощью разных комплементаризаторов: основного и специализированного. Специализированный комплементаризатор, вероятно, находится на пути грамматикализации из вопросительного союза со значением 'как': типологически ожидаемое, но не засвидетельствованное еще в урмийском функциональное развитие, требующее дополнительного исследования. Кроме того, по данным элицитации, распределение комплементаризаторов в субьюнктиве имеет функциональное обоснование: при прочих равных, скорее разносубъектные конструкции маркируются комплементаризатором, чем односубъектные. В корпусных данных эта тенденция менее заметна. Эти инновации могут отчасти объясняться влиянием русского языка, которое проявляется как в заимствовании языкового материала, так и в заимствовании языковой структуры (matter- and pattern-borrowing). Однако в целом это влияние достаточно поверхностное и затрагивает оформление сенценциальных дополнений, но не их структуру. Таким образом, распределение комплементаризаторов в урмийском Урмии отличается от распределений в других разновидностях, отражая влияние языковых контактов, при этом что основные унаследованные структурные особенности сохраняются неизменными.

Keywords: *комплементаризаторы, языковые контакты, функциональная типология, системные заимствования, грамматикализация, северо-восточный неоарамейский, урмийский язык.*

Забелина Елизавета Александровна, аспирант.

Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Пер. Тучков, 9, г. Санкт-Петербург, 199053.

E-mail: windmill161@gmail.com

К. В. Кичеева

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА -ЧЫХ/-ЧЫК/-ЙУК И ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ С ФОРМАМИ НА -ЖЭЭ, -ЧУ, -ААЧЧЫ, -ЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА)

Представлен обзор научной литературы, посвященной проблеме этимологии форм прошедшего времени на -чых/-чык/-йук, а также произведена попытка их дифференциации с другими формами, отождествляемыми некоторыми учеными с анализируемыми формами. Выделяются две основные точки зрения, polemизирующие между собой, в том числе автором приводится своя гипотеза, которая строится на материале хакасского языка, собранном методом сплошной выборки текстов из художественной, публицистической и фольклорной литературы.

В ходе сопоставления семантики и некоторых функций монгольской формы на -жээ, киргизской на -чу, якутской на -ааччы, тунгусо-маньчжурской на -ча и хакасской формы на -чых делается вывод, что они не тождественны последней, соответственно, и формам на -чык/-чых/-йук хакасского, тувинского, тофского и древнеуйгурского языков.

Особое внимание уделено сочетаниям анализируемой формы -чых с другими индикативными аффиксами прошедшего времени на -ган, -ды, -тыр, -чаң, -галах, -(н)чатхан. Выявлено, что в хакасском языке имеется аналитическая конструкция -ган полчых, в связи с чем предположение о стяжении вспомогательного глагола эр- 'быть' в форме -ганчых < -ган + эр-чых вызывает сомнение.

Выборка показывает, что в хакасском языке форма -чых чаще всего употребляется в нарративе (повествовании), редко встречается в прямой речи. Интересным является то, что в первом случае повествование ведется от третьего лица, случаи употребления данной формы в первом и втором лице не обнаружены.

Как показал языковой материал, форма на -чых в хакасском языке имеет свойство сочетаться с разными частями речи и менять позицию в структуре глагольной словоформы подобно частице -ох/-ок, которая также пишется слитно со словоформой. Это иллюстрирует тезис о том, что форма на -чых и есть утвердительная частица, некогда часто употребляемая при описании прошедших событий и которая со временем стала принимать личные аффиксы.

Ключевые слова: хакасский язык, тувинский язык, тофский язык, древнеуйгурский язык, киргизский язык, якутский язык, монгольский язык, тунгусо-маньчжурский язык, этимология, индикатив, прошедшее время, нарратив (повествование), частица.

Ареал распространения формы прошедшего времени на -чых в тюркских языках довольно ограничен. Кроме хакасского языка (-чых/-чйк, -чых/-чйк), данная форма встречается в тувинском (-чык/-чик/-чук/-чүк; -жык/-жик/-жук/-жүк) и тофском (-чык/-чик, -чук/-чүк, -чжык/-чжик, -чжук/-чжүк) языках.

В настоящее время среди исследователей вызывает дискуссию их этимология, а также генетическая связь с другими формами тюркских и нетюркских языков. Это обстоятельство обусловило актуальность изучения различных точек зрения по этому вопросу с учетом новых версий.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые имеющиеся основные позиции разделены на две группы, рассмотрены новые и не замеченные ранее исследования, а также получены оригинальные выводы, не описанные в существующей на сегодняшний день научной литературе. Кроме того, делается попытка дифференцировать форму -чых с отождествляемыми некоторыми учеными такими формами, как -жээ, -чу, -ааччы, -ча.

Цель данной статьи – рассмотреть основные взгляды исследователей, имеющиеся на сегодняшний день, и семантико-морфологические особенности отождествляемых форм других языков на материале хакасского языка.

Относительно происхождения рассматриваемой временной формы в тюркологии существуют несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным: 1) монгольское происхождение; 2) тюркское происхождение.

Ярым сторонником первого варианта был тюрколог Н. А. Баскаков [Баскаков, 1953: 458; Баскаков, 1965; Баскаков, 1978], поскольку уже некоторое время, не признавая другие гипотезы происхождения данной формы, предполагал, что хакасская форма на -*čux*, тувинская на -*čyq*, киргизская на -*či* являются относительно новыми формами, заимствованными из монгольского языка (форма на -*džee*) [Баскаков, 1978].

Н. А. Баскаков интерпретирует свое предположение тем, что, во-первых, ссылаясь на Г. Д. Санжеева, который возводил монгольскую форму прошедшего времени на -*džee/-čee* к полной форме -*džuy-uj/-čik-uj*, полагает, что формы с конечным гласным являются более новыми образованиями. Во-вторых, считает близкими и их семантические признаки, для сравнения приводит следующие примеры из монгольского языка: *önöödör Bat hotoos irdžee* 'сегодня Бат приехал, оказывается, из города'; *Džamjan gancaara jawdž baja 33 čono aldžee* 'Жемьян, оказывается, один убил 33 волка' [Баскаков, 1978: 7–8]. Следует отметить, что аналогичное значение в хакасском языке выражается формой прошедшего времени на -(n)тыр, ср.: *Ол аалзар кичеёк килтир* 'Он в аал, оказывается, еще вчера прибыл'. В-третьих, Н. А. Баскаков объясняет их ограниченным распространением в ареале восточных тюркских языков, характеризующихся значительным монгольским влиянием [там же].

Б. О. Орузбаева тоже придерживается точки зрения Н. А. Баскакова и считает, что в монгольском языке существуют формы прошедшего времени на -*чукуй*, поэтому предполагает, что форма на -*чу* в киргизском языке развивалась по следующей схеме: -*чук* → -*чу(к)* → -*чу* [Орузбаева, 1955: 42–43].

Сопоставление форм -*чу/-чых/-чык* с вышеназванной монгольской формой поддерживает и У. Джусупакматов [Джусупакматов, 1983]. Он ареал их распространения рассматривает шире, считая, что кроме тюркских и монгольских языков, имеются параллели в тунгусо-маньчжурских языках [Джусупакматов, 1983: 97].

В настоящее время среди исследователей преобладает вторая версия, т. е. тюркское происхождение, точнее древнеуйгурское [Насилов, 1966; Убрятова, 1976: 88–89; Рассадина, 1978: 214–216; Широбокова, 2005: 204; Ооржак, 2014: 83; Филиппов, 2019 и др.].

Принято считать, что на генетическую связь формы на -*чык* с древнеуйгурской формой на -*йук* указал Э. Р. Тенишев [см. Монгуш, 1963: 133; Рассадина, 1978: 215]. Следует заметить, что об этимологическом сближении этих форм было отмечено еще в исследованиях зарубежных тюркологов О. Прицака [Pritsak, 1959: 618], К. Менгеса [Menges, 1959: 664]. Так, О. Прицак хакасскую форму прошедшего времени на -*чых* возводит к древнетюркской форме на -*jük* [Pritsak, 1959: 618]. К. Менгес тофаларскую форму на -*чык* отождествлял с уйгурской на -*yuq/-yük* [Menges, 1959: 664].

Сопоставление древнеуйгурской формы на -*jiq* с формами на -*чых* и -*чык* хакасского и тувинского языков, проведенное Д. М. Насиловым, показало их семантическую и функциональную близость [Насилов, 1966].

Е. И. Убрятова эти формы (древнеуйгурскую, хакасскую, тувинскую) сначала поставила в одном ряду с формами на -*аач-чук* / -*аат-чык* (?) якутского, на [-*чук*] (диал.) киргизского и на -*йык* тофского языков [Убрятова, 1976: 89–91], а позже из этого ряда исключила якутскую и киргизскую формы [Убрятова, 1985: 41; Убрятова, 2011: 64].

С выходом монографии В. И. Рассадина по тофаларскому языку [1978: 212–216] многие современные исследователи данную форму стали рассматривать как общее языковое явление не только древнеуйгурского, хакасского, тувинского, но и тофского языков [Широбокова, 1999: 130; Ооржак, 2014; Мешадиева, 2017: 122; Филиппов, 2019: 65 и др.].

Что касается отождествления этих форм с киргизской формой на -*чу* и якутской формой на -*ааччык*, то вопрос остается открытым.

Так, одни исследователи причисляют к этой изоглоссе киргизскую форму на -*чу* (Н. А. Баскаков (1953; 1963; 1978), Б. А. Орузбаева (1955), Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах (1961),

У. Джусупакматов (1983)), другие (Д. А. Монгуш (1963), Н. З. Гаджиева (1975: 92), В. И. Рассадин (1978), А. М. Щербак (1981: 96), Е. И. Убрятова (1985: 40–41), Н. Н. Широбокова (2005), Б. Ч. Ооржак (2014)) – нет. Б. А. Серебренников пишет, что форма прошедшего времени с показателем *-чык* встречается в тувинском, хакасском и киргизском языках, но в то же время отмечает, что киргизская форма прошедшего времени на *-чу* отличается как фонетически, так и семантически [Серебренников, 1974: 13–15].

На наш взгляд, сопоставление киргизской формы на *-чу* с хакасской формой на *-чых*, ровно как с аналогичными формами в тувинском и тофском языках, неправомерно, поскольку данная форма по семантическим признакам больше совпадает с другой формой прошедшего времени на *-чаң/-чең/-чаң/-чең* в хакасском языке, ср.: кирг. *сатчумун/сатчум* ‘я обычно продавал’ с хак. *сатчыхпын* ‘я продавал/продал’ и *сатчаңмын/сатчаңзым* (диал.)/*сатчам* (диал.) ‘я обычно продавал’. Таким образом, мы вслед за многими исследователями [Монгуш, 1963; Гаджиева, 1975; Рассадин, 1978; Широбокова, 2005 и др.] не признаем сопоставление киргизской формы на *-чу* с формами *-juk*, *-чых*, *-чык*.

Как уже отмечалось, Е. И. Убрятова якутскую форму на *-аач-чык* вывела отдельно от вышеназванных форм, при этом второй компонент *-чык* возводит к древнеуйгурскому *-йук*, который, по гипотезе автора, проник в якутский язык через тофский. К этому предположению она приходит исходя из определенных соответствий в части морфологии [Убрятова, 1985: 40–42].

Вопрос этимологии якутской формы на *-ааччык* поднят также Г. Г. Филипповым [Филиппов, 2019]. Так, автор предполагает, что данная форма «вошла в якутский язык во времена уйгурского совместного проживания, а форма на *-ааччы* заимствована из киргизского языка во времена кыпчакизации сибирских тюркских языков» [там же: 66]. А вариативность аффиксов *-ааччы/-ааччык*, *-аайы/-аайык*, *-ыыһы/-ыыһык*, с одной стороны, связывает с фонетическими процессами и приводит следующие примеры: *улуғ > улуу*, *тағ > тья*, *-лығ > -лаах* и др., с другой стороны, полагает, что факультативный согласный звук *-к/-х* предназначался «для усиления причастной принадлежности» [там же: 68].

Е. И. Коркина форму на *-ааччык/-ааччы* сопоставляет с другими формами. Так, по ее мнению, эти аффиксы имеют свои параллели в тувинском языке в форме на *-ааччы/-ааччы*, *-кчы/-ыкчы*, в хакасском языке – на *-аачы/-еечі* [Коркина, 1970: 224]. Любопытно, что в хакасском языке наряду с формой на *-аачы/-еечі* имеются формы *-аачых/-еечік*, употребляющиеся вместе со вспомогательным глаголом *пол-* ‘быть’, ср.: *чайаачы кізі* ‘человек, склонный творить, создавать’ и *чайаачых полган* ‘притворялся, что творит’ (от глагола *чайа-* ‘творить, создавать’) или *ізеечі кізі* ‘человек, склонный к алкоголю (букв. человек, склонный пить)’ и *ізеечік полибысхан* ‘сделал вид, что пьет’ (от глагола *іс-* ‘пить’).

Существует мнение У. Джусупакматова о том, что тюркский аффикс *-чых* встречается, как выше было отмечено, в тунгусо-маньчжурских языках в форме *-ча/-чи* [Джусупакматов, 1983: 97]. В своей работе автор ссылается на О. П. Суника, который отмечает наличие этих причастных форм прошедшего времени в эвенкийском и эвенском языках [Суник, 1962: 228]. Однако гипотеза О. П. Суника об их происхождении ничего общего с рассматриваемыми тюркскими формами не имеет. Кроме того, отличаются эти формы и в функционально-семантическом плане.

Во-первых, сравниваемая форма в хакасском, тувинском и тофском языках, как известно, выполняет исключительно предикативную функцию, атрибутивная функция замечена только в древнеуйгурском языке, но и здесь преобладает ее финитное употребление [Телицин, 2012: 34]. Напротив, например, в эвенкийском языке, имеющем варианты форм на *-ча*, *-чэ*, *-чо*, могут выступать как инфинитном употреблении *эмэчэ беэ* ‘пришедший человек’, так и финитном – *беэ эмэчэ* ‘человек пришел’ [Константинова, Лебедева, 1953: 128].

Во-вторых, эти формы в эвенкийском и эвенском языках выражают прошедшее совершенное действие, для обозначения незавершенности действия, вернее длительности, служит специальный показатель *-за-* (*дявусча-дя-чан* ‘содержал’) [Горелова, 1979: 70], ср.: *эмэ-чэн*

(прошедшее однократное) и *эмэ-дэ-чэн* (прошедшее несовершенное) [Василевич, 1940: 189]. О. А. Константинова полагает, что причастная форма законченного действия на -ча имеет общие корни с аналогичным видовым аффиксом состояния (*аңа́чэ* ‘побывать в открытом состоянии’ от *аңа-* ‘открыть’, *дёнча* ‘вспоминать’ от *дён-* ‘вспомнить’) [Константинова, 1964: 166–167]. А в тюркских языках глагол, выраженный формой на -чых/-чык/-juk, индифферентен к противопоставлению совершенности/несовершенности действия, эти противопоставления зависят от сочетаемости предельных или неопредельных глаголов соответственно, а также от контекстного окружения: хак. *Ол піске андада чахсы полысчых* ‘Он нам тогда очень хорошо помог’ / *Ол піске хыхсы тооза одыңнаң полысчых па?* ‘Он нам всю зиму дровами помогал (не так ли / помнишь ли)?’ (примеры – К. К.); тув. *Сенден каш акша чээп алчык?* ‘(Напомни мне) сколько же он у тебя денег занял?’ / *Адыр, дуун Салбак-оол дижики?* ‘Погоди, что вчера Салбак-оол говорил?’ [Ооржак, 2014: 81]; тоф. *Самолет уышчук* ‘Самолет ведь улетел’ / *Ында аъттар турчжуктар* ‘Там кони стояли’ [Рассадин, 1978: 214]; др. уйг. *Qarijuq biz* ‘Постарели мы’ / *Bi muntay tül tüsäjükmen* ‘Я видела вот такой сон’ [Насилов, 1966: 93–94].

Таким образом, вышеприведенные факты позволяют не согласиться с У. Джусупакматовым в части отождествления им форм -чых/-чык/-juk с тунгусо-маньчжурской формой на -ча.

Исследователи тувинского языка происхождение формы на -чык связывали с модальной частицей *ийик*. Эта версия впервые была предложена авторами «Грамматики тувинского языка» Ф. Г. Исаковым и А. А. Пальмбахом [Исаков, Пальмах, 1961: 379]. Свое предположение они аргументируют тем, что в тувинском языке конструкция с модальной частицей -кан *ийик* и синтетическая форма -чык выражают одинаковое значение, последняя, по мнению авторов, образовалась путем усечения -кан и начальной -и: *чораан ийик* > *чорйик* > *чоржик* > *чоржук*. К этой точке зрения склоняется и Д. А. Монгуш [Монгуш, 1963: 132].

Сходство хакасской глагольной формы -чых с аналогичной частицей отмечается еще А. И. Грекул, автором раздела «Частицы» «Грамматики хакасского языка» (1975): «Многие частицы по внешнему виду совпадают не только с послелогоми и союзами, но и с формами самостоятельных частей речи» [Грекул, 1975: 246]. К последним она относит частицу -чых и называет ее модальной.

Иная гипотеза у Д. М. Насилова [Насилов, 1966]. Данную частицу он разложил на два компонента, первую часть которой возводит к глаголу *эр-* ‘быть’, а вторую – к форме прошедшего времени на -j(γ ~ u)к: **эр-j(γ ~ u)к* > *ийик* [Насилов, 1966: 98–99]. Глагол *эр-* в частице *ийик* также выделяет Н. А. Баскаков, согласно которому второй компонент и есть «инвариант как формы на -dyq/-dik~-dy/-di, так и *čyq/-žyq*» [Баскаков, 1978: 6]. Как и Д. М. Насилов [Насилов, 1966: 99], он считает, что тувинской форме *ийик* в других тюркских языках соответствует форма е- (< er-/ ir-) < е- (~ i-) + -di < edi: *kel-gen edi* ‘он пришел’, *bar-ar edi* ‘пошел бы’ [Баскаков, 1978: 6–7].

Что касается выделения форм на -dyq/-dik~-dy/-di в частице *ийик*, согласно гипотезе Н. А. Баскакова, то Б. А. Серебренников посчитал эту гипотезу неубедительной [Серебренников, 1974: 14]. Он аргументирует это тем, что, во-первых, в тувинском языке переход звука *č* в *j* является закономерным, а перехода интервокального *d* в *č* или *dž* не было: *келбеди* ‘он не пришел’, *албады* ‘он не взял’ [там же]. Во-вторых, «аффикс древнего причастия -dyq/-dik на протяжении истории развития этих языков не подвергался никаким фонетическим изменениям: *чассыдыг* ‘ласка’ от глагола *чассы-* ‘ласкаться» [там же].

Версию Н. А. Баскакова по поводу выделения в частице *ийик* форм на -dyq/-dik~-dy/-di не поддерживают Б. И. Татаринцев, А. В. Байыр-оол [Татаринцев, 2002; Байыр-оол, 2009]. Б. И. Татаринцев считает, что для тувинского языка такой звуковой переход сомнителен [Татаринцев, 2002: 355]. А. В. Байыр-оол разделяет точку зрения Д. М. Насилова [Байыр-оол, 2009: 93].

Итак, если частица *ийик* действительно распадается на глагол *эр-* и на форму прошедшего времени на -чык, восходящую к древнеуйгурской -juk, то необъяснимым остается функциони-

рование таких форм, как *-ган ийик*, так и *-чык* с одинаковым значением, а также формы *-ганчык*. Б. Ч. Ооржак предполагает, что было два пути их стяжения, для наглядности покажем схематично: 1) ~~-ган~~ ийик < *-чык*; 2) *-ган ийик* < *-ганчык* [Ооржак, 2020: 30]. Кроме того, автором отмечается, что статус сложной формы *-ганчык* в системе тувинского глагола еще не определен [там же].

А что если *-чык* это не глагольная форма прошедшего времени, а на самом деле и есть частица? Предположим, частица, присоединяемая к глаголу *эр-*, застыла в тувинском языке в форме *ийик*, в тофском – *иик*, в хакасском – *иик-а*. Если в тувинском и тофском языках эти частицы активно употребляются как в устной, так и письменной речи, то в хакасском языке *иик-а* используется только в устном народном творчестве при исполнении тахпах¹. Она применяется исполнителями тахпах после заключительной мысли для усиления его выразительности, а также для утвердительного возгласа зрителями-слушателями. Конечная гласная в частице *иик-а* (отнесем ее к частице аналогично тувинскому и тофскому языкам) соотносима с частицей *а*, выделенной М. И. Боргояковым, в таких выражениях, как *чарир а* ‘хватит, достаточно’, *ай ир а!* ‘ай да молодец!’, *изен а!* ‘здравствуй!’ и т. п. [Боргояков, 1960: 185–186].

В этом случае относительно формы *-ганчык* в тувинском языке, а также форм *-ганчых*, *-дычых*, *-тырчых* и др. в хакасском языке можно сказать, что данные формы появились не в результате стяжения вспомогательного глагола, а сложились путем присоединения самой частицы *-чых* к глагольным формам времени, т. е. без глагола *эр-* или иного вспомогательного глагола с семантикой ‘быть’. В хакасском языке в роли этого вспомогательного глагола выступает глагол *пол-*. При этом он не подвергается к стяжению и участвует в образовании различных вариантов аналитических форм [Карпов, 1966; Карпов, 1980; Карпов, 2014]. Кроме того, как показал наш языковой материал, этот глагол сохраняется (1), сочетаясь с формой на *-чых*:

- (1) *Инейек: «Хайди тўс парган за, чохсы сукхан полчыхпын ма за, тўс парбазын тїп», – тїдїр* (ХЧКЧН: 148).

инейек	хайди	тўс-Ø	пар-ган	за	чохсы	сук-хан
старушка	как	спускаться-NF	идти-PAST	EMPH	хорошо	засовывать-PAST
пол-чых-пын	ма	за	тўс-Ø	пар-ба-зын	тїп	
быть-AFFIRM-1SG	Q	EMPH	спускаться-NF	идти-NEG-IMP.3	COMPL	
тї-едїр						
сказать-ITER						

‘Старушка: «Как так выпало, я ведь хорошо засовывала, чтобы не выпало», – говорит’.

В. Г. Карпов при анализе сложных форм прошедшего времени в хакасском языке отмечает, что в их образовании не участвует только форма прошедшего времени на *-чых* [Карпов, 1966: 69], при этом автором не исключается выявление новых вариаций аналитических форм.

Возможно, частица *чых*, кроме экспрессивной функции, выделяемой многими исследователями этой формы, имела некоторую семантику прошедшего времени. Иначе объяснить перевод частицы *чых*, присоединяемой непосредственно к глагольной основе, прошедшим временем не получается (2):

- (2) *Ол нымырханы алып алып, ол кїзі ибїнзер килчїк* (ХЧКЧ: 144).

ол	нымырха-ны	ал-ып	ал-ып	ол	кїзі	иб-ї-нзер
тот	яйцо-ACC	брат- NF	брат-CONV _п	тот	человек	дом-3POS-ALL
кил-чїк						
приходить-AFFIRM						

‘Взяв то яйцо, тот человек пришел домой’.

¹ Тахпах – это стихотворный песенный жанр хакасского фольклора.

Встраивание некоторых частиц в структуру глагольной словоформы, как отмечает И. М. Чебочакова, довольно распространенное явление в хакасском языке, например, наряду с традиционным постпозиционным расположением частицы *-ох/-өк* (*тур=ар=ым=ох* ‘я тоже встану’) встречается ее интерпозиционное употребление (*тур=ар=ох=нын* ‘я тоже встану’) [Чебочакова, 2014: 49]. Кроме того, автор приходит к выводу, что такая интерпозиция частицы *-ох* – не новое явление для хакасского языка, так как эту тенденцию находит и в материалах Н. Ф. Катанова, записанных им в конце XIX – начале XX в. [там же: 52].

В хакасском языке форма *-чых*, как правило, занимает постпозицию, так как чаще всего (210 примеров из 268) она используется в повествовании, причем от третьего лица. Форма *-чых*, как правило, постпозиционна в отношении с иными индикативными аффиксами (например, с *-ган*, *-ды*, *-тыр* и др.) (3–5), а также формой желательного наклонения на *-гай* (6), аффиксом уподобления *-даг* (7) и аспектуальным показателем *-чат-* (8) и визуализирует само событие или его результат:

- (3) *Ол хысхацах тон кис салганчых* (ХО: 54).
 ол хысхацах тон-Ø кис-Ø сал-ган-чых
 он короткий шуба-ACC надевать-NF класть-PAST-AFFIRM
 ‘Она надела короткую шубу’.
- (4) *Пірсінде тайымның очы оолгын хамчынаң хайди сохтычых* (ХТ: 18).
 пірсінде тай-ым-ның очы оолгы-н хамчы-наң
 однажды дядя-1POS.SG-GEN младший сын- $\langle +\text{poss} \rangle$ -ACC плетть-INSTR
 хайди сох-ты-чых
 как бить-RPAST-AFFIRM
 ‘Однажды как [она] била плетью младшего сына моего дяди (по материнской линии)’.
- (5) *Köriğçiler dee sany ıleede hozyltyrchy* (X).
 köriğçi-лер деe сан-ы илеeде хозыл-Ø-тыр-чых
 зритель-PL ADD число-3POS много прибавляться-NF-INDIR-AFFIRM
 ‘И число зрителей, оказывается, много прибавилось’.
- (6) *Ах тасхылда хар-пус чох полза, Ах Ыўс хайдаң чайылгайчых?* (АС: 8).
 ах тасхыл-да хар-пус чох пол-за
 белый гора-LOC снег-лед нет быть-COND
 Ах Ыўс хайдаң чайыл-гай-чых
 Белый Июс откуда разливаться-OPT-AFFIRM
 ‘Если на белых тасхылах не было бы снега, льда, то откуда разливался бы Белый Июс?’
- (7) *<...> істі, тізең, хатыпчатхандагчых* (АТ, 68–16: 25).
 істі тізең хат-ып-чатхан-даг-чых
 внутренность- $\langle +\text{poss} \rangle$ а твердеть-NF-DUR-PAST-COMP-AFFIRM
 ‘А живот его, казалось, становится твердым’.
- (8) *Хайди ол иртен, чолга сыгып, Хаңаага чарбанып, парчатчых са, «Таңах бригадирі» ойынын тастап, Школаа чидікпин, читті чазың!* (ХО: 82).

хайди ол иртен чол-ға сығ-ып
 как он утро путь-DAT выходить-CONV_п
 хаңаа-ға чарбан-ып пар-Ø-чат-чых са
 телега-DAT цепляться-CONV_п идти-NF-DUR-AFFIRM EMPH
 таңах-Ø бригадир-і ойын-ы-н таста-п
 курица-GEN бригадир-3POS игра-3POS-ACC бросать-CONV_п
 школа-ға чидік-пин чит-ті час-ың
 школа-DAT не терпеться-NEG.CONV достигать-RPAST возраст-2POS.SG
 ‘Как он утром, выйдя в путь,
 Цепляясь за телегу, направлялся (ведь),
 Бросая игру «Бригадир куриц»,
 Не терпится в школу, достиг твой возраст!’

Что касается аффикса множественного числа, то он может как предшествовать (9) форме -чых, так и следовать за ней (10):

- (9) *Чалбах нимес позығастар, кире пазыл парып, тимірнің ұттерінең азырылғлап парғаннарчых* (АС: 6).

чалбах нимес позығас-тар кире пазыл-Ø
 широкий не гвоздик-PL вводит-CONV_е быть придавленным-NF
 пар-ып тимір-нің ұт-тер-і-нең азырыл-ғла-п
 идти-CONV_п железо-GEN отверстие-PL-3POS-ABL отцепляться-DISTR-NF
 пар-ған-нар-чых
 идти-PAST-PL-AFFIRM
 ‘Не широкие гвоздики продавились и вышли из своих железных отверстий’.

- (10) *Таң атханча чатчыхтар* (ХЧКЧН: 113).

таң ат-хан-ча чат-чых-тар
 заря рассветать-PAST-PROL лежать-AFFIRM-PL
 ‘Лежали они до рассвета’.

Случаи употребления данной формы в первом, втором лицах редки (12 примеров из 268), встречаясь исключительно в прямой речи или монологах, и обычно используются говорящим при воспоминании, воспоминании или припоминании реальных событий прошлого, свидетелем которого он был. При этом форма на -чых следует за основой глагола (11) или показателя времени (12):

- (11) *«Хақан тапчыхпыс, палам», – сурыбысхан іңезі оолғынаң* (ХФ: 167).

хачан тап-чых-пыс пала-м сур-ыбыс-хан
 когда находить-AFFIRM-1PL ребенок-1POS.SG спрашивать-PERF-PAST
 іңезі оолғы-наң
 мать-3POS сын-<+poss>-ABL
 ‘«Когда же мы нашли, ребенок мой», – спросила мать у своего сына’.

- (12) *«Кішіг бе? Син он ұс тее частығнаң хонмаанчыхсың ма?» – толдыра, теедег, тібіскен Сеерге* (НД, БИА: 232).

кішіг бе син он ұс тее частығ-наң
 маленький Q ты тринадцать ADD возраст-COMIT-INSTR
 хон-ма-(ғ)ан-чых-сың ма толдыра ті-(ғ)едег
 ночевать-NEG-PAST-AFFIRM-2SG Q полно сказать-ASSUM

ti-(i)біс-кен Сеерге
сказать-PERF-PAST Сеерге
‘«Маленькая? Разве ты не ночевал даже с тринадцатилетней [девочкой]?» – вот сказал, так сказал Сеерге’.

Важным аргументом к сути вышеизложенного служит то, что форма на -чых может сочетаться с именными частями речи (13) и послелогом *осхас* (14), а также занимать постпозицию после других частиц -ох, *чоғыл*, *даа* (15–17), придавая контексту утвердительно-эвиденциальную семантику:

- (13) – *Й-й-а-а, андагчых, неке* (НД, БЯ: 187).

й-й-а-а андагчых неке
да такой-AFFIRM вероятно
‘М-да, видимо, так и есть’.

- (14) *Оолның көксін тоорғанына махазы ханмаан осхасчых* (АС, КК: 8).

оол-нын көксін-н тоор-ған-ы-на
парень-GEN грудь<+poss>-ACC колоть-PAST-3POS-DAT
маха-зы ханмаан осхасчых
удовлетворенность-3POS быть удовлетворенным-NEG-PAST похожий-AFFIRM
‘Похоже, что она не получила удовлетворения от того, что поколотила грудь парня’.

- (15) *Ача іди полтырохчых* (УКДХЯ).

ача іди пол-Ø-тыр-ох-чых
старший брат так быть-NF-INDIR-ASS₂-AFFIRM
‘Брат, оказывается, также поступил’.

- (16) <...> *ізік хыриндағы сүлейке алтында изерістіре хазалғлап парған кизек ах нүңічектерде кічиçek тее сөп-сап чоғылчых* (АС: 12).

ізік хыриндағы сүлейке алтында изерістіре хазал-ғла-п
дверь крайний стекло внизу один за другим быть приколотым-DISTR-NF
пар-ған кизек ах нүңічек-тер-де кічиçek тее сөп-сап
идти-PAST кусок белый пушинка-PL-LOC маленький ADD мусор
чоғылчых
нет-AFFIRM
‘В белых перышках, находящихся возле двери под стеклом [и] прикрепленных один за другим, нет даже мелкой соринки’.

- (17) <...> *ол нимелер орназыға чарирдаачыхтар, че пір час таа пос чөрерін садып аларға көмес тее читпестер* (АТ, 59–9: 96).

ол нимелер орназығ-а чар(а)-ар-даа-чых-тар че пір час
тот вещь обмен-DAT подходить-FUT-ADD₂-AFFIRM-PL но один час
таа пос чөр-ер-і-н сад-ып аларға
ADD свободно передвигаться-FUT-3POS-ACC продавать-NF брать-INF
көмес тее читпестер
немного ADD достигать-NEG-FUT-PL
‘<...> эти вещи подошли бы и на обмен, но они даже немного не стоят хотя бы одного часа моего свободного времени’.

Таким образом, исходя из вариативности расположения формы *-чых* в структуре глагольной словоформы и способности сочетаться с разными частями речи, можно прийти к выводу, что данная форма функционировала в качестве модальной частицы с оттенком прошедшего времени, вероятнее всего, стала принимать личные аффиксы. В то же время наличие форм *-ганчых/-ганчык* в хакасском и тувинском языках напоминает синтез формы прошедшего времени на *-галах*, разложимый И. Бенцингом на следующие компоненты: < * *γan ele yoq* [Benzing, 1959: 4]. Отсюда предполагаем, что *-ганчых*, *-дычых* и другие аналогичные формы, вероятнее всего, представляют собой сочетания глагольной формы с частицей *-чых* (*-ган* + *-чых*).

Итак, можно прийти к общему выводу, что древнеуйгурская *-йук*, хакасская *-чых*, тувинская *-чык* и тофская *-чык* формы являются изоглоссой. К ним не относятся монгольская форма на *-жээ*, киргизская на *-чу*, якутская на *-ааччы*, тунгусо-маньчжурская на *-ча*. Многие исследователи уделяют больше внимания описанию связей между этими формами, их заимствованию из другого языка. Исходя из анализа на материале хакасского языка, полагаем, что глагольная форма *-чых* – исконно хакасская форма, восходящая к модальной частице *-чых*, а не просто совпадает с ней [Грекул, 1975: 246]. Таким образом, можно сказать, что в этих языках имеются (или имелись) простая частица *-чых/-чык/-juk* (?), глагольная форма *-чых/-чык/-juk*, а также синтезированная частица *ийик / иик / иик-а*, которые развились из первой.

Литература:

- Байыр-оол А. В.** Отглагольная частица *ийик* в аналитических конструкциях условно-сослагательной семантики в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №4. С. 93–97.
- Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.** Хакасский язык (Фонетическая структура. Словарный состав и грамматический строй) // Хакасско-русский словарь. М.: Главиздат, Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1953. С. 359–487.
- Баскаков Н. А.** Форма глагола на *-чых* || *-чык* ~ *-чу* || *-чу* в хакасском, тувинском и киргизском языках // Вопросы тюркологии. Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1965. С. 5–10.
- Баскаков Н. А.** Форма прошедшего времени глагола на *-сук* ~ *си* в тюркских языках и ее происхождение // Советская тюркология. 1978. №4. С. 3–8.
- Боргояков М. И.** Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1960. С. 185–186.
- Василевич Г. М.** Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка: пособие для преподавателей эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Наркомпроса РСФСР, Ленинград. отд-ние, 1940. 132 с.
- Гаджиева Н. З.** Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Горелова Л. М.** Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1979. 118 с.
- Грекул А. И.** Частицы // Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. С. 245–253.
- Джусупматов У.** Прошедшее время на *-чу* / *чык* / *-чых* // Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (на материале форм прошедшего времени глагола). Фрунзе: Илим, 1983. С. 97–115.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.** Прошедшее риторическое время на *-чык* // Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 375–379.
- Карпов В. Г.** Сложные формы прошедшего времени глаголов хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1966. С. 69–80.
- Карпов В. Г.** Семантика глагола *пол-* «быть», его морфологические и синтаксические функции в хакасском языке // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 63–74.
- Карпов В. Г.** Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2014. 164 с.
- Константинова О. А., Лебедева Е. П.** Эвенкийский язык: учебное пособие для педагогических училищ. М., Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. 332 с.
- Константинова О. А.** Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., Л.: Наука, 1964. 272 с.
- Коркина Е. И.** Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 308 с.
- Мешадиева А. Э.** Древнетюркские причастные формы и их эквиваленты в современных тюркских языках // Язык и культура: сб. материалов XXIX Междунар. научно-практ. конф. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2017. С. 117–125.

- Монгуш Д. А.** Прошедшее время на -чык // *Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке*. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1963. С. 130–145.
- Насилов Д. М.** Прошедшее время на -jūk/-juq в древнеуйгурском языке и его рефлексy в современных языках // *Тюркологический сборник к шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова*. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1966. С. 92–104.
- Ооржак Б. Ч.** Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.
- Ооржак Б. Ч.** О форме прошедшего времени на =чык в тувинском языке в сопоставлении с хакасской формой на =чых // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2020. № 3 (27). С. 27–30.
- Орузбаева Б. О.** *Формы прошедшего времени в киргизском языке*. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1955. 62 с.
- Рассадин В. И.** *Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении*. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Серебренников Б. А.** Из истории звуков и форм тюркских языков (о чередовании начальных *b* и *m*) // *Советская тюркология*. 1974. № 6. С. 3–17.
- Суник О. П.** *Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова*. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 364 с.
- Татаринцев Б. И.** *Этимологический словарь тувинского языка*. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с. (Т. II: Д, Ё, И, Й).
- Телицин Н. Н.** К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2012. № 1. С. 27–38.
- Убрятова Е. И.** *Исследования по синтаксису якутского языка*. Новосибирск: Наука, 1976. Ч. 2., Кн. 1. 214 с.
- Убрятова Е. И.** *Историческая грамматика якутского языка: учебное пособие*. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1985. 60 с.
- Убрятова Е. И.** Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // *Избранные труды. Исследования по тюркским языкам*. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 58–67.
- Филиппов Г. Г.** К вопросу об отношении якутских причастий -ааччы и -а илик к сибирским тюркским языкам // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2019. № 3. С. 63–71. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.63
- Чебоचाкова И. М.** О некоторых вопросах структуры глагольной словоформы в хакасском языке // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2014. № 2 (08). С. 48–53.
- Широбокова Н. Н.** Данные морфологии в изучении истории тюркских языков Сибири // *Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. Вып. 5*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 125–151.
- Широбокова Н. Н.** *Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири*. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Щербак А. М.** *Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол)*. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1981. 184 с.
- Benzing J.** Classification of the Turkic languages [I] // *Philologiae Turicae Fundamenta*. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 1–5.
- Menges K.** Das Sojonische und Karagassische // *Philologicae Turicae Fundamenta*. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 640–670.
- Pritsak O.** Das Abakan- und Čulymtürkische und das Schorische // *Philologicae Turicae Fundamenta*. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 598–640.

Сокращения:

ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица (и, же, ведь...); AFFIRM – аффирматив, утвердительная форма; ALL – аллатив; ASS – ассертивная (утвердительная) частица (также, тоже ...); ASSUM – ассумптив, предположительное наклонение, вводится оборотом «похоже, что ...»; COMIT – комитатив, показатель совместности («с ...», «вместе с ...»); COMP – компаратив (сравнительный); COMPL – комплементатор; COND – условное наклонение; CONV_г – деепричастие на -а («параллельное»); CONV_п – деепричастие на -ып («последовательное»); DAT – датив; DISTR – дистрибутив, обозначает множественность субъекта или объекта действия; DUR – дуратив (длительность действия); EMPH – эмфатическая частица; FUT – будущее время; GEN – генитив; IMP – императив (повелительное наклонение); INDIR – индиректив, косвенная эвиденциальность (неочевидность либо заглазность) действия; INF – инфинитив; INSTR – инструментальный (творительный); ITER – итератив (периодичность действия); LOC – локатив (местный); NEG – отрицание; NEG.CONV – отрицательная форма деепричастия; NEG.FUT – отрицательная форма будущего времени; NF – грамматикализированный показатель, исторически восходящий к CONV_п, выступающий в ряде синтетических и аналитических словоформ; OPT – оптатив (желательное наклонение); PAST – прошедшее время; PERF – перфектив (завершенность действия); PL – множественное число; POS – принадлежность (лицо и число посессора); PROL – пролатив (продольный); Q – вопросительная частица; RPAST – недавно прошедшее время; SG – единственное число.

Источники:

- АС – Аҕбан суҕ = Абакан-река: литературный альманах. 1961. № 10. 188 с.
АС, КК – Султреков А. Е. Кӧӧленіс кӧӧлері = Песни любви. Часть первая. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2018. 178 с.
АТ, 59–9 – Ах Тасхыл: литературно-художественный альманах. 1959. № 9. 136 с.
АТ, 68–16 – Ах Тасхыл: литературно-художественный альманах. 1968. № 16. 54 с.
НД, ЫА – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда = В далеком аале: роман. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. 492 с. (Золотая серия Хакасии).
УКДХЯ – Устный корпус диалектов хакасского языка. https://linghub.ru/oral_khakas_corpus/search.
Х – Хабар: газета на хакасском языке. 2018. 18 декабря.
ХО – Хакасия оттары = Огни Хакасии: литературно-художественный альманах. 1957. № 7. 128 с.
ХТ – Хан тигір = Космос: литературно-художественный альманах. 1993. № 1. 144 с.
ХФ – Хакаскай фольклор = Хакасский фольклор. № 1. Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1941. 166 с.
ХЧКЧН – Хакас чонның кип-чоохтары, ныхахтары = Хакасские предания и сказки / под ред. П. А. Троякова, Т. Г. Тачеевой. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1960. 234 с.
ХЧКЧ – Хакас чонының кип-чоохтары = Хакасские мифы и легенды / П. А. Трояков. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1990. 200 с.

Кичеева Кристина Владимировна.

Старший научный сотрудник.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017.

E-mail: kristi.tabakova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2021 г.

K. V. Kicheeva

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE PAST TENSE FORMS -CHYKH/-CHYK/-YUK AND THEIR DIFFERENTIATION WITH FORMS -ZHEE, -CHU, -AACHCHY, -CHA (BASED ON THE MATERIAL OF THE KHAKASS LANGUAGE)

The article provides a review of the scientific literature devoted to the problem of etymology of the past tense forms *-chых/-chыk/-yuk*, as well as an attempt to differentiate them with other forms identified by some researchers with the analyzed forms. There are two main points of view that are polemizing with each other. Besides, the author proposes own hypothesis based on existing views. It, i.e. the author's hypothesis, is based on the material of the Khakass language, collected by the method of continuous sampling of texts from fiction, journalistic, and folklore literature.

Comparing the semantics and some functions of Mongolian form *-zhee*, Qirghiz one *-chu*, Yakut *-aachchy*, Tungus-Manchu *-cha*, and Khakass form *-chых*, it is concluded that they are not identical to the latter and, respectively, to the forms *-chыk/-chых/-yuk* of the Khakass, Tuvan, Tofalar, and Old Uighur languages.

Special attention is paid to the combinations of the analyzed form *-chых* with other indicative past tense affixes *-gan*, *-dy*, *-tyr*, *-chan*, *-galakh*, *-(p)chatkhan*. It is revealed that in the Khakass language there is the analytical construction *-gan polchых*, in this regard the assumption of the contraction of auxiliary verb *er*- 'to be' in form *-ganchых* < *-gan + er-chых* is doubtful.

Sampling shows that in the Khakass language, form *-chых* is most often used in narration, and is rarely found in direct speech. It is interesting that in the first case narration is performed from the third person. Cases of the use of this form in the first, second persons have not been found.

As our language material has shown, form *-chых* in the Khakass language has the property of combining with different parts of speech and changing the position in the structure of a verbal word form, likewise particle *okh/-yok* is written together with a word form. This illustrates the thesis that form *-chых* is an affirmative particle, once often used when describing past events and which began to take personal affixes over time.

Keywords: *Khakass language, Tuvan language, Tofalar language, Old Uighur language, Qirghiz language, Yakut language, Mongolian language, Tungus-Manchu language, etymology, indicative, past tense, narration, particle.*

References:

- Baskakov N. A.** Forma glagola na -chykh || -chik ~ -chu || -chu v khakasskom, tuvinskom i kirgizskom yazykakh // Voprosy tyurkologii [The form of a verb with -chykh || -chik ~ -chu || -chu in the Khakass, Tuvan, and Kirghiz languages // Questions of Turkology]. Tashkent: Publishing house "Nauka" of the Uzbek SSR, 1965. Pp. 5–10.
- Baskakov N. A.** Forma proshedshego vremeni glagola na -sukh ~ si v tyurkskikh yazykakh i eyo proiskhozhdenie // Sovetskaya tyurkologiya [The past tense form of a verb with -sukh ~ si in the Turkic languages and its origin // Soviet Turkology]. 1978. № 4. Pp. 3–8.
- Baskakov N. A., Inkizhekova-Grekul A. I.** Khakasskiy yazyk (Foneticheskaya struktura. Slovarnyy sostav i grammaticheskiy stroy) // Khakassko-russkiy slovar [The Khakass language (Phonetic structure. Vocabulary and grammatical structure) // Khakass-Russian dictionary]. Moscow: Glavizdat, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. Pp. 359–487.
- Bayyr-ool A. V.** Otlagolnaya chastitsa yyyk v analiticheskikh konstruktivnykh uslovno-soslagatelnoi semantiki v tuvinskom yazyke // Gumanitarnye nauki Sibiri [Verbal particle yyyk in analytical constructions of conditional subjunctive semantics in the Tuvan language // Humanities in Siberia]. 2009. № 4. Pp. 93–97.
- Benzing J.** Classification of the Turkic languages [I] // Philologiae Turicae Fundamenta. P. 1–5.
- Borgoyakov M. I.** Ob odnoy osobennosti sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka // Uchyonye zapiski KhakNIYALI. Vyp. VIII [On one feature of the Sagay dialect of the Khakass language // Scientific notes of KhRILLH. Issue VIII]. Abakan: Khakass Publishing House, 1960. Pp. 185–186.
- Chebochakova I. M.** O nekotorykh voprosakh struktury glagolnoy slovoformy v khakasskom yazyke // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [On some issues of the structure of the verbal word form in the Khakass language // Scientific Review of the Sayan-Altai]. 2014. № 2 (08). Pp. 48–53.
- Dzhusupakmatov U.** Proshedshee vremya na -chu / chykh / -chykh // Otnoshenie kirgizskogo yazyka k sibirskim tyurkskim yazykam (na materiale form proshedshego vremeni glagola) [The past tense of -chu / chykh / -chykh // Relation of the Kirghiz language to the Siberian Turkic languages (based on the past tense forms of a verb)]. Frunze: Ilim, 1983. Pp. 97–115.
- Filippov G. G.** K voprosu ob otnoshenii yakutskikh prichastiy -aachchy i -a ilik k sibirskim tyurkskim yazykam // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki. [On the relation of the Yakut participles -aachchy and -a ilik to the Siberian Turkic languages // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University Series: Humanities and social sciences]. 2019. № 3. Pp. 63–71. DOI: 10.17238/issn 2227-6564.2019.3.63
- Gadzhieva N. Z.** Problemy tyurkskoy arealnoy lingvistiki. Sredneaziatskiy areal [Problems of Turkic areal linguistics. Central Asian area]. Moscow: Nauka, 1975. 304 pp.
- Gorelova L. M.** Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke [The species category in the Evenk language]. Novosibirsk: Nauka. 118 pp.
- Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. Moscow: Nauka, 1975. 418 pp.
- Iskhakov F. G., Palmbakh A. A.** Proshedshee ritoricheskoe vremya na -chykh // Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Past rhetorical tense with -chykh // Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. Pp. 375–379.
- Karpov V. G.** Izvayitelnoe naklonenie glagola v sovremennom khakasskom yazyke [Indicative mood of a verb in the modern Khakass language]. Abakan: Publishing house of N. F. Katanov Khakass State University, 2014. 164 pp.
- Karpov V. G.** Semantika glagola pol- "byt", ego morfologicheskie i sentaksicheskie funktsii v khakasskom yazyke // Issledovaniya po sovremennomu khakasskomu yazyku [Semantics of verb pol- "to be", its morphological and syntactic functions in the Khakass language // Research on the modern Khakass language]. Abakan: [Khakassia], 1980. Pp. 63–74.
- Karpov V. G.** Slozhnye formy proshedshego vremeni glagolov khakasskogo yazyka // Uchyonye zapiski KhakNIYALI. Vyp. XII [Complex forms of the past tense of verbs in the Khakass language // Scientific notes of KhRILLH. Issue XII]. Abakan: Krasnoyarsk Publishing House, Khakass Branch, 1966. Pp. 69–80.
- Konstantinova O. A.** Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [The Evenk language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1964. 272 pp.
- Konstantinova O. A., Lebedeva E. P.** Evenkiyskiy yazyk: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh uchilishch [The Evenk language: textbook for pedagogical colleges]. Moscow, Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1953. 332 pp.
- Korkina E. I.** Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke [Verb moods in the Yakut language]. Moscow: Nauka, 1970. 308 pp.
- Menges K.** Das Sojonische und Karagassische // Philologiae Turicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 640–670.
- Meshadieva A. E.** Drevnetyurkskie prichastnye formy i ikh ekvivalenty v sovremennykh tyurkskikh yazykakh // Yazyk i kultura: sbornik materialov XXIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Old Turkic participial forms and

their equivalents in modern Turkic languages // Language and culture: proceedings of the 29th International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk: OOO "Center for the Development of Scientific Cooperation", 2017. Pp. 117–125.

Mongush D. A. Proshedshee vremya na *-chyk* // Formy proshedshego vremeni izyavitelnogo nakloneniya v tuvinskom yazyke [The past tense with *-chyk* // Forms of the past tense of the indicative mood in the Tuvan language]. Kyzyl: Tuvan Publishing House, 1963. Pp. 130–145.

Nasilov D. M. Proshedshee vremya na *-jūk/-juq* v drevneuygurskom yazyke i ego refleksy v sovremennykh yazykakh // Tyurkologicheskii sbornik k shestidesyatiletiyu Andrey Nikolaeovicha Kononova [The past tense with *-jūk/-juq* in the Old Uighur language and its reflexes in modern languages // Turkological collection for the 60th anniversary of Andrey Nikolaeovich Kononov]. Moscow: Nauka, the Main Editorial Office of Oriental literature, 1966. Pp. 92–104.

Oorzhak B. Ch. O forme proshedshego vremeni na *=chyk* v tuvinskom yazyke v sopostavlenii s khakasskoy formoy na *=chykh* // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [On the form of the past tense with *=chyk* in the Tuvan language in comparison with the Khakass form with *=chykh* // Scientific Review of the Sayan-Altai]. 2020. № 3 (27). Pp. 27–30.

Oorzhak B. Ch. Vremennaya Sistema tuvinskogo yazyka [The tense system of the Tuvan language]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2014. 184 pp.

Oruzbaeva B. O. Formy proshedshego vremeni v kirgizskom yazyke [Forms of the past tense in the Kirghiz language]. Frunze: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR, 1955. 62 pp.

Pritsak O. Das Abakan- und Čulymtürkische und das Schorische // Philologicae Turcicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 598–640.

Rassadin V. I. Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [Morphology of the Tofalar language in comparative review]. Moscow: Nauka, 1978. 288 pp.

Serebrennikov B. A. Iz istorii zvukov i form tyurkskikh yazykov (o cheredovanii nachalnykh *b* i *m*) // Sovetskaya tyurkologiya [From the history of sounds and forms of the Turkic languages (on the alternation of initial *b* and *m*) // Soviet Turkology]. 1974. № 6. Pp. 3–17.

Shcherbak A. M. Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Glagol) [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Verb)]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1981. 184 pp.

Shirobokova N. N. Dannye morfologii v izuchenii istorii tyurkskikh yazykov Sibiri // Yazyki korennykh narodov Sibiri: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 5. [Data of morphology in the study of the history of the Turkic languages of Siberia // Languages of the indigenous peoples of Siberia: collection of scientific papers. Issue 5]. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. Pp. 125–151.

Shirobokova N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri [Relation of the Yakut language to the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 269 pp.

Sunik O. P. Glagol v tunguso-manchzhyrskikh yazykakh. Morfologicheskaya struktura i Sistema form glagol'nogo slova [Verb in the Tungus-Manchu languages. The morphological structure and the system of verbal word forms]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 364 pp.

Tatarintsev B. I. Etimologicheskii slovar tuvinskogo yazyka [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk: Nauka, 2002. 388 pp. (Vol. II: D, YO, I, Y).

Telitsyn N. N. K voprosu o razgranichenii prichastiy v drevneuygurskom yazyke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika [On the question of the differentiation of participles in the Old Uighur language // Bulletin of the St. Petersburg University. Oriental and African studies]. 2012. № 1. Pp. 27–38.

Ubryatova E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka [Research on the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 1976. Part 2., Book 1. 214 pp.

Ubryatova E. I. Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka: uchebnoe posobie [Historical grammar of the Yakut language: textbook]. Yakutsk: Publishing House of the Yakut State University, 1985. 60 pp.

Ubryatova E. I. Sledy drevnikh tyurkskogo, uygurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennykh yazykakh Sibiri // Izbrannye Trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam [Traces of Old Turkic, Uighur, and Kirghiz languages in modern languages of Siberia // Selected works. Research on the Turkic languages]. Novosibirsk: RIC NSU, 2011. Pp. 58–67.

Vasilevich G. M. Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka: posobie dlya prepodavateley evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka [Essay on the grammar of the Evenk (Tungus) language: teacher's manual of the Evenk (Tungus) language]. Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of the RSFSR, Leningrad Branch, 1940. 132 pp.

Kicheeva Kristina Vladimirovna.

Senior research fellow.

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History.

23 Shchetinkin st., Abakan, Russia, 655017.

Email: kristi.tabakova@mail.ru

Е. Л. Рудницкая

АТРИБУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Рассматриваются отглагольные имена с показателями номинализации *-кйт*, *-дяк*, *-вун*. Описывается их значение и употребление. Материалом послужил корпус устных рассказов на эвенкийском языке, а также газетные и переводные тексты. В центре внимания механизм появления у таких имен атрибутивного употребления. Номинализации на *-кйт*, *-дяк* образуют существительные со значением места или действия, а на *-вун* – со значением результата или инструмента действия. В акциональном значении эти существительные встречаются в основном в газетных текстах, а в локативном/результативном – в устной речи. Атрибутивное употребление данных отглагольных имен возникло недавно, оно зафиксировано только в газетных и переводных текстах XXI века. Его возникновение мы связываем с отсутствием в эвенкийском языке относительных прилагательных с абстрактным значением, таким как ‘медицинский’ или ‘подготовительный’. Данные имена морфологически являются существительными, а в синтаксическом отношении они сохраняют глагольное свойство управления дополнением в аккумулятиве. На том положении, что номинализации присоединяют аккумулятивный объект, основано заключение, что эти номинализации фразовые (то есть номинализуется глагольная группа VP, состоящая из глагольной основы и ее дополнения). Показатели *-кйт*, *-дяк*, *-вун* образуют именную группу (NP), будучи ее вершиной. В атрибутивном употреблении показатель номинализации претерпевает дальнейшее семантическое выветривание и грамматикализацию, превращаясь в показатель атрибутивности, или релятор. Релятор соединяет предикативное/атрибутивное слово (на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*) и субъект предикации (существительное). Из исходной предикативной структуры с релятором получается атрибутивная структура: две таких структуры анализируются как родственные, такие, в структуре которых выделяется субъект и предикат. Для иллюстрации используются схемы предложений в терминах грамматики непосредственных составляющих.

Ключевые слова: номинализация, локативный, атрибутивный, отглагольное имя, эвенкийский язык.

1. Введение

В настоящей статье речь пойдет об употреблении определенного класса отглагольных имен в атрибутивной позиции в качестве определений². В эвенкийском языке всего несколько непроизводных прилагательных (ср. *ая* ‘хороший’ в (1а)), а большинство прилагательных образуется от глаголов, существительных, наречий и др. с помощью ряда показателей атрибутивности. Показателем атрибутива со значением относительного прилагательного является *-ды/-ты* (Василевич, 1940: 75–76; Константинова, 1964: 111): *бира* «река» → *бира-ды* «речной», *кунакан* «ребенок» → *кунака-ды* «детский». Примеры других показателей: *-мV* ‘материал’ (*мо-ма* «деревянный» ← *мо* ‘дерево’), *-нты* ‘время’ (*дюлэ-нты* «будущее» ← *дюле* «перед, впереди»), *-чи* ‘обладание’ (*чука-чи* «травянистый» ← *чука* «трава»).

Прилагательное, атрибутив или местоимение в именной группе стоят перед существительным. Прилагательные могут согласовываться с определяемым именем по падежу (1а-б), числу (1а) и посессивности, но согласование по всем этим категориям факультативно (1в-г).

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий», № 20-012-00520 А (2020–2022 гг., рук. О. А. Казакевич). Мы благодарим участников международных конференций OLINCO-2021, Оломоуц, Палацкий университет и «Язык и методы его описания – 2022. Памяти А. Н. Барулина», Москва, РГГУ (онлайн), 17.01–18.01.2022.

² Данные, на которых базируется работа, – корпус рассказов на эвенкийском языке «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (создан Е. Л. Клячко, <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/textspage>). Поэтому у нас не будет отрицательных примеров.

- (1) а. *о-дя-н-ки-тын* *ая-л-ду* *дуннэ-л-ду*
становиться-IPFV-PSTITER-3PL хороший-PL-DAT земля-PL-DAT
{постоянные стоянки} «стали хорошими землями» [популярная история эвенков, газета]
б. *эвэ-ды-вэ* *праздник-ва* [популярная история эвенков, газета]
эвенк-ATR-ACC праздник-ACC
{люди праздновали} «эвенкийский праздник» {The beginning of Summer/New Year}
в. *би ая-т са-ча-в эвэ-ды композитор-ва*
я хороший-ADVZ знать-PST-1SG эвенк-ATR композитор-ACC
«Я хорошо знал эвенкийского композитора» (Олега Чапогира) [газета]
г. *тап портрет-ва*
тот портрет-ACC
«тот портрет» {взяли на выставку} [газета]

Необходимо заметить, что показатель атрибутивности, в том числе позиционно, деривативный: он стоит перед согласовательными показателями, ср. (2).

- (2) *чувака-чи-л-дѹ*
сопка-ATR-PL-DAT
«на Сопке» (название реки) [сказание]

Хотя от отглагольных существительных в принципе можно образовать реляционное прилагательное (*охота* → *охотничий*, *дружба* → *дружеский*, *медицина* → *медицинский*), в эвенкийском языке присоединение реляционного аффикса *-ды/-ты* к отглагольным именам на *-кѹт*, *-дяк*, *-вун* невозможно, ср. (3а-в)³.

(3) а. <i>булта-кѹт</i>	→	<i>*булта-кѹт-ты</i>
охотиться-NMLZ		охотиться-NMLZ-ATR
«охота, место охоты»		«охотничий»
б. <i>балды-дяк</i>	→	<i>*балды-дяк-ты</i>
родиться-NMLZ		родиться-NMLZ-ATR
«родина»		«родной»
в. <i>ани-вун</i>	→	<i>*ани-ву-ды</i>
дарить-NMLZ		дарить-NMLZ-ATR
«подарок»		«подарочный»

Аффиксы *-кѹт*, *-дяк*, *-вун* это показатели номинализации NMLZ (.LOC, .INST). Показатель *-кѹт* может обозначать как место действия (*элбэ-кѹт* ‘место купания’ ← *элбэ-* ‘купаться’), так и само действие (*ин-кѹт* ‘жизнь’ ← *ин-* ‘жить’), а *-вун* как объект – результат действия (4а-б) или инструмент действия (*пэктырэ-вун* ‘ружье’ ← *пэктырэ-* ‘стрелять’), так и само действие (*хавали-вун* ‘работа’ ← *хавали-* ‘работать’). Мы рассмотрим аргументное и атрибутивное употребление отглагольных имен на *-кѹт*, *-дяк*, *-вун* и предложим механизм возникновения у них атрибутивного употребления и значения.

³ Ограничение на присоединение *-ды/-ты* не связано напрямую с (не)производностью имени. Б. В. Болдырев [Болдырев, 2007: 430] приводит данные по существительным, образованным с помощью аффикса *-ни* NMLZ.TEMP (номинализация со значением промежутка времени) от глагольных основ (например, *долбо-нѹ* ‘ночь’ ← *долбо-* ‘настать (о ночи)’); эти существительные в атрибутивной позиции могут присоединять аффикс *-ды*, хотя это не обязательно. Примеры: *боло-нѹ-л-ди эды-р-ди* (настать(об.осени)-NMLZ.TEMP-PL-INST ветер-PL-INST) ‘осенними ветрами’ vs. *боло-нѹ-ды и нѹни-пчу эдын* (настать(об.осени)-NMLZ.TEMP-ATR ветер) ‘осенний ветер’.

Б. В. Болдырев [Болдырев, 2007: 432] приводит примеры относительных «назначительных» прилагательных, которые, как он замечает, образуются с помощью атрибутивного суффикса *-вун* (или, с нашей точки зрения, это прилагательные, полученные из существительных путем конверсии):

- (4) а. *дамгаты-вун* бумага
курить-NMLZ.RES бумага
«курительная (для курения) бумага» [Болдырев, 2007: 432]
б. *олло-ми-ву-р-ди* савода-л-ди
рыба-VBLZ.HUNT-NMLZ.RES-PL-INST снасть-PL-INST
{ловить рыбу} «рыболовными сетями» [Болдырев, 2007: 432]

В отличие от инструментальных имен на *-вун* типа *пэктырэ-вун* ‘ружье’, результативные имена употребляются в основном как определения, ср. (5а-б). Мы считаем, что в (5а-б) представлено существительное на *-вун*, как и в (6), а не прилагательное, см. (13а), (13в) ниже с акциональными именами действия на *-вун* в позиции аргумента.

- (5) а. *дюр* *мō-ва* *мō-кā-р-вэ*
два дерево-ACC дерево-ATTEN-PL-ACC
о-ра-н *дуктэ-ву-р-э-и*
сделать-NFUT-3SG колотить-NMLZ-PL-PART-RFL
«Два дерева, две палочки сделал для битья в бубен» (устный рассказ)
б. *ин-де-вун*=*тэ*=*лувэр* *оро-р-ди*=*лувэр*
жить-IPFV-NMLZ.INST/CVB.INT⁴=FOC=FOC олень-PL-INST=FOC
ин-де-п
жить-PRS-1PL(INCL)
«Для жизни ведь, оленями же живем» (устный рассказ)

- (6) *Авель* *нйн* *Бэгин-дӯ* *анй-вун-ма* *эмув-чэ*
Авель опять Бог-DAT дарить-NMLZ-ACC приносить-PTCP.ANT
‘Авель также принес дар Господу’ (Библия для детей, перевод на эвенкийский язык)

В грамматиках [Василевич, 1940: 76; Константинова, 1964: 111–112] считается, что показатель *-вун* образует только существительные, что еще раз подтверждает наш тезис в п. 3 о недавнем появлении атрибутивного употребления у аргументных номинализаций. «Прилагательные на *-кйт*, *-дяк*» не упоминаются в грамматиках.

Приведем примеры других словообразовательных показателей, которые маркируют не только существительные, но и атрибутивы: *-нй/-нйи* PROPR, *-тVй* ATR.PROPR, ср. (7а-б).

⁴ В некоторых контекстах трудно различить деепричастие намерения на *-вуна* и существительное на *-вун*. Мы считаем, что эти два показателя связаны. Как показатель номинализации (примеры (4а-б) и (5а), ср. *-вуна* в (5б)), родственный показателю конверба намерения CVB.INT на *-вуна*, показатель *-вун* мог образовывать существительное с результативным значением ‘для чего-либо’ (примеры (4а-б) и (5а)), а не только со значением инструмента, как в *пэктырэ-вун* ‘ружье’ выше, со значением объекта-фактива (*ани-вун* ‘подарок’ в (6)) или со значением действия, как в (13а), (13в). Ср. показатель целевого конверба *-дV*, который может обозначать не только цель действия, но и пропозициональный объект, не являющийся целью: объект таких (в основном нефактивных) предикатов, как ‘хотеть’. Например, *омо-шэ-нуэ-рэ-н* *деб-дō-ви* (прийти-INCEP-HAB-NFUT-3SG есть-CVB.PURP-RFL) {орленок} ‘прилетает, чтобы поест’ {рыбу} (устный рассказ) vs. *bā-d’ə-čā-w* *huru-dō-ji* (не.хотеть-IPFV-PST-1SG идти-CVB.PURP-RFL) {я в школу} ‘не хотела идти’ (устный рассказ).

- (7) а. Туру-һи ← Туру б. мӯ-тай ← мӯ
 {человек} 'из Туры' 'Тура' {тарелка} 'с водой' 'вода'

2. Свойства аргументных номинализаций

В терминах [Grimshaw, 1990, Ch. 3; Rathert, Alexiadou, 2010: 1–2] отглагольные номинализации делятся на аргументные (argument structure, complex event) и референтные (referential, simple). Первые наследуют некоторые морфосинтаксические свойства глагола, а вторые не наследуют глагольных свойств.

Отглагольные имена на *-кйт*, *-дяк*, *-вун* наследуют определенные свойства глагола, то есть это аргументные номинализации. Это отражается в модели управления таких имен: они способны управлять винительным падежом. Во многих работах такие номинализации считаются фразовыми, например [Baker, Vinokurova, 2009]. В представлении через грамматику непосредственных составляющих в структуру таких номинализаций входят глагольные категории, в то время как референтные номинализации имеют чисто именную структуру⁵.

В примере (8) показаны фразовые номинализации на *-мна* и *-д'Vк*⁶. Эти предложения относятся не к современному эвенкийскому языку, а к языку середины XX века. В нем сохранился аффикс *-мна* NMLZ.RES, в то время как в современном языке XXI века как показатель результативной номинализации используется аффикс *-вун*.

- (8) бу упкат ичэ-рэ-в
 1PL(EXCL) весь видеть-NFUT-1PL(EXCL)
 [_{NP} [_{VP} сэктэ-кэ-р-вэ коңи]-мнэ-вэ-тын]
 ветка-INTS-PL-ACC отгрызть-NMLZ.RES-ACC-POSS.3PL
 i [[_{NP1} [_{VP} t₂ сэктэ-лэ]-дек-вэ-тын]
 и ветка-VBLZ.OBJ-NMLZ.LOC-ACC-POSS.3PL
 [_{NP2} лалбука-л-ва]]
 мох-PL-ACC
 «Мы все увидели, что ельник обгрызен [результат того, что кто-то обгрыз ельник] и [увидели] место, где она [медведица] собирала для подстилки мох» (Лебедева, 1952, архив).

В (8), как показано в самом примере, обе номинализации на *-мна* и на *-дяк* – это именные группы (NP, NP_i), но в эти группы вложены глагольные группы (VP), которые состоят из аккузативного дополнения и основы глагола. Таким образом, это смешанные категории, которые обладают и признаками имени (падежи и другие именные категории), и признаками глагола (управление дополнением в винительном падеже).

При этом номинализация с дополнением в винительном является фразовой, то есть номинализуется не основа, а составляющая типа VP: основа с аккузативным дополнением, ср. (9) – анализ аналогичной агентивной номинализации в якутском языке в [Baker, Vinokurova, 2009].

⁵ Примеры референтных номинализаций – номинализации на *-н*, *-р*: *ине-н* 'смех, шутка' ← *ине* 'смеяться'; *дэго-р* 'нужда' ← *дэго* 'нуждаться'. Примеры типа (8) и (10а-в) с аккузативным дополнением недопустимы для имен на *-н*, *-р*. Интересно, что единичные примеры имен на *-н* с аккузативным дополнением есть в русско-эвенкийском словаре Б. В. Болдырева [Болдырев, 1994], основанном на литературном эвенкийском языке.

⁶ *t* – это «след», или исходная грамматическая позиция аккузативного дополнения *лалбука-л-ва* 'мох [ВИНИТ]'; это дополнение должно стоять перед отглагольным именем: там же, где стоит прямой объект в глагольной группе, то есть перед глаголом.

(9) $[NP_{VP} NP_{ACC} + V] + NMLZ$

В (9) NP_{ACC} – это именная группа, которой «управляет» отглагольное имя, VP – это глагольная группа с аккузативным объектом NP_{ACC} , подвергающаяся фразовой номинализации. NP – это тоже именная группа, получившаяся из VP в результате номинализации VP . Ее вершиной является показатель номинализации $NMLZ$.

В эвенкийском языке в соответствии со схемой (9) строятся предложения (10а-в): (10а-б) с аффиксами *-кйт* и *-вун* и (10в) с аффиксом *-мнй*; последняя модель наиболее продуктивная [Рудницкая, 2020]. В (10в) фразовая номинализация [*сюкэ-л-ба олгй-мнй*] букв. ‘траву [ACC] сушильница’ – это именная часть сказуемого со связкой *би-сб-н* ‘была’.

- (10) а. оленеводы-л хунту исмини= исмини-рэ-Ø
 оленевод-PL другой менять.SLIP менять-NFUT-3PL
 [орон-Ø-ми⁷ ирги]-кйт-нэ
 олень-ACC-RFL воспитывать-NMLZ-ACC
 ‘Другие оленеводы изменили’ {воспитание оленей} (устный рассказ)
- б. [догинуэкта-л-вэ хэлгй]-вун
 гриб-PL-ACC сушить-NMLZ.INSTR
 ‘Трибосушилка’ (устный рассказ)
- в. [сюкэ-л-ба олгй-мнй]
 [траву-PL-ACC сушить-NMLZ.AG]
 би-сб-н тар ахи
 быть-PST-3SG тот женщина
 ‘Травы сушила эта женщина’ (устный рассказ)

Примеры (10а-в) можно анализировать как фразовую номинализацию, считая *-кйт*, *-дяк*, *мнй* фразовыми аффиксами – это условие для постулирования изменения $NMLZ \rightarrow ATR$. Такой анализ возможен, если считать, что в (9) и (10а-в) аккузативным дополнением управляет не существительное (*ирги-хйт* ‘воспитание’ в (10а)), а глагольная основа *ирги-* ‘воспитывать’, которая является вершиной V и образует VP [орон-Ø-ми *ирги-*]⁸.

В сборнике [Nominalization, 2011], в статьях [Genetti, 2011; Noonan, 2011] описываются тибето-бирманские языки. Примеры (11а-в) из чантьяльского языка. В (11б-в) показано, что фразовая номинализация (11а) может функционировать как атрибутив. При этом показатель номинализации (*-wa*, омонимичный показателю номинатива) претерпевает дальнейшую грамматикализацию в качестве реляционного показателя (показателя атрибутивности): если в (11а) *-wa* указывает на номинализацию глагольной основы (вместе с аргументами глагола), то в (11б-в) – на релятивизацию глагольной клаузы или атрибутивизацию наречия *təyla* ‘вчера’. Другими словами, показатель номинализации начинает функционировать как показатель атрибутивности. Его значение изменяется и выветривается, становясь в некотором смысле «беднее», или проще. Показатель номинализации несет информацию о смене частеречной принадлежности слова, а показатель атрибутивности не всегда: например, как мы видели, существительное в эвенкийском языке, может, как и прилагательное нести атрибутивную функцию. Изменение, происходящее с *-wa*, можно представить как $NMLZ \rightarrow ATR$.

⁷ Показатель ACC *-вV* стирается перед показателем *-ми* RFL.

⁸ Приведенные примеры взяты из рассказов и текстов, а не получены с помощью эликации, потому что в современном языке группы с аккузативным дополнением (как в (6а-в)) нельзя построить для любого существительного на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*, *-мнй*: это частично лексикализованная и не полностью регулярная морфосинтаксическая модель.

- (11) а. *na-sə* [*bhuluŋ-sə ghwaral ca*]-**wa** *mara-i* [Noonan, 2011: 198]
 я-ERG⁹ леопард-ERG дикий.козел есть-**NOM** видеть-PERF
 ‘Я видел, как леопард ел дикого козла’
- б. [*mənchi-sə ca-si*]-**wa** *gay-ye sya* [Noonan, 2011: 199]
 человек-ERG есть-ANT-**NOM** корова-GEN мясо
 ‘говядина, которую съел человек’
- в. *təyla-wa saka* [Noonan, 2011: 200]
 вчера-**NOM** предок
 ‘вчерашние предки’ (в русском переводе смысл ‘прошрое’ дублируется, содержась в смысле *вчерашний* и смысле *предок*)

Мы попытаемся показать, что такое же, как в (11б-в), расширение дистрибуции со сменой функции происходит у эвенкийских имен на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*. Будем исходить из того, что в эвенкийских примерах типа (10а-б) происходит фразовая номинализация, как и в (11а)¹⁰.

При номинализации в (11а) сентенциальная составляющая, которая номинализуется, осмысливается как релятивное предложение в (11в), что так же, как в примерах (10а-в) с аккумулятивным объектом, позволяет говорить о сентенциальном характере номинализации, ср. (12а-г). «Релятивное» осмысление подходит для локативных номинализаций на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*.

- (12) а. *он никэ-нэ* *амаскй*
 как собираться-CVB.SIM обратно
эмэ-дѣк-ни *бака-дя-м*
 приходит-NMLZ.LOC-RFL находить-FUTCNT-1SG
 ‘Собираясь возвращаться назад, как я найду (то место), **как я пришел?**’
 (устный рассказ)
- б. *Суриунэ – дуннэ-в* *минуи,* *балды-дяк-ив*
 Суринда родина-POSS.1SG 1SG.POSS родиться-NMLZ.LOC-POSS.1SG
 ‘Суринда – моя земля, **место, где я родился**’ (газета)
- в. *хута-кан-дуки-н* *эрэ* *лукй-ли-н*
 мешок-ATTEN-ABL-3SG этот стрела-PL-3SG
би-кит-тук-тин
 быть-NMLZ.LOC-ABL-POSS.3PL
 {Когда он прыгнул, его стрелы упали} ‘из маленького мешка (колчана), **где они были**’
 (устный рассказ)
- г. *этэ-рэ-н...* *тар-тикй* *гирку-д’а-ми...*
 не.стать-NFUT-3SG тот-ALL ходить-IPFV-CVB.COND
bulta-kit-tikī-ji...
 охотиться-NMLZ.LOC-ALL-RFL
 {Потом тот человек} ‘...перестал туда ходить, на свой **охотничий участок (место, где он охотится)**...’ {думая: “Я опять упаду”.} (устный рассказ)

⁹ Глоссы, используемые М. Нунэном: ERG – эргатив, NOM – показатель номинализации, PERF – показатель перфективности, ANT – показатель антериорности, GEN – генитив.

¹⁰ В английском языке многие существительные также могут выступать в атрибутивной позиции, являясь атрибутами:

(i) а. *He lifted the stone* ‘Он поднял камень’

б. *The stone wall is high* ‘Каменная стена высокая’

Нужно отметить, что существительное с *-кйт*, *-дяк*, *-вун* может также быть акциональной (13а-в) номинализацией, которая, вероятно, референтная, а не аргументная по [Grimshaw, 1990, Ch. 3; Rathert, Alexiadou, 2010: 1–2] и не сохраняет глагольные свойства:

- (13) а. *эр гиркилэ-вун*
этот дружить-NMLZ
'эта дружба' {очень помогает оленеводам} (газета)
- б. ...*булта-кит-тула*, *олломэ-кит-тула* *итыга-на-л*
охотиться-NMLZ-LOC рыбачить-NMLZ-LOC приготовиться-PROB-PL
{Социальные выплаты и дотации} 'вероятно, начались с охоты и рыбалки' (газета)
- в. ...*алагу-вун-ма* *тадук* *авгара-кит-ва*
учиться-NMLZ-ACC и выздоравливать-NMLZ-ACC
{Молодые люди должны заботиться о своей ...} '...учебе и здоровье' (газета)

3. От показателя номинализации NMLZ к атрибутивному/релятивному показателю ATR

В примерах (14а-в) показано атрибутивное употребление номинализаций на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*. Примеры (15а-в) показывают, что атрибутив на *-кйт*, *-дяк*, *-вун* может согласовываться с существительным по категориям рода и числа, как и прилагательные в (1а-б).

- (14) а. [*нууан балды-дяк* *түрэ-р-ди-н*]
он(а) родиться-NMLZ.LOC//ATR язык-PL-INST-PS.3SG
түрэт-чэрий-вэ-тын
говорить-PTCP.SIM-ACC-POSS.3PL
{Каждый слышал, что апостолы} 'говорят на его родном языке.' (Библия для детей, перевод на эвенкийский язык)
- б. [*авгара-кит* *училища-т*]
выздоровливать-NMLZ//ATR училище-INST
{Школа была названа} 'медицинским училищем.' (газета)
- в. *статья-ли* [*«Ха-вун дотация-л»*]
статья-PROL прибавлять-NMLZ//ATR дотация-PL
{Расходы на разведение оленей были повышены} 'в (юридической) статье «Дополнительная дотация».' (газета)
- (15) а. *ани-вун-ма* *альбом-ва* (газета)
дарить-NMLZ//ATR-ACC альбом-ACC
{И. В. Мукто вручил каждому ученику} 'подарочный альбом'
- б. *иру-дяк-тулā* *хокто-лō*
тащить-NMLZ.LOC//ATR-LOC дорога-LOC
{Мы вышли} 'на дорогу со старой колеёй.' [Колесникова, 1966: 154]
- в. *итыга-ву/н/-р* *хава-л*
готовить-NMLZ//ATR-PL работа-PL
'Подготовительные работы' {начались.} (газета)

Примеров существительных на *-кйт*, *-дяк*, *-вун* в атрибутивном употреблении типа (14а-в) и (15а-в) достаточно мало, и такие случаи есть только в газетных и переводных текстах, но не

в устных рассказах. Существительные на *-кйт*, *-дяк*, *-вун* в значении акциональной (а не локативной) номинализации также характерны для газетного текста начала XXI века и переводного текста, ср. (13а-в). Локативные же номинализации типа (12а-г) встречаются и в газете, и (даже чаще) в устных рассказах.

В качестве гипотезы можно предложить, что появление атрибутивов на *-кйт*, *-дяк*, *-вун* было вызвано тем, что в эвенкийском языке не было слов с абстрактными значениями относительных прилагательных – ‘медицинский’, ‘дополнительный’, ‘подготовительный’ и т. п. Эти слова должны были входить в язык газет или переводов с русского, не встречаясь в разговорной речи.

Формально можно представить процесс превращения показателя номинализации в атрибутивный/релятивный показатель так. Варианты номинализации для *-кйт*, *-дяк*, *-вун* (на примере (13б), (12г)) показаны в (16а-б): вершинный в (16а) и «фразовый» в (16б).

- (16) а. [_N [_V *булта* _V] *кйт*] ‘охотиться’ → *бултакйт* ‘охота’ [NMLZ] (13б)
 б. [_{NP} [_{VP} [_{AdvP(Place/Inst)} *Ор_I* [_{Adv} ∅]] [_{VP} [_V *булта* (V)] _{VP}] [_N *кйт*₁ (N)]] ‘охотиться’ → *бултакйт* ‘место, где он охотился’ [NMLZ.LOC] (12г)

В (16а) словообразование представлено традиционным способом как операция над вершинами: к вершине V (основе) присоединяется вершина N (аффиксы *-кйт*, *-дяк*, *-вун*). А в (16б) (ср. (9)) N присоединяется к VP с вершиной V, то есть к фразовой категории¹¹.

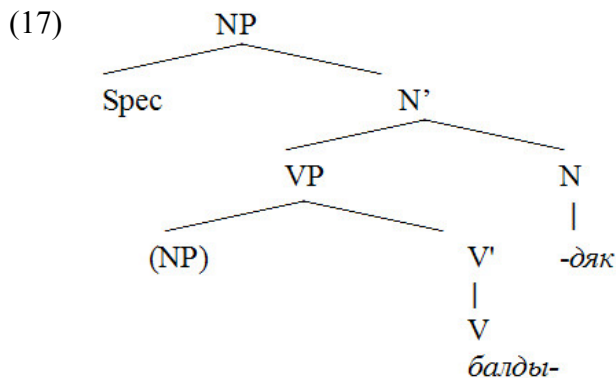
Мы будем считать, что исходной для появления атрибутивного употребления является фразовая, то есть локативная номинализация (16б), ср. (12а-г). Другими словами, мы полагаем, что существительные на *-кйт*, *-дяк*, *-вун* образовались от глаголов тем путем, который соответствует (16б), а не (16а). Если не считать примеры (13а-в), которые нельзя анализировать как локативную/фразовую номинализацию на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*, нужно заметить, что локативная интерпретация, которая связана с фразовой номинализацией, более регулярна. Как проиллюстрировано в примерах (13а-в), акциональная интерпретация (фразовый характер которой невозможно доказать) возможна для существительных на *-вун* и *-кйт*. Она не встречается у существительных на *-дяк*.

В (17) для примера (14а) показана исходная структура для процесса перехода от показателя номинализации к показателю атрибутивности/релятивизации. Отглагольное существительное – это именная группа (NP), в которую вложена фразовая проекция (VP)¹².

- (14) а. [*нууан* *балды-дйк* *тўрѣ-р-ди-н*]
 он(а) родиться-NMLZ.LOC//ATR язык-PL-INST-POSS.3SG
тўрѣт-чэрий-вэ-тын
 говорить-PTCP.SIM-ACC-POSS.3PL
 {Каждый слышал, что апостолы} ‘говорят на его родном языке.’ (Библия для детей, перевод на эвенкийский язык)

¹¹ И. Николаева [Nikolaeva, 2008] на примере другого фразового аффикса *-ci* ATR показывает, что трактовка эвенкийских словообразовательных аффиксов как фразовых спорна с точки зрения общей и эвенкийской морфологии. Если же учитывать синтаксические критерии («управление» отглагольных имен), то они, наоборот, подсказывают такую трактовку.

¹² Мы предлагаем релятивную структуру релятивного обстоятельства места ‘место, где что-то произошло’.

Если исходить из (16б) и (17) как синтаксических структур, в (17) вершина N (показатель номинализации *-дяк*) присоединяется к VP (фразовой категории, группе), а не к V (вершине): $[_{VP} \dots _{VP}]_{-дяк_N}$. При этом VP чаще всего, как во всех примерах, кроме (10а-в), включает одно слово или основу (*балды-*)¹³.

При появлении атрибутивного употребления *-кйт* / *-дяк* / *-вун* (N) перестает быть показателем номинализации и приобретает свойства атрибутивного показателя, или показателя предикативного/атрибутивного отношения. В (18), в соответствии с терминологией [den Dikken, 2006: 3], мы называем этот показатель релятором ((Rel)ator).

$$(18) \quad [_{NP} [_{VP} [_{V'} V]] [_{N'} N]] \rightarrow [_{RelP} \text{Subject} [_{VP} [_{V'} V]] [_{Rel'} \text{Rel}]]$$

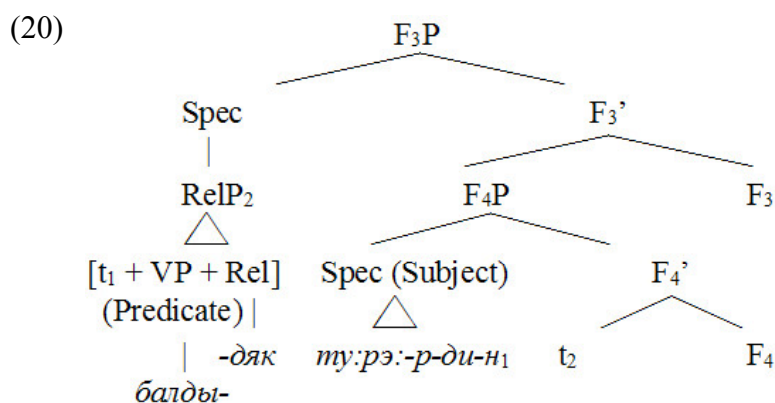
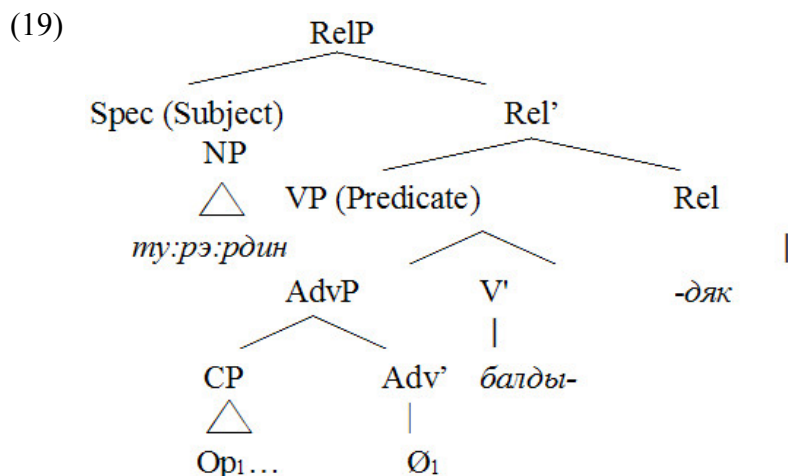
При превращении NP в RelP (18) мы получаем из (17) структуру (19): структуру с релятивной (то есть в терминах М. ден-Диккена предикативной или атрибутивной) связью. Эта связь, выражаемая релятором *-кйт*, *-дяк*, *-вун*, проецирует предикат (*балдыдяк* 'родной' (VP) в (14а)) на субъект – определяемое существительное *түрэр-р* 'языки' Spec (Subject). В этой структуре предикат (VP) следует за субъектом (Spec (Subject)), отражая исходный порядок субъекта в субъектно-предикатной структуре (в эвенкийском языке Subject – Predicate: *түрэрдин балдыдяк* 'языки (есть) родные')¹⁴. В (19) также включается группа наречия AdvP, потому что мы при построении структуры локативной номинализации, являющейся в предложении обстоятельством места, исходим из релятивной интерпретации локативной номинализации (см. (12а-г)). Вершина Adv представлена нулем, кореферентным по индексу 1 оператору Op_1 , который релятивизируется (тут используется структура релятивизации в генеративной грамматике).

Атрибутивная структура с препозицией определения к субъекту, или определяемому существительному, то есть (20), *балдыдяк түрэрдин*, выводится из предикативной (19) с использованием функциональных проекций F_3P и F_4P над RelP (RelP из (19) это комплемент F_1) и с помощью нескольких передвижений [den Dikken, 2006].

Более конкретно, для получения (20) из (19) над RelP достраиваются одна над другой F_4P и F_3P . Сначала NP (Subject) перемещается из SpecRelP в Spec F_4P , оставив след t_1 . Затем происходит так называемое «остаточное перемещение» (remnant movement): RelP перемещается из позиции комплемента F_1 (оставив там след t_2) в позицию Spec F_3P , см. (20) как результирующую структуру. След субъекта t_1 перемещается в Spec F_3P вместе с RelP, поэтому такое перемещение называется остаточным.

¹³ В (17), более подробной структуре, в VP факультативно включается NP, потому что у глагольной основы V может быть комплемент – например, в (6а-в).

¹⁴ Дерево непосредственных составляющих должно отражать порядок слов в высказывании или синтаксической конструкции. В соответствии с работой [Cinque, 2010: 59–61] у предикативной (19) и атрибутивной (20) конструкций общая глубинная (исходная) структура.

4. Выводы

Было предложено описание и объяснение появления атрибутивного употребления отглагольных существительных на *-кйт*, *-дяк*, *-вун*. Отглагольные существительные претерпевают фразовую номинализацию (номинализуется группа VP). Затем показатель номинализации (*-кйт*, *-дяк*, *-вун*) подвергается дополнительной грамматикализации и смысловому выветриванию, превращаясь в релятивный показатель. Причиной этого перехода предлагается считать отсутствие в эвенкийском языке относительных прилагательных с абстрактными значениями.

Релятивный показатель выражает связь между субъектом и предикатом (определяемым и определяющим) в предикативной и определительной конструкциях. Исходным считается порядок, при котором субъект стоит первым (предикативная конструкция). Определительная конструкция, которая описывается, получается из предикативной с помощью достраивания двух функциональных проекций и двух перемещений.

При появлении атрибутивной функции отглагольные имена приобретают сходство с причастиями, начиная употребляться и как существительное (аргумент), и как прилагательное (определитель, предикат).

Сокращения:

Ø – нулевая морфологическая/синтаксическая единица, ABL – аблатив, ACC – аккузатив, Adv – наречие, AdvP – группа наречия, ADVZ – адвербиализатор, AG – агентивная (номинализация), ALL – аллатив, ANT – (причастие) предшествования, ATR – атрибутив, ATTEN – аттенуатив, COND – условный (конверб), CVB – конверб, DAT –

датов, EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – фокусная частица, FUT – будущее время, FUTCNT – будущее ближайшее время, INCL – инклюзивное (множественное), HUNT – показатель, образующий отыменной глагол от существительного со значением ‘объект охоты/рыбалки’, INST – инструменталис; инструментальная (номинализация), INT – (конверб) намерения, INTS – интенсификатор, IPFV – имперфектив (аспект), LOC – локатив; локативная (номинализация), N – существительное, NFUT – небудущее, NMLZ – показатель номинализации, NP – именная группа, OBJ – показатель, образующий отыменной глагол от объекта действия, Op – оператор, PART – партитив, PL – множественное (число), POSS – посессивный (аффикс), PROB – показатель пробабилитивности (наклонения вероятности), PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PSTITER – прошедшее итеративное время, PTCP – причастие, PURP – (конверб) цели, RECIP – реципрок, Rel – релятор (показатель синтаксического отношения), RelP – группа релятора, RFL – рефлексив, RES – показатель результативной (номинализации), RFL – рефлексив, SG – единственное число, SIM – (конверб) одновременности, SLIP – оговорка, Spes – спецификатор, V – глагол, VBLZ – показатель, образующий глагол (вербализатор), VP – глагольная группа.

Литература:

- Болдырев Б. В.** Морфология эвенкийского языка / Ред. Роббек В. А. Новосибирск, Наука, 2007.
Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь / Ред. М. Д. Симонов. Новосибирск: Наука, 1994.
Василевич Г. М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940.
Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964.
Рудницкая Е. Л. Синтаксис в словообразовании в модели генеративной грамматики: эвенкийская лексическая номинализация с аккузативным объектом // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна / Ред. А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. М.: «Буки Веди», 2020. С. 620–625.
Baker M., Vinokurova N. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations // *Language*. 2009. V. 85, No. 3. P. 517–556.
Cinque G. The Syntax of Adjectives. A Comparative Study. Cambridge / London, 2010.
den Dikken M. Relators and linkers. Cambridge (Mass.): MIT, 2006.
Genetti C. Nominalization in Tibeto-Burman languages of the Himalayan area: A typological perspective // *Nominalization in Asian Languages. Diachronic and typological perspectives* / Edited by Foong Ha Yap, Karen Grunow-Hersta, Janick Wrona. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 163–194.
Grimshaw J. 1990. Argument structure. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1990.
Nikolaeva I. 2008. Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*. Vol. 118. P. 969–996.
Noonan M. Aspects of the historical development of nominalizers in the Tamangic languages // *Nominalization in Asian Languages. Diachronic and typological perspectives* / Edited by Foong Ha Yap, Karen Grunow-Hersta, Janick Wrona. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 195–214.
M. Rathert, A. Alexiadou. Introduction // *The semantics of nominalizations across languages and frameworks* / edited by Monika Rathert, Artemis Alexiadou. Berlin / New-York: Walter de Gruyters, 2010. P. 1–8.

Рудницкая Елена Леонидовна.

Доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки.

Институт востоковедения Российской академии наук.

Ул. Рождественка, 12, г. Москва, 107031.

E-mail: erudnitskaya@gmail.com

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2022 г.

E. L. Rudnitskaya

ATTRIBUTIVE USE OF DEVERBAL NOUNS IN EVENKI

The paper considers deverbal nouns with nominalization markers *-кйт*, *-дяк*, *-вун*. Their meaning and use are considered. The study is based on the corpus of oral stories in Evenki as well as on Evenki newspapers, and on texts translated from Russian. The focus of the study is the mechanism as to how the attributive use appears. The action *-кйт*, *-дяк*, *-вун* nominalizations occur mostly in recent newspaper texts, whereas in oral stories, locative

nominalizations in *-кйт*, *-дяк* and instrumental/resultative nominalizations in *-вун* can be found. Nominalizations in the attributive position were also found in newspaper texts and texts of the XXI century translated from Russian. We claim that the attributive use of nominalizations under consideration was the consequence of the lack of adjectives with an abstract relational meaning, such as 'medical' or 'preparatory'. The nouns in *-кйт*, *-дяк*, *-вун* are morphologically nouns, and syntactically they preserve the verbal subcategorization property, and require an Accusative noun. Based on the data of the Accusative object of the verbal stem, we proposed that the *-кйт*, *-дяк*, *-вун* nominalizations are phrasal (the VP consisting of the verb stem and its object gets nominalized). The nominalization markers *-кйт*, *-дяк*, *-вун* are NP heads. In the attributive use, the nominalization markers undergoes further grammaticalization and semantic erosion, and becomes the attributivity marker, or relator. The relator links the predicative/attributive word (the *-кйт*, *-дяк*, *-вун* nominalization) to its subject (the noun). The attributive structure emerges from the predicative structure: these two structures are considered as related and consisting of subject and predicate. To illustrate the derivations, generative grammar structures are used.

Keywords: *nominalization, locative, attributive, deverbal noun, Evenki.*

References:

- Baker M., Vinokurova N.** On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations // *Language*. 2009. V. 85, No. 3. P. 517–556.
- Boldyrev B. V.** *Morfologiya evenkijskogo yazyka* [The morphology of Evenki] / Red. Robbek V.A. Novosibirsk, Nauka, 2007.
- Boldyrev B. V.** *Russko-evenkijskij slovar'* [Russian-Evenki dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 1994.
- Cinque G.** *The Syntax of Adjectives. A Comparative Study*. Cambridge / London, 2010.
- den Dikken M.** *Relators and linkers*. Cambridge (Mass.): MIT, 2006.
- Genetti C.** Nominalization in Tibeto-Burman languages of the Himalayan area: A typological perspective // *Nominalization in Asian Languages. Diachronic and typological perspectives* / Edited by Foong Ha Yap, Karen Grunow-Hersta, Janick Wrona. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 163–194.
- Grimshaw J.** 1990. *Argument structure*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1990.
- Konstantinova O. A.** *Evenkijskij jazyk. Fonetika. Morfologija. Grafika*. [Evenki. Phonetics. Morphology. Graphics]. M.: Nauka, 1964.
- Nikolaeva I.** 2008. Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*. Vol. 118. P. 969–996.
- Noonan M.** Aspects of the historical development of nominalizers in the Tamangic languages // *Nominalization in Asian Languages. Diachronic and typological perspectives* / Edited by Foong Ha Yap, Karen Grunow-Hersta, Janick Wrona. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 195–214.
- M. Rathert, A. Alexiadou.** Introduction // *The semantics of nominalizations across languages and frameworks* / edited by Monika Rathert, Artemis Alexiadou. Berlin / New-York: Walter de Gruyters, 2010. P. 1–8.
- Rudnitskaja E. L.** Sintaksis v slovoobrazovanii v modeli generativnoj grammatiki: evenkijskaja leksicheskaja nominalizacija s akkuzativnym objektom [Syntax in word-formation in the Generative grammar model: the Evenki lexical nominalization with an Accusative object] // *VAProsy jazykoznanija: Megasbornik nanostatej. Sb. k jubileju V.A. Plungjana* / red. A.A. Kibrik, Ks. P. Semjonova, D. V. Sichinava, A. Ju. Urmanchieva. M.: Buki Vedi, 220. S. 620–625.
- Vasilevich G. M.** *Očerki grammatiki evenkijskogo (tungusskogo) jazyka* [Essays on the Evenki (Tungus) language]. Leningrad: Uchpedgiz, 1940.

Rudnitskaya Elena Leonidovna.

Doctor of philology, leading researcher.

Institute of Oriental Studies, Asia and Africa Languages Department.

12 Rozhdesvenka st., Moscow, Russia, 107031.

Director: (495) 625-42-62

E-mail: info@ivran.ru

erudnitskaya@gmail.com

Р. А. Сулейманова

БАШКИРСКИЕ ФАМИЛЬНЫЕ АНТРОПОНИМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Проанализированы фамильные антропонимы, связанные с лексемами, выражающими родственные отношения. В ходе исследования было выявлено большое число фамилий, относящихся к данной группе. Особую группу составляют антропонимические единицы, образованные путем присоединения таких терминов родства, как *ата* 'отец', *баба* 'дед', *ейән* 'внук', *акай* 'старший брат' и др. Эти антропонимы считаются одними из древнейших. Высокая частотность употребляемости в книге «Башкирские шежере» таких личных имен, связанных с лексемами, обозначающими родственные отношения, как *Адыкай*, *Атикей*, *Атагай-бий*, *Кустэ*, *Мирзакильде*, *Мирзаиш*, *Мырзай*, *Мырзаиш Бабыиш*, *Сабай*, *Тенэй*, *Тенэкай* (*Тенкей*), подтверждают архаичный характер онимов данного вида. В ходе исследования также было доказано образование большей части рассматриваемых антропонимов от лексем со значением кровного родства. Впервые был осуществлен анализ участия в образовании антропонимов таких лексем со значением родственных отношений, которые используются в диалектах башкирского языка, как *абый*, *акай* 'старший брат', *бабкай*, *бабыкай*, *дәүәтәй* 'дедушка', *төпсөк* 'самый младший'. При анализе было высказано предположение, что антропонимы на основе диалектных лексем со значением родства присущи исключительно этим диалектам. Также было выявлено, что многие личные имена, образованные от терминов родства, имеются у многих тюркских народов, в частности, к примеру, у киргизского народа немало имен собственных с компонентом *ата*, и в настоящее время известно имя молодого танцора Киргиз Атая.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, фамильный оним, шежере, термины родства.

Введение

Термины родства относятся к древнейшему пласту лексического состава. Восходящие, по нашему твердому предположению, к эпохе матриархата, слова данной тематической группы активно используются в речи и в настоящее время. Они являются показателями речевой культуры народа, складывающейся из элемента культуры речевого поведения и элемента языка, являющихся порождением и продуктом культуры и ее хранителями. У башкир не принято обращаться к родственникам по именам, для этого они используют термины родства. По отношению к представителям мужского пола младше себя употребляются лексемы *кустым*, *энем* (младший брат), женского пола – *һеңлем*, *һылыу* (младшая сестра), к более старшему человеку – *агай*, *апай* (старший брат, старшая сестра). К тем, кто старше по возрасту отца и матери собеседника, обращались терминами *инэй*, *эбей*; *бабай*, *олатай* (рус. тетя, дядя). В плане обращения к родителям отца и матери употреблялись лексемы *олатай*, *картатай* (дедушка), *өләсәй*, *картәсәй*, *һәнәй* (бабушка).

Некоторые термины родства, используемые как в башкирском литературном языке, так и в его диалектах, нашли отражение и в башкирском антропонимиконе. Наибольшую часть составляют антропонимические единицы, образованные на основе терминов *ата*, *баба*, *ейән*, *акай* и др. Трансформация терминов родства в личные имена обусловлена, по нашим предположениям, исторически: употребление лексем со значением родства вместе с личными именами способствовало их постепенному сращению. Вполне вероятным представляется то, что вхождение каждого аналогичного вышеназванным термина родства в антропонимическую систему индивидуально. Немаловажное значение в процессе трансформации в личные имена имело также и использование рассматриваемых лексем в качестве прозвищ с оттенком как почитания в основном, так и превосходства в некоторых случаях.

В настоящее время все имена, образованные на основе терминов родства, сохранились лишь в фамилиях, изучение которых позволит наиболее полно представить эволюцию исторического развития антропонимической системы башкирского языка.

Особенности образования личных имен на основе терминов родства нашли некоторое отражение в трудах Т. Х. Кусимовой, в частности в ее кандидатской диссертации (Кусимова, 1975, 22–24), а также в книге, изданной в соавторстве с С. А. Биккуловой (Кусимова, Биккулова, 2000, 159–161). Уделяется внимание в какой-то степени данным именам и в одном из параграфов докторской диссертации З. М. Раемгужиной «В основе личного имени – термины родства» (Раемгужина, 2009, 101–120). В словаре «Башкирские имена тюркского происхождения» под авторством Ф. Г. Хисамитдиновой и С. Х. Тупеева также зафиксированы антропонимы на основе терминов родства (Хисамитдинова, Тупеев, 2006).

Несмотря на наличие имеющейся литературы, вопросы, связанные с происхождением башкирских личных имен, связанных с терминами родства, требуют дальнейшего исследования. Особого внимания требуют фамилии, образованные от этих антропонимов. Как было сказано выше, лишь на основе изучения фамильных онимов возможно восстановить картину исторического антропонимикона башкир.

1. Фамильные онимы, образованные от терминов *ата* ‘отец’, *баба* ~ *бабкай* ~ *бабыкай* ~ *дәүәтәй* ‘дедушка’, *агай* ~ *акай* ~ *абзый* ~ *абый* ‘старший брат’

1.1. *Ата* ‘отец’

В древнетюркском словаре слово *ата* под римской цифрой два дано в качестве имени собственного *Ata sayun* (ДТС, 1969, 66). В книге «Башкирские шежере», к примеру в шежере племени Бурзян, зафиксированы имена *Адыкай*, *Атикей*, образованные, вероятно, от слова *ата*. В шежере племени Кыпсак также имеется запись имени *Атагай-бий*. Происхождение данных онимов от лексемы *атакай* не вызывает сомнений: в настоящее время среди башкир бытует фамилия *Атакаев*. В башкирском антропонимиконе также встречается фамилия *Атабаев*, наблюдающаяся реже, в отличие от туркменского и казахского языков. Как показывают наблюдения, в туркменском языке слово *ата* используется для обозначения папы своего отца, или дедушки, а слово *баба* – отца матери. В киргизско-русском словаре второе значение слова *ата* дается как покровитель, патрон (при собственных именах). По поверьям киргизского народа, *ата* был покровителем живых существ: *Кыргызата* (дух-покровитель всего киргизского народа), *Чолпоната* (покровитель овец), *Камбарата* (покровитель лошади), *Чычаңата* (покровитель коз), *Ойсулата* (покровитель верблюдов) и др. [Киргизско-русский словарь, 1965, 77]. Лексема *Кыргызата*, в свою очередь, используется в значении ‘защитник киргизов’. На преемственность данной лексемы в киргизском антропонимиконе указывает и тот факт, что в настоящее время среди киргизов известно имя юного танцора под именем Киргиз *Атай* Умурзаков.

Следует отметить и то, что название деревни *Атаевка*, относящегося к городскому округу города Уфа Республики Башкортостан, восходит к фамилии *Атаев*. Основание данной деревни в 1777 г., по историческим источникам, связано с фамилией мелкопоместных дворян *Атаевых*. В 1865 г. данное поселение числилось под названием Алексеевка (Атаево). В этой же деревне ныне имеется улица *Атаевская*. Все это свидетельствует об образовании от антропонима топонима и урбаномима.

Целесообразным считаем отметить и онимы, образованные на основе лексемы арабоязычного происхождения *абу* ‘отец’: слово *абу* являлось своеобразным префиксом арабских личных имен, а иногда использовалось и для обозначения похвального качества (например, *Абуль-Хайр*, *Абуль-Баракат*). В таких же значениях оно бытовало и в башкирском антропонимиконе: *Әбүбәкерөв* (*абу* + *бакир* обучающийся, изучающий; достигающий), *Әбүев* (отец; хозяин; впоследствии компонент мужских имен), *Әбүзарөв* (*абу* + *зар* золото, драгоценности), *Әбүләисөв* (отец львов), *Әбүсаттарөв* (*абу* + *саттар* прощающий), *Әбүталипов* (*абу* + *талип* требовательный), *Әбүшахманов* (отец шейха).

1.2. *баба* ~ *бабкай* ~ *бабыкай* ~ *дәүәтәй* ‘дед’

В древнетюркском языке слово *баба* использовалось в значении ‘отец’ (ДТС, 1969, 76). В Академическом словаре башкирского языка под римской цифрой I дается три его значения: почетный старец; дед, предок; пожилой мужчина, старик. В значении, указанном под римской цифрой II, оно трактуется как ‘мужчина, совершающий обряд обрезания’ (АСБЯ, 2011, 54–55). В башкирском языке имеется также его фонетический вариант – лексема *бабай*, используемая в современной башкирской речи, довольно шире вышеназванной.

В книге «Башкирские шежере» зафиксированы имена *Бабаиш*, *Баби-бий*, *Бабсак-бий*, *Бабыиш* (БШ, 1960, 286). В текстах шежере Имя *Бабсак бия*, предводителя племени Бурзян, дано в трех вариантах: *Бабчак-бий*, *Иске-бей*, *Бөрйән-бей*, последний из которых встречается чаще всего. Отсюда можно сделать вывод, что слово *баба* в качестве присоединительного элемента к именам предводителей родов использовалось для выражения уважительного отношения к ним, прославления их еще задолго до включения его в башкирский антропонимикон. Например, *Бабагильдин* (*баба* уважаемый, старший + *гильди* пришел (родился)), *Бабаев* / *Бабиев* (от слова *баба* уважаемый, старший), *Бабичев*, *Бабишев* (*баба* уважаемый, старший + *иш* пара), *Бабсаков* / *Бабусаков* (*баб(а)* уважаемый, старший + *сак* время, пора), *Бабахабилов* (*баба* уважаемый, старший + *хабир* осведомленный; знающий, почитающий предков). Лексема *ата* могла образоваться таким же путем.

Фамилия башкирского поэта *Шайхзады Бабича* произошла от слова *баба* в значении ‘дед, предок’, что связано с обычаем уважения и почитания своих предков (Кусимова, 2000, 23; Хисамитдинова, 2006, 16).

В антропонимиконе башкир зафиксированы фамильные онимы *Бабкаев*, *Бабыкаев*. В таныпском, караидельском, нижебельско-икском говорах северо-западного диалекта башкирского языка *бабкай* означает ‘дедушка’, так называют дедушку по материнской линии. В том же значении в некоторых говорах названного диалекта употребляется и слово *бабыкай*.

В труде В. В. Вельяминова-Зернова «Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями» приводятся данные о 31 тарханах: их фамилии, имена, сведения об их детях и родственниках, обозначаются цели и причины присвоения им тарханства, определяется степень службы их царю. Здесь, к примеру, можно обнаружить копии архивных документов на Алдара Исякаева с обозначенными в них именами его детей, родственников мужского пола и внуков. Среди них зафиксированы родственники-мужчины Арсланбек *Даватаев* и Кашкар *Даватаев* (Вельяманов-Зернов, 1864, 35), фамилии которых восходят к слову *дәүәтәй*, в северо-западном диалекте башкирского языка используемому в значении принятого в литературном языке термина родства *олатай* ‘дедушка’ и образованному из лексем *дәү* ‘большой’ и *әтәй* ‘отец’.

1.3. *агай* ~ *акай* ~ *абзый* ~ *абый* ‘старший брат’

Антропонимы, образованные на основе лексем *ага* ‘старший брат’, ‘уважаемый мужчина’, ‘дядя’, также относятся к культу предков и родства: *Агаев*, *Агайбаков*.

В южном диалекте, а также в среднем и миасском говорах восточного диалекта вместо лексемы *агай* используется ее форма *акай*. В шежере племени Тамьян зафиксировано имя *Акайхан* (БШ, 1960, 152). В настоящее время сохранились фамильные онимы, восходящие к данной диалектной форме: *Акаев* (имя одного из предводителей восстания 1735–1737 гг.), *Аканаев*, *Аканов*.

В айском, демском, ик-сакмарском, гайнинском, караидельском, нижебельско-икском говорах лексема *агай* ‘старший брат’ бытует и в форме *абзый*, также явившейся производящей основой для фамильных онимов: *Абзаев*, *Абзанов*, *Абзыкаев*. А наименования деревень *Абзаево* Кигинского и *Абзан* Зианчуринского районов Башкортостана образованы на основе вышеназванных антропонимов.

Слово *абый*, бытующее в говорах северо-западного и южного диалектов, также нашло отражение в фамильных антропонимах, например *Абыев*. В казахской антропонимической системе зафиксирована фамилия *Абыкаев*. В плане этимологии лексемы *абый* Р.Г. Ахметьянов отмечает, что у тюркоязычных народов это слово на письме обозначается по-разному: *аба*, *абий*. Форма *абый* же, помимо башкирского и татарского языков, зафиксирована также в хакасском языке (Ахметьянов, 2015, I, 71). Не вызывает сомнения и то, что фамилии *Абаев*, *Әбиев* (*Абиев*), встречающиеся у других народов, также образованы от лексем *аба*, *абий*.

2. Лексемы *кусты* ~ *мырза* ~ *туган* ~ *мыртый* ‘младший брат’ в составе башкирских фамилий

2.1. *кусты* ~ *мырза* ~ *туган* ‘младший брат’

Младших по возрасту родственников у башкир принято обозначать словами *кусты*, *мырза*, *туган*, *энекаш*, *мыртый*. Данные имена нарицательные в разряд собственных также перешли согласно определенной традиции. В башкирских шежере зафиксированы имена *Кустэ*, *Мирзакильде*, *Мирзаш*, *Мырзай*, *Мырзаш* [БШ, 1960, 59, 162, 139, 154, 216], взятые в том же виде, как и в источнике.

На основе лексемы *кусты* образованы следующие фамильные онимы: *Кустыгилдин* (*кусты* младший брат + *гильди* пришел (родился)), *Кустыголов* (*кусты* младший брат + *кул*), *Кустыев* (от уменьшительно-ласкательной формы слова *кусты* младший брат), *Иткустин* (*эт* собака + *кусты*). Образование последней из названных фамилий, видимо, связано с обрядом защиты младенца.

В башкирском народе бытует немало фамилий, образованных от персоязычной лексемы *мырза*: *Мырзин* / *Мырзаев*, *Мырзабулатов*, *Мырзабәков*, *Мырзашев*, *Мырзаголов*, *Мырзакаев*, *Мырзаханов*, *Йәнмырзин*, *Карамырзин* и др. В Академическом словаре башкирского языка приводятся четыре значения данного слова: 1. Звание, присваиваемое представителю высшего сословия у некоторых восточных народов, также и у башкир, и человек, носящий данное звание (истор.). 2. Почетное звание, присваиваемое у некоторых восточных народов чиновнику высшего ранга или ученому. 3. Младший родной брат (диалект). 4. Обращение к лицу мужского пола младше себя (АСБЯ, 2014, VI, 437).

По этимологическим данным, приведенным М. Фасмером, лексема *мырза* образована от арабо-персидского слова *эмирзада* (*emir* ‘эмир, правитель, князь, государь’ + *zadā* ‘рожденный, сын’, т. е. ‘рожденный от эмира’, ‘сын эмира’) (Фасмер, 1971). Тюркским языком это слово заимствовано в сокращенном варианте (без использования крайних слогов обеих основ *e-mir* и *za-dā*, т. е. *mirza*). В башкирском языке данное слово используется в двух вариантах – *мирза* и *мырза*, второй из которых, адаптированный к фонетической системе башкирского языка согласно действующему в нем закону сингармонизма, является наиболее распространенным. В башкирских фамилиях эта же лексема встречается даже в трех вариантах: *Мирзабаев* ~ *Мурзабаев* ~ *Мырзабаев*. Т.Х. Кусимова в свою очередь разграничивает антропонимы на основе лексем *мирза* и *мырза*, объясняя это тем, что *Мирза* – это царевич; писарь, а *Мырза* (*Мурза*) – младший брат; царевич (Кусимова, 2000, 60, 63). Считаем, что с доводами данного ученого нельзя полностью согласиться. Титул мурзы, присваиваемый представителям высшего слоя тюркского дворянства, возможно, появился с возникновением Ногайского ханства после распада Золотой Орды. Об этом упоминается и в книге «Башкирские шежере»: «Обычай у ногайцев был таков: подчинялись биям и мурзам» (БШ, 1960, 32). Сеем предположить, что это слово использовалось у башкир в значении титула, присваиваемого представителям высших слоев, а затем перешло в разряд имен. Однако антропонимы с компонентом *мырза* в значении ‘младший брат’ давались не всем в связи с бытованием данной лексемы лишь в кизильском

говоре восточного и сакмарском говоре южного диалектов: только башкиры этих краев использовали эти онимы с обозначением младшего брата при имяназвании.

Фамильные онимы с компонентом *туган* также входят в группу антропонимов, образованных на основе терминов родства: *Биктуганов, Иштуганов, Иртуганов*. Как видим, приведенные онимы также давались в значении 'младший брат'.

3. Слова *бәнес* ~ *бәпәй* ~ *сабый* ~ *тәнәй* 'младенец', *бала* 'ребенок', *кинйә* ~ *тәпсәк* 'последыш' в составе башкирских фамильных антропонимов

3.1. *Бәнес* ~ *бәпәй* ~ *сабый* ~ *тәнәй* 'младенец', *бала* 'ребенок'

Онимы данной группы по своему употреблению также относятся к древнему слою антропонимической системы. В башкирских шежере зафиксированы имена *Бабыш, Сабай, Тенәй, Тенәкай (Тенкей)* (БШ, 1960), сводимые к значению 'грудной ребенок; младенец'.

Сравнительно реже встречаются онимы, образованные от слова *бәнес*: *Бәпәев, Бәпәнәев* (уменьшительно-ласкательная форма слова *бәнес* 'младенец'). Из истории башкир известно, что одним из предводителей восстаний 1735–1740 гг. был *Бепеней* Турупбердин (Бәпәнәй Торопбирзин).

В башкирском антропонимиконе имеются фамилии *Тәнәев, Тәнәкәев* (от уменьшительно-ласкательной формы имени *Танай* 'младенец'). В Академическом словаре башкирского языка приводятся четыре значения слова *тәнәй*: 1. Грудной ребенок; младенец. 2. Младший брат или сестра. 3. Обращение к человеку младше себя. 4. Младший деверь (диал.) (АСБЯ, 2016, 760). В Бузулукском районе Оренбургской области есть река *Тәнәй*. В Благовещенском районе Башкортостана также имеется деревня *Тәнәй* (Танайка). Названные гидроним и топоним, возможно, восходят к антропониму *Тәнәй*.

Со словом *сабый* в исторической и современной антропонимической системе не зафиксировано ни одного онима. Однако, по нашим наблюдениям, в «Формулярных списках о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы» встречается фамилия *Аксабаев* (ДМИБН, 2014, 801). Данный фамильный оним, возможно, образован от слов *ак* 'белый, светлый' и *сабый* 'младенец', так как новорожденным с белым личиком давали подобное имя.

Наблюдаются также случаи образования антропонимов с компонентом *бала* 'ребенок', 'дитя', например, встречаются фамилии *Акбалин, Балаев, Балакаев* (фонетический вариант *Балагаев*).

В исследовании А. З. Асфандиярова «История предков», основанном на документальных источниках по истории и судьбе башкирского народа со II половины XVI века до наших времен, упоминается множество башкирских фамилий. Говорится, к примеру, о башкире Субарбатыре *Балагушеве (Субарбатыр Балагошов)*, поведавшему о найденном им в 1721 г. в верховьях реки Чусовой (приток реки Камы) образце руды (с содержанием серебра и меди) [Асфандияров, 1996, 56]. Приведенный фактический материал с упоминанием фамилии *Балагушев* еще раз доказывает архаичный характер имен с компонентом *бала* и наличие их в историческом башкирском антропонимиконе. Вышеназванный фамильный оним образован от слов *бала* 'ребенок' и *гош (кош)* 'птица'. Не вызывает сомнения и то, что наименование деревни *Балагош* Чишминского района Башкортостана восходит к антропониму.

3.2. *Кинйә* ~ *тәпсәк* 'последыш'

В башкирских семьях самого последнего из родившихся детей принято называть словом *кинйә* от древнетюркского понятия *kenç* 'ребенок, детеныш'. Эта лексема присутствует в лексической системе многих тюркских языков. Например, в татарском и казахском языках она звучит как *кинжә* 'последний, запоздалый, младший' (Ахметьянов, 2015, I, 417). Используется

она и как собственное имя: *Киньин / Кинзин* (последний ребенок в семье), *Кинйәбаев Кинья* (самый младший + *бай*), *Кинйәкәев* (уменьшительно-ласкательная форма имени *Кинья*) *Кинйәмырзин* (самый младший брат в семье) и др.

В некоторых говорах восточного, южного и северо-западного диалектов наблюдаются и случаи замены слова *кинйә* лексемой *тәпсәк*. В башкирском антропонимиконе зафиксирована фамилия *Тәпсәков*. Значение слова *тәпсәк* также сводится к понятиям ‘последний ребенок в семье, последыш’.

4. *Ейән* ‘внук’, *бүлә* ‘правнук’, *малай* ‘мальчик, сын’, *коза* ‘сват’

В башкирской антропонимической системе имеются также фамильные онимы, образованные на основе слова *ейән* ‘внук’: *Ейәнов*, *Ейәнбаев*, *Ейәнбирзин*, *Ейәнгиров*, *Ейәнғолов*, *Ейәнсурин*, *Ейәнтурин* и т. д. По утверждению Т. Х. Кусимовой, подобные антропонимы использовались, согласно древнему башкирскому обряду, в имянаречении младенца, рожденного в деревне матери (Кусимова, 2000, 160).

Происхождение фамилии *Бүләев*, возможно, связано со словом *бүлә* ‘правнук’.

Фамилия *Малаев*, по своему образованию восходящая к лексеме *малай* ‘мальчик, сын’, также является одной из древних, что подтверждается документальными источниками, в частности вышеприведенным исследованием А. З. Асфандиярова, в котором она также упоминается: «Очень многие фабрики и заводы, подвластные Демидовым, были построены на основе месторождений, открытых башкирами из разных волостей. Например, месторождение железной руды на берегу Багарашты, притока реки Авзян, было открыто Масыгутом *Малаевым* (Мәсәғүт *Малаев*), жителем деревни Масыгут Тамьянской волости» [Асфандияров, 1996, 83].

Известно наличие в башкирском антропонимиконе и фамилий *Козабаев*, *Козакаев*, *Козашев*, *Козайаров / Козаяров*. Значение фамилии *Козашев* определяется рядом вариантов: 1) ласкательная форма лексемы *коза*; 2) в древнетюркском языке слово *кудаш* имело значение мальчик, родившийся от одного отца, но от другой матери; 3) товарищ, друг (Кусимова, 2000, 53).

В ряду антропонимов, связанных с терминами родства, следует рассматривать и антропонимы *Уланов* (сын, ребенок, дитя), *Уланбаев* (улан сын, дитя + *бай*), *Улданов* (данлыглы улан ‘славный сын, молодец’), *Улзаманов* (сын своей эпохи), *Улиатов* (ул ‘сын’ + *шат* ‘радость’). Сюда же входят и онимы на основе лексемы *игез* ‘близнецы’: *Игезбаев*, *Игезйәнов*, *Игезәков*, *Игезов*. В башкирском антропонимиконе зафиксирована и фамилия *Игишев*, являющаяся фонетическим вариантом фамильного онима *Игезов*. Имена на основе лексемы *игез* в древности было принято давать одному из плаксивых детей-близнецов.

Таким образом, в результате анализа фамильных онимов, образованных на основе терминов родства, можно сделать ряд следующих выводов. Подобные антропонимы имели место в древней антропонимической системе башкирского языка, что подтверждается немалым числом исторических документальных фактов. В образовании антропонимов выражено участие как чисто башкирских, так и общетюркских понятий, а также арабо-персидских производящих элементов со значением родства. Фонетическая вариативность некоторых фамильных онимов в башкирском языке объясняется разнообразием диалектных форм родственных понятий, свойственных исключительно для того или иного диалекта. Наиболее активное употребление в качестве производящей основы для фамильных онимов нашли такие термины родства, как *баба*, *мырза*, *кинйә*, *ейән*, *коза*, а также лексема арабоязычного происхождения *абу* ‘отец’.

Источники:

БШ – Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.
ДМИБН – Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы: В 2 кн. / Сост.: А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 924 с.
ДМИБН – Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы: В 2 кн. Кн. 2. / Сост.: А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 1072 с.
ДТС – Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 675 с.

Литература:

АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. Том 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 568 с.
АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. Том 6. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 944 с.
АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. Том 8. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. 832 с.
Асфандияров А. З. История предков. Уфа: Китап, 1996. 224 с.
Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка. В двух томах. Казань: Изд-во «Магариф–вакыт», 2015. 543 с.
Вельяманов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями / Приложение к IV тому Записок императорской Академии наук. СПб., 1864. № 6. С. 1–48.
Кусимова Т. Х., Бикколова С. А. Башкирские имена. Уфа: Китап, 2005. 224 с.
Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы. Автореф. дис. канд. наук. Уфа, 1975. 56 с.
Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: аспекты формирования и особенности функционирования. Автореф. дис. д-ра наук. Уфа, 2009. 49 с.
Саттаров Г. Ф. Сословные титулы и древнетатарские личные имена // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 52–59.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
Хисамитдинова Ф. Г., Тупеев С. Х. Башкирские имена тюркского происхождения. Уфа: Китап, 2006. 120 с.

Сулейманова Резида Ахметьяновна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Пр. Октября, 71, г. Уфа, 450054.

E-mail: suleimanova-r@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 мая 2022 г.

R. A. Suleymanova

FAMILY ANTHROPONYMS FORMED FROM RELATIONSHIP TERMS

The article analyzes family anthroponyms associated with lexemes expressing family relationships. The study revealed a large number of surnames belonging to this group. The special majority are anthroponymic units formed by adding such terms of kinship as *ata* ‘father’, *baba* ‘grandfather’, *eiän* ‘grandson’, *akai* ‘elder brother’, etc. These anthroponyms are considered one of the most ancient. The high frequency of use in the book «Bashkir Shezhere» of such personal names associated with lexemes denoting kinship relations, such as *Adykai*, *Atikey*, *Atagai-biy*, *Kuste*, *Mirzakilde*, *Mirzash*, *Myrzai*, *Myrzash Babysh*, *Sabai*, *Tenei*, *Tenekai* (*Tenkei*), confirm the archaic nature of the onyms of this species. The study also proved the formation of most of the anthroponyms we are considering from lexemes with the meaning of consanguinity. In the article, for the first time, an analysis was made of the participation in the formation of anthroponyms of such lexemes with the meaning of kinship relations that are

used in dialects of the Bashkir language, such as *aby*, *аҡай* ‘elder brother’, *бабай*, *бабайкай*, *дәүәтәй* ‘grandfather’, *төпсөк* ‘the youngest’. In the course of this study, it was suggested that anthroponyms based on dialect lexemes with the meaning of kinship are inherent exclusively in these dialects. It was also revealed that many Turkic peoples have many personal names formed from kinship terms, in particular, for example, the Kyrgyz people have many proper names with the *ata* component, and the name of the young dancer Kirghiz Atai is currently known.

Keywords: *onomastics, anthroponyms, family onym, shezhere, kinship terms.*

Sources:

Bashkir genealoical tree / Compiled by R. G. Kuzeyev. Ufa: Bashkir editrial house, 1960. (in Russian)
DMIN – Documents concerning the history of the Bashkirs (1836–1842). In 2 books. Book 1 / Compiled by A. I. Ilyasova, Z. G. Gatiyatullin. Ufa: IYAL UNC RAN, 2012. (in Russian)
DMIN – Documents on the history of the Bashkirs (1836–1842). In 2 books. Book 2 / Compiled by A. I. Ilyasova, Z. G. Gatiyatullin. Ufa: IYAL UNC RAN, 2014. (in Russian)
DTS – Ancient Turkic dictionary / ed. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. L.: Nauka, 1969. (in Russian)

References:

ASBYA – Academic Dictionary of the Bashkir Language. Volume 2. Ufa: IYAL UNC RAS, 2011. (in Russian)
ASBYA – Academic Dictionary of the Bashkir Language. Volume 6. Ufa: IYAL UNC RAS, 2014. (in Russian)
ASBYA – Academic Dictionary of the Bashkir Language. Volume 8. Ufa: IYAL UNC RAS, 2016. (in Russian)
Asfandiyarov A. Z. History of ancestors. Ufa: Kitap, 1996. (in Bashkir)
Akhmetyanov R. G. Etymological dictionary of the Tatar language. In two volumes. Kazan: Publishing house “Magarif-vakyt”, 2015. (in Tatar)
Velyamanov-Zernov V. V. Sources for the study of tarkhanism granted to the Bashkirs by Russian sovereigns / Appendix to Volume IV of the Notes of the Imperial Academy of Sciences. SPb., 1864. No. 6. (in Russian)
Kusimova T. Kh., Bikkolova S. A. Bashkir names. Ufa: Kitap, 2005. (in Bashkir)
Kusimova T. Kh. Ancient Bashkir anthroponyms. Abstract of diss. cand. Sciences. Ufa, 1975. (in Russian)
Raemguzhina Z. M. Bashkir anthroponymicon in the light of the language picture of the world: aspects of formation and features of functioning. Abstract of diss. doc. Sciences. Ufa, 2009. (in Russian)
Sattarov G. F. Class titles and ancient Tatar personal names // Onomastics of the Volga region. Ulyanovsk, 1969. (in Russian)
Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 t. T. 3. M.: Progress, 1987. (in Russian)
Khisamitdinova F. G., Tupeev S. Kh. Bashkir names of Turkic origin. Ufa: Kitap, 2006. (in Bashkir)

Suleimanova Rezida Akhmetianovna.

Candidate of philology, senior researcher.

**Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences.**

71 Oktyabr ave., Ufa, Russia, 500544.

E-mail: suleimanova-r@mail.ru

Н. Ю. Ушницкая

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОХОТНИКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНКОВ

Рассматривается актуальная для исследования в современном тунгусоведении проблематика лингвокультурологического описания концептосферы эвенкийского языка. Исследуется концептуализация охотника в языковой картине мира эвенков. Охота, являясь исконным занятием тунгусов, сыграла ключевую роль в формировании их языковой картины мира. Концепт «*Бэюмэкйт/охота*» имеет четко структурированную систему, куда входит: 1) субъект охоты (охотник); 2) объект охоты: копытные и пушные звери; 3) добыча (мясо, шкура зверя); 4) средства и способы охоты; 5) место охоты; 6) дорога, по которой следуют на охоту; 7) сезон охоты; 8) следы зверей; 9) собака – помощник охотника; 10) Дух-хозяин охоты. Являясь базовым элементом в составе концепта «*Бэюмэкйт/охота*», концептуализация охотника характеризуется следующими понятийными признаками: 1) человек; 2) охотящийся (на копытных и пушных зверей); 3) при помощи лука или ружья; 4) с целью пропитания и приобретения шкуры для пошива одежды. Как составная часть концепта «*Бэюмэкйт/охота*» ментальное образование «*Бэюктэмнй/охотник*» содержит в себе понятийный, образный и ценностный компоненты. Данные элементы исследуются на лексикографическом материале и записей аутентичных текстов от носителей языка. Эвенкийский охотник является узнаваемым образом представителей тунгусской культуры, он и составляет культуру своего этноса. Сочетаемость лексических единиц, обозначающих охотника, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта. Наличие корневых основ, обозначающих охоту и встречающихся во всех тунгусо-маньчжурских языках, свидетельствует об ее исконности у тунгусов.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, эвенкийский язык, охота, охотник.

Введение

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов. Ключевые для эвенкийской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *омй/душа*, *куту/счастье*, *сиңкэн/охотничья удача*, *маин/судьба*, *мб/дерево*, *урэ/гора*, *бира/река*, *буга/природа*, мир, *бэюмэкйт/охота* и др. В настоящее время начинают разрабатываться исследования в области концептосфер эвенкийского и эвенского языков. Так, Р. П. Кузьмина на материале эвенского языка проанализировала концепты «Стыд и совесть» (2021); Е. В. Мерекина написала диссертацию, посвященную культурным концептам как ядерной части языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков) (2008); Н. Е. Захарова провела экспериментальное исследование особенностей языкового сознания эвенков-билингвов (на примере концепта человек/бэе/киһи) (2020); Н. Ю. Ушницкая исследовала лингвокультурный концепт «*Бэюмэкйт/охота*» (2021) в языковой картине мира эвенков и др.

В. И. Карасик определяет концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» (Карасик, 2009: 24). Цитируемый автор в структуре концепта выделяет понятийные, образные и ценностные характеристики (Карасик, 2004: 129). Опираясь на методику описания концепта, предложенную В. И. Карасиком, мы ставим целью настоящего исследования – установить понятийную, образную и ценностную составляющие ментального образования «*Бэюктэмнй/охотник*» как составной части концепта «*Бэюмэкйт/охота*» в языковой картине мира эвенков. Проблематика лингвокультурологического исследования концептосферы эвенкийского языка разработана недостаточно, в частности, наблюдается отсутствие описания ключевых компонентов языковой картины мира эвенков, которые формировались под влиянием типов традиционного хозяйствования, материальной и духовной культуры, религии. Реконструкция концептосферы исчезающих языков подразумевает восстановление устаревших и сохранение имеющихся смысловых признаков. Этим вызвана актуальность исследования. Сохранение

концептосферы эвенков является одной из важнейших задач современных лингвистов-эвенковедов. Работ, посвященных подробному лингвокультурологическому исследованию концептуализации охотника в языковой картине мира эвенков, в настоящее время не имеется. Этим объясняется новизна исследования.

Материал и методы исследования

Для исследования понятийной составляющей ментального образования «*Бэюктэмнй*/охотник» в составе концептуальной системы «*Бэюмэкйт*/охота» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, эвенкийско-русского словаря А. Н. Мыреевой. Лексические единицы для корпуса исследования были получены методом сплошной выборки: из словарей было отобрано более 250 лексических единиц, с которыми далее был проведен анализ словарных дефиниций.

Для исследования ценностной и образной составляющих концепта были изучены работы Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, А. Н. Мыреевой, также полевые записи аутентичных текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки: Ю. Ю. Мальчакинов (1960 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), М. Г. Мальчакинова (1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), С. А. Васильева (1968 г. р., с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область). От информантов было записано 18 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык; далее был проведен лингвокультурологический анализ этих текстов.

Обсуждение результатов

Охота является первичным исконным традиционным видом деятельности тунгусов. Эвенки сезонно охотились на копытных и пушных зверей. Целью охоты служило пропитание семьи и рода, приобретение шкур для шитья одежды и покрышек чумов. На сегодня многие группы эвенков сохранили охотничье-кочевой образ жизни, что позволяет им в большей мере сохранить язык и культуру. Охотничья культура представляет собой особую картину мира, которая нашла свое отражение в языке. Она составляет значительный отдельный пласт лексики эвенкийского языка. Концепт «*Бэюмэкйт*/охота» имеет четко структурированную систему, куда входит: 1) субъект охоты (охотник); 2) объект охоты: копытные и пушные звери; 3) добыча (мясо, шкура зверя); 4) средства и способы охоты; 5) место охоты; 6) дорога, по которой следуют на охоту; 7) сезон охоты; 8) следы зверей; 9) собака – помощник охотника; 10) Дух-хозяин охоты. Эвенкийский охотник является узнаваемым образом представителей тунгусской культуры, он и составляет культуру своего этноса. Эвенкийский охотник – носитель языка и культурных ценностей. Согласно лексикографическим данным, охотник в эвенкийском языке обозначается следующим образом: *Бултāми* охотиться. *Бултāмнй* охотник. *Бултамунӯ*: 1) охотник; 2) охотник-женщина. *Бэйнӯ*: 1) зверь (исключая парнокопытных); 2) волк; медведь; пушнина. *Бэйнӯми* охотиться. *Бэйнӯлэн* хороший охотник на пушного зверя. *Бэйнӯлэн жунакин* – охотничья собака. *Бэйнӯрй*: 1) охотник; 2) охотящийся. *Бэюми* охотиться (на копытного зверя). *Бэюктэмнй* охотник. *Бэюлэн* мастер-охотник (на лосей, диких оленей). *Бэюн*: 1) дикий олень; 2) копытный зверь. *Вāми* убить. *Вāлāн*; *вāмāн* хороший охотник. *Гарпам* стрелять из лука; стрелять из ружья; *Гарпалан* меткий стрелок. *Пэктыруми* стрелять неоднократно (из ружья). *Пэктырлэн* хороший стрелок из ружья. *Удяктами* преследовать, гоняться по следам; выслеживать. *Удякталан*; *удяктамнй*; *сагды удякталан* старый следопыт. *Улукй* белка. *Улумймнй* охотник на белку. *Улумйлэн* хороший стрелок на белку» (Мыреева, 2004: 106; 118–119; 122–123; 129; 483; 663; 675–676). Приведенные дефиниции дают возможность

выделить следующие смысловые признаки исследуемого ментального образования как части концептуальной системы «Бэ́ймэ́йт/охота»: 1) человек; 2) охотящийся (на копытных и пушных зверей); 3) при помощи лука или ружья; 4) с целью пропитания и приобретения шкуры для пошива одежды и покрывал для чума. Лексемы, обозначающие охотника, стрелка, следопыта, происходят от глагольных основ и суффиксов, при помощи которого образуются имена существительные со значением деятеля (-мни) и мастера, знатока своего дела (-лан (-лэн, -лон)): *булта́мнй* (от *булта-* ‘охотиться’), *бэйну́лэн* (от ‘бэйну́ми охотиться на пушного зверя’), *бэ́йктэмнй* (от *бэ́йми* ‘охотиться на копытного зверя’), *бэ́йлэн* (от *бэ́йми*), *ва́лан* (от ‘ва́ми убивать’), *га́рпалан* (от ‘га́рпами стрелять из лука’), *пэ́ктырэлэн* (от *пэ́ктыру́ми* ‘стрелять неоднократно (из ружья)’), *удя́ктамнй* (от *удя́ктами* ‘преследовать’). Охотник может характеризоваться как отменный стрелок: *на́лан* (от *на́-* ‘попасть в цель’ и суффикс -лан); *лу́кйлэн* (от *лу́кй-* ‘стрелять из лука’; *лу́кй* ‘деревянная стрела с утолщенным тупым концом (на белку)’ и суффикс -лэн); *хо́дэлйн* (от *хо́дэ-* ‘стрелять из ружья’ и суффикс -лйн, обозначающий субъекта действия); *му́нне* ‘меткий, попадающий в цель’; *то́нно* ‘меткий стрелок’; *хамалан* ‘искусный стрелок’ (Мыреева, 2005: 48). В зависимости от объекта охоты охотник именуется *бэ́йде* (от *бэ́й-* ‘охотиться на копытного зверя’ и суффикс -де, обозначающий деятеля, вариант суффикса -мнй, -мну́); *бэ́йктэмнй* (от *бэ́йктэ-* ‘охотиться на копытного зверя’ и суффикс -мни); *у́лумймнй* ‘охотник на белку’ (от *у́лумй-* ‘охотиться на белку’); *бэйну́рй* (от *бэйну́-* ‘зверь’ и суффикс -ри, образующий отглагольные относительные прилагательные и обозначающий состояние предмета); *му́кымэн* ‘охотник на кабаргу’ (от *му́кү* ‘кабарга’ и суффикс -мэн, образующий отыменные существительные со значением склонности к предмету, выраженному основой) (Мыреева, 2005: 47).

Лексемы, обозначающие процесс охоты, встречаются во всех тунгусо-маньчжурских языках, что свидетельствует о ее исконности. Подтверждением этому служат материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков: *Эвенк. булта* [як.] охота; добыча; *булта-* охотиться; *бултавун* ловушка; *бултакйт* охота; промысел; *бултамнй* (*бултамну́*) охотник; *бултарй* период лучшей охоты (ноябрь); *Эвен. булу* [як.] охота; *Ороч., Ульч. бута-* охотиться; рыбачить; *Уд. бута-* загонять впрок; *Нан. бота-* рыбачить (неводом); *ботамжи* рыбак; *Ма. бута-* охотиться; рыбачить; наживаться; *бутха* охота; рыболовство; *бутхаси* охотник; *Чж. рíh-tò-lò* охотиться; *Эвенк. бэйну́* зверь; *бэййт-/ч-*; *бэйрэдэ* подкрадываться к зверю; охотиться; *бэйну́* зверь; пушной зверь; пушнина; *бэйну́-* охотиться (на пушного зверя); *бэйну́кйт/ч* место охоты (на пушного зверя); охота, промысел; *бэйну́ксэ* пушнина; мясо (пушного зверя); *бэйну́лэн* хороший охотник (мастер охоты на пушного зверя); *Эвен. бэйну́т-/ч-* охотиться; *Нег. бэйиннэ- ~ бэйинну́-* охотиться; ловить рыбу; *Ороч. бэйичи-* охотиться; ловить рыбу; *Уд. бэйиси-* подкрадываться; *Ульч. бэйичи-/у- ~ бэйичи-/у-* охотиться; подкрадываться к зверю; *Орок. бэйичи-* охотиться; промышленность самострелом; *Нан. бэйну́* зверь; *бэйичи-* подкрадываться; *Эвенк. бэйю́* охотиться (на копытного зверя); *бэйю́жэ*; *бэйю́ктэмнй*; *бэйю́мймнй*; *бэйю́мймну́* охотник; *бэйю́лэн* мастер-охотник (на копытного зверя); *бэйю́мйкйт/ч-* промысел (на копытного зверя); место охоты; *бэйю́мэн* собака (на копытного зверя); *бэйю́н* копытный зверь; дикий олень; *бэйю́рдивун* стрела (для охоты на копытного зверя); *Сол. бэйю́ни- бэйю́* охотник; *Эвен. бэйю́ми* охотиться (на дикого оленя); *Нег. бэйю́ми* охотиться (на лося); *Ороч. бэйю́мэ-* идти охотиться; (на лося); *Уд. буи ~ буји* зверь; *Ульч. бу́йлту-/бу́юлту-* охотиться на медведя; *Орок. бо́ю́лмо-* охотиться на крупного зверя (медведя, оленя осенью); *Нан. бэйю́мэси-, бэйю́нту-* охотиться (на лося, изюбря и т. д.) (ССТМЯ, 1975, Т. I: 108: 120–122). Наличие лексемы *булт* в якутском языке следует рассматривать как заимствование из тунгусского языка. Общая корневая основа, обозначающая охоту, имеющаяся во всех тунгусо-маньчжурских языках, подтверждает исконность у тунгусского этноса традиционного типа хозяйствования – охоты. У якутов основным традиционным видом деятельности было скотоводство: разведение конного и рогатого скота. Согласно исследованиям

С. А. Токарева, «...пришельцы (якуты – прим. автора) усвоили очень многое из местной культуры, а многое и создали заново, и развили: так усвоили они рыболовство, охоту, отчасти оленеводство, особую местную форму жилища, ряд местных обычаев, обрядов, верований и пр.» (Токарев, 1940: 15).

Основным орудием охоты был лук со стрелами, позже использовать пасти, ловушки, петли. С приходом русских в Сибирь приобрело актуальность применение ружья. Наименования большинства орудий и способов охоты также являются общими тунгусо-маньчжурскими, о чем свидетельствуют материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков: *Эвенк. бэр* лук (оружие); самострел; ружье; *бэрилту-* быть вооруженным; *бэриу-* изготавливать лук; *бэричй* вооруженный луком; *бэркэ-* насторожить самострел; *бэркэлэһэл* религ. устар. духи несчастья; *бэркэн* самострел; лук (оружие); *Сол., Ма. бэри* лук (оружие); *Эвен. бэркэн* самострел; *Нег. бури* [*ульч.*]; *бэј* лук (оружие); *Ороч., Уд. бэи* лук (оружие); *Ульч., Нан. бури* лук (оружие); *Орок. буриккэ* лук (оружие); *Эвенк., Нег. Нан. гйда* копье; *гйда-* колоть, пронзать копьем; *Сол., Ороч. гйда* копье; *Эвен. гид* копье; *Уд., Ульч., Орок. гйда* копье; *Ма. гйда* копье (с острием на две стороны); *Эвенк. киүлэ; кивлэ; киглэ; киллэ; киүнэ* лыжи-голицы (неподбитые мехом); лыжи (подбитые мехом); *киүлэ-; киүнэ-* идти на лыжах; *Эвен. киүна* лыжи-голицы; *Нег. киүнэ* лыжи-голицы; *Ороч. киүилэ* лыжи-голицы; *Уд. киүгилэ* лыжи-голицы; *Ульч., Орок., Нан. куүгилтэ* лыжи-голицы; *Эвенк. орёвун* труба (для охоты на изюбря); *Эвенк. уткэн* тесак на коротком древке, пальма; *Сол. уехэ* нож; *Эвен. өткэн* тесак, пальма; *Эвенк. пичāвун* пищалка (берестяная для подманивания самки кабарги во время охоты); *Эвенк. пэктирёвун* ружье; *Эвенк., Нег., Эвен., Ма. хурка* петля, силок; *Эвенк., хуркат-* промышлять при помощи петель, силков; *Ороч. хукка; хуккучи-* охотиться при помощи петель; *Уд., хука; Ульч. пуча* петля; *Орок. пута* петля; *Нан. пурка* петля (ССТМЯ, 1975, Т. 1: 126: 148: 396: 1977, Т. 2: 23: 39: 46: 294: 353). От корневых основ, обозначающих орудия и способы охоты, образуются глаголы: *бэрилту-* 'быть вооруженным', *бэриу-* 'изготавливать лук' (от *бэр* 'лук, ружье'); *гйда-* 'колоть, пронзать копьем', *гидала-* 'метнуть, вонзить копье' (от *гида* 'копье'); *киүлэ-* 'идти на лыжах' (от *киүлэ* 'лыжи'); *хуркат-* 'промышлять при помощи петель, силков' (от *хурка* 'петля, силок'). Манки для приманивания кабарги (*пичāвун*) и изюбря (*орёвун*) образовались при помощи глаголов *пича-* 'свистеть, пищать'; *оре-* 'кричать, вопить, рычать' и суффикса *-вун*, обозначающего орудия действия.

Пика (*гйда*) использовалась на ближнем расстоянии в то время, когда раненый зверь бросался на охотника. Обычно таким зверем был медведь. Пальма (*уткэн*) одновременно использовалась в охоте и при расчистке дороги. *Уткэн* мог заменить нож, топор и копье. В настоящее время современные охотники используют в промысле ружье (*пэктирёвун*), капканы для мелких пушных зверей, петли (*хурка*), манок для приманки кабарги (*пичāвун*), манок для приманки изюбря (*орёвун*). *Пичāвун* изготавливается из двух маленьких полосок бересты и используется в летнее время. Охотник подражает пisku теленка кабарги (*пичāдерэн* – пищит), и зверь прибегает на «на зов детеныша». Могут прийти и самка, и самец. Но есть большая вероятность появления и медведя. *Орёвун* используется осенью, в период брачных игр у изюбрей. Охотник ранним утром или вечером выходит на промысел и слушает, где рычит изюбрь (*орёдерэн*). Затем подражает его рычанию через *орёвун*. *Орёвун* изготавливается из бересты.

У всех тунгусоязычных народов, исконным занятием которых была охота, развита лексика, связанная с сезонами года. Охотник выбирает наиболее благоприятное время для охоты на копытных и пушных зверей. Так, в монографии А. Н. Мыреевой «Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство» отмечены названия сезонов, отражающие время охоты на того или иного зверя: *пентулэсэ* 'период охоты на изюбря для добывания пантов' (от *пенту* 'панты' и суффикс *-лэсэ*); *урёлаһа* 'период охоты с трубой на изюбря' (от *орё-, урё-* 'трубить в звукоподражательную берестяную трубу *орёвун, урёвун* (для приманивания изюбря)' и суффикс *-лаһа*);

неүмэтлэсэ ‘время охоты на изюбря’; *улумйлэсэни* ‘период охоты на белку’ (от *улумй-* ‘охотиться на белку’ и суффикс *-лэхэ + нй*); *кэрэмйлэсэни* ‘период охоты на белку’ (от *кэрэмун* ‘белка’ и суффикс *-лэсэ + нй*); *халганй* ‘период охоты пешком’ (первая половина охотничьего сезона на пушного зверя) (от *халган* ‘нога’ и суффикс *-нй, -лаша + нй*) (Мыреева, 2005: 41). Суффикс *-лаһа* (*-лэхэ, -лоһо*) является фонетическим вариантом *-ласа* (*-лэсэ, -лосо*), *-лаша* (*-лэшэ, -лошо*) и образует отыменные имена со значением времени, периода, указанного в основе слова. Суффикс *-ни* образует отглагольные имена, называющие сезоны, времена года. Так, проанализированный материал позволяет сделать вывод о взаимовлиянии и взаимодействии исследуемого ментального образования с концептуализацией времен года в языковой картине мира эвенков.

Умение отличить следы зверей является одной из ключевых характеристик тунгусского охотника. Для него важно обнаружить след зверя и, следовательно, добыть его. Это нашло свое отражение в языке в виде синонимов, обозначающих свежий след: *һәливкй, калки, елһма, һеркй, иркэкин* (Мыреева, 2005: 50). Судя по материалам сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, этимологию лексемы *һәливки* можно объяснить, как след ‘скрывшегося зверя’: *Эвенк. һәл-* исчезнуть, скрыться с глаз; *һәливкй* исчезнувший, скрывшийся (ССТМЯ, 1975, Т. 1: 312). Охотник легко определяет, в какое время прошел зверь: *эйһтмэр* ‘недавний, свежий (о следах)’; *эсйкэпты* ‘сегодняшний (о следе)’; *нэда* ‘незамерзший, недавний след зверя’ (Мыреева, 2005). Охотник различает летние следы зверя: *силэгимнэ* ‘след зверя (на траве после испарения росы)’ . А также следы определенных зверей: *улумкувун* ‘незамерзший след белки’ (от *улукй* ‘белка’); *макчандяк* ‘следы белки во время гона’ (от глагола *макчанми* ‘прыгать, широко расставляя задние ноги’); *такала* ‘след медведя’ (от глагола *таками* ‘испачкать, помазать’); *түмнэк* ‘медвежья тропа’ (букв. ‘место, где наступают ногами’) (от глагола *түми* ‘ступить, наступить’) (Мыреева, 2005). Рассмотренный лексикографический материал и данные указанной монографии А. Н. Мыреевой позволяют охарактеризовать эвенкийского охотника как отменного следопыта.

Для выявления образной составляющей рассматриваемого ментального образования «Бэёктэмнй/охотник» в составе концепта «Бэёкмэйт/охота» исследовались сочетаемостные характеристики имени этого ментального образования. Проанализировав аутентичные тексты, записанные от носителей языка, мы обнаруживаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих охотника, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта.

Прежде всего охотник является кормильцем семьи: «*Бултәмнй мутнй улймнү бәе, этән бултәра экуна-да, бү демудерйдеһун, куһакәр демудерйдеһатын* – Охотник наш кормилец, если ничего не добудет, мы останемся голодными, дети будут голодать» (Светлана Абрамовна Васильева).

Охотник обладает скромностью, отсутствием хвастливости: «*Бултәмнү мәнэк эпкй түрәттэ эвәнкйлдү, һөкәттә эпкй, мәнэк түрәттэ эпкй, аракүкән һурупкй-да бултәнапкй. Тар негүпкй нуһандү экуна-вал* – Охотник много не говорит, не хвастается, тихо уходит на охоту. И что-нибудь дух-хозяин охоты ему даст (Мира Григорьевна Мальчакидова).

Информанты подчеркивают такие качества охотника, как силу, выносливость, быстроту и ловкость. Сообщается и об особенностях охоты с собакой: «*Бултәмнү олус энәһй бәе бидән һада. Бэёкүрва һада давадяна аһактада. Тадук андагйкүрва һән аһакталиккй һинакирди конудү әһүатчанал. Бултәдярй бәе олус горое үнәпкй тыргимән. Тымәтнэ депчәһән, инәһүвэ үнәпкй: тар давадан һада, ады-да һуһа үнәпкй, тар аһадяна бәйрә, андагйва удыктадяна. Һинакин аһалкучипкй, тара нуһан һән амардүкин, гороликкй. Куһкидан һада тар дёлолдуһа, иһәһнәдү угуһинипкй андагй, тара тар долбонйва тадү нүйпкәндяна куһкидяна бидедеһән. Һән тар әһүаттан һән иһиндү* – Охотник очень должен быть сильным. Диких оленей нужно,

пройдя через горные перевалы, достичь по следу. Соболя также они выслеживают по следу с собакой, ночуя в тайге. Охотник много пешком проходит по тайге. Утром проснется, поест и на весь день уходит: переходит через перевалы, преследуя диких оленей, соболя. Собака по следу погонит, и он позади далеко уходит. Соболя, спрятавшегося среди камня, нужно ему добыть, и целую ночь он выкуривает его с ямы. Вот приходится ему ночевать среди холода (Мира Григорьевна Мальчакитова).

Тунгусский охотник способен чувствовать, в каких местах обитает зверь и сколько его: *Тар бэйһэвэ бакапкыл нуһартын. Идү бидеһэн, тыкэ мэдүчэдепкыл. Умукэн, ады-да бидеһэн кэргэнтил. Тар һурупкыл, бултāнапкыл* – Зверей они (охотники) находят. Где проживают, они (охотники) чувствуют. Один или сколько семей на одном месте обитает» (Светлана Абрамовна Васильева).

В целях пропитания охотятся на дикого оленя, лося, изюбря, иногда на медведя: *«Дептэвэр бултапкыл бэйһэмэ, коһнокувэ, кумакалва, амйкāнма, һадыдун* – Для пропитания добывают дикого оленя, лося, изюбря, медведя иногда» (Светлана Абрамовна Васильева).

Тунгусский охотник хорошо знает повадки, пищу и следы зверей: *«Бултāмнй аят сāдерй бэе дүннэвэ бидэвэ, бэйһэлвэ бутуннүлва, удаляватын, дебгэлвэтын* – Охотник хорошо знает жизнь в тайге, зверей, их следы, пищу и много чего еще знает» (Светлана Абрамовна Васильева).

Реципиенты информируют о природных факторах, играющих важную роль для охоты. Так, эвенки охотятся на пушных и копытных зверей в снежное время: *«Һурудон тар бултāмнй нāда ая инэһй бидэһ, иманадāн нāда. Андагылā һурупкыл, иманаракин удакалин ичэвулипкыл* – Прежде чем идти на охоту, должен быть хороший день, нужно, чтобы выпал снег. Охотник пойдет охотиться на соболя и ему будут хорошо видны следы соболя на снегу (Светлана Абрамовна Васильева). Во время пурги охотнику удобней подкрасться к дикому оленю, изюбрю. В это время бывает много различных звуков и шума, что позволяет охотнику подойти к зверю на близкое расстояние: *«Бэйһтыкыл нāда һүннэрй инэһй бидэһ, тоготчодотын бэйһнил, кумаканил, дэрюмкичэдэдэһ-кэ. Тарилва бкин тоготчопкыл нāда бултāмнй мэдэдэһ* – Во время пурги нужно охотиться копытного зверя, в то время, когда дикие олени, изюбри отдыхают. И охотник должен заметить пока они лежат (Светлана Абрамовна Васильева).

Тексты информантов сообщают об охоте на медведя в берлоге. Он является для эвенков тотемным животным, поэтому его особо почитали. При его номинации используется родственная терминология (*амйкāн* дедушка), эвфемизмы (*коһнорйн* черный): *Коһнорйлā һурупкыл, тар мутнй прапрапредок, мутнй прародитель, амйкāн гунипкыл, эчэ. Анһанйтыкин талā эпкыл һэнэктэрэ. Умнэкэн нāда һэнэдэ коһнорйнма бултāда. Мэнэк эпкыл нуһанман бултāра. Дептэвэр тар бултāпкыл* – К медведю (в берлогу) идут, это наш прапрапредок, наш прародитель, дедушка его называют. Каждый год туда не ходят. Один раз нужно сходить к нему на охоту. Постоянно на него не охотятся. Только для пропитания него охотятся» (Светлана Абрамовна Васильева). Наличие таких высказываний может служить подтверждением культа медведя в культуре эвенков. Об этом культе писали ученые А. Ф. Анисимов (1958), Г. М. Василевич (1971), Е. И. Титов (2009) и др. По мнению охотников, медведь похож на человека. К его туше относились с особым почтением. Некоторые эвенки до сих пор продолжают традицию хоронить медвежьи кости на срубках. Так, в текстах информантов мы можем наблюдать частичное описание традиции медвежьего ритуала, приготовления блюда из медвежьих внутренностей и мяса: *«Амйкāнма эвэнкыл гуниукитын «бэеһэчин». Кэйиукитын мўтни амтылты. Тар кэйми нуһанман, тара аямамат караипкыл. Эвэнкыл эукитын гирамналван нбдурā, дэлкэндү эрэгэр умунупкэтчэпкыл. Тар кэйми чэрүлйкэн нуһанман бңукитын тар амйкāнма. Гирамналван олок эңукитын токторо сукэт, дялалалдулйн мйнэукитын. Тар гирамналван һинакирдү эпкыл бўрэ. Аямамат нуһанман ирйиукитын, тадук эптэлвэн, нёванман, уллэвэн тавдиуатын тадук котот аямаман минэпкыл,*

тадук имүрэнмэн талā ункуммён. Тара тэкэмин эвэнкйл гунипкйл. Тар тэкэминмэ депилиммён. Кёипкил амйкәнма, эрэгэр эвэнкйл тэкэминмэ бжкитын. Эр олус ая дебгэ, ала-да. Тадук бэе умнэкэн депипкй, нунан сэнёргунки, горокүра нэнэктэпкй, эпкй дэрурэ, эпкй сймкйтчами. Эткэн-дэ мут һадьлдүн бунарап – Эвенки на медведя говорят «подобен человеку». Побеждали его наши предки. Победив, аккуратно его кости складывают. Эвенки не разбрасывают кости зверя, всегда складывают на дэлкэн – настил на сваях. Победив медведя, молча разделяли его тушу. Кости его ни в коем случае топором не разрубали, а разрезали по суставам. Кости нельзя собакам давать. Хорошо отваривали его мясо. Затем собирали отваренные легкие, сердце, мясо и мелко ножом нарезали. Затем туда заливали его жир. Это блюдо называется тэкэмин. После едят тэкэмин. После добычи медведя эвенки постоянно готовили тэкэмин. Это очень полезное и вкусное блюдо. После приема этого блюда человек становится полон энергии, много может пройти пешком, не устает, не кашляет. Мы и сейчас иногда делаем это блюдо (Юрий Юрьевич Мальчаков). Обратим внимание, респондент не использует по отношению к медведю глагол «вāми – убить», а заменяет его другим «кёими – победить», тем самым подчеркивая уважительное отношение к этому зверю.

У эвенков имеется множество охотничьих запретов (одё), связанных с тушей добытого зверя: Эүнэрэ бэйңэ гирамналван дуннэду нодактара – дэлкэнду нэври – Нельзя кости зверя (добытого) по земле раскидывать – на лабаз кладутся (на лабазе хоронятся); Эүнэрэ нодара дуннэду бэйңэ иктэлбэн – этэн вавра – Нельзя выбрасывать на землю зубы зверя – перестанет попадаться как добыча; Эүнэрэ бэюн гирамналван нодара, энэ чанмира. Бэюн маядиңан – Нельзя кости копытного выбрасывать, не расколов и съев костный мозг. Копытный зверь перестанет попадаться тебе (добытого зверя человек был обязан использовать полностью, не пренебрегая никакой его частью. Обязательно следовало расколоть кости и употребить в пищу костный мозг зверя. То есть не следует небрежно относиться к добываемой пище и добываемому зверю, а с благодарностью употребить в пищу все его части, вплоть до костного мозга. Смысл этого одё сравним с принятым у русских обычаем: не выбрасывать оставшиеся куски хлеба, бережно и с уважением относиться к хлебу) и др. (Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области, 2009: 559).

Эвенкийская женщина окружена многими запретами, касаемо охоты. Г. М. Василевич отмечает некоторые охотничьи запреты, относящиеся к женщине. «Женщинам запрещалось перешагивать через одежду мужа, через его посуду, через тропу охотника, через подстилку, на которой свеживали зверя. Во время месячных женщина не имела права свеживать зверя, снимать шкуру с головы и есть его мясо, чтобы не лишить мужа удачи на охоте» (Василевич, 1969: 167). Так, информант продемонстрировал запрет в отношении жены охотника: Аһй атыркәнин этэн ичэттэ, он уэдерэн-кэ, һурудерэн, бултәнадерэн, эпкй ичэттэ. Аһй ичэтчәпкй, нунанман каипкй тар һокторбонмон-ко – Жена не должна смотреть, как уходит муж на охоту, она не смотрит. Если она посмотрит, то она перекроет ему охотничью удачу» (Светлана Абрамовна Васильева). В аутентичных текстах сообщается и о былом мастерстве женщин, как охотников: Аһәкүр нән нонон сәл бичәтын. Нән бәеңэчин аһй бултәпкй андагйя, улукйя. Эткән әчир таргачйр аһәл, эткән этәчәл аһәл конуду бидеми. Нонон аһәл нулгипкй бичәтын мәртын, паләткаеви тәлэдиңән мәнин аһй әмукин, бултәпкй нән биукин, уллпкй, упкатъя нәкәңкин конуду аһй нонон – Женщины также раньше ловкие были. Подобно мужчинам, охотились на соболя, белок. Сейчас нет таких женщин, они перестали жить в тайге. В давности женщина сама кочевала, палатку ставила, охотилась, шила, все самостоятельно делала» (Мира Григорьевна Мальчакитова).

Охотник обязательно перед промыслом кормит огонь. Затем производилось окуривание багульником или можжевельником. С дымом уходит все плохое, как сообщают реципиенты: «Тар бултамуу бэе эделйви бултәнара тогоду әкуна-вал борйдиңан негүдан нүнйпкәнипкй

тэткэлви, эмэгэрвэ дбйтүрва, уһйльва эдэтын экурди-вар нёра. Конут нāда нёдан упкат. Упкат эру һурупкй нўйнун. Чэнукирит нўйнпкэнипкйл бичэтын – Перед тем, как пойти на промысел, чтобы ему сопутствовала удача, охотник кормит огонь, окуривает свою одежду, седло, подстилку из-под вьюка, узды, чтобы не пахло ничего посторонним. Все должно пахнуть тайгой. Все плохое уходит с дымом. Багульником окуривали (Мира Григорьевна Мальчакитова).

Таким образом, охота, являясь исконным занятием тунгусов, сыграла ключевую роль в формировании их языковой картины мира. Ментальное образование «Бэюктэмнй/охотник» в составе концепта «Бэюмэкй/охота» обладает этноспецифическим содержанием, которое отражает одну из доминантных признаков языковой картины мира эвенков. Эвенкийский охотник сочетает в себе умение жить в гармонии с природой и находчивость в выборе вариантов поведения в условиях проживания в лесу. Он является узнаваемым образом представителей своей культуры будучи ее носителем.

На сегодня некоторые эвенки все-таки продолжают вести традиционный охотничье-кочевой образ жизни, и это позволяет им в век современных информационных технологий сохранить исчезающий язык и культуру.

Литература:

- Анисимов А. Ф.** Культ медведя у эвенков // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX век). М.: Северные просторы, 2001. С. 23–32.
- Василевич Г. М.** О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. / СМАЭ. М., 1971 Т. XXVII. С. 150–169.
- Захарова Н. Е.** Экспериментальное исследование особенностей языкового сознания эвенков-билингвов (на примере концепта человек /бэе/ киһи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. №3. С. 215–219.
- Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В. И.** Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Кузьмина Р. П.** Специфика концептуализации стыда и совести в эвенской языковой картине мира // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2021. Т. 23. № 1 (85). С. 247–255.
- Мерекина Е. В.** Культурные концепты как ядерной часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингво-культурологическое исследование языка эвенков). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мерекина Екатерина Васильевна; Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2008. 300 с.
- Мыреева А. Н.** Эвенкийско-русский словарь = Эвэды лучады турэрук. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- Мыреева А. Н.** Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство. Новосибирск: Наука, 2005. 111 с.
- Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Р. Е. Мальчакитова; под ред. Г. И. Варламовой. Благовещенск: Зея, 2009. 608 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. Т. 1. 1975; Т. 2. 1977.
- Титов Е. И.** Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода // Из глубины веков... Путешественники, исследователи об эвенках: хрестоматия / сост. Е. Ф. Афанасьева. Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2009.
- Токарев С. А.** Очерк истории якутского народа. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. 247 с.
- Ушницкая Н. Ю.** Концепт «Бэюмэкй/охота» в языковой картине мира эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7. №3. С. 183–190.

Ушницкая Наталья Юрьевна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.

E-mail: maltak84@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 октября 2022 г.

N. Yu. Ushnitskaya

CONCEPTUALIZATION OF THE HUNTER IN THE LANGUAGE WORLDVIEW OF THE EVENKI

The article deals with the problem of the linguistic and cultural description of the conceptsphere of the Evenki language, which is relevant for research in modern Tungus studies. The conceptualization of the hunter in the linguistic picture of the Evenki is investigated. Hunting, which is an aboriginal occupation of the Tungus, played a key role in the formation of their linguistic picture of the world. The concept “*Beyūmekit*/hunting” has a clearly structured system: 1) the subject of hunting (hunter); 2) the objects of hunting: hoofed and furred animals; 3) prey (meat, animal skin); 4) means and methods of hunting; 5) place of hunting; 6) road used for hunting; 7) hunting season; 8) animal traces; 9) dog – helper of hunter; 10) spirit – master of hunting. Being a basic element within the concept “*Beyūmekit*/hunting”, the conceptualization of the hunter is characterized by the following conceptual features: 1) a man; 2) hunting (hoofed and furred animals); 3) with bow or gun; 4) for the purpose of food and acquisition of hides for clothing. As a component of the concept “*Beyūmekit*/hunting” the mental formation “*Beyūkemni*/hunter” contains conceptual, figurative and value components. These elements are investigated with the usage of lexicographic material and recordings of authentic texts from native speakers. The Evenki hunter is a recognizable image of the representatives of the Tungus culture, and he is the culture of his ethnos. The combination of lexical units denoting the hunter characterizes not only figurative, but also conceptual and value attributes of the concept in question. The presence of root bases denoting hunting and found in all the Tungus-Manchzhurian languages testifies to its primordiality among the Tungus.

Keywords: *language picture of the world, concept, Evenki language, hunting, hunter.*

References:

- Anisimov A. F.** Kul't medvedya u evenkov [Evenki bear cult] // *Narody Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii v trudah issledovatelej (XX vek)*. M.: Severnye prostory, 2001. Pp. 23–32. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** O kul'te medvedya u evenkov [About the cult of the bear among the Evenks] // *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX vv. / SMAE*. M., 1971 Vol. XXVII. Pp. 150–169. (in Russ.)
- Zaharova N. E.** Eksperimental'noe issledovanie osobennostej yazykovogo soznaniya evenkov-bilingvov (na primere koncepta chelovek / bee / kihi) [Experimental study of the features of the linguistic consciousness of bilingual Evenks (on the example of the concept man / bee / kihi)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 215–219. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse.]. Moskva: Gnozis, 2004. 390 p. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovye klyuchi [language keys.]. M.: Gnozis, 2009. 406 p. (in Russ.)
- Kuz'mina R. P.** Specifika konceptualizacii styda i sovesti v evenskoj yazykovoj kartine mira [The Specificity of the Conceptualization of Shame and Conscience in the Even Linguistic Picture of the World] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. Vol. 23. No. 1 (85). Pp. 247–255. (in Russ.)
- Merekina E. V.** Kul'turnye kontsepty kak yadernaya chast' yazykovogo soznaniya malochislennogo naroda (etnolingvo-kul'turologicheskoe issledovanie yazyka evenkov) [Cultural concepts as the nucleus of minority people consciousness] (ethnological, linguistic and cultural research of the Evenki language): PhD in Philological sci. diss. ; Blagoveshchensk State Pedagogical University. Barnaul. 2008. (in Russ.)
- Myreeva A. N.** Evenkiysko-russkiy slovar' = Evedy-luchady tureruk [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 798 p. (in Russ.)
- Myreeva A. N.** Leksika evenkijskogo yazyka: tradicionnoe hozyajstvo [Vocabulary of the Evenki language: traditional economy]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 111 p. (in Russ.)
- Slovar' dzhehtulakskogo govora evenkov Amurskoj oblasti* [Dictionary of the Dzheltulak dialect of the Evenks of the Amur Region] / B. V. Boldyrev, G. V. Bykova, G. I. Varlamova, R. E. Mal'chakitova; pod red. G. I. Varlamovoj. Blagoveshchensk: Zeya, 2009. 608 p. (in Russ.)
- Tsintsius V. I.** (Ed.). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimol. Slovaryu (SSTMYa)* [Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages: Materials to the etymological dictionary]: Vol. 1. 1975; Vol. 1977. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

Titov E. I. Nekotorye dannye po kul'tu medvedya u nizhneangarskih tungusov Kindigirskogo roda [Some data on the bear cult among the Lower Angara Tungus of the Kindigir clan] // Iz glubiny vekov... Puteshestvenniki, issledovateli ob evenkah: hrestomatiya / sost. E. F. Afanas'eva. Ulan-Ude: Izdatel'stvo "Belig", 2009. (in Russ.)

Tokarev S. A. Ocherk istorii yakutskogo Naroda [Essay on the history of the Yakut people]. Moskva: Gos. soc.-ekon. izd., 1940. 247 p. (in Russ.)

Ushnickaya N. Yu. Koncept "Beyumekit/ohota" v yazykovej kartine mira evenkov [The concept "Beyumekit/hunting" in the language picture of the world of the Evenks] // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2021. Vol. 7. No. 3. S. 183–190. (in Russ.)

Ushnitskaya Natalia Yurievna.

Candidate of philology, research fellow.

**Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.**

1 Petrovsky st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: maltak84@mail.ru

А. Н. Чугунекова

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Представлены результаты исследования дейктических (указательных) частиц в хакасском языке. Дейктические частицы, как и другие указательные слова, выступают в качестве слов, служащих для определения степени удаленности объекта относительно позиции говорящего лица («дейктического центра»). В каждом языке своя (двучленная, трехчленная и более) система определения степени удаленности предмета относительно дейктического центра. В хакасском языке степень удаленности предметов относительно говорящего лица определяется через трехчленную систему: проксимальную («ближе к говорящему лицу»), медиальную («чуть дальше от говорящего лица») и экстремальную («далеко от говорящего лица»). В отличие от дейктических локативных наречий и местоимений, у дейктических частиц наблюдается сближение медиального и экстремального дейксиса: для частицы *мына* ключевым является ближний дейксис, а для *тигіне* и *ана* – дальний дейксис. Кроме того, данные частицы часто употребляются вместе с соответствующими сериями дейктических наречий, дейктических местоимений и других слов для уточнения идеи указания, общей оценки ситуации, качественно-количественной характеристики объекта и др. Для частицы *ана* в сочетании со словами, выражающими временной отрезок, характерна анафорическая функция.

Ключевые слова: дейктические частицы, уточняющая функция, акцентирующая функция, анафорическая функция, хакасский язык.

Введение

Дейктические частицы (ДЧ) представляют собой один из семантических подклассов частиц. Они активны в употреблении. В ДЧ одновременно сохраняется значение указательности и эмфатичности (выразительность). Их употребление обычно сопровождается указательным жестом (движением руки, головой, подбородком и т. п.) и произносится с особой интонацией.

В последние годы были предприняты попытки семантического анализа ДЧ как на материале русского языка, так и на материале других языков (Крылова, 2015; Рачёва, 2016; Шамиров, 2017; Халидова, 2021 и др.). Что касается тюркских языков, то в них специальных исследований, посвященных анализу ДЧ, на сегодняшний день не имеется. Но некоторые сведения о них можно найти в разделах научных грамматик (Чумакаев, 2017: 518–519), монографий (Султанбаева, 2006), статей (Саттарова, 2016: 47–51; Савельева, 2020: 222–227) и др.

Из ранних работ, посвященных специальному исследованию ДЧ в тюркских языках, на наш взгляд, следует назвать статью Ф. Д. Ашнина, в которой дается обзор указательных частиц, проясняющих этимологию и семантику указательных местоимений в тюркских языках (Ашнин, 1958).

В хакасском языке комплексное исследование семантики ДЧ еще не проводилось. В научной грамматике они традиционно причисляются к указательным местоимениям: *мына* ‘вот (этот)’, *ана* ‘вон (тот)’ (Грамматика хакасского языка, 1975: 149), а в учебном пособии «Хакасский язык. Морфология» в разделе «Служебные части речи. Частицы» их относят к группе указательных частиц (Хакасский язык, 2004: 187). Профессор В. Г. Карпов также называет эти слова указательными частицами, «восходящими к указательным местоимениям: *Мына минің туңмам* ‘Вот мой младший брат’» (Карпов, 2011: 22). В связи с этим возникла потребность в описании и четком разграничении ДЧ от других самостоятельных дейктических частей речи¹.

¹ Автором данной статьи ранее подробно описаны дейктические локативные наречия (Чугунекова, 2020) и дейктические местоимения (Чугунекова, 2021) в хакасском языке.

Проведенный анализ ДЧ хакасского языка, имеет большое значение как для хакасского языка, так и других тюркских языков. Результаты данного исследования существенно дополняют имеющиеся данные о ДЧ хакасского языка и покажут более полную картину о них благодаря привлечению фактического материала из произведений художественной литературы хакасских писателей. Кроме того, полученные данные найдут применение при составлении вузовских и школьных учебников, учебно-методических пособий, при чтении лекционных курсов и семинарских занятий по современному хакасскому языку на филологических факультетах вузов, а также при сравнительно-типологических исследованиях.

Основанием для выделения ДЧ в хакасском языке послужили три признака: «морфологический (отсутствие у слова собственной парадигмы), синтаксический (неспособность слова быть членом предложения) и семантический (то, что слово, будучи неполновесным по своему значению, способно лишь внести оттенок в значение другого слова или предложения)» (Ашнин, 1958: 417).

Итак, ДЧ в хакасском языке представляют собой самостоятельную лексико-грамматическую группу слов, функции которых в речи сходны с функциями дейктических локативных наречий и дейктических местоимений. Основная функция ДЧ – дейктическая (указательная). Кроме указательной функции имеются и другие, о которых будет сказано ниже. Анализ начнем с дейктической функции.

1. Дейктическая функция

В хакасском языке ДЧ *мына* ‘вот’ (разг. *мно/мне*), *тигіне* ‘вон’ – *ана* ‘вон, вот’ (разг. *ане*) так же, как и дейктические локативные наречия и дейктические местоимения, «служат для выражения степени удаленности предмета» (Напольнова, 2014: 67) относительно «дейктического центра» («говорящего/наблюдателя») (Апресян, 1995; Падучева, 1996; Невская, 2005 и др.).

В отличие от дейктических локативных наречий и местоимений, представляющих трехчленную систему определения степени удаленности предмета относительно дейктического центра (*проксимальный* ‘близкий к говорящему’ – *медиальный* ‘дальше от говорящего, но в поле зрения’ – *экстремальный* ‘далеко от говорящего (за пределами видимости)’) (Чугунекова, 2020; 2021), ДЧ образуют двухчленную систему дейксиса: *проксимальную* и *медиальную*.

1.1. Частицы проксимального дейксиса

Частицы *мына* ‘вот’ (*мно/мне* ‘вот’) указывают на что-либо, находящееся в непосредственной близости (можно потрогать руками):

- (1) **Мына** минің тура, – холын улабысхан Станислава пір улуғ нимес туразар (И1, 35).

мына	минің	тура=м	хол=ы=н	ула=быс=хан
вот	мой	дом=1SG	рука=POSS.3=ACC	показывать=PFV=PP
Станислава=Ø	пір=Ø	улуғ=Ø	нимес	
Станислава=NOM	один=NOM	большой=NOM	PCTL.NEG	
тура=зар				
дом=LAT				

‘Вот мой дом, – показала рукой Станислава на один небольшой дом.’

- (2) **Мына** минің оолғым, – махтанча ипчі (ГК Т, 92).

мына	мин=ің	оолғым	махтан=ча	ипчі=Ø
вот	я=GEN	сын.POSS.1	хвастаться=PRES	женщина=NOM

‘Вот мой сын, хвастается женщина.’

- (3) **Мно, мно** минің киречілерім (МК П, 118).
мно **мно** минің киречі=лер=ім
 вот вот мой свидетель=PL=POSS.1
 ‘Вот, вот мои свидетели.’

1.2. Частицы медиального дейксиса

Частицы *тігіне* ‘вон’ и *ана* ‘вон’ (разг. *ане*) употребляются для указания на что-либо, находящегося на несколько удаленном расстоянии, но в поле зрения говорящего и собеседника:

- (4) **Тігіне** хызыл-күрең чуға тимірнең чапхан школа (ГК Т, 84).
тігіне хызыл=Ø күрең=Ø чуға=Ø
 вон красный=NOM коричневый=NOM тонкий=NOM
 тимір=нең чап=хан школа=Ø
 железо=INSTR укрывать=PART школа=NOM
 ‘Вон школа, крытая из тонкого металла.’
- (5) **Тігіне** Камат! (МК П, 203).
тігіне Камат=Ø
 вон Камат=NOM
 ‘Вон Камат!’
- (6) **Ана**, килчелер (И2, 55)
ана кил=че=лер
 вон приходит=PRES=PL
 ‘Вон, идут.’

2. Акцентирующая функция

Судя по собранному языковому материалу для ДЧ характерна акцентирующая функция, суть которой заключается в том, что говорящий «старается обратить внимание адресата на некоторый аспект ситуации < >, а “прототипическая” идея указательности сохраняется только в форме акцентирования внимания на некотором аспекте ситуации» (Рачева, 2016: 167). В хакасском языке акцентирующей функцией больше всего обладает частица *мына* ‘вот’.

Например:

- (7) **Мына** чүгүрерге чөрбін.
мына чүгүр=ерге чөр=бін
 вот бежать=INF ходить=1SG
 ‘Вот [я] собираюсь бежать.’
- (8) **Мына** пуларнаң хада тоғынарзың (МК П, 179).
мына пу=лар=наң хада тоғын=ар=зың
 вот этот=PL=INSTR вместе работать=FUT=2SG
 ‘Вот с этими будешь работать.’
- (9) **Піс мына**, тазытчабыс (МК П, 199).
 піс=Ø **мына** тазы=п=ча=быс
 мы=NOM вот таскать=CV=PRES=1PL
 ‘Мы вот, таскаем.’

- (10)
- Мына ікі чўске...пазынғам... Ам тостың ма?*
- (МК П, 190).

мына ікі=Ø чўс=ке пазын=ға=м ам
 вот два=NOM сто=DAT подписываться=PP=1SG теперь
 тос=ты=ң ма
 насытиться=PAST1=2SG PCTL
 ‘Вот на двести рублей сделал подписку (на газету)... Теперь насытился?’

- (11) –
- Мына, көр, нинче ахча тоғынып алдым*
- (ИТ ХӨ, 56).

мына көр=Ø нинче ахча=Ø тоғын=ып
 вот смотри=IMP.2SG сколько деньги=NOM работать=CV
 ал=ды=м
 AUX: брать=PAST1=1SG
 ‘Вот, смотри, сколько я заработал денег.’

3. Эмфатическая функция

ДЧ часто относятся к средствам создания эмфазы². При эмфазе ДЧ употребляются в сочетании с соответствующими сериями дейктических локативных наречий и дейктических местоимений. Такое совместное употребление «приводит к усилению семантики указательности, к точной репрезентации пространственной локализации» (Халидова, 2021: 265).

Так, в хакасском языке совместное употребление ДЧ с дейктическими локативными наречиями проксимального дейксиса приводит к усилению идеи указания «ближе к говорящему лицу», причем само указание на какой-либо предмет остается за наречиями и местоимениями, а ДЧ лишь уточняют, поддерживают идею указания (*мына мында* ‘вот здесь, где я сейчас нахожусь’, *мына пеер/мындар* ‘вот сюда’, *мына мыннаң/мындартын/пеертін* ‘вот отсюда’, *мына мынча* ‘вот по этому месту’):

- (12)
- Олар мына мында минің чўреемделер*
- (МК П, 172).

олар=Ø мына мында мин=ің чўреем=де=лер
 они=NOM вот здесь я=GEN сердце.POSS.1=LOC=PL
 ‘Они вот здесь, в моем сердце.’

- (13)
- Мына пеер чалаң килгеннер*
- (ФБ ТО, 12).

мына пеер чалаң кил=ген=нер
 вот сюда верхом приезжать=PP=PL
 ‘Вот сюда приехали верхом на лошади.’

- (14)
- Піс мына мынча килгебіс.*

піс=Ø мына мын=ча кил=ге=біс
 мы=NOM вот этот=PROLAT приходит=PP=1PL
 ‘Мы вот по этому месту шли.’

Идея указания «ближе к говорящему лицу» может выражаться и через сочетание *мына ну* ‘вот этот, который находится рядом’, где местоимение *ну* ‘эта, это, этот’ указывает на предмет, который находится в поле зрения говорящего и «до которого говорящий может дотронуться

² «Эмфаза (от греч. ἔμφασις – разъяснение, указание, выразительность) – выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее экспрессивность речи (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 592).

рукой или подержать в руках» (Карпов 2010: 43), например: **Мына пу** мўўсті көрчезің ме? (МК П, 233).

мына пу мўўс=ті көр=че=зін ме
 вот это рога=ACC смотреть=PRES=2SG PCTL
 ‘Видишь вот эти рога?’.

Совместное употребление ДЧ и дейктических локативных наречий медиального дейкиса приводит к усилению идеи указания «далеко от говорящего лица», в которое говорящий себя не включает, а лишь может показать указательным жестом (*тігіне тігі* ‘вон тот’, *тігіне тігде* ‘вон там’, *тігіне тігізер* ‘вон туда’, *тігіне тігдең/тігдертін* ‘вон оттуда, с той стороны’, *тігіне тігіче* ‘вон по тому месту’; *ана анда* ‘вон там’, *ана андар* ‘вон туда’, *ана аннаң/андартын* ‘вон оттуда’, *ана анча* ‘вот по тому месту’):

(15) **Тігіне тігде** турчатхан (МК П, 23).

тігіне тігде тур=чатхан
 вон там стоять=PAST2
 ‘Вон там стоял.’

(16) **Тігіне тігдең** сых килген (И2, 54).

тігіне тігдең сых кил=ген
 вон оттуда выходить AUX: приходить=PP
 ‘Вон оттуда выскочил.’

(17) **Ана андар** парыбысхан.

ана андар пар=ыбыс=хан
 вон туда уходить=PFV=PP
 ‘Вон туда ушел.’

Кроме уточнения идеи указания относительно говорящего лица ДЧ в сочетании с другими местоименными словами могут выражать и другие значения. Так, для хакасского языка можно выделить значения качественной или количественной характеристики объекта, удивления чему-либо, выражения общей оценки чему-либо и др.

Качественная характеристика объекта в хакасском языке выражается сочетаниями *мына мындаг* ‘вот такой’ и *ана андаг* ‘вот такой’:

(18) **Мына мындаглар** ла килген. Чахсылары чат халган (МК П, 186).

мына мындаг=лар ла кил=ген
 вот такой=PL PCTL приходить=PP
 чахсы=лар=ы чат хал=ган
 хороший=PL=POSS.3 лежать AUX: оставаться=PP
 ‘Вернулись лишь такие. Лучшие полегли [на войне].’

(19) **Ана андаглар** олар, чылхалары чохтар (ГК Т, 59).

ана андаг=лар олар чылха=лар=ы чох=тар
 вот такой=PL они активность=PL=POSS.3 NEG:бес=PL
 ‘Вот такие они, бестолковые [люди].’

В хакасском языке частицы *мына* и *ана* часто сочетаются с вопросительным местоимением кем ‘кто’. Так, сочетания *мына кем* ‘вот кто’ и *ана кем* ‘вон кто’ используются при выражении удивления чему-либо:

- (20) *Мына кем пыролыг! Мына кем мині пеер тартып килген, минің амыр чуртазымны тикке ле сайбаан! – Кемні пыролырға сизік хаап, аннаң андар өкпеленчеткен Казан* (ВТ АТ, 92).

мына кем пыро=лыг **мына кем** мин=i пеер
 вот кто вина=POSSV вот кто я=ACC сюда
 тарт=ып кил=ген мин=iң амыр
 тянуть=CV AUX: приходить=PP я=GEN спокойный
 чуртаз=ым=ны тикке ле сайба=ан
 жизнь=POSS.1=ACC зря PCTL нарушать=PP
 кем=ні пыролы=рға сизік=Ø хаап
 кто=ACC винить=INF догадка=NOM хватать.CV
 аннаң андар өкпелен=четкен Казан=Ø
 дальше гневаться=PAST2 Казан=NOM

‘Вот кто виноват! Вот кто меня сюда втянул, нарушил мою спокойную жизнь! – гневался Казан, догадавшись, кто в этом виноват.’

ДЧ ана ‘вот’ при сочетании с вопросительным местоимением *хайдаг* ‘какой’ выражает высокую степень удивления (возможно сопровождение возгласом) чему-, кому-либо. Говорящий обнаруживает неожиданно новую для себя информацию (в нашем случае речь идет о конкретном человеке):

- (21) *Піс сірерні ханча чыл сахтап париған полгабыс. Иди сахтатырған кізі харыг пол парча ба? Ана хайдагзың, Арчот!* (НТ АХ, 119).

піс=Ø сірер=ні ханча=Ø чыл=Ø сахта=п
 мы=NOM вы=ACC сколько=NOM год=NOM ждатель=CV
 пар=иған пол=ға=быс іди сахта=т=ыр=ған
 AUX: идти=PRES AUX: быть=PP=1PL так ждатель=CAUS=CAUS=PP
 кізі=Ø харыг=Ø пол пар=ча ба
 человек=NOM помеха=NOM AUX: быть AUX:идти=PRES PCTL
ана хайдаг=зың Арчот=Ø
 вот какой=2SG Арчот=NOM

‘– Мы уже сколько лет ждем вас. Разве может помешать человек, которого так ждали? Вот ты какой, Арчот!’.

- (22) *Ана син хайдагзың? Мин, тізең, амга теере синің азыг тістеріңні сизінмеен полгам* (МК П, 58).

ана син=Ø хайдаг=зың мин=Ø тізең ам=ға
 вот ты=NOM какой=2SG я=NOM CONJ сейчас=DAT
 теере син=iң азыг=Ø тіс=тер=iң=ні
 POST ты=GEN коренной=NOM зуб==PL=POSS.2=ACC
 сизін=ме=ен пол=ға=м
 догадываться=NEG=PP AUX: быть=PP=1SG
 ‘Вот ты какой? А я до сих пор не замечал твою подлость.’

Высокая степень удивления чему-, кому-либо может выражаться также через сочетание *мына за нима* ‘вот оно что’, построенное по схеме «дейктическая частица + усилительная частица + вопросительное местоимение». Например:

- (23) *Казан Устинович саңай таңнап парған: нима пол парды? Хайдаг хоргыстыг нима чоохтаныбысты ол? Аның хараанда хыртыс, соох көрістер, хулаанда – тыртыстаныстыг*

табыстар. – Э-э, мына за ниме! – сизік хапхан кинетін Казан, – Оркон ол ал-алынча кизілерні ле нимес, прай коллективті миннең тоғыр турғызып алтыр (ВТ АТ, 131).

Казан Устинович=Ø санай таңна=п пар=ған
 Казан Устинович=NOM совсем удивляться=CV AUX: идти=PP
 ниме=Ø пол пар=ды хайдағ хорғыс=тығ
 что=NOM AUX: быть AUX: идти=PAST1 какой страх=ADJ
 ниме=Ø чоохтан=ыбыс=ты ол=Ø аның
 вещь=NOM говорить=PFV=PAST1 он=NOM его
 хараа=нда хыртыс=Ø соох көріс=тер
 глаза.POSS.3=LOC ненависть=NOM холодный взгляд=PL
 хулаа=нда тыртыстаныс=тығ табыс=тар э-э **мына**
 уши.POSS.3=LOC раздражительность=ADJ голос=PL э-э **вот**
за ниме=Ø сизік=Ø хап=хан кинетін
 PCTL что=NOM догадка=NOM хватать=PP внезапно
 Казан=Ø Оркон=Ø ол=Ø ал-алынча кизі=лер=ні
 Казан=NOM Оркон=NOM тот=NOM отдельно человек=PL=ACC
 ле нимес прай коллектив=ті мин=нең
 PCTL PTCL.NEG все коллектив=ACC я=ABL
 тоғыр турғыз=ып ал=тыр
 против определять=CV AUX: брать=PAST3

‘Казан Устинович очень удивился: что случилось? Что он такого страшного сказал? Перед его глазами холодный взгляд коллег, в ушах – злобные голоса. – А-а, вот оно что? – вдруг догадался Казан, – Оркон не только некоторых коллег, но и весь коллектив настроил против него.’

ДЧ *мына* ‘вот’ и *ана* ‘вот’ при сочетании с вопросительным местоимением *хайда* ‘где’ (*мына хайда* ‘вот где’, *ана хайда* ‘вот где’) служит для выражения общей оценки сказанному ранее с особым восхищением (возможно и с завистью):

- (24) *Ленинградта үгречеткенде, Валентина Шульбаева саблыг Олег Табаковнаң, Олег Ефремовнаң тоғасчаң, чайаачы устарына өрінчең. Че аның харахтары алнында үгретчізі Мария Алексеевна Пушкинаның чарых омазы тура түсчең. Мына кем таңнастыг артист полған, үнін килістіре алыстырып, хайхастыг ныхасар палаларны көөктір парыбысчаң. Мына хайда тапталған чайаачы тоғысха хыныс күлімзірек харахтыг хыстың* (ВШ, 10).

Ленинград=та үгречеткенде Валентина Шульбаева=Ø
 Ленинград=LOC учиться=PART.PRES Валентина Шульбаева=NOM
 саблыг Олег Табаков=наң Олег Ефремов=наң
 знаменитый Олег Табаков=INSTR Олег Ефремов=INSTR
 тоғас=чаң чайаачы=Ø ус=тар=ы=на
 встречаться=PAST4 творческий=NOM мастер=PL=POSS.3=DAT
 өрін=чең че аның харах=тар=ы
 радоваться=PAST4 CONJ его глаза=PL=POSS.3
 алны=нда үгретчі=зі Мария Алексеевна=Ø
 перед=LOC учитель=POSS.3 Мария Алексеевна=NOM
 Пушкина=ның чарых=Ø ома=зы тур=а
 Пушкина=GEN светлый=NOM образ=POSS.3 стоять=CV
 түс=чең мына кем таңнас=тығ
 AUX: останавливаться=PAST4 вот кто удивительный=ADJ
 артист=Ø пол=ған үн=і=н килістіре
 артист=NOM AUX: быть=PP голос=POSS.3=ACC подходящее

алыстыр=ып хайхас=тыг нымах=сар пала=лар=ны
 менять=CV удивление=POSSV сказка=LAT ребенок=PL=ACC
 көөктір пар=ыбыс=чаң **мына хайда**
 подзадоривать AUX: идти=PFV=PAST4 вот где
 таптал=ған чайаачы=Ø тоғыс=ха хыныс=Ø
 коваться=PP творческий=NOM работа=DAT любовь=NOM
 күлімзірек харах=тыг хыс=тың
 улыбчивый глаза=ADJ девушка=GEN

‘Когда Валентина Шульбаева училась в Ленинграде, встречалась со знаменитым Олегом Табаковым, Олегом Ефремовым, радовалась их таланту. Но перед ее глазами стоял яркий образ учительницы Марии Алексеевны Пушкиной. Вот кто был для нее удивительным артистом. Ее голос уводил детей в дивный мир сказки. Вот где родилась тяга к творчеству у этой улыбчивой девушки.’

Сочетания *ана іди* ‘вот так’ выступает маркером обобщения. Субъект речи может эксплицировать представление о какой-либо ситуации, а затем с помощью сочетания *ана іди* обобщить сказанное, например:

- (25) – *Пу ээліг чир. Аннаңар пу чолча парчатсаң, хачан даа аар-пеер іліг тастирға кирек. Аны мин сағынып албаам, ол – улуғларыбыс кибірі. Кибірни улуғлачаң. Ана іди, оолғым* (И2, 41).

пу ээліг чир=Ø аннаңар пу
 это хозяин=POSSV земля=NOM поэтому это
 чол=ча пар=чат=са=ң хачан даа аар-пеер
 дорога=PROLAT идти=PRES=COND=2SG всегда туда-сюда
 іліг тастирға кирек аны мин=Ø сағын=ып
 окропление кидать=INF нужно это я=NOM думать=CV
 ал=ба=ам ол улуғ=лар=ы=быс кибірі=i
 брат=NEG=PP это старший=PL=POSS.3=1PL обычай=POSS.3
 кибірі=ні улуғла=чаң **ана іди** оол=ғым
 обычай=ACC уважать=PAST4 вот так сын=POSS.1

‘– Это земля, где обитают духи. Поэтому, когда идешь по этой дороге, нужно всегда окроплять вином. Это не я придумал, это обычай наших предков. Обычай нужно уважать. Вот так, сын [мой].’

- (26) *Кем піледір, хайди чуртапча хончых «аалычах». Итсе, анда даа прайзы удур-төдір хачанох таныстар. Піс оларнаң танызохпыс. Олар пірееде халас, тамкы алай тус сурап киледірлер. Ана іди парып одырча мындағы чуртас* (BT AT, 185)

кем піл=едір хайди чурта=п=ча хончых
 кто знать=PRES как жить=CV=PRES соседний
 аалычах=Ø итсе анда даа прайзы удур-төдір
 деревушка=NOM вообще там PCTL все друг друга
 хачанох таныстар піс=Ø олар=наң таныз=ох=пыс
 давно знакомы мы=NOM они=INSTR знакомый=PCTL=1PL
 олар пірееде халас=Ø тамкы=Ø алай тус=Ø
 они иногда хлеб=NOM табак=NOM CONJ: или соль=NOM
 сура=п кил=едір=лер **ана іди** пар=ып
 спрашивать=CV приходит=PRES=PL вот так идти=CV
 одырча мындағы чуртас=Ø
 AUX: PRES здешний жизнь=NOM

‘Кто знает, как живут люди в соседней деревушке. Ну, вообще-то там все друг с другом знакомы. И мы с ними знакомы. Они иногда приходят попросить у нас хлеб, соль. Вот так идет жизнь в деревне.’

Отдельного внимания заслуживает сочетание **мына сагаа** ‘вот тебе’. Отметим, что подобные сочетания больше распространены в разговорной речи и, как правило, сопровождаются определенными жестами:

- (27) **Мына сагаа он инек, мына сагаа он ат!** [мунзуриин көзітче Тыртыс] (МК П, 246).

мына сагаа он=Ø инек=Ø мына
 вот тебе десять=NOM корова=NOM вот
сагаа он=Ø ат=Ø мунзурии=н
 тебе десять=NOM лошадь=NOM кулак.POSS.3=ACC
 көзіт=че Тыртыс=Ø
 показывать=PRES Тыртыс=NOM

‘Вот тебе десять коров, вот тебе десять лошадей (показывает кулак Тыртыс).’

- (28) – *Мині алдандырарга ит турзың ма? Мына сагаа кукуска* (И2, 54).

мин=i алдан=дыр=арга ит тур=зың ма
 я=ACC умолять=CAUS=INF делать AUX: стоять=2SG PCTL
мына сагаа кукуска=Ø
 вот тебе кукуска=NOM

‘Собираешься вынудить, чтобы я упрасивал тебя? Вот тебе (показывает кукиш).’

Как видим, в этих примерах в качестве «объекта» говорящий предлагает собеседнику свой кулак или кукиш. «Такой жест является грубым, его употребление ограничено даже в неофициальной обстановке», поэтому сочетание **мына сагаа** ‘вот тебе’ «имеет стилистическую окраску, которую можно определить как грубую, просторечную форму». Таким образом, частица *ана* ‘вот’ в сочетании с местоимением *сагаа/сірерге* ‘тебе/вам’ «актуализирует значение адресованности (адресует объект конкретному лицу) и имеет речежестовый характер» (Скорик, 2011: 132).

4. Анафорическая функция

ДЧ «могут допускать анафорическое употребление. Анафора задает ориентир через антецедента (т. е. через фиксированный ранее ориентир» (Чугунекова, 2020: 93). Так, в хакасском языке анафорическое употребление характерно для частицы *ана* ‘вот’ при сочетании со словами, отражающими временной промежуток (*ана ол туста* ‘вот в то время’, *ана ол күн* ‘вот в тот день’, *ана анчада* ‘вот тогда’ и т. п):

- (29) *Чалаңнар хатхырыс-суулас аразында Толаға апсахты даа сизінмееннер. Ана сах ол туста* Толаганың ипчізі чиит оолларға удур сых килген (КН КХ, 10).

чалаң=нар хатхырыс-суулас аразы=нда Толаға апсах=ты
 всадники=PL смех-шум между=LOC Толаға дед=ACC
 даа сизін=ме=ен=нер **ана сах ол**
 PCTL догадываться=NEG=PP=PL вот PCTL то
тус=га Толаға=ның ипчі=зі чиит=Ø
 время=LOC Толаға=GEN жена=POSS.3 молодой=NOM
 оол=лар=ға удур сых кил=ген
 парень=PL=DAT навстречу выходить AUX: приходить=PP

‘Всадники между весельем не заметили даже старика Толага. Вот как раз в это время жена Толага вышла навстречу к молодым парням’ (*хатхырыс-суулас аразында* ‘во время веселья’ – антецедент).’

- (30) *Ягор яблахтарны пес үстүнде хойгалапчатхан. Ана анчада Минсугзар парчатханнар тохтабысханнар* (КН КХ, 20)

Ягор=Ø яблах=тар=ны пес=Ø үстү=нде
Ягор=NOM картошка=PL=ACC печь=NOM вверх=LOC
хойгала=п=чатхан **ана** **анчада** Минсуг=зар
печь=CV=PAST2 вот тогда Минусинск=LAT
пар=чатхан=нар тохта=быс=хан=нар
ехать=PART.PRES=PL останавливаться=PFV=PP=PL

‘Ягор на печи пек картошку. Вот тогда (в тот момент), остановились те, кто ехал в Минусинск’ (*Ягор яблахтарны пес үстүнде хойгалапчатхан* ‘пек’ – антецедент).’

- (31) *Ниме полган анда, ол орай туста, анзын худай ла пілер! Ана ол кўннең пеер Хызапых-ты паза кізі мында көрбеен* (КН КХ, 20).

ниме пол=ган анда ол орай=Ø тус=та анзы=н
что быть=PP там то поздний=NOM время=LOC то=ACC
худай=Ø ла піл=ер **ана** **ол** **кўн=нең** **пеер**
бог=NOM PCTL знать=FUT вот тот день=ABL сюда
Хызапых=ты паза кізі=Ø мында
Хызапых=ACC CONJ: и человек=NOM здесь
көр=бе=ен
смотреть=NEG=PP

‘Что было там, в то позднее время, только бог знает! Вот с того самого дня здесь Хызапых больше никто не видел’ (*ол орай туста* ‘в тот поздний час’ – антецедент).

В результате проведенного исследования установлено:

1) дейктические частицы в хакасском языке различают два типа дейксиса: проксимальный и медиальный; 2) в дейктических частицах одновременно совмещаются два значения – дейктическое и эмфатическое; 3) в чисто дейктическом плане указанные частицы употребляются самостоятельно, в эмфатическом – в сочетании с соответствующими сериями указательных наречий, местоимений, местоименных слов и др.; 4) у частицы *мына* выявлена акцентирующая функция, что мало характерно для других частиц; 5) частица *тигіне* ‘вон’ в эмфазе не употребляется; 6) частица *ана* ‘вон’ в сочетании со словами, отражающими временной промежуток, допускает также анафорическое употребление; 7) в эмфазе ДЧ допускают качественную характеристику объекта, удивление чему-либо, выражают общую оценку чему-либо и др.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах:

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; 1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аффикс исходного падежа; ADJ – прилагательное; ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; LOC – местный падеж; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; INF – инфинитив; IMP – повелительное наклонение; INSTR – орудийный падеж; LAT – направительный падеж; LOC – местный падеж; NOM – неопределенный падеж; NEG – отрицание; PRES.NEG – отрицательный аффикс глагола настоящего времени на =ча; CAUS – понудительный залог; CONJ – союз; CV – деепричастная форма; PP – прошедшее время глагола на =ған; SG – единственное число;

PL – множественное число; **PART** – причастие прошедшего времени на =*fan*; **PART.PRES** – причастие настоящего времени; **PAST1** – прошедшее время глагола на =*ды*; **PAST2** – прошедшее время глагола на =*чатхан*; **PAST3** – прошедшее время глагола на =*тыр*; **PAST4** – прошедшее время глагола на =*чан*; **POSS** – аффикс принадлежности; **PRES** – аффикс настоящего времени; **FUT** – аффикс будущего времени на =*ар*; **PROLAT** – продольно-направительный падеж; **POSS** – аффикс принадлежности; **POST** – послелог; **PL** – множественное число; **PTCL** – частица; **PFV** – совершенный вид.

Литература:

- Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: «Русские словари», 1995. С. 272–298.
- Ашнин Ф. Д.** Указательные частицы в тюркских языках // Известия АН СССР, 1958. Т. 17. Вып. 5. С. 417–434. Грамматика хакасского языка / Под редакцией Н. А. Баскакова. М.: Изд-во «Наука», 1975. 417 с.
- Карпов В. Г.** Сопоставительная характеристика местоимений хакасского и русского языков // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. Серия 5. Филология: Языкознание. Выпуск 10. Серия 6. Филология: Литературоведение. Выпуск 5 / гл. ред. И. В. Пекарская, отв. ред. В. П. Антонов. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2010. С. 40–49.
- Карпов В. Г.** Сопоставительная характеристика частиц хакасского и русского языков // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии и восточных языков ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Выпуск 15 / под общей ред. Т. Г. Боргояковой. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011. С. 19–24.
- Крылова Т. В.** Частицы «ВОТ» и «ВОН»: механизмы формирования переносных значений на основе исходных дейктических значений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 352–380.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- Напольнова Е. М.** Указательные местоимения в турецком языке // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 67–74.
- Невская И. А.** Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.
- Падучева Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- Рачёва А. А.** Употребление маркеров вот и вон как дискурсивный выбор говорящего // Сибирский филол. журнал, 2016. № 2. С. 164–175.
- Савельева Л. А.** Частицы в системе частей речи башкирского языка // Доклады Башкирского университета, 2020. Т. 5. № 3. С. 222–227.
- Саттарова С. С.** Источники формирования класса частиц в крымско-татарском языке // Актуальные вопросы научных исследований. Сб. науч. тр. по материалам VI Междунар. научно-практ. конф., 2016. С. 47–51.
- Скорик А. С.** К вопросу о статусе частиц в системе средств выражения значения адресованности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки, 2011. № 1 (17). С. 126–140.
- Султанбаева Х. В.** Система служебных частей речи (на материале башкирского языка). Уфа, РИЦ БашГУ. 2006. 188 с.
- Хакасский язык. Морфология. Учебное пособие (на хакасском языке) для студентов, обучающихся по специальности 021700.02 – Филология (Хакасский язык и литература) / Под ред. Карпова В. Г., д-ра филол. наук. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 220 с.
- Халидова Р. Ш.** Дейктические частицы каратинского языка, указывающие на степень отдаленности объекта // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. конф. 24–25 июня 2021 г. Махачкала, 2021. С. 263–265.
- Чугунецова А. Н.** Дейктические локативные наречия в хакасском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 2 (28). С. 90–96.
- Чугунецова А. Н.** Дейктические местоимения в хакасском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 4 (34). С. 102–110.
- Чумакаев А. Э.** Глава 4. Частицы // Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2017. С. 511–523.
- Шамиров С. Г.** Дейктические частицы в языках шугнано-рушанской группы // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (51). С. 201–202.

Источники иллюстративного материала:

- ВТ АТ – В. Татарова. Аат табызы. (Крик турпана) Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1991. 232 с.
- ГК Т – Г. Казачинова, А. Халларов. Той. Повесть и рассказы на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1979. 160 с.
- И1 – Инесай. № 12: литературно-художественный и общественно-политический журнал. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2013. 108 с.
- И2 – Инесай. № 14: литературно-художественный и общественно-политический журнал. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2014. 108 с.
- ИТ ХО – И. Топоев. Хоңалтаһ өдік-2. Болтунишка-2: чоохтар. Сб. юмористических рассказов на хакасском языке / И. Топоев. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2014. 185 с.
- МК П – М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шулбаева, Митхас Туран, Г. Г. Котожеков. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хак. издат., 1991. 264 с.
- КН КХ – К. Т. Нербышев. Көгім хорымнарда. Роман. Кн. 1. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1983. 208 с.
- НТ АХ – Н. Тиников. Арчот хам: сб. рассказов для детей старшего школьного возраста / Н. Тиников. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2011. 160 с.
- ВШ – В. Г. Шулбаева. Творить для народа. Кізі кізідең кўнігі. Рассказы, очерки. На хакасском и русском языках. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2009. 226 с.
- ФБ ТО – Ф. Бурнаков. Тигір оды, Абакан, 1977. 200 с.

Чугунекова Алена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 94, г. Абакан, 655017.

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 27 мая 2022 г.

A. N. Chugunekova

DEICTIC PARTICLES IN THE KHAKASS LANGUAGE

This article presents the results of a study of deictic (indicative) particles in the Khakass language. Deictic particles, like other indicative words, act as words that serve to determine the degree of remoteness of an object relative to the position of the speaker (“deictic center”). Each language has its own (binomial, trinomial and more) system for determining the degree of remoteness of the subject relative to the deictic center. In the Khakass language, the degree of remoteness of objects relative to the speaking person is determined through a three-term system: proximal (“closer to the speaking person”), medial (“a little further from the speaking person”) and extreme (“far from the speaking person”). Unlike deictic locative adverbs and pronouns, deictic particles have a convergence of medial and extreme deixis: for the *mna* particle, the near deixis is the key, and for *tigine* and *ana*, the far deixis is the key. In addition, these particles are often used together with the corresponding series of deictic adverbs, deictic pronouns and other words to clarify the idea of indication, general assessment of the situation, qualitative and quantitative characteristics of the object, etc. An anaphoric function is characteristic of the particle *ana* in combination with words expressing a spatial and temporal interval.

Keywords: *deictic particles, clarifying function, general assessment of the situation, accentuating function, anaphoric function, Khakass language.*

References:

- Apresyan Yu. D.** Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and naive model of the world] // *Izbrannye trudy v 2-h tomah*. M., 1995. S. 629–650.
- Ashnin F. D.** Ukazatel'nye chasticy v tyurkskih yazykah [Indicative particles in the Turkic languages] // *Izvestiya AN SSSR*, 1958. T. 17. Vyp. 5. S. 417–434.

- Grammatika hakasskogo yazyka [Grammar of the Khakas language] / Pod redakciej N.A. Baskakova. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1975. 417 p.
- Karpov V. G.** Sopostavitel'naya harakteristika mestoimenij hakasskogo i russkogo yazykov [Comparative characteristics of pronouns of the Khakass and Russian languages] // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. Seriya 5. Filologiya: Yazykoznanie. Vypusk 10. Seriya 6. Filologiya: Literaturovedenie. Vypusk 5 / gl. red. I. V. Pekarskaya, otv. red. V. P. Antonov. – Abakan: Izdatel'stvo GOU VPO "Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova", 2010. S. 40–49.
- Karpov V. G.** Sopostavitel'naya harakteristika chastic hakasskogo i russkogo yazykov [Comparative characteristics of the particles of the Khakass and Russian languages] // Ezhegodnik Instituta sayano-altajskoj tyurkologii i vostochnyh yazykov HGU im. N. F. Katanova. Vypusk 15 / pod obshchej redakciej T. G. Borgoyakovoj. Abakan: Izdatel'stvo GOU VPO "Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova", 2011. S. 19–24.
- Krylova T. V.** Chasticy "Vot" i "Von": mekhanizmy formirovaniya perenosnyh znachenij na osnove iskhodnyh dejkticheskikh znachenij [Particles "Here" and "Out": mechanisms for the formation of figurative values based on the initial deictic values] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj 27–30 maya 2015 g.). Vyp. 14 (21): V 2 t. T. 1: Osnovnaya programma konferencii. M.: Izd-vo RGGU, 2015. S. 352–380.
- Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. 682 s.
- Napol'nova E. M.** Ukazatel'nye mestoimeniya v tureckom yazyke [Demonstrative pronouns in Turkish] // Uralo-altajskie issledovaniya. № 1 (12), 2014. S. 67–74.
- Nevskaya I. A.** Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo yazyka) [Spatial relations in the Turkic languages of southern Siberia (by the material of the Shor language)]. Novosibirsk, 2005. 305 s.
- Paducheva E. V.** Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantic research (Semantics of time and form in the Russian language; the Semantics of narrative)]. M.: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", 1996. 464 s.
- Racheva A. A. Racheva A. A.** Upotreblenie markerov vot i von kak diskursivnyj vybor govoryashchego [The use of markers here and there as a discursive choice of the speaker] // Sibirskij filologicheskij zhurnal, 2016. № 2. S. 164–175.
- Savel'eva L. A.** Chasticy v sistem chastej rechi bashkirskogo yazyka [Particles in the system of parts of speech of the Bashkir language] // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2020. Tom 5. № 3. S. 222–227.
- Sattarova S. S.** Istochniki formirovaniya klassa chastic v krymskotatarskom yazyke [Sources of the formation of the particle class in the Crimean Tatar language] // Aktual'nye voprosy nauchnyh issledovanij. Sbornik nauchnyh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2016. S. 47–51.
- Skorik A. S.** K voprosu o statuse chastic v sisteme sredstv vyrazheniya znacheniya adresovannosti [On the question of the status of particles in the system of means of expressing the meaning of addressability] // Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki, 2011. № 1 (17). S. 126–140.
- Sultanbaeva X. V.** Sistema sluzhebnyh chastej rechi (na materiale bashkirskogo yazyka) [The system of service parts of speech (based on the material of the Bashkir language)]. Monografiya. Ufa, RIC BashGU, 2006. 188 s.
- Hakasskij yazyk. Morfologiya. Uchebnoe posobie (na hakasskom yazyke) dlya studentov, obuchayushchihsya po special'nosti 021700.02 – Filologiya (Hakasskij yazyk i literatura) [Khakass language. Morphology. Textbook (in Khakass language) for students studying in the specialty 021700.02 – Philology (Khakass language and literature)] / Pod red. Karpova V. G., dfln. Abakan: Izdatel'stvo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, 2004. 220 s.
- Halidova R. Sh.** Dejkticheskie chasticy karatinskogo yazyka, ukazyvayushchie na stepen' otдалennosti ob'ekta [Deictic particles of the Karatinsky language, indicating the degree of remoteness of the object] // Kavkazskie yazyki: genetiko-tipologicheskie obshchnosti i areal'nye svyazi. Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 24–25 iyunya 2021. Mahachkala, 2021. S. 263–265.
- Chugunkova A. N.** Dejkticheskie lokativnye narechiya v hakasskom yazyke [Deictic locative adverbs in the Khakass language] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2020. Vyp. 2 (28). S. 90–96.
- Chugunkova A. N.** Dejkticheskie mestoimeniya v hakasskom yazyke [Deictic pronouns in the Khakass language] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2021. Vyp. 4 (34). S. 102–110.
- Chumakaev A. E.** Glava 4. Chasticy [Chapter 4. Particles] // Grammatika sovremennogo altajskogo yazyka. Morfologiya. Nauchno-issledovatel'skij institut altaistki im. S. S. Surazakova. Gorno-Altajsk, 2017. S. 511–523.
- Shamirov S. G.** Dejkticheskie chasticy v yazykah shugnano-rushanskoj grupy [Deictic particles in the languages of the Shugnano-Rushan group] // Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. 2017. № 2 (51). S. 201–202.

Chugunkova Alena Nikolaevna, Doctor of philology, associate professor, leading researcher.
Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology,

Katanov Khakas State University.
94 Lenina st., Abakan, Russia, 655017.
E-mail: Chugunkowa@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

Е. В. Александров

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ КАК ПОВОД ДЛЯ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОШЛОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПОИСКА ДИРИЖАБЛЯ «ИТАЛИЯ»)

В 1928 г. главной сенсацией для всего мира стала авария дирижабля «Италия», потерпевшего крушение на обратном пути после достижения Северного полюса. Несколько государств попытались совместными усилиями спасти оставшихся в живых людей. Но Ледовитый океан не уступал – более того, новой жертвой стал полетевший на спасение экспедиции Умберто Нобиле экипаж самолета Раула Амундсена. Прервать череду неудач удалось благодаря активному включению в операцию Советского Союза, направившего в район поисков три корабля с двумя самолетами. Благодаря напряженной работе экипажа ледокола «Красин» и опыту летчика Бориса Чухновского в последний момент удалось спасти терявших надежду полярников.

Одним из наиболее заметных актов агитационной кампании, широко развернутой после завершения операции, стал оперативный выпуск полнометражного документального фильма «Подвиг во льдах», с большим успехом прошедшего по многим отечественным и зарубежным экранам. В основу фильма легли хроникальные съемки кинооператоров, работавших на трех кораблях, участвовавших в операции по спасению.

Цель статьи – реконструкция истории создания кинодокумента конца «эпохи немого кино». Объектом рассмотрения станет хронотоп «спасательной летно-морской экспедиции», положенный режиссерами «братьями Васильевыми» в основу фильма. В контексте сведений разных источников об освещаемом событии будет проведен комплексный анализ содержания и структуры кинофильма. Во вступлении дается краткий обзор периода авангардного становления языка российского документального кинематографа. В основной части при анализе содержания эпизодов и сюжетного построения фильма «Подвиг во льдах» приводятся также литературные свидетельства участников спасения экспедиции Нобиле. При таком подходе, согласно принципу дополнительности-комплементарности, хроникальный фильм нужно рассматривать не только как самостоятельный достоверный источник, но и как эмоциональный образ-повод, воссоздающий во взаимодействии с другими информационными материалами атмосферу эпизода истории, интерес к которому не пропал и в настоящее время.

Ключевые слова: дирижабль «Италия», кинохроникеры, киноавангард, принцип комплементарности, эпизоды, структура, немой документальный фильм «Подвиг во льдах» 1928 г.

Введение

Историческая изменчивость кино – факт, очевидный и для неподготовленного зрителя (в систему зрительских оценок неизменно входит понятие «старый фильм»).... Понятно, что у зрителя и историка отношение к старым фильмам разное. Но и в том и в другом случае за точку отсчета принимается то состояние киноязыка или та система эстетических предпочтений, носителем которых является сам наблюдатель.

Цивьян, 1991: 7

После подписания В. И. Лениным Декрета о национализации кинопроизводства на долгое время головной организацией в стране становится Всероссийский фото-, киноотдел (ВФКО) Наркомпроса РСФСР, где в качестве делопроизводителя подотдела хроники начинал работать Дзига Вертов (Дерябин, 2002: 5–41). В 1919 г. в ВФКО выходит программный сборник статей «Кинематограф», ставший первым шагом в формировании кинотеории советского периода. Сборник начинался статьей «Задачи государственного кинодела в РСФСР», в которой А. В. Луначарский, следуя за указаниями В. И. Ленина и развивая идеи Пролеткульта, отдавал

приоритетное значение в кинопроизводстве кинохронике, подчеркивая ее колоссальные пропагандистские и воспитательные возможности. В то же время он предлагает на первый план в кинопропаганде выдвинуть культурно-историческую сторону: «...Нельзя представить себе более богатого источника для кинематографа, чем культурная история человечества вообще. Это в буквальном смысле слова неисчерпаемый родник, и стоит только прикоснуться к нему,... чтобы положительно голова кругом пошла от богатства картин, в высшей степени способных быть осуществленными через кино». Конечно, тут же Луначарский спохватывается и добавляет: «Однако не следует увлекаться всей этой полнотой исторического быта, а остановиться лишь на тех моментах, которые могут иметь агитационно-пропагандистское значение» (Луначарский, 1919: 6).

Теоретики ЛЕФа и конструктивизма, формировавшие российский авангард двадцатых годов, с самого начала вынуждены были работать в жестких рамках партийных установок. Осознание ценности происходящих на глазах процессов формирования нового жизнеустройства и нового человека и необходимость профессионально выживать и агитировать за все правительственные мероприятия парадоксальным образом определили в течение десятилетия выброс творческой энергии. Авангард родил за короткий срок целый ряд произведений, повлиявших на все дальнейшее развитие языка кинематографа, сущностью которого стало управление восприятием зрителя с помощью преобразования и монтажа экранных *Фактов* (рис. 1).

Но одновременно Александр Литвинов, Владимир Ерофеев и другие авторы «фильмов-путешествий» продолжают развивать и совершенствовать повествовательное направление кинематографа. Сохранение атмосферы времени и пространства обеспечивало историческому хронотопу живой облик и доверие зрителя, усиливая со временем ощущение ценности прошедшего события.

По мере совершенствования операторской техники продолжалось открытие новых способов воздействия языка кино не за монтажным столом, а во время съемки. Подтверждением или, напротив, опровержением «теории факта» авангардистов служила работа кинохроникеров, стремившихся, используя имевшийся у них опыт и все еще ограниченный арсенал кинематографических средств, решать стоящие перед ними конкретные задачи. В результате создавался массив киноматериалов, оседавших в архивах и ожидающих дальнейшего осмысления во взаимодействии со сведениями других информационных источников.

Неоднозначное переплетение теоретических построений и реальной практики создателей информационного контента определяло формирование образа уходящей эпохи. Чтобы показать, как это происходило, в дальнейшем изложении будет рассказано о событиях, связанных с одним из ярких эпизодов освоения полярных просторов. Именно Север на долгие годы стал одним из основных направлений советской хозяйственной деятельности и одновременно – излюбленным объектом пропаганды.

Хронотоп фильма о спасении экипажа дирижабля «Италия»

На обратном пути после достижения Северного полюса 24 мая 1928 г. с дирижабля «Италия» поступило последнее радиосообщение. Волнение охватило всех, кто следил за судьбой экипажа помимо Италии, в первую очередь исследовательское сообщество полярных стран. После обращения в правительство директора Института по изучению Севера Рудольфа Лазаревича Самойловича (1881–1939) 29 мая создается Комитет помощи дирижаблю «Италия». Комитет возглавил председатель общества «Осоавиахим» и заместитель наркома по военным и морским делам СССР Иосиф Станиславович Уншлихт (1879–1938). После установления связи с потерпевшими становится ясно, что поиски надо производить северо-восточнее Земли Франца Иосифа. Пятого июня на расширенном совещании Комитета помощи принимается

решение, что в район поисков надо «отправить спасательную комбинированную летно-морскую экспедицию» (Самойлович, 1930: 10–11).

Всего в операции по спасению принимали участие 1500 человек, 18 судов и 21 самолет. С первых дней развернулось соперничество между Италией, Францией, Швецией, Норвегией и Финляндией. Но ни у одной из этих стран не было больших кораблей, способных преодолеть полярные льды. Не справлялись с задачей и самолеты. Только шведскому летчику удалось вывезти со льдины раненого Умберто Нобиле. Лишь в Советском Союзе имелся ледокол «Красин», мощности которого могло хватить, чтобы пробиться сквозь ледяной заслон севернее Шпицбергена (Белов, 1959: 286).

Из всех пригодных для операции судов первым из Порт-Александровска¹ вышел в Баренцево море «Персей», изначально предполагавший проведение научных исследований. Это была деревянная двухмачтовая парусная шхуна с паровой машиной для зверобойного промысла, переделанная для океанографических работ. Следом 12 июня из Архангельска стартовал ледокольный пароход «Малыгин» под руководством опытного полярного исследователя В. Ю. Визе. И наконец, 16 июня из Ленинграда после четырех суток авральной подготовки вышел ледокол «Красин» с назначенным руководителем экспедиции Р. Л. Самойловичем. На палубе «Малыгина» размещался легкий самолет, пилотом которого был М. С. Бабушкин, а на «Красине» – трехмоторный «Красный медведь» летчика Б. Г. Чухновского² (Шавров 2002: 327). «Красину» предстоял долгий переход из Балтийского моря и вдоль западных берегов архипелага Шпицберген. Восточный проход, куда направлялись «Персей» и «Малыгин», был существенно ближе, но там были непроходимые ледяные поля даже для мощного ледокола.

На долю «Персея», оснащенного современной радиостанцией, выпало обеспечение радиосвязью участников операции. «Малыгину» предстояло как можно дальше пробраться на север, чтобы у самолета М. Бабушкина хватило дальности полета для ледовой разведки.

Для проведения серьезной пропагандистской акции на больших кораблях, потеснив исследователей, разместились 14 журналистов. Кроме того, на каждый из трех кораблей были командированы кинооператоры.

Общее число жертв к концу операции по спасению, считая и членов экспедиции Нобиле, составило 17 человек. Кроме части экипажа «Италии», погиб и экипаж самолета Амундсена и еще три итальянских летчика. И только благодаря опыту и мужеству полярного летчика Бориса Чухновского и экипажу ледокола «Красин», с большим трудом сумевшего преодолеть ледяные заслоны, удалось в последний момент спасти с каждым днем терявших надежду 7 человек неудачной экспедиции. Более того, на обратном пути ледокол предотвратил катастрофу немецкого туристического лайнера, на борту которого было 1800 человек. Даже когда итальянское правительство объявило о завершении операции, «Красин» продолжил поиск самолета Амундсена и части пропавших членов экипажа дирижабля «Италия». Ледокол вернулся в Ленинград после четырех месяцев работы в полярных просторах только 5 октября.

Стихотворением «Проба» в газете «Рабочая Москва» 9 октября 1928 г. оперативно откликнулся на возвращение «Красина» Владимир Маяковский:

...И «Малыгин»,
и «Красин»! –
ринулись оба,
чтобы льдины трещали
и ветер басил...

¹ Порт-Александровск в настоящее время город Полярный Мурманской области.

² Бомбардировщик без вооружения «Юнкерс» ЮГ-1 на лыжах со съемными крыльями.

Победители мы
 в этом холоде голом:
удивляйся, земля,
 замирай
 и гляди, —
как впервые
 в этих местах
 ледоколом
подымали людей
 с двухметровых льдин...
Привет
 победителям ледяным!
Ура
 товарищам
 красинцам!» (Маяковский 1958: 349)

Ход операции освещался прессой всего мира. Журналисты с борта кораблей отправляли репортажи о ходе кампании. Почти все они сразу после возвращения издали книги экспедиционных очерков. Р. Л. Самойлович и Б. Г. Чухновский выступили с сотней лекций в СССР и за границей. Долгие годы после происшествия свои отчеты и воспоминания публиковали многие российские и зарубежные участники операции по спасению экспедиции Нобиле.

С позиции современных исследователей «экспедиция 1928 г. может быть рассмотрена как первый большой медиапроект, формирующий новый – советский арктический дискурс...» (Грамотчикова, Скубач, 2020: 91).

Братья Васильевы «берут в руки ножницы»

Одним из наиболее ярких актов пропагандистской кампании стал выход на экраны страны документального фильма «Подвиг во льдах», премьера которого состоялась 23 октября 1928 г.

«Братья Васильевы собрали из плохих и разрозненных кусков киноленту “Подвиг во льдах”. Обоим братьям понадобилось большое искусство, уже накопленное советской кинематографией, для того чтобы создать из отрывистых записей повесть о подвиге. Ленту эту стоило бы обновить, посмотреть, потому что это лента-документ – она незаменима» (Шкловский, 1985: 170). В этом высказывании одного из наиболее ярких и парадоксальных теоретиков ЛЕФа многое требует уточнений, но с его пафосом нельзя не согласиться – фильм заслуживает серьезного внимания.

Это был дебют двух начинающих режиссеров на пике авангардного этапа в конце эпохи немого кинематографа. Уже через шесть лет они будут считаться ведущими советскими режиссерами – авторами фильма «Чапаев», на многие годы ставшего эталоном советских игровых картин в одном ряду с фильмами Эйзенштейна и Пудовкина. «Подвиг во льдах» можно рассматривать не только как единственный кинематографический документ важного – одновременно трагического и героического события мировой истории, но и как пример мастерской работы с хроникальными материалами.

Сергея Дмитриевича Васильева (1900–1959) и Георгия Николаевича Васильева (1899–1946) (рис. 2) многое объединяло: не только одинаковые фамилии и возраст, но и близкое социальное происхождение, гимназическое образование, юношеское увлечение искусством, участие в гражданской войне, занятия в Инструкторско-исследовательской мастерской Сергея Эйзенштейна и Григория Александрова. Виктор Шкловский не только называл их «братьями», но

и «сыновьями Эйзенштейна». Кроме того, важно отметить, что Сергей Васильев вырос в семье архивиста, и его всегда «отличала эрудированность и доскональные знания во многих областях» (Писаревский, 1981: 11).

В дальнейшем будет показано, что в их документальной работе повсеместно чувствуется влияние школы Дзиги Вертова. И главное – за плечами у них пять лет совместной работы по перемонтажу советских и зарубежных игровых картин, когда нужно было «исправлять» первоисточник, внося в него антикапиталистический пафос и удаляя нежелательные для социалистического зрителя сцены. Не удивительно, что оперативное создание фильма из хроникальных съемок трех кинооператоров спасательной экспедиции было поручено именно этим мастерам монтажа (Перемышлев, 2019).

О «Подвиге во льдах» можно говорить как о еще одном эксперименте в русле теорий авангардистов, ставшем со временем, как «Чапаев» в игровом кинематографе, образцом для советской документальной кинопублицистики. Конечно, режиссеры использовали арсенал сложившихся к этому времени выразительных средств немого кино – особенно авангардистские приемы в пафосных моментах. Но в отличие от вызвавшего бурную дискуссию фильма Дзиги Вертова «Шестая часть мира» 1926 г., операторы которого получили от режиссера вполне определенные установки, фильм «братьев Васильевых» не планировался заранее, и три оператора снимали хронику, исходя из своего опыта, самостоятельно и независимо. В дальнейшем будет показано, что это обстоятельство во многом определило строение фильма.

В РГАКФД³ хранятся две версии фильма: 1928-го и 1966-го гг. Объектом рассмотрения в данной статье будет более ранняя версия, так как во втором случае были сделаны изменения в зрительном ряде и, главное, проведено озвучивание. В немой версии использование авторами на протяжении всего фильма авангардистской графики во внутренних интертитрах сейчас воспринимается как эстетический прием, характерный для определенной эпохи и вполне достаточный для погружения в эмоциональную атмосферу легкосчитываемого прошлого.

Васильевы оставили нам много примет своего времени. Даже авторские титры выглядят радикальнее, чем у раннего Вертова, избегавшего слова «режиссер». Себя Васильевы скромно называют режиссерами-монтажерами. И что совсем необычно – имена всех трех операторов – Вильгельм Блувштейн («Красин»), Игнатий Валентэй («Малыгин»), Евгений Богоров («Персей») названы еще раньше, в предшествующем кадре.

Но на этом, в отличие от Вертова, какое-либо авторское и тем более операторское присутствие (за исключением двух-трех случаев) внешне не проявляется. Васильевы выстраивают фильм как эпическую сагу, в которой должно отсутствовать личное авторское отношение, а действуют герои и льды, самолеты и корабли, подчиняющиеся незримо присутствующей силе. В кульминационной фазе фильма, на подходе ледокола к ждущим спасения итальянцам, родченковским шрифтом, варьируя крупность в зависимости от значимости слов, весь кадр занимают титры: «Движимый железной волей миллионов рабочих и крестьян, преодолевая сопротивление льдов, Красин с упорством большевика пробивается к цели!».

Перед авторами стояла сложная задача. Нужно было построить сюжет героической эпопеи, отталкиваясь от имеющихся в распоряжении киноматериалов. Виктор Шкловский был не прав, посчитав, что фильм создавался из «плохих и разрозненных кусков». Трудность была в другом. Для жанра исторической эпопеи в авангардистском стиле повествовательные хроникальные съемки годились плохо. Они с трудом поддавались пафосному клиповому монтажу. Кроме того, нужно было в одном случае из большого объема отобрать кадры для связных, но коротких эпизодов, играющих второстепенную роль в сюжете, а в другом – напротив, для важных эпизодов материала не хватало. И главное – как выстроить сюжет исторической эпопеи

³ РГАКФД – Российский государственный архив кино-, фотодокументов.

для выявления драматической идеи противостояния Полярного Льда и Железной Воли миллионов? Решить эту проблему едва ли бы удалось без большого опыта перемонтажа игровых фильмов и хорошего знания архивной хроники.

Комплексный анализ содержания и истории создания фильма

Два первых эпизода Васильевы построили не из материалов названных в титрах операторов, а из архивных. И хотя дополнение выходит за рамки «хронотопа спасения», ограниченного рамками похода трех кораблей, роль вступления в сюжетном строе фильма-саги очень велика.

Первый эпизод отсылает к известной трагедии экспедиции Георгия Седова. Титр «Могучее сопротивление полярных льдов» обозначает предстоящее противостояние северной стихии. Кадры и надписи второго эпизода, повествующие о достижении Северного полюса Р. Амундсеном и У. Нобиле на дирижаблях «Норвегия» и «Италия», символизируют конец героической эпохи покорения Севера, уступающей напору технического прогресса.

Во втором эпизоде авторы фильма называют место посадки дирижабля – город Троцк. В более поздней версии фильма 1966 г. указывается другое название – Красногвардейск⁴. История переименований Гатчины интересна в данном случае тем, что подтверждает первичность копии рассматриваемого фильма. Ведь уже в 1929 г. имя Троцкого упоминать было нельзя.

Одним словом, во весь экран начинается основная часть фильма – «СЛЫШИМ!», затем – «ОТВЕЧАЕМ!». И снова крупными буквами с выделением наиболее важных слов: «В кратчайший срок волей трудящихся были двинуты на помощь погибающим...». И снова во весь кадр – ПЕРВЫЙ! Между надписями также в вертовской стилистике короткие кадры с двойной экспозицией – рупоры громкоговорителей, сквозь которые проступают лица восторженной толпы. Прием, предполагающий создание иллюзии звукового звучания.

ПЕРВЫЙ – это «Персей», ВТОРОЙ – «Малыгин», ТРЕТИЙ – «Красин». В трех коротких эпизодах идет представление (так и хочется сказать – «презентация») всех трех кораблей.

Первый эпизод посвящен шхуне «Персей». Волны, захлестывающие борт, чайки в небе, матрос у штурвала и матрос в бочке на мачте, возвещающий о появлении «кромки льдов» (очень крупным шрифтом), тюлени, неторопливо бредущий «хозяин» – белый медведь, смотрящий в сторону зрителей. И снова льды, наконец останавливающие движение корабля.

ВТОРОМУ – «Малыгину» – уделяется больше времени. По грязным улицам «жертвы недавней интервенции» г. Архангельска лошадь везет телегу с самолетом. На палубе корабля капитан Д. Т. Чертков с рупором, начальник рейса В. Ю. Визе с биноклем, его помощник – гидрограф А. М. Лавров, человек пять корреспондентов с папиросами и трубками. И снова на смену волнам приходят льды, на которые наползает нос парохода и которые расступаются под его напором. Похожая сцена будет рефреном появляться в дальнейшем. На палубе собаки, штурвальный, даже тень кинооператора. Мультихема показывает приближение к Шпицбергену. Мощные льды сковывают корабль...⁵

ТРЕТИЙ – «Красин». Ледокол, Ленинград, Ленин с вытянутой рукой. Во весь кадр: «Самый мощный ледокол в мире». Вторым кадром: «Водоизмещение – 10 000 тонн, мощность машин – 10 000 л. с.». Портовые краны загружают уголь. «Красный медведь» Б. Чухновского на палубе баржи, подходящей к ледоколу, и портрет самого ЧУХНОВСКОГО. Между этими «ударными» кадрами мелькают люди, помогающие в разгрузке угля и самолета, матросы,

⁴ История города: Гатчина (1796–1923), Троцк (1923–1929), Красногвардейск (1929–1942), Линдемманштадт (1942–1944), Гатчина (1944–).

⁵ Термином «мультихема» будет обозначаться многократно используемое в фильме движение стрелки, показывающей маршрут кораблей на контурной карте Баренцева моря.

играющие на балалайке и гармошке, групповой портрет отдыхающей команды, радостно размахивающей кепками в честь начала похода (рис. 3–5, 9).

Следующий эпизод будет посвящен «Малыгину». Так как о «Персее» авторы фильма больше не вспомнят, придется несколько слов посвятить, честно отработавшему всю экспедицию кинооператору Евгению (Ансельму) Львовичу Богорову (1903–1999). Судя по его воспоминаниям, первое знакомство с полярным севером произвело на молодого хроникера сильное впечатление. Он с энтузиазмом снимает жизнь севера и полярников на исследовательском судне. Но из тысяч метров снятой пленки в фильм вошли лишь несколько кадров (Богоров, 1973: 59–79).

Снова «КРАСИН» – относительно короткий эпизод. На мультисхеме долгий путь корабля до Шпицбергена подкреплён кинокадрами прохода среди туманов по относительно спокойному, с редкими льдинами морю. На палубе Р. Л. Самойлович объясняет в окружении свободных от вахты полярников цели экспедиции и новости. Титром кратко сообщается: «Экипаж “Италии” разделен на 3 группы – 1. Вильери, 2. Мальмгрен, 3. Алессандрини»⁶.

«МАЛЫГИН». Последний об этом корабле, достаточно длительный и, пожалуй, наиболее выразительный и цельный эпизод в фильме, смысл которого передает завершающий титр: «Безнадежная Надежда... Льды и туман прервали полеты Бабушкина...»

Съемка эпизода была проведена настолько обстоятельно, что смонтировать его было не трудно. Оператор снимал с разных позиций: застывшего среди льдов «Малыгина», спуск на лед фюзеляжа самолета по бревенчатому настилу, прикрепление крыльев, расчистка льда для аэродрома, взлет и долгий полет самолета над льдами. Самолет задерживается. На палубе продолжаются исследования, но нарастает волнение. Люди с биноклями и с мачты корабля всматриваются в горизонт, радист пытается наладить связь. Наконец, в небе появляется самолет, из кубрика выскакивают полярники, радостно машут руками. Самолет выбирает место для посадки. Его встречают на льду, обнимают летчиков. Крупно – усталое почерневшее лицо Михаила Бабушкина.

Съемка велась то с земли, то из самолета. Может создаться впечатление, что было два кинооператора. Тем более что в одном месте видно, как на палубе одновременно работают два киноаппарата.

Как и на других судах, на «Малыгине» был один, но умелый кинооператор, не пропускавший экстремальные ситуации и умевший предвидеть последующий монтаж. В фильме эпизод превратился в историю одного полета, хотя оператор снял их несколько. По крайней мере, в одном из полетов Игнатий Александрович Валентэй (1895–1937) участвовал сам (Плюснин, 1975). Наверняка снимал также не вошедшие в окончательный монтаж, опасные для жизни судна моменты во время шторма около окруженного скалами острова Надежда, после чего полярники «Малыгина» потеряли надежду найти потерпевших (Яковлев, 1929: 64–67).

На борту «Малыгина» на самом деле было два киноаппарата. Второй – у легендарного летчика Михаила Сергеевича Бабушкина (1893–1938). Это он одновременно ведет съемку портативной камерой на палубе корабля. Снимал он и встречу с медведем во время вынужденной посадки, но в фильм эти кадры не попали.

В книжке своих воспоминаний рассказывает, с каким риском для жизни он разыскивал терпящих бедствие полярников: «Несколько полетов я сделал в тумане. Я боролся с этим плохо и малоизученным врагом по всем правилам, без всяких правил, а иногда и вопреки всем правилам. Я уходил от него, врзался в самую гущу белой мглы, взлетал над туманными полями, нырял под туман... Туман прижимал меня к “земле”. Те самые льды, картина которых так манит глаз, грозили мне гибелью...» (Бабушкин, 1941: 63).

⁶ Не ясно, насколько зритель тех лет был готов понять содержание интертитра. Для читателя статьи дается следующее разъяснение: 1. – пять уцелевших после аварии дирижабля полярников на «льдине с красной палаткой»; 2. – три человека во главе с Мальмгреном, решивших самостоятельно дойти до суши; 3. – шесть членов экипажа, унесенных ветром во время аварии вместе с корпусом дирижабля. Эта группа, несмотря на длительные поиски, так и не будет найдена.

Рис. 1. Обложки журналов ЛЕФ и Новый ЛЕФ

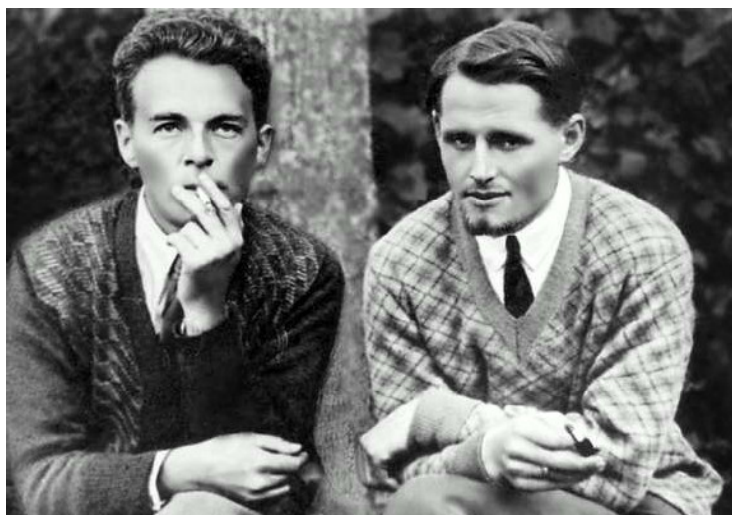

Рис. 2. Режиссеры «братья» С.Д. Васильев и Г.Н. Васильев

Рис. 3. Ледокол «Красин» и самолет «Красный медведь» во льдах

Рис. 4. Полярный летчик Борис Чухновский

Рис. 6. Кадр не получившейся в фильме кульминации – спасение итальянцев

Рис. 5. Промелькнувшие в фильме герои – кочегары «Красина»

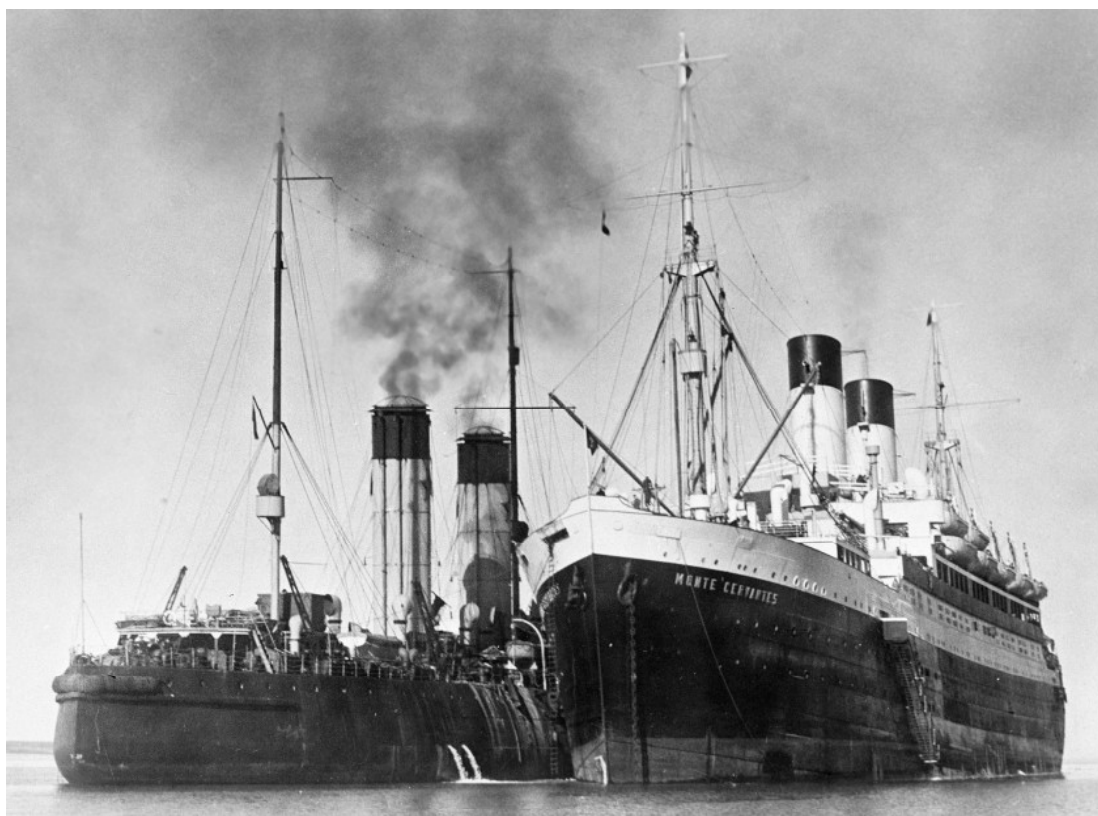

Рис. 7. Дополнительный подвиг – спасение круизного парохода «Монте-Сервантес»

Рис. 8. Заслуженная награда – благодарность народа Норвегии

Рис. 9. Участники экспедиции ледокола «Красин»

Кульминация фильма – спасение «Красиным» потерпевших (расхождение фабулы и сюжета)

Вторая половина фильма проходит на «Красине» и состоит из съемок принимавшего участие в монтаже оператора Вильгельма Иосифовича Блувштейна (1900–1972). Судя по скупым биографическим сведениям, до «Красина» Блувштейн два года работал оператором на четырех игровых фильмах, а после снял два документальных фильма – на Новой Земле и в Сибири (Блувштейн, 2020).

В преддверии главных событий около пяти минут показывается продвижение ледокола, который все с большим трудом справляется со льдами, пока совсем не останавливается на 80 градусе с.ш. До льдины с потерпевшими не так далеко, но пробиться к ним невозможно. И с этого момента в роли главных действующих лиц выступают пилот ЧУХНОВСКИЙ и его трехмоторный бомбардировщик – «Красный медведь». Только сверху можно понять, где в ледяном панцире есть слабые места для прохода ледокола. Чтобы спустить самолет с палубы, объявляется АВРАЛ. По бревенчатому пандусу десятки людей спускают громадину на лед. Пилоты проверяют моторы, делают пробный полет...

И здесь происходит событие, которое чрезвычайно затруднило режиссерам монтаж фильма. Оператор решает лететь с летчиками. А дальше вступает в силу непредсказуемый случай – закон, определяющий успех каждой хроникальной съемки. Сначала все идет хорошо. Пилоты находят среди ледяных полей путь для ледокола. И самая великая удача – видят льдину с тремя (как потом окажется – двумя) пытающимися самостоятельно добраться до берега полярниками группы Мальмгрена. Но затем постоянный враг летчиков туман не позволяет вернуться к ледоколу и заставляет пойти на вынужденную посадку. Все целы, но у самолета сломаны шасси и винты. Б. Г. Чухновский принимает верное, но роковое для кинооператора решение. В радиogramме пилот указывает нужные координаты и настаивает, чтобы вначале «Красин» спасал итальянцев, а уже потом экипаж самолета. В фильме титр, передающий отчаяние Блувштейна: «Жаль – без нас Мальмгрена возьмут... оператор здесь – там снять некому!».

Приходится запечатлеть лагерь летчиков: находящийся неподалеку островной ледник, рога убитых оленей, трапезу и очень далекие от отчаяния лица радующихся благополучной посадке пилотов. В фильме это одни из самых выразительных портретов: Чухновский с возгласом: «Приехали!», улыбающиеся Г. А. Страубе, А. Д. Алексеев, А. Шелагин. Кто-то из летчиков снял веселого, еще не осознавшего свою неудачу кинооператора.

В результате в фильме отсутствует важнейшее для сюжета фильма событие – спасение итальянских полярников Мариано и Цаппи. Даже если бы режиссеры решили рассказать об одном из самых трагических происшествий – гибели руководителя группы Финна Мальмгрена, необходимого киноматериала у них не было.

Вторая нужная для выстраивания кульминации в фильме сцена снятия с льдины экипажа «Италии» тем не менее присутствует, правда, в очень невзрачном, не впечатляющем виде: дрожащие, мутные, короткие кадры (рис. 6).

На «Красине» все же был второй кинооператор?

На этот вопрос отвечает Николай Николаевич Шпанов (1896–1961), как и другие журналисты написавший после путешествия книгу.

В титре фильма, желая подчеркнуть мощь ледокола, указано, что он потребляет 150 тонн угля в сутки. Но не говорится, что на полном ходу кочегары, которых на «Красине» около 50 человек, должны перебросать лопатами эти тонны в топку корабля. В особенно напряженные дни их выносили на палубу чуть живыми. Чтобы рассказать, какими усилиями достигается победное продвижение ледокола, добросовестный журналист провел в трюме с кочегарами 4 часа (Шпанов, 1929: 41–45).

Не удивительно, что на «Красине» летчик Чухновский и кинооператор Блувштейн стали друзьями Николая Шпанова. Для первого он организовал подготовку аэродрома на торосистой льдине. Второго – постарался выручить со съемкой эпизода спасения группы Вильери. Для этого ему пришлось в спешном порядке разбираться с устройством и зарядкой запасной портативной камеры. И не его вина, что качество съемки оказалось не на высоте.

В своей книге Шпанов описывает радостную атмосферу встречи и вспоминает свою съемку в лагере полярников деревянной статуэтки Мадонны – талисмана итальянцев во время их трагической экспедиции. При внимательном рассмотрении в фильме этого эпизода можно удостовериться в правдивости писателя (там же: 146–150).

Пафосное завершение фильма

Вся завершающая часть фильма состоит из съемок вернувшегося на «Красин» В. Блувштейна. Встреча с итальянским кораблем «Читта-ди-Милано», прощание со спасенными и передача их на базовый корабль. Крупные портреты смущенно улыбающихся итальянцев в отличие от бравого жизнерадостного Цаппи, предполагаемого виновника гибели Ф. Мальмгрена. И чтобы тактично намекнуть на виновника трагедии, режиссеры помещают титр со знаком ? между кадрами с Цаппи и носилками Мариано.

Роль кульминации и одновременно самых ударных агитационных моментов выполняют два заключительных эпизода.

На обратном пути «Красин» спасает круизный пароход «Монте-Сервантес» (рис. 7), которому угрожала опасность быть выброшенным на скалистый берег. Шестнадцать часов непрерывно откачивали помпы ледокола воду из трюма соседнего парохода, пока водолазы подводили пластырь под пробоину. Снова «вертовские» кадры работающих механизмов (но не выбивающихся из сил кочегаров, механиков и водолазов). Настоящий триумф советского кораблестроения!

И наконец, окончательный апофеоз в «вертовском» стиле – ликование в европейских и советских городах публики, газетчиков и разносчиков газет. В норвежских портах – делегации пионеров, рабочих, официальных лиц. Полпред в Норвегии А. Коллонтай: «Геройский подвиг КРАСИНА – будет живым опровержением клеветы на СССР...». И тут же добавление, явно охладившее довольные лица Самойловича и красинцев: «Ваша новая задача... спасти последние жертвы злосчастных экспедиций...». Как потом выяснится, долгие двухмесячные поиски результата не дадут...

Высокопоставленный норвежский чиновник высказывает «восхищение и благодарность Советскому Союзу, доказавшему всему миру, что он впереди европейской культуры» (рис. 8).

Завершается фильм кадрами «Красина», разламывающего лед, и тремя титрами во весь экран: «И СНОВА...НА ШТУРМ...ЛЬДОВ...»

Заключение

Немой документальный фильм «Подвиг во льдах» 1928 г. посвящен значительному событию в мировой и российской истории, совпавшему с авангардным этапом в становлении языка кинематографа. Перед авторами фильма стояла задача создания типичного для того времени советского пропагандистского фильма в рамках широкой агитационной кампании, посвященной спасению экспедиции Умберто Нобиле российскими полярниками. Начинаящим режиссерам «братьям Васильевым» – знатокам радикальных взглядов на монтаж Эйзенштейна и Вертова – удалось выйти за привычные рамки «агиток» и создать яркое произведение в жанре героической эпопеи, практически не нарушив при этом реальную канву происшествий и передав

атмосферу события. Немой документальный фильм стал не только незаурядным памятником киноискусства, но и визуальным документальным свидетельством, эмоционально и убедительно репрезентирующим значимый момент в истории XX века.

Чтобы ввести рассмотрение этого феномена в контекст историко-культурного исследования, в статье был использован многоаспектный подход, включающий краткий обзор периода киноавангарда, литературные источники, свидетельства участников, краткие биографии создателей фильма.

Структурный анализ содержания произведения показал, насколько тактично режиссеры обращались с большим объемом хроникального материала, предоставленного операторами-хроникерами, работавшими независимо на трех кораблях. Документальные повествовательные съемки приобрели соответствующий объем и нашли место в сюжете согласно роли каждого из судов в спасательной экспедиции. Для передачи кульминационных моментов использовался клиповый «вертовский» монтаж, а для сюжетных переходов и дополнительной вербальной информации интертитры – лаконичные тексты, оформленные «родченковскими» шрифтами разной крупности. Творчески освоив десятилетний опыт авангардных поисков, авторы фильма сумели найти гармоничный баланс между героической экспрессией эпоса и агитационной задачей, оставаясь близки действительному хронотопу происшествия. Кроме того, целью проведенного в статье исследования был показ того, как в двадцатые годы прошлого столетия создатели фильмов использовали для сохранения документальной достоверности и эстетической выразительности визуальные средства, обходясь без звуковой поддержки.

Прошло около сотни лет, и мы видим, как могучая индустрия телевидения сутки напролет пытается воздействовать на сознание и поведение людей, оперируя приемами управления экранными «фактами», за открытие которых в теории и воплощение на практике боролись первые операторы-хроникеры, левовцы и конструктивисты. Рассказ об истории отображения и преобразования реальных событий на примере создания одного из самых ярких произведений российского киноархивного наследия может помочь современному зрителю лучше разбираться в потоке избыточной информации non/fiction.

Литература:

- Бабушкин М.** Записки летчика М. С. Бабушкина. 1893–1938. М.–Л.: Главсевморпуть, 1941. 148 с.
- Белов М. И.** Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. / История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 томах. Т. 3. Под редакцией: Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. М.: Морской транспорт, 1959. 510 с.
- Блувштейн В.** URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/operator/sov/262079/works> (21.06.2020).
- Богоров А. Л.** Записки кинохроникера. Время, запечатленное кинообъективом. Л.: Лениздат, 1973. 246 с.
- Вехов Н. В.** «Страна чудес – волшебный Север». О ныне практически забытом полярнике Николае Васильевиче Пинегине (1883–1940) // Московский журнал, 2011, № 3. С. 4–16.
- Грамотчикова Н. Б., Скубач О. А.** Арктический экстрим. Катастрофа дирижабля «Италия» в советской документалистике 1928–1930 гг. // Уральский исторический вестник, 2020, № 3 (68). С. 90–98.
- Дерябин А.** Время собирать. Отечественное кино и создание первого в мире киноархива // Киноведческие записки, 2001, № 55. С. 5–41.
- Луначарский А.** Задачи Государственного кинодела в Р. С. Ф. С. Р. // Кинематограф // Сборник статей / под редакцией Фотокинематографического отдела Народного комиссариата по просвещению. М.: Гос. изд-во, 1919. С. 5–7.
- Маяковский В. В.** Проба. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том 9. М.: Гослитиздат, 1958. 611 с.
- Перемышлев Е.** Васильев Георгий Николаевич // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/v/vasilev--415> (11.10.2021).
- Писаревский Д.** Братья Васильевы. М.: Искусство, 1981. 320 с.
- Плюснин А.** Валентей Игнатий. URL: http://plusnin1975.blogspot.com/2021/12/blog-post_59.html (12.05.2021).
- РГАКФД. Электронный каталог кинодокументов. URL: <http://rgakfd.ru/catalog/films> (15.04.2021).
- Самойлович Р. Л.** S.O.S. в Арктике. Экспедиция «Красина». Берлин: Петрополис, 1930. 260 с.
- Шкловский В.** За 60 лет. Работы о кино // М.: Искусство, 1985. 573 с.

Цивьян Ю. Г. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896–1930. Рига, Зинатне, 1991. 492 с.
Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. М.: Машиностроение, 2002 г. 703 с.
Шпанов Н. Во льды за «Италией». М.–Л.: Молодая гвардия, 1929, 224 с.
Яковлев А. Ледовый поход «Малыгина». М.: Работник просвещения, 1929. 80 с.

Александров Евгений Васильевич.

Кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник.

Музей землеведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991.

E-mail: eale@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23 апреля 2022 г.

E. V. Aleksandrov

DOCUMENTARY FILM AS A REASON TO RETURN TO THE PAST (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN HISTORY OF THE SEARCH FOR THE ZEPPELIN “ITALIA”)

In 1928, the main sensation for the whole world was the accident of the airship “Italia”, which crashed on its way back after reaching the North Pole. Several states tried to work together to save the survivors. But the Arctic Ocean did not yield – moreover, the crew of Raul Amundsen’s plane, who flew to the rescue of Umberto Nobile’s expedition, became a new victim. It was possible to interrupt the series of failures thanks to the active involvement of the Soviet Union in the operation, which sent three ships with two aircraft to the search area. Thanks to the hard work of the crew of the Krasin icebreaker and the experience of pilot Boris Chukhnovsky, at the last moment, the polar explorers who were losing hope were saved.

One of the most notable acts of the propaganda campaign, which was widely launched after the completion of the operation, was the prompt release of the full-length documentary film “Feat in the Ice”, which was shown with great success on many domestic and foreign screens. The film was based on newsreel footage of cameramen who worked on three ships participating in the rescue operation.

The purpose of the article is to reconstruct the history of the creation of a film document at the end of the “silent film era”. The object of consideration will be the chronotope of the “rescue air-sea expedition”, put by the directors “Vasiliev brothers” as the basis of the film. In the context of information from different sources about the event being covered, a comprehensive analysis of the content and structure of the film will be carried out. The introduction gives a brief overview of the period of the avant-garde formation of the language of Russian documentary cinema. In the main part, when analyzing the content of the episodes and the plot construction of the film “Feat in the Ice”, literary evidence of the participants in the rescue of the Nobile expedition is also given. With this approach, according to the principle of complementarity-complementarity, the chronicle film should be considered not so much as an independent reliable source, but rather as an emotional image-reason that, in interaction with other information materials, recreates the atmosphere of a historical episode, interest in which has not disappeared even now.

Keywords: *airship “Italy”, newsreels, avant-garde cinema, the principle of complementarity, episodes, structure, silent documentary film “Feat in the Ice” 1928.*

References:

- Babushkin M.** Zapiski letchika M. S. Babushkina. 1893–1938. [Notes of the pilot M. S. Babushkina. 1893–1938.] Moscow-Leningrad: Glavsevmorput, 1941. 148 p. (in Russian).
Belov M. I. Sovetskoye arkticheskoye moreplavaniye 1917–1932 gg. / Istoriya otkrytiya i osvoyeniya Severnogo morskogo puti: v 4 tomakh. T. 3. Pod redaktsiyey: Ya. Ya. Gakkelya, M. B. Chernenko [Soviet Arctic navigation 1917–1932. / History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes. V. 3. Edited by: Ya. Ya. Gakkel, M. B. Chernenko] Moscow: Morskoy transport, 1959. 510 p. (in Russian).
Bluvshstein V. [Bluvshstein V] Available at: <https://www.kino-teatr.ru/kino/operator/sov/262079/works> (06.21.2020) (in Russian).

- Bogorov A. L.** Zapiski kinokhronikera. Vremya, zapechatlennoye kinoob'yektivom [Newsreel notes. Time captured with a cine lens] Leningrad: Lenizdat, 1973. 246 p. (in Russian).
- Vekhov N. V.** "Strana chudes – volshebnyy Sever". O nyne prakticheski zabytom polyarnike Nikolaye Vasil'yeviche Pinegine (1883–1940) ["Wonderland – Magic North". About the now practically forgotten polar explorer Nikolai Vasilievich Pinegin (1883–1940)] Moscow magazine, 2011. No. 3. Pp. 4–16 (in Russian).
- Gramatchikova N. B., Skubach O. A.** Arkticheskiy ekstrim. Katastrofa dirizhablya "Italiya" v sovetskoy dokumentalistike 1928–1930 gg. [Arctic extreme. The crash of the "Italy" airship in Soviet documentary filmmaking 1928–1930] Ural Historical Bulletin, 2020. No. 3 (68). Pp. 90–98 (in Russian).
- Deryabin A.** Vremya sobirat'. Otechestvennoye kino i sozdaniye pervogo v mire kinoarkhiva [Time to collect. Domestic cinema and the creation of the world's first film archive] Cinematographic Notes, 2001. No. 55. Pp. 5–41 (in Russian).
- Lunacharskiy A.** Zadachi Gosudarstvennogo kino-dela v R.S.F.S.R. / Kinematograf / Sbornik statey / pod redaktsiyey Foto-kinematograficheskogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu [Tasks of the State Cinema in R.S.F.S.R. / Cinematography / Collection of Articles / edited by the Photo-Cinematographic Department of the People's Commissariat for Education] Moscow: State. publishing house, 1919. Pp. 5–7 (in Russian).
- Mayakovskiy V. V.** Proba / Polnoye sobraniye sochineniy v trinadsati tomakh. Tom 9. [Try. Complete works in thirteen volumes. Volume 9.] Moscow: Goslitizdat, 1958. 611 p. (in Russian).
- Peremyshlev Ye.** Vasil'yev Georgiy Nikolayevich / Entsiklopedicheskiy slovar' "Literatory Sankt-Peterburga. XX vek" [Encyclopedic Dictionary "Literators of St. Petersburg. XX century"] Available at: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklope-diya/v/vasilev-415> (accessed 11.10.2021) (in Russian).
- Pisarevskiy D.** Brat'ya Vasil'yevy [The Vasiliev Brothers] Moscow: Art, 1981. 320 p. (in Russian).
- Plyusnin A.** Valentey Ignatiy [Valentey Ignatius] Available at: http://plusnin1975.blogspot.com/2021/12/blog-post_59.html (accessed 05.12.2021) (in Russian).
- RGAKFD. Elektronnyy katalog kinodokumentov [RGAKFD. Electronic catalog of film documents] Available at: <http://rgakfd.ru/catalog/films> (accessed 04.15.2021) (in Russian).
- Samoylovich R. L.** S.O.S. v Arktike. Ekspeditsiya "Krasina" [S.O.S. in the Arctic. Expedition "Krasin"] Berlin: Petropolis, 1930. 260 p. (in Russian).
- Shklovskiy V.** Za 60 let. Raboty o kino Raboty o kino [For 60 years. Works on cinema] Moscow: Art, 1985. 573 p. (in Russian).
- Tsiv'yan Yu. G.** Istoricheskaya retseptsiya kino. Kinematograf v Rossii 1896–1930 [Historical cinema reception. Cinematography in Russia 1896–1930] Riga, Zinatne, 1991. 492 p. (in Russian).
- Shavrov V. B.** Istoriya konstruktsey samoletov v SSSR do 1938 g [The history of aircraft designs in the USSR until 1938]. Moscow: Mashinostroenie, 2002. 703 p. (in Russian).
- Shpanov N.** Vo l'dy za "Italiyey" [Into the ice behind "Italy"] Moscow – Leningrad: Young Guard, 1929. 224 p. (in Russian).
- Yakovlev A.** Ledovyy pokhod "Malygina" [Ice campaign "Malygin"] Moscow Worker of education. 1929. 80 p. (in Russian).

Aleksandrov Evgeny Vasilievich.

Candidate of art history, associate professor, leading researcher at the Earth Science Museum at **Moscow State University** (The Museum of Natural History).

1 Leninskiye gory, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: eale@yandex.ru

В. А. Бурнаков

КОНЬ КАК НЕБЕСНОЕ СУЩЕСТВО В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – XX ВЕК)¹

Почитание коня является одним из ярких и широко распространенных явлений, представленных в традиционной культуре многих народов, занимающихся коневодством. Не являются исключением и хакасы. В их сознании образ этого животного был наделен положительной характеристикой, что было обусловлено вовлеченностью коня практически во все сферы жизнедеятельности человека. Лошадь была незаменимым помощником в хозяйственной деятельности и военной сфере, самым быстрым и надежным средством передвижения, источником мясомолочной продукции и различного сырья и т. д. Вместе с тем почтительное отношение не было ограничено сугубо утилитарной ценностью. На сакрализацию образа коня повлияла также вера народа в его небесную природу, что способствовало формированию особой обрядности, связанной с ним.

Целью данной работы будет являться характеристика коня/лошади как религиозно-мифологического персонажа в традиционном мировоззрении хакасов, связанном с небом. Хронологические рамки работы ограничиваются рамками конца XIX – XX в. Выбор таких временных границ обусловлен состоянием источниковой базы по теме исследования. В качестве источниковой базы послужили этнографические и фольклорные материалы, как опубликованные, так и вводимые в научный оборот. Среди фольклорных источников широко использованы героические сказания (алыптыг нымахтар), отрывки из которых впервые представлены в авторском переводе на русском языке. Ведущим в исследовании является принцип историзма, когда любое явление культуры рассматривается в развитии с учетом конкретной ситуации. Методика исследования основана на историко-этнографических методах: пережитков (реликта) и семантического анализа.

В результате исследования сделан вывод о том, что в культуре хакасов конь обладает широким семантическим полем. Одной из наиболее ярких граней его образа является восприятие в качестве небесного существа и наделение высоким семиотическим статусом. Это животное было включено в мифоритуальный комплекс, связанный с представлением о небе и небожителях. Среди многообразных проявлений этого феномена следует выделить такие, как посвящение коня – ызых² а, солярно-лунарная и астральная символика лошади и ее огненосная природа, отождествление образов коня и птицы и пр.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура, картина мира, обрядность, конь, небо, солнце, луна, звезды, огонь, птица.

Коню отводилась важная роль практически во всех сферах жизни хакасов – материальной, хозяйственно-бытовой и духовной. Образ этого животного был широко распространен в устном народном творчестве, традиционных верованиях и обрядности. На фоне многих анималистических образов он поражает своей многогранностью и полисемантизмом, поэтому интерес исследователей к нему был неиссякаем. Среди тех ученых, кто в процессе своих научных изысканий в той или иной степени затрагивал данную тему, следует выделить: Н. Ф. Катанова (1907), Л. П. Потапова (1977; 1991), Н. П. Дыренкову (2012), В. Я. Бутанаева (2003; 2006), М. А. Унгвицкую и В. Е. Майногашеву (1972), Я. И. Сунчугашева (1980), О. В. Субракову (2007), Н. С. Чистобаеву (2015) и др. В работах этих исследователей сквозь призму таких гуманитарных дисциплин, как археология, этнография, фольклористика и лингвистика, рассмотрены вопросы определения места и роли коня в мифологии, эпическом творчестве и языке хакасов. Вместе с тем следует констатировать то, что не все грани образа этого животного получили должное освещение. Совершенно неизученным остался вопрос, касающийся его народного восприятия в качестве небесного существа. Восполним имеющийся пробел.

В мировоззрении и фольклоре хакасов образы коня и всадника получили большое распространение. Более того, двуединый образ коня и его хозяина выступает маркирующим признаком культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, что вполне естественно и закономерно. Как известно, народы, проживающие на отмеченной выше территории,

¹ Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

испокон веков занимались скотоводством, в том числе и коневодством. Хакасы до XIX в. вели полукочевой/полуоседлый образ жизни. На протяжении многих столетий их основным транспортным средством являлась лошадь. Сидя на ней верхом, человек проводил значительную часть своего времени, поэтому она была чрезвычайно близка человеку. В народе этому животному приписываются такие качества, как ум и проницательность, глубокая привязанность к человеку. С лошастью связываются мистические представления о благополучии, удачливости и достатке. Воззрения о неразрывной связи коня и его хозяина запечатлены в многочисленных мифах, сказаниях, пословицах, загадках и т. д.

В культуре хакасов конь и его образ имели множество символических значений. Он был одним из важных элементов в воззрениях и обрядности, связанных с жизнью и смертью. Нередко олицетворял собой природные объекты и стихии. Одним из его маркирующих признаков является непосредственная связь с небом и отдельными объектами, расположенными на нем. В хакасском языке в качестве одного из обозначений солнца выступает термин «*күн харагы*» – ‘букв. око солнца’. В традиционном сознании народа указанное светило олицетворяет собой высшую сакральную силу. Оно осмысливается в качестве «всевидающего ока» – одного из ключевых небесных божеств-охранителей, которое на протяжении всего светового дня внимательно следит и контролирует все то, что происходит в небе и на земле (Бурнаков, Цыденова, 2013: 271–272). Полагали, что божество-солнце, заботливо обзорева и тщательно оберегая свои территории, неспешно перемещается по огромным небесным пространствам. В мифологическом мышлении хакасов преодоление таких космических далей представлялось возможным лишь верхом на волшебном небесном коне. Неудивительно, что в культуре этого народа солнце нередко представлялось в образе всадника. Заметим, что подобные воззрения встречались и среди остальных тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии. В их религиозно-мифологическом сознании указанное небесное светило порой представлялось в виде путешествующего по небу всадника в золотой короне (Архив Хакасского краеведческого музея: 1). Заметим, что восприятие и символическое изображение солнца в виде коня или всадника является чрезвычайно распространенным явлением во многих культурах. Оно часто встречается в мифах и искусстве народов мира (Топоров, 1988: 154–157; Иванов, 1988: 461–462).

Исходя из подобного мировосприятия можно предположить, что солнце у хакасов, как и других народов Саяно-Алтая, выступало в качестве одной из ипостасей верховного небесного божества – *Ўльген’я/Худая*. Основанием для такой мысли послужил образ, встречаемый в шаманской атрибутике. Так, на одном из хакасских бубнов имеется соответствующее изображение всадника (Иванов, 1955: 203. Рис. 17). На нем антропоморфный персонаж белого цвета восседает на светлом пятнистом коне и имеет головной убор, своей формой напоминающий корону в виде солнца. В руке держит лук со стрелой. Заметим, что шаманы идентифицировали его как *Ўльген’я*. Относительно чего С. В. Иванов писал: «Этот всадник, сидящий на пятнистом коне (белый конь в яблоках), назван духом неба Ульгеном» (там же: 206).

Изображение Ульгена на хакасском шаманском бубне (Иванов, 1955: 203. Рис. 17)

На наш взгляд, рассматриваемое изображение в общих чертах воспроизводит распространенный в указанной мифологической традиции образ белого «Солнца-всадника». Обратим внимание на цветовую характеристику самого героя и его коня. В религиозно-мифологической традиции хакасов, как и других народов, белый цвет (хак. *ах* *öđ/öң*) устойчиво отождествляется со светом, солнцем, небесной ясностью и является ключевым признаком божеств-небожителей. При этом и сам конь соответствующего окраса является неотъемлемым атрибутом светлого божественного начала. Колоротивный эпитет *ах* – ‘белый’ во всей своей многогранности был запечатлен в устном народном творчестве. В связи с чем Н. С. Чистобаева совершенно верно замечает, что «в хакасском фольклоре *ах* означает ‘белый’, ‘светлый’, ‘прекрасный’, ‘чудесный’, ‘роскошный’, ‘великолепный’, ‘благородный’, ‘священный’» (2015: 111).

Однако вернемся к изображению на шаманском бубне. Заметим, что светлый конь с темными пятнами определенно свидетельствует о его светло-чубарой масти (хак. *ах чохыр/толбалыг*). Вместе с тем хакасы были убеждены, что лошади такого цвета имеют сакральную природу и мистически связаны с божественными небесными иерархами. Подтверждением тому служат этнографические сведения, собранные Н. Ф. Катановым. В них утверждается, что, по верованиям народа, «царем чубарых коней считается Всевышний Бог (неба)» (Катанов, 1907: 597). Косвенное указание на семантическую связь коней чубарой и иной мастей с небесами обнаруживается и в фольклоре, например: «*Хара тигірнің тӱзінде, тигір ӱткізі чирде, толбалыг сараатыг Тозай Ханның хызы Толай Арыг чуртапча*» – ‘Под черными небесами, там, где можно попасть на небо, живет девушка Толай Арыг дочь Тозай хана, имеющего солового коня в пятнах’ (Хакасско-русский, 2006: 642).

Традиция почитания хакасами неба, очевидно, своими корнями восходит к религиозно-мифологической системе древних тюрков и монголов Центральной Азии. Главенствующей фигурой их пантеона, как известно, выступает самовозникшее и обожевленное Небо – Тенгри. Это абстрактное божество осмысливается в качестве всевышнего творца и распорядителя судьбы как отдельного человека, так и целых народов (Потапов, 1991: 260–274). Естественным проявлением верховного божества было атмосферное небо со всеми его объектами и явлениями. Верили, что одним из любимых созданий Тенгри являются лошади. Полагали, что они спустились на землю с небес. Очевидно, поэтому в обрядности они являются ключевыми жертвенными животными для Неба и других высокочтимых божеств. В процессе жертвоприношения люди совершали своеобразный возврат их в исконную обитель, своему изначальному владельцу, за что в ответ получали небесную благодать в виде всевозможных материальных благ и успехов в делах. Реликт данных представлений был запечатлен в хакасском фольклоре. В нем повествуется о жертвоприношении, но только не Небу как абстрактному божеству, а конкретным божествам-небожителям – *чайаан’ам*. Согласно сюжету охотник с целью получения удачи в промысле совершает обряд жертвоприношения коня семи небесным богам-творцам – *читі чайаан / читі худай*. Для этого, по подсказке одного из небожителей, он заколол своего единственного коня. Снял с него шкуру и, набив ее мхом, сделал чучело. Водрузив его себе на спину вверх ногами, отправился на вершину горы. После чего боги-небожители удостоили его своим вниманием – посмотрели на него прямо в упор и тем самым одарили его счастьем и удачей (Катанов, 1907: 375–379).

Заметим, что в культуре хакасов сакральный акт жертвоприношения не сводился лишь к непосредственному умерщвлению коней. Были широко распространены и иные формы их «отправления» на небо. Так, например, бытовала практика посвящения высшей силе живых скакунов – *ызых’ов*. Л. П. Потапов касательно этой обрядовой традиции хакасов сообщал, что у них «небу посвящали коня, именуемого *ызых* (ыдык), *синей масти* (*кӱк ызык*), которого называли *тигирлих ызых* – “небесный ызых”» (1991: 268). Верующие в процессе почитания, обращались к нему с такими словами, как: «Ездишь ты верхом на сине-сивом коне, летаешь среди

синих облаков!» (Катанов, 1907: 548). Следует добавить, что отдельным божествам-небожителям, а также небу в целом хакасы посвящали не только коней сивой масти (*көк ат*), но и белой (*ах ат*). При этом избранные животные могли быть представлены в различных вариациях их цветовых оттенков. В устном народном творчестве встречаются следующие номинации соответствующих мастей: «*ах ой*» – ‘бело-буланая’, «*ах сабдар*» – ‘бело-игренивая’, «*ах чохыр*» – ‘светло-чубарая’, «*ах пора*» – ‘светло-серая’, «*ах хоор*» – ‘светло-каурая’, «*ах көк*» – ‘светло-голубой’, «*ах саар*» – ‘светло-соловая’, «*ах халтар*» – ‘светло-мухортая’, «*ах хула*» – ‘светло-пегая’, «*тигир өө түктіг көк ат*» – ‘голубой конь с шерстью небесного цвета’, «*көк пора*» – ‘небесно-серый’, «*көк пилтир*» – ‘голубой с белым боком’, «*көк ала*» – ‘небесно-пегий’ и пр. (Чистобаева, 2015: 111, 119).

Согласно верованиям хакасов *ызых* и являлись носителями хут – жизненной силы и способствовали всеобщему плодородию. Такие животные наделялись апотропейными свойствами. Поэтому, как полагали, обряд посвящения Небу коней – *ызых*’ов способствовал плодородию, успехам в хозяйственной деятельности, избавлению людей и их домашних животных от всевозможных несчастий, болезней и пр. Было принято считать, что только те шаманы, обладавшие соответствующим конем, могли беспрепятственно и подолгу путешествовать по небу. Так, например, шаманка Коче Арыштаева в процессе камлания на небесном (сивом) *ызых*’е улетаала в небеса, где воспаряла над облаками (Бутанаев, 2006: 97).

В мировоззрении хакасов образ коня как существа небесной природы не ограничивается лишь солярной символикой. Он имеет непосредственное отношение и к астральному культу. В представлениях народа само небесное пространство в темное время суток нередко олицетворяло собой безграничное пастбище, на котором выпасались небесные кони и иные животные в виде неисчислимых звезд. В самом центре его, как полагали, был вбит железный кол – *тигир ортазы тимир өрген*, воплощением которого служила Полярная звезда (Бутанаев, 2011: 293). Согласно мифам, к нему часто привязывали небесных коней. Реликты подобных представлений обнаруживаются в народных песнях, где отдельные звезды отождествляются с лошадьми, имеющими золотую или серебряную узду (Унгвицкая, Майногашева, 1972: 233; Бутанаев, Бутанаева, 2008: 192). Кроме этого в фольклоре нередко встречается описание коней с явно выраженной астральной символикой – звездой или месяцем во лбу, например: «*хамагында ай чарыхтыг ах сабдар ат*» – ‘бело-игренивый конь с полумесяцем во лбу’; «*тогыс хулас сунныг хан позрах ат хамагында ах чарых*» – ‘девятисаженный кроваво-рыжий конь со звездой во лбу’ (Чистобаева, 2015: 113, 120).

Обратим внимание на то, что в традиционных представлениях хакасов, как и других народов, золото и серебро семантически связаны с образом солнца и луны. Их общим маркирующим признаком, помимо прочего, является лучезарность и светоносность. Как правило, солнце идентифицируется с ярким и теплым светом, а луна – с тусклым и холодным. Исходящий от них свет, устойчиво отождествляется с сиянием и блеском золота и серебра. Поэтому становится вполне объяснимым факт того, что в традиционном сознании народа образ коня, как небесного существа, наделяется соответствующими золото и сереброносными признаками. Как точно подметил Н. Ф. Катанов: «Конь богатыря в сказках часто бывает с золотыми волосами и гривой; блестит он, как солнце и луна» (1887 а: 221). В фольклоре встречаются следующие вариации синтезированных образов коня и обозначенных благородных металлов: «вороной конь, обладавший золотой гривой и серебряным хвостом»; «передние копыта жеребенка золотые, задние же копыта серебряные, хвост его также серебряный»; «золото-шерстный лунно-черный конь» (там же: 224, 226, 232); «золотогривый бело-игренивый конь с серебристым хвостом» (Чистобаева, 2015: 112); «в девять саженей ростом, с золотой гривой; с золотыми копытами светло-игренивый конь» (Алтын Арыҕ, 1958: 71).

Двуединный образ золота и коня получил свое воплощение в широко известном в фольклоре сюжете о золоте в виде конской головы (АМАЭС ТГУ №677–4 а: 33) либо в его наиболее распространенном варианте – о куске этого драгоценного металла размером с конскую голову (Катанов, 1907: 460, 582). Помимо того, среди хакасов встречается поверье о том, что некоторые зарытые в землю старинные золотые клады в какой-то момент могут себя определенным образом проявить. Так, например, на местонахождение сокровища может указывать сильно полыхающий из-под земли огонь. Его пламя не затухает даже при сильном дожде. Увидеть подобное явление дано лишь избранным счастливым. По материалам В. Я. Бутанаева, подземный клад также может показаться и в виде сияющего золотого жеребца (Бутанаев, 2003: 44). Приведенные примеры свидетельствуют о народной вере в то, что даже находящееся во тьме подземного пространства золото хранит в себе потенциал солнца, а именно – светоносность. Более того, активная солярная природа этого благородного металла проявляется в образе блистающего золотого коня. В свете сказанного вполне обоснованными и применимыми к рассматриваемой теме представляются выводы В. Я. Проппа о том, что «золотая окраска есть печать иного царства <...> небесная окраска предметов есть выражение их солнечности» (2009: 245, 246).

В традиционных воззрениях хакасов алломорфом небесного огня – солнца – считается земной огонь. При этом основные проявления и свойства этой стихии, как и в случае с небесным светилом, проецируются и на образ коня. В фольклоре часто встречается типичное описание, подчеркивающее огненную природу этого животного: «Из глаз его летят огненные искры, из ноздрей выходит дым или пышет пламя, и от его горячего дыхания расплавляется узда» (Катанов, 1887: 221). Отметим, что в наиболее ярких чертах и в тонких деталях изображение огненной сущности коня все же представлено в эпическом творчестве хакасов. Приведем соответствующие примеры:

«Аран-чула хара хулат Айланып ибiрiлiп турыпчададыр: Харағынаң от сыхчатхандағ, Харағынаң тудун сыхчатхандағ»	‘Богатырский темно-саврасый конь [На одном месте] оглядываясь [и] кружа, стоит: [Из] глаз [его] огонь [как будто] вырывается, [Из] глаз [его] дым [как будто] клубится’
--	--

(Албынчі, 1951: 14. Перевод наш. – Б. В.);

«Хара чирге теектелiп, Хан тигiрге сабахталған Ат палғачаң алтын сарчында Ат артығы ах пора ат турыпча. Кöрген харағы көс осхас, Тынған тынызы чалын осхас. Халын итте чiгi чоғыл, Хатығ сөöкте чүлi чоғыл, Ахсынаң сыххан тынызы Ах тубан полып чайылча, Көксiнең сыххан ооры Көк тубан полып тарапча»	‘[В] черную землю вкопанной, [До] царственного неба простирающейся [У] золотой коновязи, [к которой] привязывают лошадей Лучший из коней светло-серый конь стоит. Смотрящий глаз [его] горящему угольку подобен, Исходящее дыхание [его] пламени подобно. В плотном теле [его] изъяна нет, В крепких [его] костях словно нет сочленений, [Из] пасти [его] исходящее дыхание В белый туман, превратившись, расстилается, [Из] груди [его] исходящий пар В синий туман, превратившись, распространяется’
--	---

(Ах Хан, 2007: 3–4. Перевод наш. – Б. В.).

В сказительской традиции хакасов особое место занимает описание бега богатырского коня. И в данном процессе также проявляется огненная природа животного. В героической

эпике акцентируется внимание на том, что устремившийся во весь опор конь оказывает колоссальное влияние на все окружающее его пространство. При этом сила подобного воздействия порой приобретает космические масштабы. Так, стремительный бег коня и его мощный топот копытами о земную твердь, словно удар кремня об камень, неизбежно приводят к появлению огня, бушующее пламя которого с молниеносной скоростью и недюжинной силой распространяется повсюду и возжигает все то, с чем только соприкасается. Н. Ф. Катанов описывает этот процесс следующим образом: «Огонь, зажигающийся от копыт этого коня, зажигает землю, воду и небо» (1887: 226). Обратимся к богатырским сказаниям и приведем характерное изображение соответствующих эпических сцен:

«Алып аттарның азахтары алтынаң
Ах чалынның от көйіс тур,
Айның хараан тулғап тур.
Табаннары алтынаң
Көк чалынның от көйіс тур,
Күннің хараан тулғап тур»

(Ах Хан, 2007: 130. Перевод наш. – Б. В.);

‘[У] богатырских коней из-под ног
Белого пламени огни горят [вырываются],
[Отчего] диск луны [быстро] вертится.
[Из-под] подошвы [копыт]
Синего пламени огни горят [вырываются],
[Отчего] диск солнца [быстро] вращается’

«Ханнаң хызыл чигірен ат
Хыйған тасты тееп ойлаанда,
Хызыл чалынның от көй тур.
Чалбах тасты тееп ойлаанда,
Чалынның оттар көйіс тур»

(Хан Орба, 1989: 25. Перевод наш. – Б. В.);

‘[Там, где] краснее крови рыжий конь
Острые камни, задевая, скакал,
[Там] красным пламенем огонь горит,
[Где] широкие камни, ударяя, скакал,
[Там] пламенеющие огни разгораются’

«Алын азағы түскен чирде,
Ах чалынның от көй тур.
Кизін азағы түскен чирде
Көк чалынның от көй тур»

(Там же: 46. Перевод наш. – Б. В.).

‘[Где] передние ноги [коня] коснулись земли,
Белым пламенем огонь горит.
[Где] задние ноги [коня] коснулись земли
Синим пламенем огонь горит’

В хакасской народной колоративной классификации олицетворением огня чаще выступают красный или рыжий цвета и приближенные к ним оттенки. Животные, имеющие подобный окрас, были семантически связаны с указанной стихией. В наиболее явном и недвусмысленном виде солярно-огненная природа рыжего/красного коня представлена в хакасских народных загадках: «*позрах адым пір тағны тооза оттап парыбысты (өрт көйгені)*» – ‘мой рыжий конь съел всю траву одной горы (огонь)’; «*позрах адым чүгүрібысты, үчүргізі чат халды (өрт, “үчүргізі” – күл)*» – ‘рыжий конь мой убежал, а потник остался (огонь, “потник” – зола)’ (Доможаков, 1951: 70). Огонь, как известно, имеет прямую семиотическую связь с печью. В мифологическом сознании хакасов побеленная известью русская печь также напрямую отождествляется с образом коня белой масти, что явствует из следующей загадки: «*Ах адым ахсын азып, турчадыр (пес)*» – ‘Мой белый конь, раскрывши рот, стоит (печь)’ (там же: 78).

В традиционных воззрениях хакасов образы духа-хозяйки огня *От иче / От ине* и коня были также неотделимы. Обозначенное сверхъестественное существо часто представляется в виде женщины, которая ездит верхом на трехлетней рыжей/гнедой кобыле (Катанов: 1897 б: 35; 1907: 563). Согласно верованиям народа, она обладает огромной магической силой. Этот природный гений считался одним из ключевых посредников между миром людей и духов/божеств. Поэтому практически ни один ритуал не проходит без ее участия. В шаманских

молитвах часто подчеркивается ее высокий сакральный статус, который определяется еще и приближенностью к небесному Богу: «Ты – собеседница Единого (Бога) и советница Все-вышнего» (Катанов, 1907: 557). В ее честь устраивалось специальное жертвоприношение с посвящением ей коня-ызых'а соответствующей масти. Н. Ф. Катанов представил следующие сведения об этом сакральном процессе: «Посвящается ему [духу огня. – Б. В.] рыжая кобылица. Эта кобылица расхаживает (свободно), не употребляемая никем для верховой езды <...> Потом это изображение [фетиш духа огня. – Б. В.] кладут на спину рыжей кобылицы (и шаманят). Пустивши кобылицу, посвященную ему (т. е. духу огня), изображение (духа огня) вносят в юрту и прикалывают на верхней (южной) стороне юрты» (1907: 575). В традиционном сознании хакасов *От иче* считалась одной из главных покровителей лошадей рыжей/красной масти. Верной представляется мысль некоторых исследователей о том, что «красный цвет явно представляет собой цвет пламени, что соответствует огненной природе коня» (Пропп, 2009: 147).

В религиозно-мифологическом сознании хакасов, как и многих других народов, функцию медиатора не только между людьми, но и между посюсторонним и потусторонним мирами часто выполнял конь. Как точно заметил В. Я. Пропп: «Основная функция коня – посредничество между двумя царствами. Он уносит героя в тридесатое царство. В верованиях он часто уносит умершего в страну мертвых» (2009: 148). Обозначенная медиаторная функция чрезвычайно сближает образы коня и огня. Имеются основания полагать, что на ранних стадиях мифологического мышления хакасы могли воспринимать образ духа огня непосредственно в виде лошади. В качестве доказательства этой мысли могут служить строки из шаманского песнопения, обращенного к рассматриваемому божеству. Обратим внимание на то, что шаманская поэзия является одним из самых достоверных и консервативных фольклорных источников по традиционному мировоззрению народа. В нем представлено традиционное мировидение и мироощущение человека в его наиболее архаизированной форме. Заметим, что в рассматриваемом тексте напрямую не говорится о восприятии духа огня в образе коня, но дается намек на это. Так, в нем выявляются некоторые детали, косвенно свидетельствующие в пользу нашего предположения. В указанной шаманской молитве имеется упоминание о таком важном элементе конской упряжи, как стремяна. При этом они определяются в качестве украшения «хозяйки огня»: «Оловянными стремянами украшена ты! Наряжена, как угольный хан! Железными стремянами украшена ты! Как угольный хан наряжена!» (Архив Хакасского краеведческого музея: 6). Исходя из данного описания, сложно себе представить подобный декор в антропоморфном образе этого духа. Заметим, что рассматриваемый предмет и по сей день актуален и востребован в коневодческих хозяйствах, так как имеет практическое применение для снаряжения указанного животного. Поэтому стремяна, особенно мастерски изготовленные и декорированные, безусловно, могли быть одним из элементов украшения именно лошади. К сказанному добавим и то, что в шаманских молитвах быстрое перемещение духа огня в пространстве совершенно не случайно ассоциируется со стремительным бегом молодых кобылиц (Катанов, 1907: 557).

В устном народном творчестве хакасов связь коня с небом часто проявляется в его ассоциации с таким универсальным небесным символом, как птица. В мифопоэтическом сознании народа стремительный бег скакуна устойчиво отождествляется с полетом пернатых и олицетворяет внеземную скорость его передвижения. Соответствующие сравнения довольно часто встречаются в эпических произведениях:

«Алты хулас сынныг ах ой ат,
Хартыга хус чили хаалап,
Хан кире чили частабысхан»

(Айдолай, 1963: 10. Перевод наш. – Б. В.);

‘Шестисаженный бело-буланный конь
Словно птица ястреб полетел,
Будто птица Хан кире парит’

«Хан поэрах ат сымды хус чілі
Сыылап иртіп одырадыр.
Тағның пөзігі чирге килзе,
Хан поэрах ат хартыға хус чілі
Хоолап иртіп одырадыр»

(Хан Кичигей, 1958: 201. Перевод наш. – Б. В.);

‘Кроваво-рыжий конь словно птица-рябчик
[С] шумом пролетает.
[К] горным вершинам подлетая,
Кроваво-рыжий конь, словно ястреб-птица
[С] гулом [их] перелетает’

«Алып аттар, пір тине тастап,
Пір тине чүгүр парчалар.
Чир-чалбахтың сіліин көріп,
Чоохтарын чоохтас парчалар,
Сөстерін сөлес парчалар.
Ах чазаа килзелер,
Ахыйаң хус чілі хайынып иртчелер.

Көк чазаа кірзелер,
Көйкенек хус чілі күүлеп иртчелер»

(Ах Хан, 2007: 122. Перевод наш. – Б. В.).

‘Богатырские кони одновременно бросились
Одинаково ровно бегут [они].
Земли окружные красоты осматривая,
Разговоры, ведя, скачут,
Слова, произнося, бегут.
[К] белой степи подъехав,
Луговому луню уподобляясь, кружа [ее]
преодолевают.
[В] синюю степь войдя,
Словно птица-пустельга с шумом пролетают’

В традиционных представлениях хакасов не только конский бег сравнивается с полетом птицы, но и само животное напрямую отождествляется с ней. Примеры этого, а также сформировавшийся на их основе образ крылатого коня (*ханаттыг ат*) довольно часто наблюдаются и в хакасском фольклоре.

«Тоғыс хулас сынның
Хара күрең ат
Улуғ чазаа сабыл парыбысхан,
Ханат сабынып,
Хан-тигір паарына көдіріліп,
Ырах чирде ыылап, соолап, чіт
парыбысхан»

(Айдолай, 1963: 79. Перевод наш. – Б. В.);

‘О девяти сажень
Темно-коричневый конь
К широкой степи приблизился,
Крылом махая,
В царственное поднебесье поднявшись,
[В] далекой земле [с] шумом-гулом исчез’

«Аран-чула Көк пора ат,
Халых тастап, ойлап парған,
Халых тастап, ойлап парып,
Ханат саап, парыбысхан.
Ах пулутты тобыр парған
Ах аястың алтынаң.
Көк пулутты тобырған
Көк аястың алтынаң.
Анда, учуғып, сых парыбысхан.
Хан тигірің паарынаң,
Улуғ күгүрт чілі,
Күзүреп одырадыр Көк пора ат,
Улуғ тербен чілі,
Ыылап, соолап одырадыр Көк пора ат»

(Күмүс ханаттыг, 1958: 251–252. Перевод наш. – Б. В.).

‘Богатырский сиво-серый конь,
Размеренный шаг [свой] отбросив, галопом пошел,
Размеренный шаг [свой] отбросив, галопом скача,
Крылом ударив, [он] полетел
Белое облако насквозь пролетел
[Что] ниже белого неба [было].
Синее облако преодолел
[Что] ниже синего неба [было].
Там, пролетев, [оттуда] вылетел.
[В] царственном поднебесье,
Великому грому подобно,
Гремит сиво-серый конь,
[Словно] исполинская мельница ручная,
[С] шумом-гулом движется сиво-серый конь’

В мифологическом сознании ассимиляция коня с птицами способствовала появлению образа крылатого коня. При этом одним из ключевых результатов данного процесса явилось наделение коня не только крыльями – маркирующим атрибутом, но и самой функцией птицы (Пропп, 2009: 143). В хакасском фольклоре чрезвычайно распространенным является мотив полетов по воздуху, осуществляемый посредством крылатых коней. Отметим, что передвижение эпического героя на коне по небу, вероятно, изначально формировалось из идеи его полета в образе птицы или на птице (там же). При этом крылатый конь в небесном пространстве подобно пернатому в полной мере чувствует себя свободно и уверенно. Небо воспринимается им как родная стихия. Очевидно, что в мифологическом сознании наделение земного животного волшебными крыльями подчеркивало его небесную природу. Более того, синкретический образ коня-птицы опять-таки несет в себе ярко выраженную солярно-огненную символику:

«Хайзы-хайзы чирде, Хан-тигір паарында Азыр ханаттыг хара күрең ат	‘[В] какой-то [неведомой] земле, [В] царственном поднебесье [С] раздвоенными крыльями темно-коричневый конь [С] гулом-рокотом скачет. [На] концах [его] крыльев пламя развевается, [В] центре [груди его, меж] двух оснований Искры летят, [так он] скачет’
Былап-соолап килидір. Ханат пазынаң чалын чалбырап, Ікі хурғунның төзінең Хыбын тоолап килидір»	
(Айдолай, 1963: 62. Перевод наш. – Б. В.);	

«Хан поэрах ат хан тигірің Паарына ханат саабысхан. Улуғ күгүрт чіли, күзүреп парир, Улуғ тербен чіли, соғлап парир.	‘Кроваво-рыжий конь [в] лоно неба Крылом ударив [полетел]. [Словно] мощный гром, грохоча [он] идет, [Подобно] огромной мельнице ручной, громыхая [он] движется. [С] концов крыльев [его] искры сыпаться готовы, [Меж] двух оснований [его] груди [словно] пламя вырывается, [И] густой дым вот-вот закружится’
Ханат пазынаң хыбын тоолап паригандағ, Хурғун төзінең чалын орап, Түдүн тосхалат паригандағ»	
(Алтын Арығ, 1958: 55. Перевод наш. – Б. В.).	

Апофеоз идеи о двуединой природе коня-птицы получает свое воплощение в представлении о душе. В религиозно-мифологических воззрениях этот неперенный атрибут каждого живого существа в полной мере присущ и богатырскому коню. При этом его душа, как правило, имеет орнитоморфный образ:

«Ах хаяның үстүнде Алтын пүрліг пай хазың турчадыр. Пай хазыңның пазында Алтын түктүг он ікі торғайах ойнапча.	‘[На] вершине белой скалы [С] золотыми листьями береза стоит. [На] верхушке священной березы [С] золотыми перьями двенадцать жаворонков играют. [С] золотыми перьями двенадцать жаворонков – [Это] Айдолая светло-сивого коня – Чистая душа, [и] чистый дух’
Он ікі алтын түктүг торғайах – Айдолайның чарых көк аттың – Арығ тыны, арығ чулазы»	
(Айдолай, 1963: 53. Перевод наш. – Б. В.).	

Семиотическая связь указанных животных и проекция их образов и свойств могут проявляться и в обратном направлении, т. е. в наделении птиц конскими признаками, например, они употребляются в качестве транспортного средства. Помимо того, размеры некоторых птиц часто сопоставляются с такой известной единицей народной метрологии, как «конская голова». В устном народном творчестве хакасов встречаются такие образные сравнения, как «пестрый гусь, величиной с конскую голову» (Бурнаков, 2011: 242) или «золотая кукушка с конскую голову» (Катанов, 1907: 491, 570–571).

В хакасской мифопоэтической традиции одним из ярких воплощений небесного коня является *үлгер ат*. В отличие от всех остальных животных этого вида он выделялся своей двухголовостью (Хакасско-русский, 2006: 750). Данная внешняя особенность свидетельствует о его мистической силе и обладании сокровенным знанием и космическим всеведением. Он наделен свойством невидимости для врагов. Согласно мифам, его основным местообитанием являются небеса. При этом одна из его голов смотрит на землю, а вторая обращена ввысь. Поэтому он обладает знанием всего того, что происходит во Вселенной. Очевидно, что данный образ восходит к идее всевидящего солнца – «ока мира». В героическом сказании «Ай Мирген» приведено следующее описание этой его особенности:

«Ах аястың алтында. Ах пулуттың үстүнде Кизек чир көрін тур Ікі пастың үлгер хара ат. Пір пазы чирін харап, Пір пазы тигір харап»	‘Под белым ясным небом Над белыми облаками Некоторую часть земли осматривает Двухголовый черный конь <i>үлгер</i>. Одна его голова на землю смотрит, Другая голова [ввысь] неба смотрит’
--	---

(1959: 130. Перевод наш. – Авт.).

В хакасском фольклоре в категорию волшебных крылатых коней входят скакуны, именуемые *аранчула* или *тулбар*. В героических сказаниях они описываются в качестве личных боевых коней богатырей. Животные имеют монолитную спину и цельные копыта. Среди присущих им чудесных качеств отмечается, что они длительное время могут обходиться без пищи и воды, а также никогда не устают (Бутанаев, Бутанаева, 2008: 54–55).

Таким образом, проведенный анализ показал, что в традиционной культуре хакасов конь выделяется ярко выраженным полисемантизмом. Одной из значимых граней образа этого животного является восприятие его в качестве небесного существа. В свою очередь это способствовало наделению его высоким сакральным статусом и формированию специальной обрядности в отношении него, в том числе в виде посвящения коня – *ызых’а*. Небесная сущность коня имела множество проявлений. Среди них наиболее распространенными являются такие, как олицетворение небесных светил – солнца, луны и звезд. Наделение лошади золото- и сереброносной сущностью как маркирующего признака указанных небесных тел. Восприятие коня как животного, имеющего огненную природу с присущей ему цветовой символикой и характерной функциональной нагрузкой. Отождествление образов коня и птицы и наделение синкретичного образа соответствующими свойствами, главным образом возможностью полета в воздушном пространстве.

Литература:

- Ай Мирген. Алыптыг ныхмах (Героическое сказание на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. 135 с.
Айдолай. Героическое сказание (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. 192 с.
Албынчі (алыптыг ныхмах) // Алыптыг ныхмахтар (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98.

- Алтын Арыҕ // Алтын Арыҕ. Алыптыҕ нымыхтар (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 3–125.
- АМАЭС ТГУ №677–4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь №4». 41 л.
- Архив Хакасского краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова. Происхождение и реакционная сущность шаманизма. 20 л.
- Архив Хакасского краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова. Тенешев Н. С. Шаманизм у сагайцев. 30.06.1957 г. 25 л.
- Ах Хан на бело-буланом коне. Ах пора аттыҕ алып Ах Хан. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева на хакасском языке. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 276 с.
- Бурнаков В. А.** Путешествие к Адам-хану: камлание хакасского шамана Туда Юктешева // Вестник Новосибирского гос. ун-та, 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 236–244.
- Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.** Солнце в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 264–275.
- Бутанаев В. Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Бутанаев В. Я.** Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). Петропавловск: «Полиграфия», 2011. 940 с.
- Доможаков В. И.** Хакасские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хак. обл. гос. Изд-во, 1951. С. 60–84.
- Дыренкова Н. П.** Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
- Иванов В. В.** Солярные мифы // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 461–462.
- Иванов С. В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. – Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
- Катанов Н. Ф.** Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник, 1887 а. Т. 25. С. 218–234.
- Катанов Н. Ф.** Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Лит. Импер. Казан. ун-та, 1897 б. 104 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Күмүс ханаттыҕ көк пора аттыҕ Күн Төңіс // Алтын Арыҕ. Алыптыҕ нымых (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 223–317.
- Потанов Л. П.** Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. Л., 1977. С. 164–178.
- Потанов Л. П.** Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М.: Изд-во «Лабиринт», 2009, 332 с.
- Субракова О. В.** Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Сунчугашев Я. И.** О двуглавых конях в хакасском героическом сказании // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 115–120.
- Топоров В. Н.** Митра // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 154–157.
- Унгуицкая М. А., Майногашева В. Е.** Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Хан Кичигей // Алтын Арыҕ. Алыптыҕ нымых (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 126–222.
- Хан Орба. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева (на хак. яз.). Абакан: Хак. изд-во, 1989. 208 с.
- Чистобаева Н. С.** Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: ООО «Кн. изд-во “Бригантина”», 2015. 170 с.

Бурнаков Венарий Алексеевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 24 июля 2022 г.

V.A. Burnakov

**THE HORSE AS A CELESTIAL BEING IN THE RELIGIOUS
AND MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE KHAKAS
(LATE XIX – XX CENTURY)**

The veneration of the horse is one of the bright and widespread phenomena represented in the traditional culture of many peoples engaged in horse breeding. Khakas are no exception. In their minds, this animal was endowed with a positive characteristic, which was due to the involvement of the horse in almost all spheres of human activity. The horse was an indispensable assistant in economic activity and the military sphere, the fastest and most reliable means of transportation, a source of meat and dairy products and various raw materials, etc. At the same time, the respectful attitude was not limited to a purely utilitarian value. The sacralization of the image of a horse was also influenced by the people's faith in its heavenly nature, which contributed to the formation of a special ritual associated with it.

The purpose of this work will be to characterize the horse / horse as a religious and mythological character in the traditional worldview of the Khakas associated with the sky. The chronological framework of the work is limited to the framework of the late XIX – XX centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the source base on the research topic. Ethnographic and folklore materials, both published and introduced into scientific circulation, served as a source base. Among folklore sources, heroic tales (alyptyg nymakhtar) are widely used, excerpts from which are presented for the first time in the author's translation in Russian. Leading in the study is the principle of historicism, when any cultural phenomenon is considered in development taking into account a specific situation. The research methodology is based on historical and ethnographic methods: remnants (relic) and semantic analysis.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that in the Khakas culture, the horse has a wide semantic field. One of the most striking facets of his image is the perception as a celestial being and the endowment of a high semiotic status. This animal was included in the mytho-ritual complex associated with the idea of heaven and the celestials. Among the diverse manifestations of this phenomenon, one should distinguish such as: the dedication of a horse – zzyh, solar-lunar and astral symbolism of a horse and its fiery nature, identification of images of a horse and a bird, etc.

Keywords: *Khakas, traditional culture, worldview, ritual, horse, sky, sun, moon, stars, fire, bird.*

References:

- Ai Mirgen. Geroicheskoe skazanie [Ai Mirgen. The heroic tale]. Abakan, Khakas. book Publ., 1959, 135 p. (In Khakas.)
Aidolai. Alyptyg namakh [Aidolai. The heroic legend]. Abakan, Khakas. book Publ., 1963, 192 p. (In Khakas.)
Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie [Albynzhi. Khakass heroic legend]. Abakan, 1951, Khakas regional state Publ., pp. 13–98 (In Khakas.)
Altyn Aryg [Altyn Aryg]. Altyn Aryg. Alyptyg namakh [Altyn Aryg. The heroic legends]. Abakan, Khakas. book Publ., 1958, pp. 3–125 (In Khakas.)
AMAES TGU [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk state university (further – AMAES TGU), № 677–4 a Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu letom 1973 g. [Ethnographic expedition in Khakassia. Summer of 1972], 41 p. (In Russ.)
Arkhiv Khakasskogo natsional'nogo kraevedcheskogo muzeya imeni L. R. Kyzlasova [Archives of the Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov]. "Proiskhozhdenie i reaktsionnaya sushchnost' shamanizma" [Origin and reactionary nature of shamanism], 20 p. (In Khakass and in Russ.)
Arkhiv Khakasskogo natsional'nogo kraevedcheskogo muzeya imeni L. R. Kyzlasova [Archives of the Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov]. "Teneshev N. S. Shamanizm u sagaitsev. 30.06.1957 g." [Teneshev N. S. Shamanism among the Sagaits. 30.06.1957], 25 p. (In Khakass and in Russ.)
Akh Khan na belo bulannom kone. Akh pora attyg alyp Akh Khan. Bogatyrskoe skazanie, zapisannoe ot S. I. Shulbaeva [Ah Khan on a white-clad horse. The heroic tale written from S. I. Shulbaev]. Abakan, 2007, Khakass book Publ., 276 p. (In Khakas.)
Burnakov V.A. Puteshestvie k Adam-khanu: kamlanie khakasskogo shamana Tuda Yuktesheva [Journey to Adam Khan: Shaman of the Khakass shaman Tuda Yukteshev]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University], 2011, vol. 10, no 3, pp. 236–244. (In Russ.)

- Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts.** Solntse v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The sun in the traditional worldview of the Khakas]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University], 2013, vol. 12, no 5, pp. 264–275. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism of the Sayan-Altai Turks]. Abakan: KhSU Publ., 2003, 260 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanism Hongoraya [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan: Publishing House of KSU, 2006. 253 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo fol'klora [The world of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan: KhSU Publ., 2008, 376 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Russko-khakasskii slovar' (okolo 15 tys. slov) [Russian-Khakass dictionary (about 15 thousand words)]. Petropavlovsk: "Poligrafiya" Publ., 2011, 940 p. (In Russ., in Khakas.)
- Domozhakov V. I.** Khakasskie zagadki [Khakass riddles]. Zapiski KhakNIYALI [Notes of the Khakass Scientific Research Institute of Historical Literature], vol. 2. Abakan, Khakass State Publ., 1951, pp. 60–84. (In Khakas., in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [The Turks of Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. S-Peterburg: MAE Publ., 2012, 408 p. (In Russ.)
- Ivanov V. V.** Soliarnye mify [Solar myths]. Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1988, vol. 2, pp. 461–462. (In Russ.)
- Ivanov S. V.** K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kulta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [To the question of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1955, vol. 16. Moscow, Leningrad: Publ., of the USSR Academy of Sciences, pp. 165–264. (In Russ.)
- Katanov N. F.** Skazaniya i legendy Minusinskiikh tatar [Tales and Legends of Minusinsk Tatars]. Sibirskii sbornik [Siberian collection], 1887 a, vol. 25, pp. 218–234. (In Russ.)
- Katanov N. F.** Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii [Report on the trip, which took place from May 15 to September 1. 1896 in the Minusinsk district of the Yenisei province]. Kazan': Tipo-Litografiya Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta Publ., 1897 b, 104 p. (In Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. S-Peterburg, 1907, vol. 9, 640 p. (In Russ.)
- Kymys khanattyg kok pora attyg Kyn Tonis [Kun Thonis riding a gray-grey horse]. Altyn Aryg. Alyptyg namakh [Altyn Aryg. The heroic legends]. Abakan, Khakas. book Publ., 1958, pp. 223–317 (In Khakas.)
- Potapov L. P.** Kon' v verovaniyakh i epose narodov Saiano-Altaya [The horse in the beliefs and epic of the peoples of the Sayano-Altai]. Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predaniyami i obryadami [Folklore and ethnography. Connections of folklore with ancient traditions and rituals]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, pp. 164–178 (In Russ.)
- Potapov L. P.** Altaiskii shamanism [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, 320 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2009, 332 p. (In Russ.)
- Subrakova O. V.** Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa [The language of the Khakass heroic epic]. Abakan: Khakas. book Publ., 2007, 164 p. (In Russ.)
- Sunchugashev Ya. I.** O dvuglavykh konyakh v khakasskom geroicheskom skazanii [About two-headed horses in the Khakass heroic legend]. Voprosy arkhologii Khakasii [Problems of archeology of Khakassia]. Abakan, 1980, pp. 115–120 (In Russ.)
- Toporov V. N.** Mitra [Miter]. Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1988, vol. 2, pp. 154–157. (In Russ.)
- Ungvitskaya M. A., Mainogasheva V. E.** Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakas folk poetry]. Abakan, 1972, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 312 p. (In Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p. (In Khakass, in Russ.)
- Khan-Kichigei [Khan-Kichigei]. Altyn Aryg. Alyptyg namakh [Altyn Aryg. The heroic legends]. Abakan, Khakas. book Publ., 1958, pp. 126–222 (In Khakas.)
- Khan Orba. Bogatyrskoe skazanie, zapisannoe ot S. I. Shulbaeva [Khan Orba. The heroic tale written from S. I. Shulbaev]. Abakan, 1989, Khakass Publ., 208 p. (In Khakas.)
- Chistobaeva N. S.** Geroicheskii epos khakasov: Tematika i poetika [The heroic epic of the Khakas: Theme and Poetics]. Abakan: Brigantina Book. Publ., 2015, 170 p. (In Russ., in Khakas.)

Burnakov Venariy Alekseevich, Ph.D. in history, senior researcher.

Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

17 Academician Lavrentiev ave., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

Л. С. Дампилова, В. В. Миндибекова

СОВМЕЩЕНИЕ ФУНКЦИЙ ШАМАНА И СКАЗИТЕЛЯ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СИБИРИ¹

В отечественной этнографии и фольклористике вопрос о совмещении функций шамана и сказителя в сравнительном аспекте на междисциплинарном уровне является одной из актуальных проблем. Цель работы состоит в выявлении функциональных связей шаманов и сказителей. В ходе исследования впервые путем сравнительного анализа функций шаманов и сказителей у близких по традиции народов Сибири определен единый архетип синкретического образа певца. Установлено, что картина мира в эпических текстах у народов Сибири строится согласно традиционной шаманской мифологической версии. Впервые на конкретных примерах проведено сравнение эпических и шаманских текстов, записанных как от рапсода, исполняющего функции шамана, так и шамана, исполняющего эпический текст. Выявлены общие функции шамана и сказителя как избранника небес, пророка и прорицателя, обладающего даром свыше, наитием. Определены универсальные мотивы божественного дара, действий по принуждению, наказуемости, обделенности. В итоге исследования сделан вывод, что функции шамана и рапсода в бурятской, якутской и тувинской традициях имеют типологическое сходство. Древние функции шамана и сказителя с развитием устной традиции разделились, но в последующих поколениях их могли одновременно выполнять в основном те, кто имеет шаманские корни. У бурят совмещение функций шамана и сказителя сохранялось, пока была жива сказительская традиция. В хакасской традиции функции шамана и сказителя со временем полностью разошлись, однако проведенное исследование выявляет рудименты древнего синкретизма.

Ключевые слова: эпос, обряд, текст, мифология, этнос, культурные универсалии, синкретизм.

Введение

Вопрос о совмещении функций шамана и сказителя является одной из актуальных проблем отечественной этнографии и фольклористики. В рамках междисциплинарных исследований по выявлению и изучению культурных универсалий вербальных традиций народов Сибири представляется возможным провести сравнительный анализ проблемы совмещения функций шамана и сказителя у близких по традиции народов Сибири. В данной статье выбраны бурятские, хакасские, тувинские и якутские традиции, отличающиеся общностью исторической судьбы, едиными природно-климатическими особенностями. Впервые на конкретных примерах сказителя как шамана и шамана как сказителя проводится сравнительный анализ бурятского эпического и обрядового текстов.

В фольклористике и этнографии вопрос о схожих функциях шамана и сказителя как самобытного певца-поэта, театра одного актера изучался на материале разных народов, но до сих пор по данной теме нет сравнительных исследований на конкретных материалах. С точки зрения историографии вопроса о шаманских истоках певческой и сказительской традиций в мировой этнографии и фольклористике издано множество трудов, поэтому в рамках статьи привлекаются необходимые данные для нашей концепции. В. М. Жирмунский проводил аналогии между верой в магическую силу песни и обряда, отмечал совмещение в древности профессий певца и колдуна-шамана (Жирмунский, 1974: 29). Для данного исследования ценным представляется мнение Б. Н. Путилова: «К сожалению, никто пока из специалистов не подверг тщательному сравнительному анализу шаманские нарративы и эпические сказания» (Путилов, 2003: 59). На использование богатырских сказок и эпоса в обрядовой практике указывала Е. С. Новик, при этом предупреждая, что «следует выявить те присущие обеим этим сферам структурные закономерности, которые обеспечивают и их стабильность, и их вариативность» (Новик, 1984: 15). В нашей работе поддерживается точка зрения Е. В. Ревуненковой, согласно которой

¹ Исследование выполнено в рамках лаборатории Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык».

«у народов, где шаманство – очень древнее явление, шамана можно считать предтечей сказителя и поэта, а шаманизм – источником различных эпических и поэтических жанров» (Ревуненкова, 1984: 36).

В аспекте настоящего исследования особое внимание уделяется совмещению функций шаманов и сказителей у выбранных для сравнительного анализа народов Сибири. Важное место в исследовании занимает сравнительный метод, который позволяет изучать фольклорно-этнографические связи и взаимодействия разных регионов и выявить специфику изучаемого явления. Зарубежные исследователи этнографии и фольклора монгольских народов отмечали функции шаманов и сказителей как предводителей племени и их ведущую роль в обществе. Так, например, венгерский ученый Д. Кара выделяет «интеллигенцию степей, состоящую, с одной стороны, из шаманов, а с другой – из бардов» (Кага, 1970: 49). Д. А. Функом проведен сравнительный анализ материалов о становлении (избранничестве), духах-покровителях и обучении шаманов и сказителей на телеутском и шорском материалах (Функ, 2005: 20). Он рассматривает функции шамана и рапсода по отдельности, у него нет исследований по совмещению их функций. А. М. Сагалаев рассматривает сходные и различные функции шамана и сказителя в алтайской традиции, также не ставит вопрос о совмещении их функций (Сагалаев, 1985). Вопрос о сказителе и шамане в бурятской фольклористике изучался как в аспекте единых мифологических истоков шаманской поэзии и героического эпоса бурят, так и со стороны биографии известных сказителей, выполнявших функции шамана (Дугаров, 2007).

Мифологическая модель мира в эпосе и шаманизме

По мнению исследователей данной темы, мифологические представления в обрядовых и эпических текстах восходят к единым архетипам, составляющим изначальные традиционные модели: «В архаическом эпосе эпический способ отражения явлений жизни смыкается и стыкуется с мифологическим» (Чудояков, 1995: 66). В бурятской традиции среди сказителей ценились те, кто знал древнюю мифологию, пантеон шаманских божеств, традиционные обряды и сопровождающие их тексты (Балдаев, 1961: 36). Единый мифологический фонд эпических текстов и шаманских призываний в бурятской традиции является основой построения модели мира, в которой исключается изменение функций пантеона божеств. А. М. Сагалаев, выявляя сходные черты в алтайских шаманских и сказительских текстах, отмечает, что «обе традиции выросли на общей мифологической почве» (Сагалаев, 1985: 53).

Также доказанным фактом является устойчивая единая мифологическая модель мира в эпосе и шаманских текстах саха-якутов и тувинцев. Исследуя систему мировоззрений саха, на основе анализа трудов предшественников К. Д. Уткин установил нераздельную связь мифологии в олонхо с их религиозными представлениями (Уткин, 2004). Сказителем может стать только тот, кто полностью владеет исконной традиционной картиной мира, на основе которой строится эпический нарратив. В любом случае, чтобы стать сказителем, он должен быть знатоком мифологии, восходящей к традиционной религии.

Схожесть мифологических образов и традиционных понятий в шаманских и эпических текстах является поводом для различных выводов. З. Б. Самдан предполагает, что этимология тувинского термина *тоолчу* (сказитель), возможно, восходит к образу прорицателя (Самдан, 2016: 32). В данном случае подтверждается универсальность образа мага-прорицателя в тюрко-монгольской мифологии, подчеркивается древняя магическая, заклинательная функция певцов эпических текстов и шаманских камланий, восходящая к единому началу. В монографии А. С. Поповой, изданной на якутском языке, проводятся параллели между мифологическими понятиями в шаманизме и олонхо (Попова, 2018: 36–52). Основываясь на теоретической концепции В. Я. Проппа, автор доказывает, что якутский эпос в целом посвящен жизни и борьбе

великих шаманов, представления и понятия в олонхо – это видение и познание шаманов. В якутском эпосоведении с разных позиций выявлена идентичность мифологических воззрений в эпосе и шаманском обряде, раскрыты схожие магические способности сказителя и шамана.

Итак, мифологические воззрения, исходящие из традиционных верований, интегрированы в эпос, обряды, легенды и предания. Модель мира в эпических текстах у народов Сибири строится согласно традиционной шаманской мифологической версии.

Функции избранника небес и прорицателя

Помимо общего мифологического фона в эпических и шаманских традициях народов Сибири устойчиво сохраняются универсальные мифологические рассказы о функции шамана и сказителя как избранника небес. Синкретизм устных жанров, по мнению многих, восходит к ранним формам художественного слова. Исходя из функции избранника, они как исполнители сакрального текста изначально идентичны в восприятии слова, как бы певец и шаман имеют дар божественного слова, боги их могут слышать.

Возможно, избранническая функция сказителя проявляется в следующем неординарном примере из хакасской традиции. Сказителя П. В. Курбижекова «в народе звали *ээлэг хайчы*, т. е. ‘сказитель, имеющий личного духа-хайа’» (Майногашева, 2020: 24). Преимуществом шамана всегда было наличие духа помощника, данного предками или небожителями и связующего с иным миром. Значит, великий сказитель, в совершенстве владеющий своим искусством, одаренный свыше духом *хайа*, как и шаман, традиционно пользующийся услугами духа-помощника, предельно близок по своим способностям с шаманом. Данный пример еще раз доказывает древний синкретизм рассматриваемых нами персонажей. Сказители и шаманы с божественным даром как носители сакрального слова и древних знаний параллельно выполняли функции и прорицателя.

Мотив божественного дара пророка, провидца тесно связан с универсальным мотивом действий не по собственной воле. Подобный мотив распространен в устных преданиях исследуемых нами народов. У тувинских сказителей, как и у шаманов, «бывают дни, когда вдруг с ними случается что-то неуправляемое, они впадают в некий экстаз, из груди поневоле льется сказка» (Самдан, д. 2210). В бурятской традиции существует множество легенд о даре, полученном с неба сказителями и шаманами. Зачастую в обрядовых текстах шаман говорит, что песнопение он произносит под диктовку высших сил. Мотив избранничества во многих традициях дополняется мотивом наказуемости за ошибки. Бурятские сказители верили, что Гэсэр не терпел плохих рассказчиков о себе и наказывал их (Абай Гэсэр, 2000: 290).

Сказители понимали всю важность и ответственность исполнения героического эпоса, в хакасской традиции считали, что у героического эпоса есть свой *ээзи* ‘дух-хозяин’: «*Ээзи* – Муза сказания за самовольство или забывчивость меня накажет. Я не имела права вносить что-то свое» (Казачинова, 2013: 10). Для сибирской эпической традиции характерно и значимо существование вторых версий текстов, записанных от одного сказителя с интервалом в несколько лет. Исследователи отмечают феноменальную память сказителя в повторении сказания почти без изменений. В шаманских песнопениях при обращении к богам зачастую звучит просьба шамана о прощении за неправильно произнесенные слова во время обряда, что также связано с мотивом наказуемости.

Проявление функций избранника небес и провидца во время камлания или сказания эпического текста, возможно, связано и с общим для традиции народов Сибири мотивом обделенности судьбой, сиротстве, слепоте или особой зоркости певцов и шаманов. Хакасский исполнитель героических сказаний П. В. Курбижеков в детстве, когда его лягнула лошадь, «пять суток <...> лежал без сознания <...>. Человек, перенесший такое состояние, иногда начинает видеть

тонкий мир» (Майногашева, 2020: 90). Близкими по сюжету являются якутские, тувинские и бурятские предания о людях, перенесших шаманскую болезнь и находившихся в бессознательном состоянии много дней. В шаманских легендах считается, что избранный верхними силами, находясь между мирами, испытывая мучительную боль, вновь перерождается в новом статусе. Испытание делает сказителя и шамана не только избранным, но и провидцем.

В традиции народов Сибири универсальными являются примеры о слепых сказителях или шаманах, ставших ясновидящими. Так, например, хакасский шаман Матрах Кичеев, ослепший еще в младенческом возрасте, во время камланий мог находить потерянное и предсказывать будущее (Кызласов, 1999: 46). Зачастую мотив всевидения соединяется с генетической предопределенностью человека, его родословной легендой. Как схожие функции шамана и сказителя выявлены универсальные мотивы избранничества свыше не по собственной воле, дара провидения, наказуемости, сиротства, болезни.

Генетическая преемственность

Идея об избранничестве тесно смыкается с идеей о генетической преемственности по родословной линии. Чаще всего сакральный текст может передаваться из поколения в поколение и шаману, и рапсоду. В шаманских преданиях и легендах народов Сибири избранниками духов, т. е. имеющими связь с духами предков, становились в основном наследники этого рода по мужской или женской линии. Считалось, что именно духи предков передавали свои сакральные знания потомкам, пробуждая в них способность проникать в иной мир: мир духов и эпических героев. «Один пласт являют собою знания и главным образом умения работы с иномирьем посвященных, к каковым прежде всего относятся сами шаманы, хотя часто и сказители-шаманы» (Функ, 2005: 34). В монографии З. Б. Самдан собран богатый материал, доказывающий преемственность исполнительской традиции у тувинцев по родословной линии, до недавнего времени сохранивших репертуар четырех-пяти поколений рапсодов и шаманов (Самдан, 2016).

В бурятской вербальной традиции сохранились как эпические тексты, записанные от шаманов, так и шаманские песнопения, исполненные известными сказителями. Уникальной особенностью являлось совмещение роли сказителя и шамана по родословной линии, так, наиболее известные бурятские рапсоды Пёхон Петров и Папа Тушемилов, имеющие шаманский дар от предков, одинаково профессионально исполняли шаманские и эпические тексты.

Они были знатоками народной традиции и основных жанров бурятского фольклора. Язык их шаманских песнопений отличался поэтическим разнообразием, богатством мифологических образов. И эти же мифологические персонажи были действующими лицами в эпических текстах, слагаемых ими. Сказители-шаманы, обладая богатым арсеналом традиционных символических образов и формульных клише, могли свободно импровизировать в рамках обрядового и эпического жанров. Папа Тушемилов, как и многие обладатели генетического дара, еще был потомственным костоправом, сегодня его дети и внуки являются известными народными врачами.

Сказитель-шаман и шаман-сказитель

В данном разделе на конкретных примерах проводится сравнительный анализ бурятских эпических и шаманских текстов, записанных как от рапсода, исполняющего функции шамана, так и шамана, исполняющего эпический текст. Ранее проводились исследования бурятских шаманских текстов, имеющих общие черты с эпическими сказаниями (Дампилова, 2012).

Записанное С. П. Балдаевым в 1929 г. шаманское «Призывание небожителей» (*Тэнгэриин дурдалга*) от сказителя П. Тушемилова отличается четкостью композиции. Вместо громоздких

повторяющихся вариаций, как принято в шаманских призываниях, в его тексте мифологическая картина иерархии небесных божеств выстраивается логически последовательно, с перечислением конкретных имен и функций божеств: *Баруулама тэнгэри, / Табин табан тэнгэри, / Уһан хаадай тэнгэри / Оёор Сагаан тэнгэри* (Балдаев, ф. 36) ‘Западные тэнгри, / Пятьдесят пять тэнгриев, / Водяных хатов тэнгри, / Оёр Саган тэнгри’ (пер. Л. С. Дампиловой).

И в эпическом тексте известный сказитель П. Тушемилов, следуя, скорее, шаманской традиции, разворачивает мифологическую картину мира более разносторонне, в контексте широкого пантеона божеств: *Хан-Хюрмас тэньерэ / Гурбан сайхан хүбүүтэй, / Гурбан хүхүй басгатай, / Гушан гурбан / Бөөлүүр сагаан тэньертэй, / Гурбан һалхин тэньертэй, / Гурбан эмээршэн тэньертэй, / Гурбан дүлүн тэньертэй* (Абай Гэсэр, 2000: 13–14) ‘У небожителя Хан-Хюрмаса / Три сына, три красавца... / У него три дочери хухуй, / И тридцать три / Белых шаманящих небожителя. / (Среди них): три небожителя ветра, / Три небожителя дуновения, / Три небожителя пламени’ (перевод С. Ш. Чагдунова). Анализируя эти два текста, можно констатировать, что развитый сказительский талант П. Тушемилова довлеет в его шаманских призываниях. В эпическом же повествовании функции шаманских божеств расписаны более широко, чем обычно принято. В данном случае талант сказителя дополняется даром шамана. Если в шаманском призывании его поэтическая речь лаконична и прагматически функциональна, то в эпосе с эстетической функцией стиль рассказа приобретает более красочный, описательный характер.

Т. К. Алексеевой в 1945 г. записано более двадцати развернутых текстов от шамана в девятом поколении с семью посвящениями Морхоноя Шобонова. Особенностью шаманских песнопений в некоторых региональных традициях является жесткая конструкция, строка завершается ритмически синхронизирующим повтором слова для магического усиления сакрального вещания. «Призывание хозяина черного коня» (*Хара мориной эзэнэй дурдалга*), записанное от шамана Шобонова, состоит из 52 строк, 95 % которых заканчивается словом *бэлэй* ‘был’: *Хулэнхэн дээрэ байхадаа бэлэйл, / Хусэтэй бахатишр гүүлээ бэлэй, / Хаалингууд дээрэ байхадаа бэлэйл, / Хаан ехэ бахатишр бэлэй, / Илээнэйнгээ уһан дээрэ байхадаа бэлэй, / Эсэгэ бахатишр гүүлээ бэлэйи* (Алексеева, № 753) ‘Когда на Кулункуне был, / Сильным богатырем был, / Когда на Халинге был, / Царственным богатырем был, / Когда на водах Лены был, / Отцом богатырем ты был’ (перевод Л. С. Дампиловой).

В данном случае значимо проследить традиции шаманских песнопений, перенесенных в эпический текст. В 1946 г. Т. К. Алексеевой записан вариант текста эпоса «Гэсэр» от этого шамана. В сказании, как и в его песнопениях, используется та же повторяющаяся конструкция окончаний строки: *Хан баабай Ширмас тэнгри билээ, / Зүүни 44 тэнгри билээ, / Ахалаха тэнгри Атай Улан тэнгри билээ, / Түүни дунда многодетный Сэгээн Сэбдэг тэнгри билээ* (Алексеева, № 1791, л. 1) ‘Хан отец, хан Ширмас тэнгри был, / Восточные 44 тэнгри были, / Верховный тэнгри Атай Улан был, / Между ними богатый Сэгэн Сэбдэг тэнгри был’ (перевод Л. С. Дампиловой). Повторяются не только строки, но и целые строфы, что характерно для шаманских призываний. Если в данном случае шаман выполняет функцию сказителя, то в его речи более четко проявляются навыки шаманских речитативов.

В бурятской традиции были такие шаманы, как Гаврила Пянькинов, который вплетал в шаманские призывания эпические формульные выражения и выстраивал текст по эпическим канонам. Необходимо констатировать, что каждый рассказчик имеет свои региональные традиции, свой арсенал мифологических представлений и свой стиль поэтического вещания. Тексты сказителя высокого уровня отличаются богатством и разнообразием художественных образов и мифологической интерпретации картины в эпосе и призывании.

В близких к бурятскому миру якутской и тувинской традициях совмещение функций шамана и рапсода наблюдалось с древнего периода. С. Д. Мухоплева из архивных фондов после-

довательно выявила семь случаев совмещения роли шамана и олонхосута, и шире – шамана и певца разных устных жанров. В якутской традиции отмечается существование великого певца, знатока и исполнителя девяти жанров устного народного творчества. «Олонхосуты и шаманы обычно знали и исполняли песни, алгысы, проклятия, скороговорки, легенды, мифы» (Мухоплева, 1996: 72). Думается, в каждой традиции были знатоки разных жанров фольклора. Так, образ якутского великого певца близок к образу бурятского феноменального знатока устного творчества П. Петрова. Можно утверждать, что эпическое творчество в устном исполнении в Якутии сохранялось до конца XX в., и в данной традиции явно наблюдается этап разъединения их функций.

В тувинской фольклорной традиции также выявляется, что совмещение функций шамана и сказителя сохранилось до современности. З. Б. Самдан изданы биографии людей, в исполнении которых записаны как эпические тексты, так и шаманские обряды. Бесценными являются собранные тувинским шаманом и писателем М. Б. Кенин-Лопсаном в течение многих лет тексты и аудиозаписи мифов и шаманских алгышей («Мифы тувинских шаманов», «Алгыши тувинских шаманов»), демонстрирующие профессионализм исполнения сказаний с музыкальным инструментом, пение народных песен и проведение шаманских повседневных обрядов одним и тем же лицом.

В хакасской традиции, по словам современного молодого сказителя (*хайджи*) Вячеслава Кученова: «По легенде самых истинных сказителей горные духи приводили к себе во дворец и говорили: “Выбирай, либо музыкальный инструмент, либо шаманский костюм”» (интервью «За это ты умрешь. Чем рискуют хакассские сказители» // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/248529344>). Как пишет А. М. Сагалаев, в алтайской традиции «шаман никогда не соглашался начать камлание, узнав, что в стойбище в данный момент поет *кайчи*» (Сагалаев, 1985: 54). Примечательно, что в хакасской и алтайской традиции более четко проявлен этап противопоставления и разделения первоначальных единых функций шамана и сказителя. Думается, что данные примеры также доказывают первичное единство их функций как избранных потусторонними силами: шаман боится камлать рядом со сказителем, ибо тот может помешать его переходу в измененное состояние сознания или, как во втором случае, не сам, а именно горные духи диктуют правила игры.

Не менее интересным примером тесной связи шаманских и эпических традиций является эпическая формула, встречающаяся в хакаских и шорских героических сказаниях: «Всегда будь великим шаманом!» (*Хачан-даа полза, улуг хам пол!*) (НПХ, 2016, с. 327–329). Вполне возможно, что устойчивые формулы, передающиеся из поколения в поколение без изменений, могут содержать информацию о сказителях, которые были великими шаманами.

Хотя в алтайской и хакасской традиции подчеркивается разделение функций шамана и сказителя, следующий пример является явным примером возможности совмещения этих функций. Хакасский поэт, прозаик и драматург М. Е. Кильчичаков писал: «Шаман мог стать или шаманом, или *хайчы*. Даже Кадышев Семен Прокопьевич, – великий *хайчы*, – признался однажды, что в молодости он был шаманом» (цит. по: Кызласов, 1999: 46). Итак, древняя единая функция великого певца, знатока основных жанров устного творчества не исключает особую связь шамана и сказителя как человека, избранного небесами для передачи сакрального слова.

Хотелось бы дополнить, что во всех традициях шаманский текст в основном имеет прагматический аспект, а основная функция эпического текста – это эстетическая. Полифункциональность коммуникативной деятельности шамана и сказителя проявляется в том случае, если включается ритуально-обрядовое событие. Например, если эпос поется во время охотничьих обрядов, что характерно для традиции исследуемых народов, то сказитель выполняет идентичную с шаманом прагматическую функцию.

Заключение

В ходе исследования определена магическая функция шаманского текста и эпоса. Выявлены общие функции шамана и сказителя как избранника небес, пророка и прорицателя, обладающего даром свыше, наитием. Установлены универсальные мотивы божественного дара, действий по принуждению, наказуемости, обделенности как шамана, так и рапсода. Исследуя совмещение функций шамана и сказителя, необходимо иметь в виду определенные этапы в развитии каждого этноса, когда наблюдалось тождество их функций. Установлен единый архетип синкретического образа певца в традиции исследуемых народов Сибири.

В итоге исследования приходим к выводу о том, что функции шамана и рапсода в традиции народов Сибири имеют типологическое сходство. Древние единые функции шамана и сказителя с развитием устной традиции разделились. Одновременно могли выполнять функции шамана и сказителя в основном те, кто имеет шаманские корни. Так, например, пока была жива сказительская традиция, у бурят сохранялось совмещение функций шамана и сказителя. В якутских и тувинских обрядовых и эпических текстах обнаружены более близкие параллели с бурятским миром. В алтайской и хакасской традициях функции шамана и сказителя со временем полностью разошлись, однако проведенное исследование выявляет рудименты прежнего синкретизма. В рамках одной статьи не было возможности расширить сравнительный фон с монгольскими и другими тюркскими народами, поэтому ограничились только обозначенными объектами исследования.

Литература:

- Абай Гэсэр. Сказитель П. М. Тушемилов, науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступит. статья и послесловие С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 256 с.
- Дампилова Л. С.** Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
- Дугаров Б. С.** Сказитель П. Петров и «Хангинское песнопение» // Монгол аман зохиол, зан уйлийн судалгаа. Улаанбаатар, «Соёмбо принтинг» ХХК, 2007. С. 40–49.
- Жирмунский В. М.** Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1974. 727 с.
- Казачинова Г. Г.** Воспоминания о сказительнице // Анна Васильевна Курбижекова: к 100-летию сказителя и тахпахчи / сост. А. А. Чистанова. Абакан: (б.и.), 2013. С. 8–10.
- Кызласов Л. Р.** Мой друг – дитя народа // Жизнь, отраженная в слове (к 80-летию М. Е. Кильчичакова). Абакан: Отдел издательской деятельности ХРРИПКиПРО «Роса», 1999. С. 40–53.
- Майногашева В. Е.** Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. 2-е доп. изд. Абакан: (Б/и), 2020. 144 с.
- Мухомлева С. Д.** К вопросу о соотношении функции шамана и сказителя. По якутским материалам // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М.: РАН, ИЭА РАН, 1996. С. 70–77.
- Путилов Б. Н.** Фольклор и народная культура: in memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
- Рерих Ю. Н.** Сказание о царе Кэсаре Лингском // Декоративное искусство. Диалог истории и культуры. 1995. № 1–2. С. 19–24.
- Сагалаев А. М.** Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев // Изв. СО АН. 1985. № 9. Сер. истор., филол. и филос. Вып. 2. С. 53–56.
- Самдан З. Б.** Миф в фольклорной традиции тувинцев (форма бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016. 180 с.
- Ревуененкова Е. В.** О некоторых истоках поэтического творчества Индонезии (шаман – певец – сказитель) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. тр. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1984. С. 65–70.
- Уткин К. Д.** Предфилософия олонхо: антитеза натурализма супранатурализму: сб. тр.: в 16 кн. Кн. 5. Якутск: Бичик, 2004. 278 с.
- Функ Д. А.** Миры шаманов и сказителей. М.: Наука, 2005. 398 с.

Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1995. 214 с.

Попова А. С. Олонхо өйдөбүллэрин бүдүмүк өй-санаа аан дойдуну анаарытын быһытынан көрөн ырытыы. Дьокуускай: ХИФУ издательской дьиэтэ, 2018. 121 с.

Kara G. Chants d'un barde mongol. (Bibliotheca orientalis hungarica. T. XII.) Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 351 p.

Источники:

Алексеева, № 753 – Алексеева Т. К. Материалы по шаманизму: записаны у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича, 70 лет, улус Онгой-Кутанка, 1945 г. Вторые варианты записаны у Болдырева Илакся там же // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. Алексеевой Т. К., шаманство, № 753.

Алексеева, № 1791 – Гаханова-Алексеева Д. Гэсэр (вариант): записан у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича, 70 лет, улус Онгой-Кутанка, август, 1946 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. Алексеевой Т. К., № 1791.

Балдаев, ф. 36 – Призывание небожителей (*Тэнгэриин дурдалга*). Со слов П. Тушемилова, 68 л., Улан-Удэ, июнь 1929 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, С. П. Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1111, с. 44.

Самдан, д. 2210 – Материалы Цэнгэльской экспедиции, 2007 // ФФ ТИГИ, т. 310, д. 2210.

Дампилова Людмила Санжибоевна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Миндибекова Валентина Виссарионовна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: mindibekova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 26 мая 2022 г.

L. S. Dampilova, V. V. Mindibekova

COMBINING FUNCTIONS OF SHAMAN AND STORYTELLER IN THE ORAL TRADITION OF PEOPLES OF SIBERIA

In Russian ethnography and folklore studies, the question of combining the functions of a shaman and a rhapsode in a comparative aspect at the interethnic level is one of the topical and poorly studied problems. The purpose of the work is to identify mythological, functional and genetic connections between shamans and rhapsodes. In the course of the study, for the first time in Russian science, through a comparative analysis for identifying the universal functions of shamans and storytellers in the tradition of peoples of Siberia, a unified archetype of the syncretic image of a bard was revealed. It has been established that the picture of the world in epic texts among the peoples of Siberia is built according to the traditional shamanic mythological version. For the first time, using specific examples, a comparison is made between epic and shamanic texts recorded both from a rhapsode performing the functions of a shaman and a shaman performing an epic text. The general functions of the shaman and the rhapsode as the heaven's chosen one, the prophet and the soothsayer, possessing a gift from above, an inspiration, are revealed. The universal motives of the divine gift, involuntary actions, punishability, deprivation are defined. As a result of the study, we come to the conclusion that the functions of the shaman and the rhapsode in the Buryat, Yakut and Tuvan traditions have typological similarities. The ancient functions of a shaman and a rhapsode separated with the development of the oral tradition, but in subsequent generations they could be simultaneously performed mainly by those who have shamanic roots. The Buryats retained the combination of the functions of a shaman and a rhapsode as long as the storytelling tradition was alive. In the Khakass traditions, the functions of the shaman and the rhapsode have completely diverged over time, but our research reveals the rudiments of ancient syncretism.

Keywords: *epos, rite, text, mythology, ethnos, cultural universals, syncretism.*

References:

- Abai Geser [King Gesar]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 2020. 256 pp. (In Russian)
- Dampilova L. S.** Shamanskii pesnopeniia buriat: simbolika i poetika [Shamanic Chants of the Buryats: Symbolism and Poetics]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Oriental Literature. 2012. 263 pp. (In Russian)
- Dugarov B. S.** Skazitel' P. Petrov i "Hanginskoe pesnopenie" [Narrator P. Petrov and Khangin song]. Mongol aman zohiol, zan ujlijn sudalgaa. Ulaanbaatar, 2007. P. 40–49. (In Russian)
- Zhirmunskii V. M.** Tiurkskii geroicheskii epos: Izbrannye trudy [Turkic Heroic Epic: Selected Works]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1974. 727 pp. (In Russian)
- Kazachinova G. G.** Vospominaniia o skazitel'nitse [Memoirs about a Rhapsode]. Anna Vasil'evna Kurbizhekova: k 100-letiiu skazitelia i takhpakhchi). Abakan: [without Publishing House], 2013. P. 8–10 (In Russian)
- Kyzlasov L. R.** Moj drug – ditja naroda [My friend is a child of the people]. Zhizn', otrazhennaia v slove (k 80-letiiu M. E. Kil'chichakova). Abakan: Publishing Department HRRIPKiPRO "Rosa", 1999. P. 40–53 (In Russian)
- Mainogasheva V. E.** Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh fol'klora [Khakass Storytellers and Singers. Essays about Some Folklore Masters]. 2nd revised ed. Abakan: [without Publishing House], 2020. 144 pp. (In Russian)
- Mukhopleva S. D.** K voprosu o sootnoshenii funktsii shamana i skazitelia. Po iakutskim materialam [On the Question of the Relationship between the Functions of the Shaman and the Rhapsode. Based on Yakut Materials]. Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov luzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii. Vol. 2. Moscow: RAS, IEA RAS, 1996. P. 70–77 (In Russian)
- Putilov B. N.** Fol'klor i narodnaia kul'tura: in memoriam [Folklore and Folk Culture: in memoriam]. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2003. 464 pp. (In Russian)
- Reikh Iu. N.** Skazanie o tsare Kesare Lingskom [The Legend of King Kasar of Ling]. Dekorativnoe iskusstvo. Dialog istorii i kul'tury. 1995. № 1–2. P. 19–24. (In Russian)
- Sagalaev A. M.** Skazitel' i shaman v traditsionnoi kul'ture altaitsev [Rhapsode and Shaman in the Traditional Culture of the Altaians]. Izvestiia Sibirskogo otdeleniia Akademii nauk. 1985. № 9. Series: History, Philology and Philosophy. Vol. 2. P. 53–56. (In Russian)
- Samdan Z. B.** Mif v fol'klornoi traditsii tuvintsev (forma bytovaniia, siuzhetnyi sostav, sistema personazhei) [Myth in the Folklore Tradition of Tuvans (Form of Existence, Plot Composition, System of Characters)]. Novosibirsk: Nauka. 2016. 180 pp. (In Russian)
- Revunenkov E. V.** O nekotorykh istokakh poeticheskogo tvorchestva Indonezii (shaman – pevets – skazitel') [On Some Sources of Poetic Oeuvre in Indonesia (Shaman – Bard – Rhapsode)]. Fol'klor i etnografiia: u etnograficheskikh istokov fol'klornykh siuzhetov i obrazov: Collection of Scientific Papers. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1984. P. 65–70. (In Russian)
- Utkin K. D.** Predfilosofija olonho: antiteza naturalizma supranaturalizmu [Olonkho's Pre-philosophy: the Antithesis of Naturalism to Supranaturalism]: sbornik trudov: v 16 kn. Kn. 5. Yakutsk: Bichik, 2004. 278 pp. (In Russian)
- Funk D. A.** Miry shamanov i skazitelei [The Worlds of Shamans and Rhapsodes]. Moscow. Nauka, 2005. 398 p. (In Russian)
- Chudoiaikov A. I.** Etiudy shorskogo eposa [Etudes of the Shor Epic]. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1995. 214 pp. (In Russian)
- Popova A. S.** Olonkho eidebyllerin bydymyk ei-sanaa aan doidunu anaaryytyn byhyytynan koren yryty [Analysis of Olonkho's representations from the perspective of mythological worldview (logical-epistemological analysis of the cosmogonic content of Olonkho)]. Yakutsk: KhIFU izdatel'skai d'iete, 2018. 121 pp. (In Yakut)
- Kara G.** (1970). Chants d'un barde mongol. Budapest: Akademiai Kiado. Bibliotheca Orientalis Hungarica. T. XII. (In English)

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna.

Doctor of philology, chief research fellow.

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8 Nikolaev st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Mindibekova Valentina Vissarionovna.

Candidate of philology, research fellow.

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8 Nikolaev st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: mindibekova@ngs.ru

А. С. Нилогов

ГЕНЕТИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ХАКАССКИХ РОДОВ

Рассматривается вопрос интерпретации персональных гаплотипов современных этнических хакасов применительно к их частным генеалогиям. В ходе ДНК-тестирования Y-хромосомы хакасов получены разномаркерные панели гаплотипов, которые были использованы для определения гаплогрупп, а главное – для сравнения с персональными устными и архивно-документальными родословными доноров с целью верификации родства. Новизна этого генетико-генеалогического (генетеалогического) исследования заключалась в соотнесении восьми частных хакасских фамилий (Угдыжеков из сеока суҕ харгазы, Шульбереков из сеока таяс, Сагатаев из сеока хара пилтір, Боргояков из сеока хобый, Сандараев из сеока сойыт, Тархановы из сеока шуш, Торосов из сеока пилтір, Майнагашевы из сеока том) с объективными генетическими маркерами Y-хромосомы, взятыми от десяти доноров. Два 37-маркерных STR-гаплотипа Тархановых, принадлежащие донорам из хакаского субэтноса кызыльцев (Шарыповский район Красноярского края), как и бельтирский 37-маркерный гаплотип Торосовых, публикуются впервые. Полностью атрибутировано (вплоть до ФИО) шесть хакасских гаплотипов.

Большинство ДНК-тестов проведено в американской коммерческой компании Family Tree DNA (Хьюстон, Техас, США) для гаплотипов разной длины – от 12 до 111 STR-маркеров. Для всех представленных хакасских гаплотипов необходимо сделать полногеномное секвенирование Y-хромосомы на выявление SNP-мутаций вплоть до определения семейных терминальных снипов. Поскольку родословные бельтиров являются самыми глубокими среди хакасских субэтносов, уходя в XVI в., постольку первоначально гаплотипировать и снипировать мужских потомков из бельтирских фамилий/сеоков. В перспективе это позволит применять новую методологию расширительно – например, для картирования/идентификации хакасских родов/сеоков в виде филогенетических деревьев (по образцу древа гаплогрупп Y-хромосомы человека YFull YTree). Имеющиеся анонимные популяционно-генетические данные, полученные учеными из лаборатории эволюционной генетики НИИ Медицинской генетики Томского НИМЦ, непригодны для проведения калибровки реконструированных документальных родословных, а потому весь потенциал новой верификационной методологии остается нераскрытым.

Ключевые слова: ДНК, генетическая генеалогия, гаплотип, хакасский ДНК-проект, генеалогия, субклад, ревизская сказка, хакасы, гаплогруппа, сеок.

Исследование хакасов посредством ДНК тестирования мужской популяции проводится на протяжении последних пятнадцати лет¹ (см.: (Штыгашева и др. 2010: 40–76; Волков и др. 2010: 403–405; Харьков и др. 2011: 446–458; Харьков 2012: 314–338; Харьков и др. 2017a: 59–60; Харьков и др. 2017b: 35–38; Новикова 2017; Волков 2018: 40–44; Харьков и др. 2020: 826–833); см. также: Нилогов 2019: 79–83, 2020b: 151–164, 2022a: 58–68). Однако несмотря на то, что ранее было опубликовано девяносто шесть 17-маркерных хакасских гаплотипов (Харьков и др. 2011: 452–453), тем не менее все они оказались анонимными, а значит, непригодными для изучения частных генеалогий. Так, еще в статье 2010 г., посвященной генетическому исследованию хакасских и телеутских сеоков, было сообщено, что всего в 8 популяционных выборках этнических хакасов из трех районов Республики Хакасия был протестирован 251² мужчина, после чего была установлена принадлежность к конкретным сеокам 222 человек – носителей 96 фамилий (Волков и др. 2010: 403). По словам авторов исследования, «современные методы, применяемые в молекулярно-генетических исследованиях, позволяют проверить, является ли сеок [буквально кость; обозначение рода у алтайцев, хакасов, шорцев. – Прим. А. Н.] кровнородственным объединением, имеющим одного родоначальника по мужской линии или

¹ При изучении нерекombинирующей части Y-хромосомы с целью определения состава и структуры гаплогрупп/субкладов (мужские линии филогенетического древа) используются две системы генетических маркеров: диаллельные локусы (SNP, см.: SNP Index) и полиаллельные высоковариабельные микросателлиты (YSTR) (см. также: Нилогов 2016: 18–25).

² Впоследствии количество ДНК-доноров возросло до 292 мужчин, не считая 108 доноров-шорцев (Харьков и др. 2017a: 59; Харьков и др. 2017b: 36; Харьков и др. 2020: 827).

осознание такой общности является лишь условностью, и сеок является общностью людей, проживающих на одной территории, но не связанных генетическим родством по отцовским генеалогическим линиям»³ (Волков и др. 2010: 403). Были представлены такие хакасские сеоки, как: «кичин (1 чел.), пилтір (17 чел./8 фамилий), пюрют (5/4), сагай (1), хахпына (8/4), сайын (6/5), сарыг (10/1), сойыт (1), сор (4/3), соххы (15/4), табан (5/3), таяс (1), таяш (1), том (1), том-сагай (1), туран (10/5), халар (1), хан (1), харга (37/12), хасха (9/5), хобый (41/9), хызых хая (8/7), хый (16/6), хыргыс (4/2), читі пююр (2/1), чыстар (3/3), ызыр (12/4)»⁴ (Волков и др. 2010: 403–404).

В данной статье мы рассмотрим и введем в научный оборот именно атрибутированные гаплотипы современных этнических хакасов, чтобы показать научно-методологический потенциал генетической генеалогии (генетеалогии)⁵ по научной верификации устных и документальных родословных реконструкций (см.: Тётушкин 2011a: 581–596, 2011b: 1451–1472; Нилогов 2020a: 57–65, 2021a: 161–212). Проблема анонимных популяционно-генетических данных состоит в том, что они ограничивают происхождение доноров ДНК уровнем этноса, субэтноса или максимум рода, тогда как открытая генетическая информация позволяет проводить комплексные персональные исследования с привлечением классических генеалогических источников.

Несколько разномаркерных Y-гаплотипов хакасов размещено в проекте «SiberiaTansbaikalia» с публичным доступом (SiberiaTansbaikalia). Они были получены в американской частной коммерческой лаборатории Family Tree DNA (Family Tree DNA) при участии российского генетического генеалога В. Г. Волкова (г. Томск) и казахского историка-медиевиста Ж. М. Сабитова (г. Нур-Султан/Астана). Хакасские гаплотипы объединены в подгруппу «Native Siberians and their descendants» и представлены двумя крупными гаплогруппами – N и R1a1a (см. также: Хакасы: География Y-хромосомы).

Первый 12-маркерный Y-гаплотип (kit number 279700)⁶ принадлежит кандидату исторических наук Станиславу Анатольевичу Угдыжекову (род. 24.04.1972) (варианты фамилии – Удечековы/Удежековы) из сеока суғ харғазы (харга), который в XIX в. входил в Ближнекаргинский улус⁷ Степной думы соединенных разнородных племен (также Сагайская степная дума) (Бутанаев 1994: 70, 2016: 208). Документально Угдыжековы зафиксированы в именном списке жителей Ближнекаргинского рода июля 1832 г. (Именной список жителей Ближнекаргинского рода 1832: 9об.–11, №№ 83–86). Здесь и далее будем приводить Y-гаплотипы (STR-гаплотипы) в общепринятом формате последовательности маркеров (Family Tree DNA).

³ См. также: Генофонд татар 2021.

⁴ Вместо заявленных 222 человек и 96 фамилий после нашего пересчета в выборке значится 221 человек и соответственно 95 фамилий.

⁵ Также: ДНК-генеалогия, YДНК-генеалогия, молекулярная история. В настоящее время складывается сеть различных научных направлений, где применяются методы молекулярной биологии для установления истины родства (тестирование неполовых хромосом – аутосом, митохондриальной ДНК, половых хромосом Y и X, древней ДНК).

⁶ Ошибочно записан как Ugydzhekov.

⁷ Ср.: В. Я. Бутанаев: «Самым многочисленным бирюсинским родом был Каргинский, подразделявшийся на «суғ харғазы» – речные каргинцы, или Дальнекаргинский (22 различные фамилии), и «тағ харғазы» – горные каргинцы, или Ближнекаргинский (73 различные фамилии). Этноним «харга», как гласят предания, произошел от имени родовой горы Хара тағ – Черная гора, расположенной по р. Мрассу в устье р. Азас. На этой горе предки каргинцев якобы спаслись от всемирного потопа. У бирюсинцев Хакасии этноним «харга» – букв. ворона – не отождествлялся с тотемным названием. <...>

При административном устройстве хакасских земель некоторые фамилии оказались в составе разных родов. <...> Угдыжековы, обитавшие в Шории, относились к Дальнекаргинскому роду, а в Хакасии они значились за Ближнекаргинским» (Бутанаев 1994: 16, 27, 28).

Таблица 1

12-маркерный Y-гаплотип С. А. Угдыжекова

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	23	14	10	13-13	11	12	10	13	14	29

На основании этого определенного гаплотипа были предсказаны гаплогруппа и субклад – N-M232. Поскольку в базе FTDNA отсутствует хронология образования гаплогрупп и субкладов, постольку воспользуемся таким международным ресурсом, как YFull YTree (YFull). Время возникновения гаплогруппы N – приблизительно 36 800 лет назад. Слип N-M232 филогенетически эквивалентен гаплогруппообразующему слипу N-M231 (рис. 1).

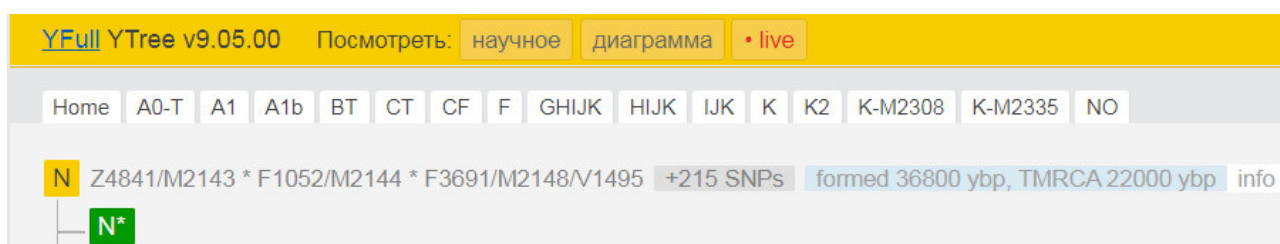

Рис. 1. Фрагмент филогенетического дерева для гаплогруппы N (YFull)

По данным томских генетиков, представители сеока харга относятся к субкладу N1a2b2a2-VL67 (Харьков и др. 2020: 830), который является нисходящим к субкладу N-P43 (рис. 2) и согласно базе YFull появился в диапазоне 5 500–3 800 (в среднем 4 600) лет назад (YFull). Таким образом, гаплотип С. А. Угдыжекова не противоречит имеющимся данным, опубликованным ранее. Для того чтобы предсказать нисходящий субклад донора, необходимо получить более расширенный гаплотип, а в перспективе сделать полноценный тест на SNP-мутации вплоть до определения семейных терминальных слипов.

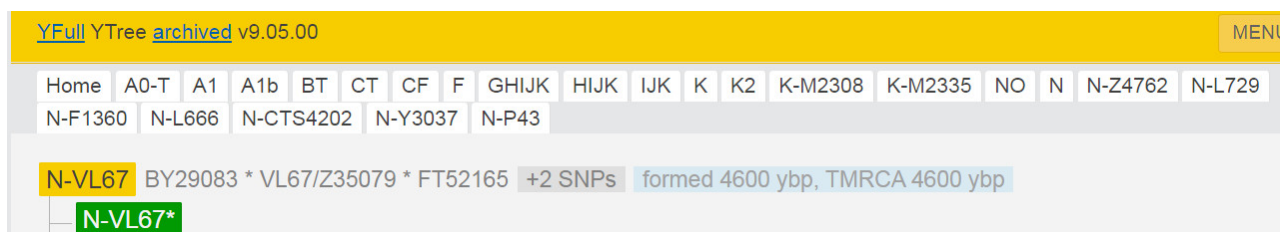

Рис. 2. Фрагмент филогенетического дерева для субклада N-VL67 (YFull)

Еще один 12-маркерный Y-гаплотип (kit number 279693) принадлежит хакасу по фамилии Шульбереков (варианты фамилии – Сульбереков, Шелбураков и др.) из сеока таяс, который в XIX в. входил в Изушерский улус Степной думы соединенных разнородных племен (Бутанаев 1994: 63⁸, 2016: 196). Документально Шелбураковы зафиксированы в ревизской сказке (переписи населения) 14(26).12.1850 г. (Ревизские сказки на кочевых инородцев <...> Изушерского улуса 1850: 15об.–16; Перепись населения Изушерского улуса 1850: 15об.–16; Ревизская сказка Изушерского и Ближнекаргинского улусов 1850–1851: 16об.–17).

Таблица 2

12-маркерный Y-гаплотип Шульберекова

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	23	14	10	13-13	11	12	10	13	14	29

⁸ Ошибочно отнесены к сеоку читі пүүр.

На основании этого определенного гаплотипа были предсказаны гаплогруппа и субклад – R1a1a-M512/PF6239. По данным YFull, субклад R-M512/PF6239, филогенетически эквивалентный субкладу R-M198 (рис. 3), образовался примерно 14 тысяч лет назад. Не исключено, что нисходящий субклад для представителей данного сеока будет R-Z93, как у Сагатаевых (см. ниже).

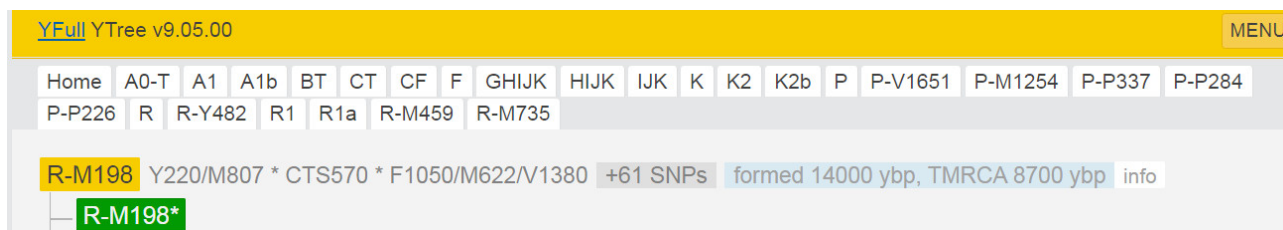

Рис. 3. Фрагмент филогенетического дерева для субклада R-M198 (YFull)

По данным томских генетиков, мужчины из сеока таяс относятся к сублинии R1a-Y43109 (Харьков и др. 2020: 829), филогенетически эквивалентной снупу R1a-Y41571 (рис. 4), которая, согласно базе YFull, появилась в диапазоне 4 300–3 300 (в среднем 3 800) лет назад (YFull).

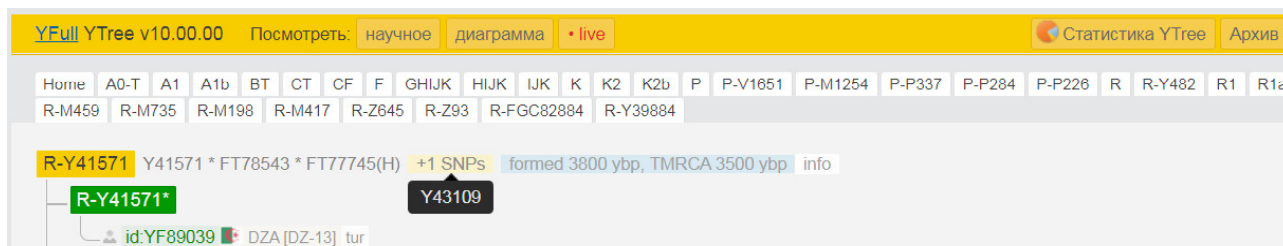

Рис. 4. Фрагмент филогенетического дерева для субклада R-Y41571 (YFull)

В проекте «SiberiaTansbaikalia» имеются два 67-маркерных хакасских Y-гаплотипа.

Первый гаплотип (kit number 189816) принадлежит хакасу по фамилии Сагатаев⁹ из сеока хара пилтір, который в XIX в. входил в Бельтирский улус Степной думы соединенных разнородных племен (Бутанаев 1994: 28, 59, 72, 2016: 192, 211).

Таблица 3

67-маркерный Y-гаплотип Сагатаева

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	24	16	11	11-15	12	12	10	13	11	31
DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460	
15	9-9	11	11	24	14	20	33	12-12-12-15	12	
Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438	DYS531	DYS578
11	19-23	16	16	18	18	35-39	13	11	11	8
DYF395S1	DYS590	DYS537	DYS641	DYS472	DYF406S1	DYS511	DYS425	DYS413	DYS557	DYS594
17-17	8	12	10	8	11	10	12	21-22	15	10
DYS436	DYS490	DYS534	DYS450	DYS444	DYS481	DYS520	DYS446	DYS617	DYS568	DYS487
12	12	15	8	14	24	20	12	12	11	12
DYS572	DYS640	DYS492	DYS565							
10	11	12	12							

⁹ Ср.: В. Я. Бутанаев: «Иногда из-за небрежности писарей возникали новые фамилии. Например, часть Чебодаевых были записаны Сагатаевыми <...>» (Бутанаев 1994: 28).

На основании этого определенного гаплотипа были предсказаны гаплогруппа и субклад – R1a1a1b2-Z93 (рис. 5), последний из которых, по оценке YFull, образовался примерно 5 тысяч лет назад (YFull).

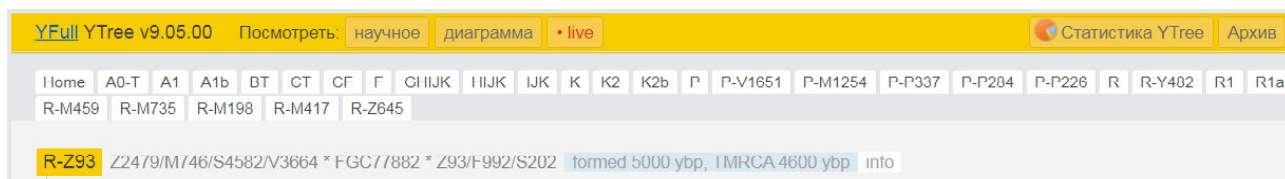

Рис. 5. Фрагмент филогенетического дерева для субклада R-Z93 (YFull)

По данным томских генетиков, мужчины из сеока пилтыр и чыстар в основном представлены образцами гаплогруппы R1a-Y62155 (Харьков и др. 2020: 828), однако информация о ней пока отсутствует в базе YFull (YFull; см. также: Haplogroup R Tree; International Society of Genetic Genealogy). По словам одного из соавторов изучения ДНК хакасов В.Г. Волкова, субклад R1a-Y62155 – это отдельная подветвь R1a-Y43850, к которой принадлежит много шорцев, а также казахи и тувинцы. Согласно YFull субклад R1a-Y43850 филогенетически эквивалентен субкладу R-Y39884 (рис. 6), который образовался приблизительно 3 800 лет назад и является нисходящим для R-Z93 (YFull).

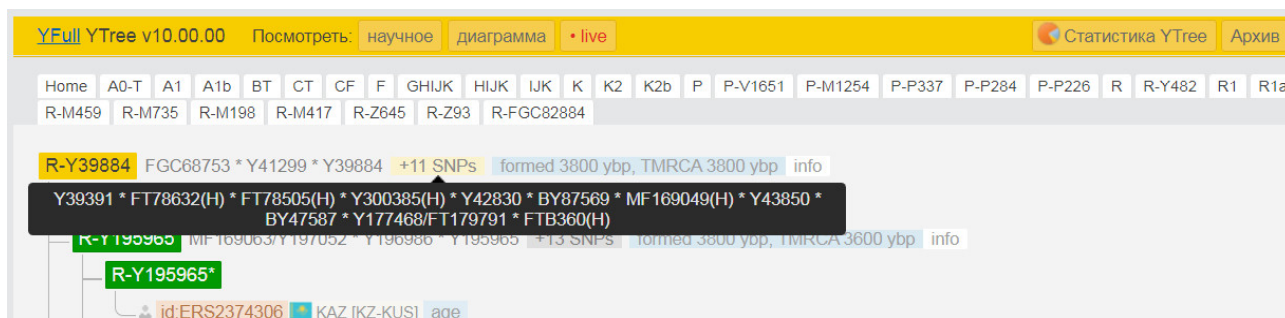

Рис. 6. Фрагмент филогенетического дерева для субклада R-Y39884 (YFull)

Фамилии Сагатаев и Чебодаев происходят от Чалбаяка Чагбандаева, который зафиксирован в именном списке Бельтырского рода июля 1832 г. под № 17 как Челбаяк Челбадаев (род. ок. 1749 г., ум. ок. 1823 г.) (Именной список населения Бельтырского рода 1832 (1-я часть): 50б.–6, № 17). В монографии доктора исторических наук, профессора В. Я. Бутанаева «Происхождение хакасских родов и фамилий» родоначальником фамилии назван Чагбандай Могашев, причем из-за изъятия верстки данный пращур ошибочно отнесен к фамилии Чебандаев¹⁰ из сеока сор Карачерского улуса (Бутанаев 1994: 72), тогда как в учебном пособии «Этнонимы Южной Сибири» дана правильная информация: «Фамилия происходит от Чагбанда Миягашева, сын которого Чалбаяк жил в 1749–1823 гг.» (Бутанаев 2016: 211). Интересно, что в пояснении к фамилии «Сагатаев» ее родоначальником назван Чагбандай Чалбаяков (Бутанаев 2016: 192), тогда как на самом деле речь идет о Чагбандае Миягашеве и его сыне Чалбаяке, от которого впоследствии отчество «Челбадаев/Чагбандаев» трансформировалось в фамилию «Чебодаев/Чебадаев». Уже в 1832 г. следующий за Челбаяком Челбадаевым под № 18, вероятно, его сын Саждай Челеобаяков Чебодаев (род. ок. 1790, ум. ок. 1823 г.) записан с самостоятельной

¹⁰ Вероятно, и в самой фамилии Чебандаев допущена ошибка, а правильное написание – Чебогашев (Бутанаев 2016: 210).

фамилией (вариант фамилии в форме «Челодаев» зафиксирован у сына Челбаяка под № 19 – Федора Челобаякова Челодаева (Именной список населения Бельтирского рода 1832 (1-я часть): 60б.–7, № 19).

Надо отметить, что бельтирские родословные среди хакасских субэтнотрофов являются самыми глубокими, уходящими в конец XVI в.¹¹ В этой связи представляется крайне перспективным гаплотипирование и снупирование мужских потомков из бельтирских фамилий/сеоков для верификации и взаимной калибровки генетических маркеров и генеалогической информации.

Второй 67-маркерный Y-гаплотип (kit number 203299) принадлежит хакасу по фамилии Боргояков (Поргайлар, Поргыйлар) из сеока хобый, который в XIX в. входил в Кивинский улус Степной думы соединенных разнородных племен (Бутанаев 1994: 40, 2016: 161–162).

Таблица 4

67-маркерный Y-гаплотип Боргоякова

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	23	15	11	12-12	11	12	12	14	14	30
DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460	
18	9-9	11	12	24	14	20	29	14-14-15-15	12	
Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438	DYS531	DYS578
10	18-20	14	14	17	19	35-35	12	10	11	8
DYF395S1	DYS590	DYS537	DYS641	DYS472	DYF406S1	DYS511	DYS425	DYS413	DYS557	DYS594
14-17	8	10	10	8	11	11	12	24-24	14	10
DYS436	DYS490	DYS534	DYS450	DYS444	DYS481	DYS520	DYS446	DYS617	DYS568	DYS487
12	12	17	8	13	20	22	16	12	11	10
DYS572	DYS640	DYS492	DYS565							
10	11	12	11							

На основании этого определенного гаплотипа были предсказаны гаплогруппа и субклад – N1a1a-M178, последний из которых, по расчетам YFull, образовался примерно 15,8 тысячи лет назад (рис. 7, 8). Представленный гаплотип Боргоякова заметно отличается по картине мутаций от всех других гаплотипов из базы FTDNA, однако сближается с базовым гаплотипом субклада N1a-B187, приведенным в YFull (YFull). На этом основании можно утверждать, что Боргояков относится к субкладу N-B187.

По информации томских генетиков, у мужчин из сеоков хый и хобый по частоте доминирует гаплогруппа N1a1a2-B499 (Харьков и др. 2020: 828–829), однако такая филогенетическая ветвь в базе YFull пока отсутствует (YFull). По-видимому, имеется в виду субклад N-B187, который в базе YFull представлен двумя образцами из Хакасии (id:GRC15491805, id:GRC15491806), а в исходной публикации международного коллектива авторов 2016 г. сразу пятью образцами (Ilumäe A.-M. et al. 2016: Supplemental Data); цепочка снупов для образца GRC15491805: N-B187 > N-B499 > N-B500 > N-B502>, для образца GRC15491806: N-B187 > N-B499 > N-B507 > N-B534>. Время жизни общего предка оценивается в 950 лет назад, а формирование субклада в среднем в 10,7 тысячи лет назад (рис. 9). Таким образом, этот род прошел «бутылочное горлышко выживания».

¹¹ Ср.: В.Я. Бутанаев: «В начале XVIII в. бельтиров возглавлял Миягаш Могалаков (по-хакасски Миянгас, сын Моолаха). У Миягаша были сыновья Чагбандай, Патачак и Ултурух, от имен которых пошли фамилии Чебодаевых, Патачаковых и Ултургашевых (в ревизских сказках Миягашевы или Могашевы)» (Бутанаев 1994: 26; см. также: Патачаков 1959: 127–134; Бутанаев 1993: 247).

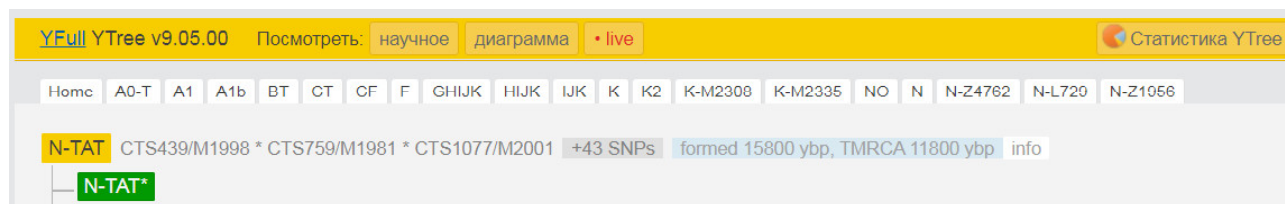

Рис. 7. Фрагмент филогенетического дерева для субклада N-TAT (YFull)

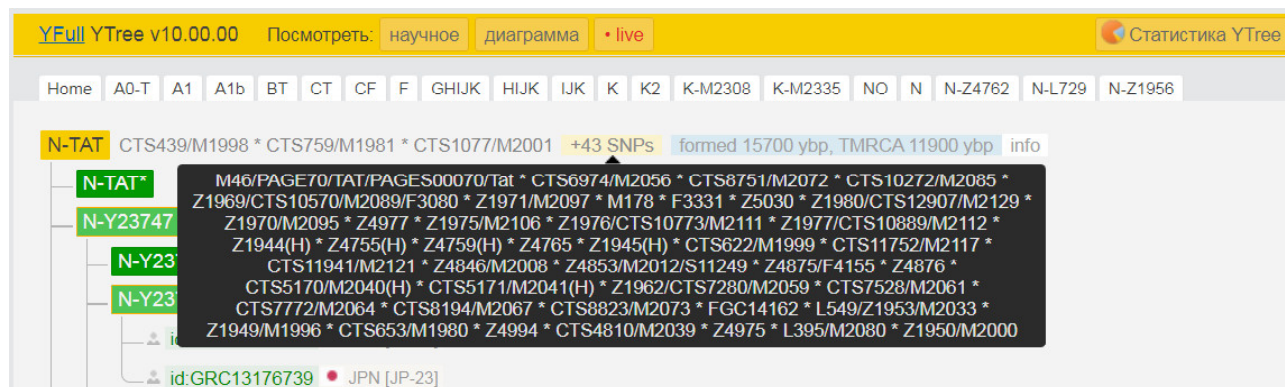

Рис. 8. Фрагмент филогенетического дерева для субклада N-TAT/M178 (YFull)

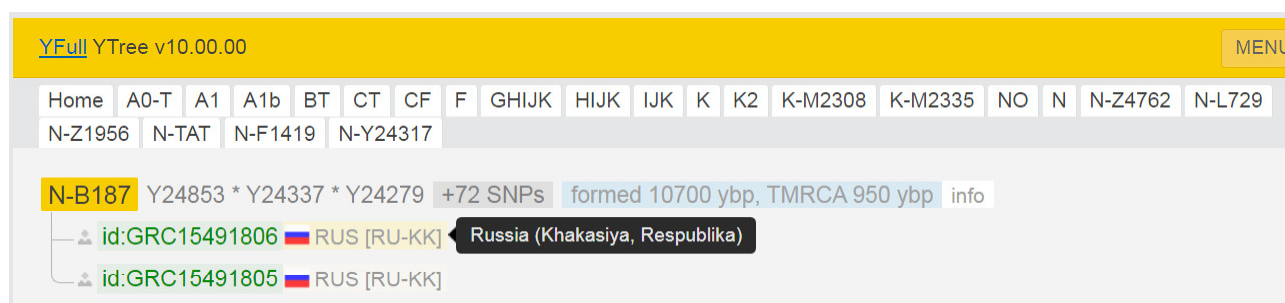

Рис. 9. Фрагмент филогенетического дерева для субклада N-B187 (YFull)

По родословному преданию, родоначальником Боргояковых является Боргай Портыпыджахов (Портыпычаков), сын Портыпыджаха (ср.: В. Я. Бутанаев, И. И. Бутанаева: «Третий сын Хола Кириса, Портагы, впоследствии поселился по реке Тёя. От него родился Портыпыджах. От Портыпыджаха родился Боргай. От него произошла фамилия Боргояковых. Сыном Боргая был Ачот. У Ачота родился Мыкыйта. Сыном Мыкыйты был Сакан. Сыном Сакана был Ипсей. От Ипсея родился я – Роман» (Бутанаев, Бутанаева, 2010: 157); информант – Боргояков Роман, 1903 г. рождения, аал Сакеев Аскизского аймака, записано в 1978 г. (234)). Причем, согласно первому преданию Хола Кирис, – это один из двух сыновей (наряду с Тимир Кирисом) Хобый-Адаса (156), а согласно другому преданию – Хобый Адаас имел девять сыновей, один из которых – Портыпыджах (157–159) (ср. также: В. Я. Бутанаев, И. И. Бутанаева: «Один из сыновей Хобый Адаса по имени Портыпыджах поселился на реке Тёя. От него родился Боргай, который стал основателем фамилии Боргояковых. Сыном Боргая был охотник Ачот. Жена Ачота родила ему семь детей. Одного из сыновей звали Арта. Сыном Арта был Салбан. От Салбана родился Отчук. От Отчука родился Кокей, мой отец» (159); информант – Боргояков Хамджы, записано в 1973 г. (234)).

В именном списке Кивинского рода июля 1832 г. удалось выявить двух указанных Боргояковых. Для первого предания – это Никита (хакасский вариант имени – Мыкыйта) Очетов Боргояков (род. ок. 1771 г., ум. ок. 1832 г.) (Именной список жителей Кивинского рода

1832: 16об.–17, № 106); также выявлен с отчеством Очетов Василий Очетов Боргояков (род. ок. 1757, ум. до 1832) (14об.–15, № 99), а для второго предания – Арта <Очетов> Боргояков (род. ок. 1771, ум. после 1832) (15об.–16, № 105). Следовательно, Ачот (Очет)¹² родился во 2-й трети XVIII в., а его отец – Боргай – в начале XVIII в. Интересно, что первым среди Боргояковых под № 90 записан Данило Укенов Боргояков, который родился ок. 1752 г., а умер ок. 1820 г. (13об.–14, № 90); получается, что его отец – Укен, родившийся в 1-й половине XVIII в. мог быть сыном Боргая наряду с Ачотом. Таким образом, легендарные предки Боргояковых – Портыпыджах, Портагы, Хола Кирис, Хобый Адам – жили в XVII в.¹³

Наконец, один Y-гаплотип (kit number 203300) состоит из 111 маркеров и принадлежит хакасу по фамилии Сандараев (вариант фамилии – Санзараев, Санзыраев) из сеока сойыт¹⁴, который в XIX в. входил в первую половину Сагайского рода Степной думы соединенных разнородных племен (Бутанаев 1994: 13, 60, 85, 2016: 193). Документально Санзараевы зафиксированы в ревизской сказке 14(26).12.1850 г. (Именные списки жителей 1-й половины Сагайского улуса 1850: 29об.–30, № 108; Ревизские сказки на кочевых инородцев <...> Сагайского 1-й половины улуса 1850: 30об.–31, № 111; Перепись населения 1-й половины Сагайского улуса 1850: 33об.–34, № 111).

Таблица 5

111-маркерный Y-гаплотип Сандараева

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
14	23	14	10	11-13	11	12	10	13	15	29
DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460	
19	10-10	11	12	25	14	19	28	15-15-15-15	11	
Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438	DYS531	DYS578
10	18-20	14	14	16	19	33-33	13	11	12	8
DYF395S1	DYS590	DYS537	DYS641	DYS472	DYF406S1	DYS511	DYS425	DYS413	DYS557	DYS594
15-17	8	11	10	8	11	10	12	21-22	14	10
DYS436	DYS490	DYS534	DYS450	DYS444	DYS481	DYS520	DYS446	DYS617	DYS568	DYS487
12	12	16	7	12	20	21	17	12	11	10
DYS572	DYS640	DYS492	DYS565	DYS710	DYS485	DYS632	DYS495	DYS540	DYS714	DYS716
11	11	12	11	37	15	8	15	12	25	27
DYS505	DYS556	DYS549	DYS589	DYS522	DYS494	DYS533	DYS636	DYS575	DYS638	DYS462
13	13	13	13	14	9	11	12	10	10	12
										32

¹² Ср.: М. И. Боргояков: «Таким образом, ясно, что многие хакаские фамилии произошли от собственных имен реальных лиц, проживавших в XVII–XVIII вв. Люди до сих пор сохранили в памяти имена людей, основателей некоторых современных хакаских фамилий. Известен, например, тот факт, что тейские Боргояковы в первой половине XIX века назывались Ачотовыми, по имени своего предка. Из сообщений пожилых людей нам известно, что отцом Ачота являлся Поргай (Боргай). Младшим сыном Ачота был Мыкыйто, его сыновьями были Сакаан, Сакый, Акый, Чюен, которые, по-видимому, писались еще Ачотовыми, а их потомки стали оформлять свою фамилию по имени отца Ачота – Поргайа и стали Боргояковыми. Л. П. Потапов в архиве нашел свидетельство о том, что Мыкыйта (т. е. Никита Отчотов действительно жил и умер около 1832 года» (Боргояков 1972: 239–240; см. также: Потапов 1957: 257).

¹³ В книге П. А. Боргоякова «Сакый – моя родина» приведены устные данные о происхождении рода в редакции хакаского филолога М. И. Боргоякова, который составил рабочее генеалогическое древо со слов своего отца И. П. Боргоякова (Боргояков 2021: 165, 188).

¹⁴ Ср.: В. Я. Бутанаев: «Сеок сойыт (Санзараевы) <...> отождествляется с сойотами, т. е. монголизированными тувинцами, вышедшими из-за Саян. В настоящее время среди бурят находится этнографическая группа сойот, обитающая в таежных верховьях р. Ока и р. Иркут по Восточным Саянам. Это бывшие оленеводы, являющиеся потомками населения Саянской земли XVII в.» (Бутанаев 1994: 13).

DYS445	Y-GATA-A10	DYS463	DYS441	Y-GGAAT-1B07	DYS525	DYS712	DYS593	DYS650	DYS532
12	11	21	18	11	9	23	15	19	12

DYS715	DYS504	DYS513	DYS561	DYS552	DYS726	DYS635	DYS587	DYS643	DYS497	DYS510	DYS434
22	16	13	15	26	13	22	18	11	13	16	8

DYS461	DYS435
12	11

На основании этого определенного гаплотипа были предсказаны гаплогруппа и субклад – N1a1a1a4-M2019 (рис. 10), последний из которых, по оценке YFull, образовался примерно 6,3 тысячи лет назад (YFull).

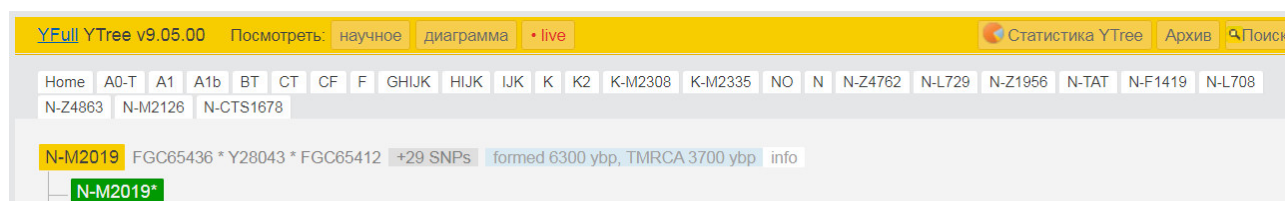

Рис. 10. Фрагмент филогенетического дерева для субклада N-M2019 (YFull)

Теперь перечислим те гаплотипы хакасов, которые были получены при нашем непосредственном участии в рамках «Хакасского ДНК-проекта» (лаборатория генеалогических исследований ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, Республика Хакасия, Россия). Речь пойдет о четырех 37-маркерных и одном 67-маркерном Y-гаплотипах.

Начнем с двух 37-маркерных гаплотипов, которые принадлежат донорам из такого хакаского субэтнуса, как кызыльцы (ныне проживают в Шарыповском районе Красноярского края). Надо заметить, что субэтническая группа кызыльцев не вошла в выборку томских генетиков, бравших ДНК-материал у хакасов на территории современной Республики Хакасия, а потому гаплотипы кызыльцев публикуются впервые.

Первый 37-маркерный гаплотип кызыльца (kit number SI10829, результат от 06.04.2021) принадлежит Василию Васильевичу Тарханову (род. 28.03.1948) из сеока шуш, который в XIX в. входил в Шуйский род Кызыльской степной думы (Бутанаев 1994: 65, 2016: 200). Документально Тархановы зафиксированы еще в седьмой переписи населения 1816 г., оригинал которой до наших дней не сохранился, но часть сведений была опубликована в 1899 г. в книге А. А. Ярилова «Кызыльцы и их хозяйство» (Ярилов 1899: 37–38); начиная с девятой ревизии 03(15).11.1850 г. имеются полные составы семей Тархановых (Ревизские сказки на кочующих инородцев <...> Шуйской управы 1850: 22об.–26, 39об.–40, №№ 58–64, 98).

Таблица 6

37-маркерный Y-гаплотип В. В. Тарханова

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	24	15	11	11-15	12	12	10	14	11	30

DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460
15	9-10	11	11	14	14	20	34	12-15-16-16	11

Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438
12	17-24	16	16	18	20	34-38	12	11

На основании этого определенного гаплотипа были предсказаны гаплогруппа и субклад – R1a1a-M198/PF6238 (рис. 11), последний из которых образовался примерно 14 тысяч лет назад (YFull). К сожалению, для представленного гаплотипа предсказать нисходящую цепочку SNP-

мутаций не представляется возможным, поэтому необходимо провести более детальное тестирование Y-хромосомы.

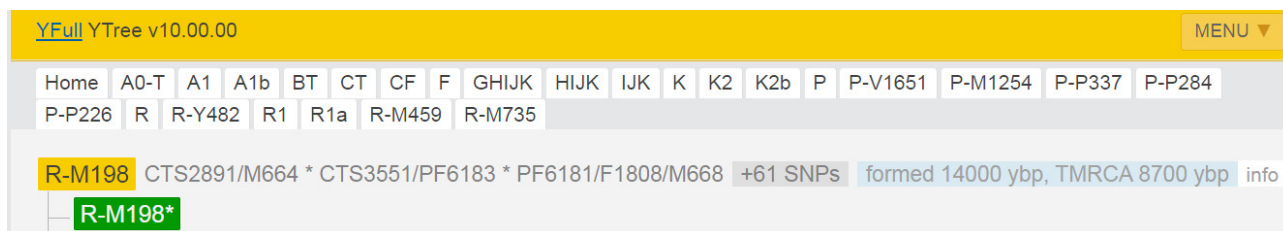

Рис. 11. Фрагмент филогенетического древа для субклада R-M198 (YFull)

Второй 37-маркерный гаплотип кызыльца (kit number SI11654, результат от 13.08.2021) принадлежит четвероюродному брату В. В. Тарханова – Николаю Прокопьевичу Тарханову (род. 17.12.1959). Общий предок двух доноров – оседлый инородец Шуйского рода Родион Петрович Тарханов, который родился около 1852 г. от первой жены Петра Степановича Тарханова (род. ок. 1827 г.) – Катерины Петровны (род. ок. 1820 г.) (Ревизские сказки на кочующих инородцев <...> Шуйской управы 1850: 39об.–40, № 98; Ревизские сказки на инородцев <...> Кызыльской степной думы 1858: 240об.–241, № 79). От Р. П. Тарханова идет следующая цепочка предков: Зиновий – Иван (родные), Василий – Аркадий (двоюродные), Василий – Прокопий (троюродные), Василий – Николай (четвероюродные).

Таблица 7

37-маркерный Y-гаплотип Н. П. Тарханова

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	24	15	11	11-16	12	12	10	14	11	30

DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460
15	9-10	11	11	14	14	20	34	12-15-16-16	11

Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438
12	17-24	16	16	18	20	34-38	12	11

Различие в 37-маркерных гаплотипах Тархановых имеется лишь в одном маркере DYS385b: у В. В. Тарханова – 15 повторов, а у Н. П. Тарханова – 16, то есть у первого донора квадруплет GAAA повторяется 15 раз, а у второго – 16. Не исключено, что кызыльцы Тархановы относятся к линии R-Z93, хотя прямых данных пока нет. Доноры являются близкими родственниками, унаследовавшими свою Y-хромосому от общего предка, который жил в диапазоне 0–300 лет назад. Согласно реконструированной документальной родословной они доводятся друг другу четвероюродными братьями: их общий предок – Родион Петрович Тарханов родился около 1852 г. По мнению профессора В. Л. Потапова, родовые названия кызыльцев «представляют собой, конечно, не что иное, как названия соответствующих волостей чулымских татар XVII и XVIII вв.» (Потапов 1957: 243).

Третий 37-маркерный гаплотип (kit number SI10823, результат от 02.07.2021) принадлежит Игорю Владиславовичу Торосову (род. 06.05.1967) из сеока пилтір, который в XIX в. входил в Бельтырский род Сагайской степной думы (Бутанаев 1994: 68, 2016: 204). И. В. Торосов – сын известного хакасского государственного и общественного деятеля Владислава Михайловича Торосова (03.03.1937 – 06.06.2018). Фамилия, вероятно, происходит от имени Торгочак (Торчугак), носитель которого жил в XVIII в., а его дом (род) зафиксирован в «Именном списке крещенных и бракосочетавшихся инородцев белтирского улуса Степной думы соединенных

разнородных племен», составленном 26 сентября (8 октября) 1854 г. (Списки кочевого национального населения 1854: 15, 51, № 289). Документально фамилия Торасов зафиксирована уже в девятой ревизии 03(15).11.1850 г. (Перепись населения Бельтырского улуса 1850: 84об.–85, № 305; Ревизские сказки на кочующих инородцев <...> Белтырского улуса 1850: 84об.–85, № 305; Ревизская сказка Бельтырского улуса 1850: 73об.–74, № 305), а затем встречается и в форме Торосов (Ревизские сказки на инородцев <...> Белтырского рода 1858: 96об.–97, № 265). Глава семейства – Томкаша Опоначов Торгучаков Торасов – умер около 1849 г., родился около 1811 г.; его сыновья – 13-летний Томоча и 9-летний Михаил. В восьмой ревизии июля 1832 г. Томкаша Опоначов Торгучаков записан один: форма «Опоначов» – это отчество, образованное от имени Афанасий, а слово «Торгучаков» – дедичество (Именной список населения Бельтырского рода 1832 (2-я часть): 20об.–21, № 330). Фамилия Торгучаков не встречается в списке хакасских фамилий, составленном В. Я. Бутанаевым (Бутанаев 1994: 68, 2016: 204), однако человек по имени Торгучак действительно существовал в XVIII в., так как по переписи 1832 г. перечислены его вероятные потомки: Быточак Торгучаков (ок. 1788 – ок. 1820) и брат его Так (род. ок. 1792), семья Апринака Торгучакова (род. ок. 1779) с сыном Тырченом (род. ок. 1806) и внуком Азанчой (род. ок. 1828) (Именной список населения Бельтырского рода 1832 (2-я часть): 20об.–21, № 329, 330, 331). Отец Томкаши – Опонач – был сыном Торгучака и родным братом для Быточака, Така и Апринака. Если самый старший из них – Апринак – родился около 1779 г., то, следовательно, его отец Торгучак мог родиться в середине XVIII в., а умереть до седьмой ревизии 1811 г. (см.: Нилогов, 2022).

В результате документальной реконструкции патрилинейной родословной Торосовых удалось установить следующую цепочку предков донора: Торгучак – Опонач – Томкаша – Михаил – Григорий – Михаил – Владислав.

Таблица 8

37-маркерный Y-гаплотип И. В. Торосова

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	24	15	11	11-14	12	12	10	13	11	30
DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460	
16	9-10	11	11	24	14	20	35	12-12-15-15	11	
Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438		
12	19-23	15	16	19	19	35-40	13	11		

На основании гаплотипа И. В. Торосова были предсказаны гаплогруппа и субклад – R1a1a-M198/PF6238, последний из которых образовался примерно 14 тысяч лет назад. Для определения нисходящей цепочки SNP-мутаций требуется более детальное тестирование Y-хромосомы. По данным томских генетиков, у бельтиров из сеоков пилтыр и чыстар был генотипирован субклад R1a-Y62155 (Харьков и др. 2020: 828), который пока отсутствует в базе YFull. Выше мы писали, что субклад R1a-Y62155 является подветвью R1a-Y43850. Согласно базе YFull R1a-Y43850 филогенетически эквивалентен R-Y39884 (рис. 12), который образовался приблизительно 3 800 лет назад и является нисходящим для R-Z93 (YFull).

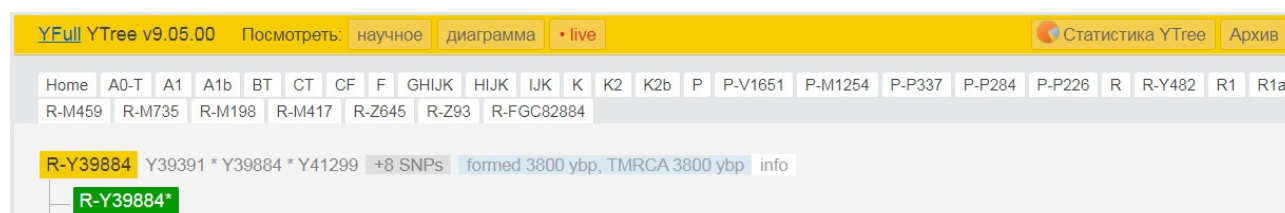

Рис. 12. Фрагмент филогенетического дерева для субклада R-Y39884 (YFull)

Гаплотипы Торосова (сеок пилтір) и Сагатаева (сеок хара пилтір) в 37-маркерном формате различаются на 13 мутаций, а следовательно, не являются близкородственными, так как их общий предок жил не позднее начала нашей эры (более 2 тысяч лет назад):

13 24 **15** 11 11-**14** 12 12 10 13 11 **30 16** 9-**10** 11 11 24 14 20 **35** 12-12-**15**-15 **11 12** 19-23 **15 16 19 19 35-40** 13 11 (Торосов);

13 24 **16** 11 11-**15** 12 12 10 13 11 **31 15** 9-9 11 11 24 14 20 **33** 12-12-**12**-15 **12 11** 19-23 **16 16 18 18 35-39** 13 11 (Сагатаев).

Наконец, еще два Y-гаплотипа на 37 и 67 маркеров принадлежат представителям рода Майнагашевых (Мойнахтар), которые в качестве персональных хакасских гаплотипов впервые были опубликованы в нашей работе в соавторстве с Е. В. Пайором (Нилогов, Пайор, 2020: 8–17). В ходе исследования было проверено устное родословное предание с явной генетической гипотезой о том, что родоначальником Майнагашевых, относившихся к сеоку том (томнар) Казановского административного рода Сайгайской степной думы, мог быть русский (абазы орыс олгы). Однако было установлено, что доноры восходят к ДНК-линии, свойственной популяции современных этнических хакасов. Y-хромосомная линия Майнагашевых прослеживается на Алтае со времен пазырыкской культуры.

В качестве доноров выступили четвероюродные братья: ведущий инженер НИОХ СО РАН Илья Яковлевич Майнагашев (род. 13.04.1960) и хакасский литератор Сергей Александрович Майнагашев (род. 28.08.1963). Различие в 37-маркерных Y-гаплотипах Майнагашевых имеется лишь в одном маркере DYS458: у И. Я. Майнагашева – 17 повторов, а у С. А. Майнагашева – 16, то есть у первого донора квадруплет GAAA повторяется 17 раз, а у второго – 16.

Таблица 9

67-маркерный Y-гаплотип И. Я. Майнагашева

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	23	14	11	12-13	11	12	10	13	14	29
DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460	
17	9-9	11	12	27	14	19	25	13-13-16-16	11	
Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438	DYS531	DYS578
11	18-19	15	14	15	17	39-39	12	10	11	8
DYF395S1	DYS590	DYS537	DYS641	DYS472	DYF406S1	DYS511	DYS425	DYS413	DYS557	DYS594
15-16	8	11	10	8	10	11	12	20-23	13	10
DYS436	DYS490	DYS534	DYS450	DYS444	DYS481	DYS520	DYS446	DYS617	DYS568	DYS487
12	12	17	7	13	21	22	14	12	11	10
DYS572	DYS640	DYS492	DYS565							
10	11	12	11							

Таблица 10

37-маркерный Y-гаплотип С. А. Майнагашева

DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385	DYS426	DYS388	DYS439	DYS389i	DYS392	DYS389ii
13	23	14	11	12-13	11	12	10	13	14	29
DYS458	DYS459	DYS455	DYS454	DYS447	DYS437	DYS448	DYS449	DYS464	DYS460	
16	9-9	11	12	27	14	19	25	13-13-16-16	11	
Y-GATA-H4	YCAII	DYS456	DYS607	DYS576	DYS570	CDY	DYS442	DYS438		
11	18-19	15	14	15	17	39-39	12	10		

Оба гаплотипа относятся к гаплогруппе N субклада P43. Доноры являются близкими родственниками, унаследовавшими свою Y-хромосому от общего предка, который жил в диапазоне 0–300 лет назад. Согласно архивно-документальным источникам, И. Я. Майнагашев и С. А. Майнагашев доводятся друг другу четвероюродными братьями: их общий предок – Кодур/Ходр (Мкита-Никита, Никита Кузьмич) родился после 1832 г., а его отец – Чончик (Тонжым) Ондурович жил в первой половине XIX в. (ок. 1800 – после 1858) (Именной список жителей Казановского рода 1832: 1об.–2, №2; Ревизская сказка Казановского улуса 1850: 2об.–3, №3; Перепись населения Казановского улуса 1850: 1об.–2, №3; Ревизские сказки на кочующих инородцев Казановского улуса 1850: 1об.–2, №3; Ревизские сказки 1858: 128об.–129, №3; см. также: Нилогов 2021b: 148–158).

Надо отметить, что к гаплогруппе N1a2b-P43 относятся 111 или 44 % от общего числа протестированных хакасов (Харьков и др. 2011: 446–458). Согласно исследованию (Волков и др. 2010: 403–405) единственный донор из сеока том относится к гаплогруппе N-P43 так же, как и Майнагашевы. Впоследствии данные были конкретизированы: так, для хакасов гаплогруппы N-P43 характерным оказался субклад VL67 (Харьков и др. 2020: 826–833).

Субклад N-P43>VL67, по расчетам YFull, образовался 5 500–3 800 (в среднем 4 600) лет назад (рис. 13), при этом он имеет чрезвычайно пестрый этнический состав и обширный ареал – от Таймыра до Турции (YFull).

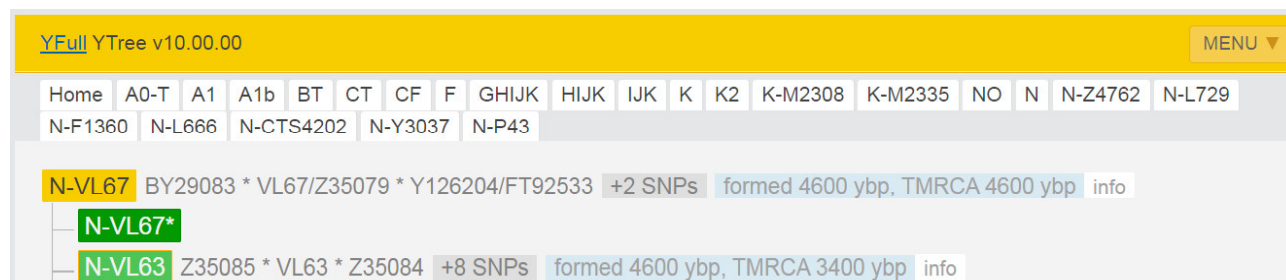

Рис. 13. Фрагмент филогенетического дерева для субклада N-VL67 (YFull)

Можно сделать вывод, что в историческое время носители субклада N-P43 жили в регионе, где проходили основные миграционные пути Евразии. Начиная с эпохи поздней бронзы таким регионом были Алтай и Южная Сибирь, что подтверждают находки ископаемой ДНК из N-P43 в одном из скифских захоронений пазырыкской культуры (могильник АК-АЛАХА-1, Горный Алтай) (Пилипенко и др. 2015: 144–150). Эту находку следует отнести к субкладу VL67 (Пайор 2019: 99–102), широко распространенному у хакасов (44 %). С другой стороны, небольшая статистика и гаплотипы недостаточной детализации затрудняют определение однородности хакасской популяции субклада N-VL67 и, в частности, сеока том. Поэтому для выявления нисходящей цепочки SNP-мутаций требуется более детальное тестирование Y-хромосомы, которое будет предпринято в ближайшее время.

Не исключено, что среди хакасского населения имеются и другие персональные Y-гаплотипы, сделанные для личных нужд в коммерческих генетических лабораториях. Официальная публикация этих научных данных существенно бы обогатила генетико-генеалогическое знание, пролив объективный свет на этногенез конкретных хакасских родов и семей.

Рассмотренные персональные Y-гаплотипы хакасов обобщены в таблице ниже.

Таблица 11

Сводная таблица десяти атрибутированных Y-гаплогрупп хакасов

П/п	Донор Y-хромосомы	Патрилиней- ный род (сеок)	Административный род/ Степная дума	N-маркерный Y-гаплотип	Y-гаплогруппа/ субклад	Докумен- тальное упоминание
1	Угдыжеков С. А.	суғ харғазы	Ближнекаргинский/ Сагайская	12	N-M232	1832
2	Шульбереков	таяс	Изушерский/Сагайская	12	R1a1a-M512/PF6239	1850
3	Сагатаев	хара пилтір	Бельтирский/Сагайская	67	R1a1a1b2-Z93	1832
4	Боргояков	хобый	Кивинский/Сагайская	67	N1a1a-M178	1832
5	Сандараев	сойыт	Сагайский 1-пол./Сагайская	111	N1a1a1a4-M2019	1850
6	Тарханов В. В.	шуш	Шуйский/Кызыльская	37	R1a1a-M198/PF6238	1816
7	Тарханов Н. П.	шуш	Шуйский/Кызыльская	37	R1a1a-M198/PF6238	1816
8	Торосов И. В.	пилтір	Бельтирский/Сагайская	37	R1a1a-M198/PF6238	1832
9	Майнагашев И. Я.	томнар	Казановский/Сагайская	67	N1a2b-P43	1832
10	Майнагашев С. А.	томнар	Казановский/Сагайская	37	N1a2b-P43	1832

Таким образом, в данной работе было показано, как современные исследования в области генеалогии сопряжены с верификацией данных устных семейных преданий и архивно-документальных родословных. Одним из вспомогательных инструментов в этом случае выступает изучение Y-ДНК представителей тех или иных родов. В результате обобщения доступной информации по Y-хромосоме представителей восьми хакасских фамилий был рассмотрен вопрос интерпретации генетических маркеров применительно к их частным генеалогиям, в том числе на уровне устных и письменных источников. В перспективе такие комплексные генетеалогические реконструкции должны стать эталонными для установления истины родства между субэтнотами, родами (сеоками) и семьями. В этой связи считаем актуальным проведение полногеномного секвенирования Y-хромосомы для представителей хакасских сеоков с целью выяснения их внутриродовых и внутрисемейных связей, а также взаимную калибровку филогенетических и генеалогических линий по атрибуции ближайших общих предков (пробандов). Результаты первых полногеномных сиквенсов Y-хромосомы двух хакасов будут введены в научный оборот в текущем году (см.: Нилогов 2022b; Нилогов 2022d: 25).

Автор выражает благодарность следующим донорам и спонсорам «Хакасского ДНК-проекта» за возможность использовать их гаплогруппы в научной работе: кандидату исторических наук Станиславу Анатольевичу Угдыжекову (г. Абакан), председателю историко-родословного общества Шарыповского района Красноярского края, учителю Оракской ООШ № 15 – Елене Васильевне Буркиной (с. Ораки), Василию Васильевичу Тарханову (с. Ораки), Николаю Прокопьевичу Тарханову (г. Шарыпово), Игорю Владиславовичу Торосову (г. Абакан), ведущему инженеру НИОХ СО РАН Илье Яковлевичу Майнагашеву (г. Новосибирск), хакасскому литератору Сергею Александровичу Майнагашеву (г. Абакан).

Особую признательность выражаю члену научного совета Академии ДНК-генеалогии Евгению Викторовичу Пайору (г. Ярославль) и руководителю проекта «ДНК-история России», кандидату физико-математических наук Александру Сергеевичу Семёнову (г. Москва) за профессиональное консультирование при подготовке статьи.

Источники:

Family Tree DNA. URL: <https://www.familytreedna.com/my/bigy-blocktree> (дата обращения 01.02.2022).
Haplogroup R Tree. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1JvXoBCBBk42DIF7BYPaLSQ1jojN3etgDR8pByaTRnq4/edit#gid=1078904281> (дата обращения 01.02.2022).
International Society of Genetic Genealogy (ISOGG). URL: <https://isogg.org/tree/>, https://isogg.org/tree/ISOGG_YDNA_TreeTrunk.html (дата обращения 01.02.2022).
SiberiaTansbaikalia: The First Dual DNA Project of Siberia and Transbaikalia (Russia). URL: <https://www.familytreedna.com/public/SiberiaTransbaikalia?iframe=yresults> (дата обращения 01.02.2022).

SNP Index. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1UY26FvLE3UmEmYFiXgOy0uezJi_wOut-V5TD0a_6-bE/edit#gid=1934392066 (дата обращения 01.02.2022).

YFull YTree v.9.05.00 от 21.10.2021, v.10.00.01 от 11.01.2022. URL: <https://www.yfull.com/tree/> (дата обращения 01.02.2022).

Именной список жителей 1-й половины Сагайского рода, 10(22).07.1832 г., 28 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 143.

Именной список жителей Ближнекаргинского рода, июль 1832 г., 38 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 145.

Именной список жителей Казановского рода, июль 1832, 148 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 148.

Именной список жителей Кивинского рода, 1832, 24 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 149.

Именной список населения Бельтырского рода, июль 1832 г., 25 л. (2-я часть) // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 146.

Именной список населения Бельтырского рода, июль 1832 г., 60 л. (1-я часть) // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 147.

Именные списки жителей 1-й половины Сагайского улуса, 14(26).12.1850 г., 54 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 414.

Перепись населения 1-й половины Сагайского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 14(26).12.1850 г., 52 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 171.

Перепись населения Бельтырского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 15(27).12.1850 г., 91 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 164.

Перепись населения Изушерского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 14(26).12.1850 г., 20 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 163.

Перепись населения Казановского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 14(26).12.1850 г., 18 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Д. 167.

Ревизская сказка Бельтырского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 15(27).12.1850, 78 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 416.

Ревизская сказка Изушерского и Ближнекаргинского улусов, 14(26).12.1850 г., 20.12.1850(01.01.1851) г., 66 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 411.

Ревизская сказка Казановского улуса, 14(26).12.1850, 16 л. // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 413.

Ревизские сказки на инородцев Ачинского округа ведомства Кызыльской степной думы, 21.07(02.08).1858 г., 333 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 646. URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3523934&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы, 15(27).07.1858 г., 242 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 657. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523990&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы, 1858 г., 242 л. // ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 657. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523990&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы Бельтырского рода, 05(17).07.1858 г., 102 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 645. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523932&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на кочевых инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы соединенных разнородных племен Сагайского 1-й половины улуса, 14(26).12.1850 г., 54 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 457. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3503826&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на кочевых инородцев Минусинского округа Степной думы соединенных разнородных племен Изушерского улуса, 14(26).12.1850 г., 20 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 440. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523616&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на кочующих инородцев Ачинского округа ведения Кызыльской степной думы Шуйской управы, 03(15).11.1850 г., 42 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 452. URL: <http://>

catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3503730&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на кочующих инородцев Казановского улуса Степной думы соединенных разнородных племен, 14(26).12.1850 г., 19 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 441. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3503314&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Ревизские сказки на кочующих инородцев Минусинского округа Сагайской степной думы соединенных разнородных племен Белтирского улуса, 15(27).12.1850 г., 91 л. // Государственный архив Красноярского края. Ф. 160. Оп. 3. Д. 454. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3503734&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (дата обращения 01.02.2022). Доступ после регистрации.

Списки кочевого национального населения, принявших крещение и бракосочетавшихся, 1854 г., 304 л. // Архив г. Минусинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 73.

Хакасы: География Y-хромосомы / Форум молекулярной генеалогии. URL: <https://forum.molgen.org/index.php?topic=2105.0> (дата обращения 01.02.2022).

Литература:

Ilumäe A.-M. et al. Human Y Chromosome Haplogroup N: A Non-trivial Time-Resolved Phylogeography that Cuts across Language Families // The American Journal of Human Genetics. 2016. V. 99. P. 163–173. URL: https://www.academia.edu/32075863/ARTICLE_Human_Y_Chromosome_Haplogroup_N_A_Non_trivial_Time_Resolved_Phylogeography_that_Cuts_across_Language_Families, <https://www.cell.com/cms/10.1016/j.ajhg.2016.05.025/attachment/a3b91fe9-e6b7-41ba-abbc-01f6b7f3e299/mmc1> (дата обращения 01.02.2022).

Боргояков М. И. О происхождении и распространении хакасских фамилий // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVII. Абакан, 1972. С. 235–241. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/bx0000062.pdf> (дата обращения 01.02.2022).

Боргояков П. Я. Тирец кичигде. Сакый – моя деревня. Абакан, 2021. 192 с.

Бутанаев В. Я. Историческая ономастика Южной Сибири: учебно-методический комплекс по дисциплине: курс лекций / В. Я. Бутанаев, К. М. Торбостаев. Абакан, 2016. 220 с.

Бутанаев В. Я. Происхождение и расселение хакасских сеоков / Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии; отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Новосибирск, 1993. С. 235–263. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/staty/ax0000045.pdf> (дата обращения 01.02.2022).

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 92 с. URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000127.pdf> (дата обращения 01.02.2022).

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания / Отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Абакан, 2010. 240 с.

Волков В. Г. Общие генетические линии тюркских народов // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 12 октября 2017 г.). Абакан, 2018. С. 40–44.

Волков В. Г., Харьков В. Н., Штыгашева О. В., Степанов В. А. Генетическое исследование хакасских и телеутских сеоков. Сравнительная характеристика по данным маркеров Y-хромосомы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск, 2010. С. 403–405. URL: <http://trog.narod.ru/articles/sook.htm>, <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000397210> (дата обращения 01.02.2022).

Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы / М. М. Акчурин и [др.]. Казань, 2021. 112 с. URL: <http://xn--80aimgp.xn--80aagie6cnnb.xn--p1ai/uploads/libraries/original/60e56f340d1760812a2d37b873e802db24f8d0e4.pdf?1640952546> (дата обращения 01.02.2022).

Нилогов А. С. Ближайший общий предок русских и хакасов по данным ДНК-генеалогии // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Абакан, 2019. С. 79–83. URL: http://haknii.ru/files/Materiali%206%20Mezhdunarodnoy%20konferencii_compressed.pdf (дата обращения 01.02.2022).

Нилогов А. С. Ближайший общий предок русских, тувинцев и хакасов по данным генетической генеалогии // Вековой путь развития Тувы: исторический, политический, экономический, социокультурный и экологический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Тувинской Народной Республики (г. Кызыл, 9 декабря 2021 г.). Кызыл, 2022. С. 58–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48572151> (дата обращения 15.06.2022).

Нилогов А. С. Впервые полностью секвенирован геном хакаса / Пульс Хакасии. 15.06.2022. URL: <https://pulse19.ru/143644-vpervye-polnostju-sekvenirovan-genom-hakasa/> (дата обращения 15.06.2022).

- Нилогов А. С.** Генетико-генеалогическое (генетическое) исследование рода Нилоговых (на материале ДНК аутосом и Y-хромосомы) // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Вып. № 3. Минусинск, 2021. С. 161–212. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47456561> (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С.** Документальная реконструкция патрилинейной родословной В. М. Торосова // Genesis: исторические исследования. 2022. № 1. С. 80–88. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_34938.html (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С.** Документальная реконструкция родословной С. Д. Майнагашева (к 135-летию со дня рождения) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 4. С. 148–158. URL: https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/nilogov_a._s._148_158_4_34_2021.pdf (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С.** Массовые генеалогические источники по кочевым инородцам Минусинского уезда XIX века в фондах Национального архива Республики Хакасия и архива города Минусинска // Научно-исторический электронный журнал архивных учреждений СФО «Сибирский архив». 2021. № 3. С. 45–53. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_325/nilogov_a._s._na_sayt_0.pdf (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С.** Митохондриальные линии современных этнических хакасов // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. 2020. Вып. 2. С. 151–164. URL: <https://xn----8sbahmlpvellw0ag7lzb.xn--p1ai/files/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8%202020.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С.** Научная верификация хакасских родословных преданий: от мифо- и этногенеалогии к ДНК-генеалогии // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 57–65. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_29539.html (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С.** Первое полногеномное секвенирование Y-хромосомы хакаса / Абакан. 04–10 мая 2022. № 17. С. 25.
- Нилогов А. С.** Слипование как именованное (антиязыковая методология в помощь ДНК-генеалогии) // Litera. 2016. № 1. С. 18–25. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_17670.html (дата обращения 01.02.2022).
- Нилогов А. С., Пайор Е. В.** Происхождение хакасского рода Майнагашевых: устные предания и ДНК-генеалогические данные // Исторический формат. 2020. № 3. С. 8–17. URL: <http://histformat.com/wp-content/uploads/2021/2020-3.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
- Новикова Л. М.** Структура генофонда шорцев и хакасов по аутосомным STR-маркерам и маркерам Y-хромосомы. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Томск, 2017. 71 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:4172> (дата обращения 01.02.2022).
- Пайор Е. В.** Реплика по поводу статьи: Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Полосьмак Н. В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4. С. 144–150 // Исторический формат. 2019. № 3–4. С. 99–102. URL: <http://histformat.com/wp-content/uploads/2020/12/2019-3-4.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
- Патачаков К. М.** Родовой состав и народные предания о происхождении бельтиров // Ученые записки ХакНИИЯПИ. Вып. VII. Абакан, 1959. С. 127–134. URL: <https://nbdx.ru/pdf/bx0000042.pdf> (дата обращения 01.02.2022).
- Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Полосьмак Н. В.** Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4. С. 144–150. URL: <https://docplayer.ru/139309467-Paleogeneticheskoe-issledovanie-nositeley-pazyrykskoy-kultury-iz-mogilnika-ak-alaha-1-gornyy-altay.html> (дата обращения 01.02.2022).
- Потанов Л. П.** Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 308 с. URL: https://vk.com/doc243238609_445630150?hash=a616084c4dbd8d613b&dl=66681776f37ea3e039 (дата обращения 01.02.2022).
- Тёмушкин Е. Я.** Генетическая генеалогия: история и методология // Генетика. 2011. Т. 47. № 5. С. 581–596. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16339657> (дата обращения 01.02.2022).
- Тёмушкин Е. Я.** Генетические аспекты генеалогии // Генетика. 2011. Т. 47. № 11. С. 1451–1472. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17056880> (дата обращения 01.02.2022).
- Харьков В. Н.** Маркеры Y-хромосомы в популяционной генетике: фундаментальные и прикладные результаты этногеномных исследований // Генетика. 2021. Т. 57. № 9. С. 981–994. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46350988> (дата обращения 01.02.2022).
- Харьков В. Н.** Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы: дис. ... д-ра биол. наук. Томск, 2012. 397 с.
- Харьков В. Н., Зарубин А. А., Вагайцева К. В., Раджабов М. О., Новикова Л. М., Валихова Л. В., Хитринская И. Ю., Степанов В. А.** Y-хромосома как инструмент для ДНК-идентификации и определения популяционной принадлежности // Генетика. 2020. Т. 56. № 9. С. 1065–1074. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43181768> (дата обращения 01.02.2022).
- Харьков В. Н., Новикова Л. М., Штыгашева О. В., Агеева Е. С., Волков В. Г., Хитринская И. Ю., Степанов В. А.** Анализ родоплеменной структуры хакасов по маркерам Y-хромосомы // Медицинская генетика. 2017. Т. 16. № 12. С. 35–38. URL: <https://www.medgen-journal.ru/jour/article/view/355/271> (дата обращения 01.02.2022).

Харьков В. Н., Новикова Л. М., Штыгашева О. В., Волков В. Г., Хитринская И. Ю., Степанов В. А. Анализ родоплеменной структуры хакасов по маркерам Y-хромосомы // Генетика человека и патология: сборник научных трудов / под ред. В. А. Степанова. Вып. 11. Томск, 2017. С. 59–60. URL: http://medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Conference%202017/Genetika%20cheloveka_vol_11_-1-110.pdf (дата обращения 01.02.2022).

Харьков В. Н., Новикова Л. М., Штыгашева О. В., Лузина Ф. А., Хитринская И. Ю., Волков В. Г., Степанов В. А. Генофонд хакасов и шорцев по маркерам Y-хромосомы: общие компоненты и генетическая структура родов // Генетика. 2020. Т. 56. № 7. С. 826–833. URL: <https://sciencejournals.ru/cgi/getPDF.pl?jid=genrus&year=2020&vol=56&iss=7&file=GenRus2007007Kharkov.pdf> (дата обращения 01.02.2022).

Харьков В. Н., Хамина К. В., Медведева О. Ф., Штыгашева О. В., Степанов В. А. Разнообразие генофонда хакасов: внутриэтническая дифференциация и структура гаплогрупп Y-хромосомы // Молекулярная биология. 2011. Т. 45. № 3. С. 446–458. URL: [http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45\(3\)-446-458-Y-Khakas.pdf](http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45(3)-446-458-Y-Khakas.pdf) (дата обращения 01.02.2022).

Штыгашева О. В., Агеева Е. С., Харьков В. Н., Степанов В. А. Гены и болезни хакасов. Красноярск, 2010. 296 с.

Ярилов А. А. Кызылыцы и их хозяйство. Юрьев, 1899. 366 с. (Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для их изучения. Вып. 3). URL: http://starieknigi.info/Knigi/JA/Yarilov_A_A_Kyzylcy_i_ih_hozyajstvo.pdf (дата обращения 01.02.2022).

Нилогов Алексей Сергеевич.

Кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований, ведущий научный сотрудник.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017.

E-mail: Nilogov1981@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26 мая 2022 г.

A. S. Nilogov

GENETIC AND GENEALOGICAL RESEARCH OF SOME KHAKASS CLANS

The article considers the interpretation of personal haplotypes of the modern ethnic Khakass with regard to their private genealogies. During DNA testing of the Khakass' Y-chromosome, different marker panels of haplotypes were obtained, which were used to determine haplogroups, and most importantly – to compare with personal oral and archival-documentary genealogies of donors in order to verify kinship. The novelty of this genetic-genealogical (genetealogical) study involves correlating eight private Khakass surnames (Ugdyzhekov, Shulberekov, Sagataev, Borgoyakov, Sandaraev, Tarkhanov, Torosov, Mainagashev) with objective genetic markers of the Y-chromosome obtained from ten donors. Two 37-marker STR-haplotypes of the Tarkhanovs belonging to donors from the Khakass subethnos of the Kyzyl people (the Sharypovo District of the Krasnoyarsk Region), as well as the Beltir 37-marker haplotype of the Torosovs, are published for the first time. Six Khakass haplotypes were fully attributed (up to the full name).

Most of DNA tests were carried out in the American Commercial Company “Family Tree DNA” (Houston, Texas, USA) for haplotypes of different lengths – from 12 to 111 STR markers. For all the presented Khakass haplotypes, it is necessary to perform genome-wide sequencing of the Y-chromosome to detect SNP mutations up to the definition of familial terminal snips. Since the Beltirs' genealogies are the deepest among the Khakass subethnoses, going back to the 16th century, it is primary to haplotype and snip male descendants from the Beltir families/seoks. In the future, this will allow us to apply the new methodology extensively – for example, for mapping/identification of Khakass kinships/seoks in the form of phylogenetic trees (modeled on the human Y-chromosome haplogroup tree YFull YTree). The currently available anonymous population-genetic data obtained by scientists from the Laboratory of Evolutionary Genetics of the Research Institute of Medical Genetics of Tomsk National Research Medical Center are unsuitable for calibration of reconstructed documentary genealogies, and therefore the full potential of the new verification methodology remains undiscovered.

Keywords: DNA, genetic genealogy, haplotype, Khakass DNA project, genealogy, subclade, revision tale, Khakas, haplogroup, seok.

Sources:

- Family Tree DNA. [El. resurs]. URL: <https://www.familytreedna.com/my/bigy-blocktree> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Haplogroup R Tree. [El. resurs]. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1JvXoBCBBk42DIF7BYPaLsQ1jojN3etgDR8pByaTRnq4/edit#gid=1078904281> (Data obrashch. 01.02.2022).
- International Society of Genetic Genealogy (ISOGG). [El. resurs]. URL: <https://isogg.org/tree/>, https://isogg.org/tree/ISOGG_YDNATreeTrunk.html (Data obrashch. 01.02.2022).
- SiberiaTansbaikalia: The First Dual DNA Project of Siberia and Transbaikalia (Russia). [El. resurs]. URL: <https://www.familytreedna.com/public/SiberiaTransbaikalia?iframe=yresults> (Data obrashch. 01.02.2022).
- SNP Index. [El. resurs]. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1UY26FvLE3UmEmYFiXgOy0uezJi_wOut-V5TD0a_6-bE/edit#gid=1934392066 (Data obrashch. 01.02.2022).
- YFull YTree v.9.05.00 ot 21.10.2021, v.10.00.01 ot 11.01.2022. [El. resurs]. URL: <https://www.yfull.com/tree/> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Imennoj spisok zhitelej 1-j poloviny Sagajskogo roda [Nominal list of residents of the 1st half of the Sagai clan], 10(22).07.1832 g., 28 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 143.
- Imennoj spisok zhitelej Blizhnekarginskogo roda [Nominal list of residents of the Blizhnekarginsky clan], iyul' 1832 g., 38 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 145.
- Imennoj spisok zhitelej Kazanovskogo roda [Nominal list of residents of the Kazanovsky clan], iyul' 1832, 148 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 148.
- Imennoj spisok zhitelej Kivinskogo roda [Nominal list of residents of the Kivinsky clan], 1832, 24 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 149.
- Imennoj spisok naseleniya Bel'tyrskogo roda [Nominal list of the population of the Beltyr clan], iyul' 1832 g., 25 l. (2-ya chast') // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 146.
- Imennoj spisok naseleniya Bel'tyrskogo roda [Nominal list of the population of the Beltyr clan], iyul' 1832 g., 60 l. (1-ya chast') // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 147.
- Imennye spiski zhitelej 1-j poloviny Sagajskogo ulusa [Nominal lists of residents of the 1st half of the Sagai ulus], 14(26).12.1850 g., 54 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 414.
- Perepis' naseleniya 1-j poloviny Sagajskogo ulusa Stepnoj dumy soedinyonnyh raznorodnyh plemyon [Population census of the 1st half of the Sagai ulus of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes], 14(26).12.1850 g., 52 l. // Arhiv g. Minusinska. F. 15. Op. 1. D. 171.
- Perepis' naseleniya Bel'tyrskogo ulusa Stepnoj dumy soedinyonnyh raznorodnyh plemyon [Population census of the Beltyrsky ulus of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes], 15(27).12.1850 g., 91 l. // Arhiv g. Minusinska. F. 15. Op. 1. D. 164.
- Perepis' naseleniya Izusherskogo ulusa Stepnoj dumy soedinyonnyh raznorodnyh plemyon [Census of the population of Izushersky ulus of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes], 14(26).12.1850 g., 20 l. // Arhiv g. Minusinska. F. 15. Op. 1. D. 163.
- Perepis' naseleniya Kazanovskogo ulusa Stepnoj dumy soedinyonnyh raznorodnyh plemyon [Census of the population of the Kazanovsky ulus of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes], 14(26).12.1850 g., 18 l. // Arhiv g. Minusinska. F. 15. Op. 1. D. 167.
- Revizskaya skazka Bel'tyrskogo ulusa Stepnoj dumy soedinyonnyh raznorodnyh plemyon [The revision tale of the Beltyrsky ulus of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes], 15(27).12.1850, 78 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 416.
- Revizskaya skazka Izusherskogo i Blizhnekarginskogo ulusov [The audit tale of Izushersky and Near-Karginsky uluses], 14(26).12.1850 g., 20.12.1850(01.01.1851) g., 66 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 411.
- Revizskaya skazka Kazanovskogo ulusa [The audit tale of the Kazanovsky ulus], 14(26).12.1850, 16 l. // Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya. F. I-2. Op. 1. D. 413.
- Revizskie skazki na inorodcev Achinskogo okruga vedomstva Kyzyl'skoj stepnoj dumy [Audit tales on foreigners of the Achinsk district of the department of the Kyzyl Steppe Duma], 21.07(02.08).1858 g., 333 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraya. F. 160. Op. 3. D. 646. [El. resurs]. URL: <http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3523934&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022). Dostup posle registracii.
- Revizskie skazki na inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dumy [Audit tales on foreigners of the Minusinsk district of the Sagaisk steppe Duma], 15(27).07.1858 g., 242 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraya. F. 160. Op. 3. D. 657. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523990&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2022). Dostup posle registracii.
- Revizskie skazki na inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dumy [Audit tales on foreigners of the Minusinsk district of the Sagaisk steppe Duma], 1858 g., 242 l. // GAKK. F. 160. Op. 3. D. 657. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523990&attributId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf>

krasnrh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523990&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Revizskie skazki na inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dumy Beltirskogo roda [Revisionist fairy tales about the foreigners of the Minusinsk district of the Sagai steppe Duma of the Beltir family], 05(17).07.1858 g., 102 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 160. Op. 3. D. 645. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasnrh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523932&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Revizskie skazki na kochevykh inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dumy soedinyonnykh raznorodnykh plemyon Sagajskogo 1-j poloviny ulusa [Revision tales on nomadic foreigners of the Minusinsk district of the Sagai steppe Duma of the united heterogeneous tribes of the Sagai 1st half of the ulus], 14(26).12.1850 g., 54 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 160. Op. 3. D. 457. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasnrh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3503826&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Revizskie skazki na kochevykh inorodcev Minusinskogo okruga Stepnoj dumy soedinyonnykh raznorodnykh plemyon Izusherskogo ulusa [Audit tales on nomadic foreigners of the Minusinsk district of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes of the Izushersky ulus], 14(26).12.1850 g., 20 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 160. Op. 3. D. 440. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasnrh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3523616&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Revizskie skazki na kochuyushchih inorodcev Achinskogo okruga vedeniya Kizyl'skoj stepnoj dumy Shujskoj upravy [Audit tales on nomadic foreigners of the Achinsk district of the Kizil steppe Duma of the Shuisky Council], 03(15).11.1850 g., 42 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 160. Op. 3. D. 452. [El. resurs]. URL: <http://catalog.krasnrh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3503730&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Revizskie skazki na kochuyushchih inorodcev Kazanovskogo ulusa Stepnoj dumy soedinyonnykh raznorodnykh plemyon [Revisionist tales on nomadic foreigners of the Kazanovsky ulus of the Steppe Duma of the united heterogeneous tribes], 14(26).12.1850 g., 19 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 160. Op. 3. D. 441. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasnrh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3503314&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Revizskie skazki na kochuyushchih inorodcev Minusinskogo okruga Sagajskoj stepnoj dumy soedinyonnykh raznorodnykh plemen Beltirskogo ulusa [Audit tales on nomadic foreigners of the Minusinsk district of the Sagai steppe Duma of the united heterogeneous tribes of the Beltir ulus], 15(27).12.1850 g., 91 l. // Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 160. Op. 3. D. 454. [El. resurs]. URL: <https://catalog.krasnrh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3503734&attributeld=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022). Dostup posle registracii.

Spiski kochevogo nacional'nogo naseleniya, prinyavshih kreshchenie i brakosochetavshihsya [Lists of nomadic national population who were baptized and married], 1854 g., 304 l. // Arhiv g. Minusinska. F. 17. Op. 1. D. 73.

Hakasy: Geografiya Y-hromosomy / Forum molekulyarnoj genealogii [Khakasy: Geography of the Y chromosome / Forum of Molecular Genealogy]. [El. resurs]. URL: <https://forum.molgen.org/index.php?topic=2105.0> (Data obrashch. 01.02.2022).

References:

Ilumäe A.-M. et al. Human Y Chromosome Haplogroup N: A Non-trivial Time-Resolved Phylogeography that Cuts across Language Families // The American Journal of Human Genetics. 2016. V. 99. P. 163–173. URL: https://www.academia.edu/32075863/ARTICLE_Human_Y_Chromosome_Haplogroup_N_A_Non_trivial_Time_Resolved_Phylogeography_that_Cuts_across_Language_Families, <https://www.cell.com/cms/10.1016/j.ajhg.2016.05.025/attachment/a3b91fe9-e6b7-41ba-abbc-01f6b7f3e299/mmc1> (Data obrashch. 01.02.2022).

Borgoyakov M. I. O proiskhozhdenii i rasprostranении hakasskikh familij [About the origin and distribution of Khakass surnames] // Uchyonye zapiski HakNIYALI. Vyp. XVII. Abakan, 1972. S. 235–241. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/bx0000062.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).

Borgoyakov P. Ya. Тиреҥ кичигде. Sakyj – moya derevnya [Saky – my village]. Abakan, 2021. 192 s.

Butanaev V. Ya. Istoricheskaya onomastika Yuzhnoj Sibiri: uchebno-metodicheskij kompleks po discipline: kurs lekcij [Historical onomastics of Southern Siberia: an educational and methodological complex for the discipline: course of lectures] / V. Ya. Butanaev, K. M. Torbostaev. Abakan, 2016. 220 s.

Butanaev V. Ya. Proiskhozhdenie i rasselenie hakasskikh seokov / Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [Origin and settlement of the Khakass Seok / Ethnic history of the peoples of Southern Siberia and Central Asia]; otv. red. B. R. Zoriktuev. Novosibirsk, 1993. S. 235–263. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/staty/ax0000045.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).

Butanaev V. Ya. Proiskhozhdenie hakasskikh rodov i familij [Origin of Khakass families and surnames]. Abakan, 1994. 92 s. URL: <http://nbdrx.ru/pdf/bx0000127.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).

- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** My rodом iz Hongoraya. Hakasskie mify, legendy i predaniya [We come from Hongorai. Khakass myths, legends and legends] / Otv. red. B. R. Zoriktuev. Abakan, 2010. 240 s.
- Volkov V. G.** Obshchie geneticheskie linii tyurkskikh narodov [Common genetic lines of the Turkic peoples] // Korennye narody Sibiri: istoriya, tradicii i sovremennost': materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Novosibirsk, 12 oktyabrya 2017 g.). Abakan, 2018. S. 40–44.
- Volkov V. G., Har'kov V. N., Shtygasheva O. V., Stepanov V. A.** Geneticheskoe issledovanie hakasskikh i teleutskikh seokov. Sravnitel'naya harakteristika po dannym markerov Y-hromosomy [Genetic study of Khakass and Teleut seok. Comparative characteristics according to Y-chromosome markers] // Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arheologo-etnograficheskikh soveshchaniy. Materialy XV Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arheologo-etnograficheskoy konferencii. Tomsk, 19–21 maya 2010 g. Tomsk, 2010. S. 403–405. URL: <http://trog.narod.ru/articles/sook.htm>, <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000397210> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Genofond tatar: istoriko-geneticheskoe issledovanie. Gaplogruppy Y-hromosomy [The gene pool of the Tatars: historical and genetic research. Y-chromosome haplogroups] / M. M. Akchurin i [dr.]. Kazan', 2021. 112 s. URL: <http://xn--80aimpg.xn--80aagie6cnnb.xn--p1ai/uploads/libraries/original/60e56f340d1760812a2d37b873e802db24f8d0e4.pdf?1640952546> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Blizhaysij obshchij predok russkikh i hakasov po dannym DNK-genealogii [The closest common ancestor of Russians and Khakas according to DNA genealogy] // Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii "Narody i kul'tury Sayano-Altaya i sopredel'nyh territorij". Abakan, 2019. S. 79–83. URL: http://haknii.ru/files/Materiali%206%20Mezhdunarodnoy%20konferencii_compressed.pdf (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Genetiko-genealogicheskoe (genetealogicheskoe) issledovanie roda Nilogovykh (na materiale DNK autosom i Y-hromosomy) [Genetic and genealogical (genetealogical) study of the genus Nilogovi (based on the DNA of autosomes and Y-chromosomes)] // Uchyonye zapiski Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya im. N. M. Mart'yanova. Vyp. № 3. Minusinsk, 2021. S. 161–212. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47456561> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Dokumental'naya rekonstrukciya patrilinejnoj rodoslovnoj V. M. Torosova [Documentary reconstruction of V. M. Torosov's patrilineal genealogy] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2022. № 1. S. 80–88. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_34938.html (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Dokumental'naya rekonstrukciya rodoslovnoj S. D. Majnagasheva (k 135-letiyu so dnya rozhdeniya) [Documentary reconstruction of the genealogy of S. D. Mainagashev (to the 135th anniversary of his birth)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. № 4. S. 148–158. URL: https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/nilogov_a_s_148_158_4_34_2021.pdf (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Massovye genealogicheskie istochniki po kochevym inorodcam Minusinskogo uezda XIX veka v fondah Nacional'nogo arhiva Respubliki Hakasiya i arhiva goroda Minusinska [Mass genealogical sources on nomadic foreigners of the Minusinsk district of the XIX century in the funds of the National Archive of the Republic of Khakassia and the archive of the city of Minusinsk] // Nauchno-istoricheskij elektronnyj zhurnal arhivnykh uchrezhdenij SFO "Sibirskij arhiv". 2021. № 3. S. 45–53. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_325/nilogov_a_s_-_na_sayt_0.pdf (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Mitohondrial'nye linii sovremennykh etnicheskikh hakasov [Mitochondrial lines of modern ethnic Khakas] // Uchyonye zapiski Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya im. N. M. Mart'yanova. 2020. Vyp. 2. S. 151–164. URL: <https://xn----8sbahmlpvellw0ag7lzb.xn--p1ai/files/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8%202020.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Nauchnaya verifikaciya hakasskikh rodoslovnykh predanij: ot mifo- i etnogenealogii k DNK-genealogii [Scientific verification of Khakass ancestral traditions: from mytho- and ethnogenealogy to DNA genealogy] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2020. № 1. S. 57–65. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_29539.html (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S.** Snipovanie kak imenovanie (antiyazykovaya metodologiya v pomoshch' DNK-genealogii) [Sniping as naming (anti-language methodology to help DNA genealogy)] // Litera. 2016. № 1. S. 18–25. [El. resurs]. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_17670.html (Data obrashch. 01.02.2022).
- Nilogov A. S., Pajor E. V.** Proiskhozhdenie hakasskogo roda Majnagashevyykh: ustnye predaniya i DNK-genealogicheskie dannye [The origin of the Khakass Mainagashev family: oral traditions and DNA genealogical data] // Istoricheskij format. 2020. № 3. S. 8–17. URL: <http://histformat.com/wp-content/uploads/2021/2020-3.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Novikova L. M.** Struktura genofonda shorcev i hakasov po autosomnym STR-markeram i markeram Y-hromosomy [The structure of the Shoretz and Khakas gene pool by autosomal STR markers and Y-chromosome markers]. Vypusknaya kvalifikacionnaya rabota bakalavra. Tomsk, 2017. 71 s. [El. resurs]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:4172> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Pajor E. V.** Replika po povodu stat'i: Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Polos'mak N. V. Paleogeneticheskoe issledovanie nositelej pazyrykskoj kul'tury iz mogil'nika Ak-Alaha-1 (Gornyj Altaj) [Remark about the article: Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Polosmak N. V. Paleogenetic study of the carriers of the Pazyryk culture from the Ak-Alakha-1 burial ground (Gorny Altaj)] //

- Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2015. №4. S. 144–150 // Istoricheskij format. 2019. №3–4. S. 99–102. URL: <http://histformat.com/wp-content/uploads/2020/12/2019-3-4.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Patachakov K. M.** Rodovoj sostav i narodnye predaniya o proiskhozhdenii bel'tirov [Ancestral composition and folk legends about the origin of the Beltirs] // Uchyonye zapiski HakhNIIYALI. Vyp. VII. Abakan, 1959. S. 127–134. URL: <https://nbdrx.ru/pdf/bx0000042.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Polos'mak N. V.** Paleogeneticheskoe issledovanie nositelej pazyrykskoj kul'tury iz mogil'nika Ak-Alaha-1 (Gornyj Altaj) [Paleogenetic study of the carriers of the Pazyryk culture from the Ak-Alakha-1 burial ground (Gornyj Altaj)] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2015. №4. S. 144–150. URL: <https://docplayer.ru/139309467-Paleogeneticheskoe-issledovanie-nositeley-pazyrykskoj-kul'tury-iz-mogil'nika-ak-alaha-1-gornyy-altaj.html> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Potapov L. P.** Proiskhozhdenie i formirovanie hakasskoj narodnosti [Origin and formation of the Khakass nationality]. Abakan, 1957. 308 s. URL: https://vk.com/doc243238609_445630150?hash=a616084c4dbd8d613b&dl=66681776f37ea3e039 (Data obrashch. 01.02.2022).
- Tyotushkin E. Ya.** Geneticheskaya genealogiya: istoriya i metodologiya [Genetic genealogy: history and methodology] // Genetika. 2011. T. 47. № 5. S. 581–596. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16339657> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Tyotushkin E. Ya.** Geneticheskie aspekty genealogii [Genetic aspects of genealogy] // Genetika. 2011. T. 47. № 11. S. 1451–1472. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17056880> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Har'kov V. N.** Markery Y-hromosomy v populyacionnoj genetike: fundamental'nye i prikladnye rezul'taty etnogenomnyh issledovanij [Y-chromosome markers in population genetics: fundamental and applied results of ethnogenomic studies] // Genetika. 2021. T. 57. №9. S. 981–994. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46350988> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Har'kov V. N.** Struktura i filogeografiya genofonda koren'nogo naseleniya Sibiri po markeram Y-hromosomy [Structure and phylogeography of the gene pool of the indigenous population of Siberia by Y-chromosome markers]: Dissertatsiya... doktora biologicheskikh nauk. Tomsk, 2012. 397 s.
- Har'kov V. N., Zarubin A. A., Vagajceva K. V., Radzhabov M. O., Novikova L. M., Valihova L. V., Hitrinskaya I. Yu., Stepanov V. A.** Y-hromosoma kak instrument dlya DNK-identifikacii i opredeleniya populyacionnoj prinadlezhnosti [Y-chromosome as a tool for DNA identification and determination of population affiliation] // Genetika. 2020. T. 56. № 9. S. 1065–1074. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43181768> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Har'kov V. N., Novikova L. M., Shtygasheva O. V., Ageeva E. S., Volkov V. G., Hitrinskaya I. Yu., Stepanov V. A.** Analiz rodoplemennoj struktury hakasov po markeram Y-hromosomy [Analysis of the tribal structure of Khakas by Y-chromosome markers] // Medicinskaya genetika. 2017. T. 16. № 12. S. 35–38. URL: <https://www.medgen-journal.ru/jour/article/view/355/271> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Har'kov V. N., Novikova L. M., Shtygasheva O. V., Volkov V. G., Hitrinskaya I. Yu., Stepanov V. A.** Analiz rodoplemennoj struktury hakasov po markeram Y-hromosomy [Analysis of the tribal structure of Khakas by Y-chromosome markers] // Genetika cheloveka i patologiya: sbornik nauchnyh trudov / pod red. V. A. Stepanova. Vyp. 11. Tomsk, 2017. S. 59–60. URL: http://medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Conference%202017/Genetika%20cheloveka_vol_11_-1-110.pdf (Data obrashch. 01.02.2022).
- Har'kov V. N., Novikova L. M., Shtygasheva O. V., Luzina F. A., Hitrinskaya I. Yu., Volkov V. G., Stepanov V. A.** Genofond hakasov i shorcev po markeram Y-hromosomy: obshchie komponenty i geneticheskaya struktura rodov [The gene pool of Khakas and Shors by Y-chromosome markers: common components and genetic structure of clans] // Genetika. 2020. T. 56. № 7. S. 826–833. URL: <https://sciencejournals.ru/cgi/getPDF.pl?jid=genrus&year=2020&vol=56&iss=7&file=GenRus2007007Kharkov.pdf> (Data obrashch. 01.02.2022).
- Har'kov V. N., Hamina K. V., Medvedeva O. F., Shtygasheva O. V., Stepanov V. A.** Raznoobrazie genofonda hakasov: vnutrietnicheskaya differenciatsiya i struktura gaplogrupp Y-hromosomy [Diversity of the Khakas gene pool: intraethnic differentiation and structure of Y-chromosome haplogroups] // Molekulyarnaya biologiya. 2011. T. 45. № 3. S. 446–458. URL: [http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45\(3\)-446-458-Y-Khakas.pdf](http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45(3)-446-458-Y-Khakas.pdf) (Data obrashch. 01.02.2022).
- Shtygasheva O. V., Ageeva E. S., Har'kov V. N., Stepanov V. A.** Geny i bolezni hakasov [Genes and diseases of Khakas]. Krasnoyarsk, 2010. 296 s.
- Yarilov A. A.** Kyzyl'cy i ih hozyajstvo [Kyzyl people and their economy]. Yur'ev, 1899. 366 s. (Byloe i nastoyashchee sibirskih inorodcev. Materialy dlya ih izucheniya. Vyp. 3). URL: http://starieknigi.info/Knigi/JA/Yarilov_A_A_Kyzylcy_i_ih_hozyajstvo.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2022).

Nilogov Aleksey Sergeevich.

Candidate of philosophical sciences, head of the genealogical research laboratory, leading researcher.

Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

23 Shchetinkina st., Abakan, Russia, 655017.

E-mail: Nilogov1981@yandex.ru

О. Б. Степанова

ПИЩА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЕЛЬКУПОВ

В результате семантического анализа материалов селькупского фольклора, верований, обрядов, изучения пищевых предпочтений и запретов было выявлено несколько древних религиозных идей, сделавших пищу самым действенным магическим средством на селькупском мифологическом поле. Среди них представления о съедении умершего человека, пересекающего границу земного и потустороннего миров, животным-предком, позже переросшие в представления о связи этого перехода и смерти с приемом пищи; взгляд на пищу как на благо, посылаемое человеку духами, и на духов как на материальных существ, которые едят и пьют и которых нужно, задабривая, кормить; идея подобия, согласно которой человек, съевший мясо или какую-то часть духа, обретает те же свойства, что есть у духа или у этой его части, и др. Каждая из идей универсальна и характерна для всех народов мира на ранних стадиях развития культуры и религии. На материале селькупских религиозных верований такое исследование проводится впервые, в чем заключается его новизна и научная значимость. Актуальность исследованию придает процесс формирования у современных селькупов новой этничности и вызванная им востребованность любых разработок по вопросам селькупской истории и культуры.

Ключевые слова: *селькупы, мифологические представления, обряды, пищевые запреты и предпочтения, магические свойства пищи.*

Противопоставляя еду науке, Д. Хармс писал: «Науки втянут нас в беду, возьмемся лучше за еду». Между тем противоположности притягиваются: еда представляет собой важнейший сегмент нашей жизни и потому интереснейшую тему для изучения. Мы не всегда едим для того, чтобы утолять голод и поддерживать свои жизненные силы. Тот же Хармс призывает обратиться к еде, чтобы справиться с эмоциональным расстройством. В традиционных представлениях народов еде приписывались магические свойства. Вера в магию пищи и еды находила свое выражение в фольклоре, ритуалах, пищевых предпочтениях и запретах.

В статье рассматриваются представления о магических свойствах пищи в традиционном мировоззрении селькупов – малочисленного народа Западной Сибири. В настоящее время у селькупов происходит процесс обращения к своим корням и переосмысления своей этничности, поэтому научные работы по темам традиционной селькупской культуры востребованы в первую очередь в народной среде, что составляет актуальность данного исследования. Помимо этого, исследование вносит свой вклад в селькуповедение и сибирскую этнографию, а также в культурологию и религиоведение, так как в нем речь идет об универсальных явлениях, характерных для всех народов мира на ранних стадиях развития культуры и религии.

Историографию проблемы пищи у селькупов составляет ряд работ, в которых содержится общий обзор селькупского рациона питания (Хомич и др., 2002; Народы Западной Сибири, 2005), анализ важного пищевого продукта (Тучков, 2015) или фрагментарные, но значимые сведения о пище (Третьяков, 1871; Доннер, 2008 и пр.). Исследования мифологических «пищевых» представлений селькупов до сих пор нет, этот вопрос остается белым пятном в селькупской этнографии.

Отсутствие работы, рассматривающей селькупскую пищу с мировоззренческого ракурса, обусловило специфику библиографического списка данного исследования – его составляют общие труды по селькупской этнографии и мифологии, которые использовались в качестве источников. Из работ, содержащих (в разных объемах) материалы фольклора, обрядов и верований селькупов, выбирались сведения, необходимые для анализа и освещения проблемы селькупских мифологических представлений о пище. В таком качестве использовались труды М. А. Кастрена (1999), П. Е. Островских (1931), К. Доннера (2008), М. Б. Шатилова (1927), Г. Н. Прокофьева (1930, 1931), Е. Д. Прокофьевой (1952, 1976, 1977), Г. И. Пелих (1980, 1998), И. Н. Гемуева (1984),

А. В. Головнева (1995), О. Б. Степановой (2007a, 2007b, 2010, 2016, 2017), энциклопедия «Мифология селькупов» (2004) и др. К работе также привлекались полевые материалы автора, собранные в ряде экспедиционных поездок к селькупам, и (в одном случае) сведения из фонда Г. Н. Прокофьева Архива МАЭ (Кунсткамера) РАН.

Теоретическую базу исследования составила монография «Исторические корни русской сказки» (2005), где автор В. Я. Пропп на основе семантического анализа русских фольклорных текстов с сюжетами перехода сказочным героем границы земного и потустороннего миров расшифровал символический смысл образов героев и их действий и выявил закономерности (правила) перехода. Теория и метод, разработанные В. Я. Проппом, оказались универсальным средством, применимыми для интерпретации аналогичных сюжетов, а также длинного ряда связанных с ними представлений в фольклоре других народов, включая селькупов.

Помимо метода/теории В. Я. Проппа (и как в его методе/теории) в исследовании применялся метод семантического анализа. С его помощью выявлялся символический, скрытый смысл представлений, обрядов, фольклорных сюжетов и образов. На основе сравнительного и типологического методов сравнивались и группировались в типологические ряды фольклорные мотивы/сюжеты, представления, элементы обрядов, семантические смыслы и т. д., что позволило выделить общие признаки и закономерности селькупских мифологических представлений о пище и дать им в итоге развернутую характеристику (описание). Многие фольклорные тексты и представления, а также пояснения к ним были собраны автором методом полевой работы во время экспедиционных поездок к селькупам. В работе над статьей использовался системный/комплексный подход: совокупность элементов объекта исследования (фольклор, представления, обряды) изучалась с помощью названных выше методов.

Представления о магических свойствах пищи лежат в самых глубинных слоях мировоззрения селькупов. Одним из древнейших селькупских хозяйственных занятий была охота, поэтому, согласно охотничьей идеологии, охотничьему взгляду на мир, селькупы считали, что происходят от животного. Исследователи зафиксировали у селькупов роды Орла, Глухаря, Кедровки, Журавля, Ворона, Медведя, Лебедя, Сороки, Сороги, Щуки, Окуня, Бобра и т. д. Животное-первопредок представлялось огромным и являло собой саму Вселенную. На спине его проходила земная жизнь человека, а в утробе располагался «подземный» потусторонний мир, куда люди попадали после смерти и где их жизнь продолжалась в новом качестве. Дорога в утробу божественного зверя лежала через его рот, то есть в момент смерти, на границе «этого» и «того» мира люди съедались (пережевывались и проглатывались) животным-духом (Пелих, 1998: 9; Степанова, 2007b, 2010).

Эта мифологическая схема со временем упростилась до представления о связи пищи и пересечения границы земного и потустороннего миров. Принятие пищи стало маркером перехода. Хорошей иллюстрацией упрощенной схемы перехода служит короткий селькупский миф о происхождении человека: первочеловек мохнатым был, как медведь, за провинность он был сброшен богом на землю, поел ягод (или какой-то травы) и всю шерсть потерял, голым стал (Островских, 1931: 178; Головнев, 1995: 249).

В фольклоре селькупов проникающий в иной мир герой или сам становится пищей – в прямом или иносказательном смысле теряет, а потом возвращает свою телесную целостность, или вкушает какую-то пищу, в частности предлагаемую духом-«пограничником», хозяином «заставы» (Степанова, 2010). Переход совершается по той схеме, которую выявил В. Я. Пропп в русском фольклоре. Герой является к входу в иной мир – в русских сказках это избушка на курьих ножках – в гости к инобытийному существу, духу, «пограничнику» (Бабе Яге) и съедает его угощение, но характеристика образа духа (произносящего фразы типа «я тебя съем», «как я голодна» и т. д.) указывает на то, что на самом деле на границе с иным миром съедают героя (2005).

В обряде, прежде всего погребальном, данный механизм преодоления рубежа миров находит отражение в похоронной трапезе, а у селькупов еще и в порче погребальной одежды и сопроводительного инвентаря. Селькупы верили, что в момент перехода не только человек, но и его имущество теряет свою целостность (потому что также «пережевывается» духом): все в потустороннем мире «испорченное», «сломанное». Из-за этого представления во время похорон одежду умершего надрывали, в посуде пробивали дырки, стрелы надламывали (Степанова, 2007b). Погребальная трапеза во всех вариантах селькупского погребального обряда была обязательна, в первую очередь «угощался» сам умерший.

По данным Е. Д. Прокофьевой, «пока умерший лежал в жилище, ему ставили пищу в то же время, когда сами ели, причем, сначала кормили умершего. После трапезы его еду выливали, бросали в огонь» (1977: 70). На кладбище забивали одного из оленей, на котором везли гроб с покойным, голову оленя отделяли и клали на гроб, шкуру снимали и вешали на дерево или на установленный рядом с могилой шест, мясо варили в котле. Когда мясо было готово, начиналась трапеза. «Около могилы и гроба ставили покойнический столик, на котором рядами раскладывали кусочки мяса, сала и костного мозга. Посредине столика ставили чашку с супом. Позднее столика не делали, а ставили для умершего тарелку с пищей. Присутствующие на похоронах садились вблизи этого столика, но ничего с него не брали и не ели. Считалось, что это угощение для самого умершего и всех ранее умерших родных... Остатки угощения, а также все, что было на столике умершего, бросают в костер» (Прокофьева, 1977: 72). Кроме того, каждый присутствовавший выливал в огонь чашку чая, бросал кусочек сахара, пряник и т. д.

В целом погребальная трапеза соответствует представлениям о поедании человека в момент его смерти духом. А вот в ее деталях обнаруживается другой пласт воззрений селькупов на пищу. Огонь выполнял в обряде функцию канала отправки пищи в потусторонний мир. Посредством огня угощались ранее умершие родные – покойники, они же духи, так как все население потустороннего мира считалось духами. То есть, с одной стороны, селькупам представлялось, что духи живут на том свете так же, как люди, и так же, как они, едят и пьют. С другой стороны, селькупы думали, что добыча ими пропитания целиком зависит от воли духов. Поэтому перед промыслом, обращаясь к духам с просьбами послать рыбу или зверя, они совершали обряды жертвоприношения, кормления духов.

В селькупском мировоззрении зафиксировано представление, что божества посылают человеку пропитание с неба. Через небесную дыру, отверстие в небе размером с головку веретена Нум или Небесная старуха каждую весну бросают на землю птичьи перья, «щепотку от семени» растений, шерстинки зверей, и они, в одном варианте, коснувшись земли, в другом, к осени, превращаются в уток, гусей, зверей и ягоду. После чего «бог» затыкает это отверстие веретеном, используемым как пробка (Прокофьева, 1976: 118; Гемуев, 1984: 143; Пелих, 1998: 72).

Фольклор селькупов содержит множество текстов, которые рассказывают о встрече охотника с Хозяйкой Земли / Лешачкой / Лесной Хозяйкой, она награждает его охотничьей удачей или, наоборот, лишает добычи. Есть в фольклоре также тексты о голоде и чудесном избавлении от него, где и голод, и избавление посылаются людям потусторонними силами.

Пища, пропитание – основное благо, которое селькупы просили у духов, однако не единственное. К духам обращались с просьбами о здоровье, рождении детей, находке потерявших оленей, просто боялись чем-то прогневить духов и из-за этого лишиться того, что имеют. Ожидания селькупов были самыми разными, поэтому они кормили всех своих духов: угощение устраивалось по сезону, по случаю, регулярно и/или периодически. Точнее сказать, кормили изображения духов, в которых, как думали селькупы, духи обитают. Было два типа окормляемых изображений: духов-хозяев какого-то места (угодья, участка земли) и домашних духов.

Изображения хозяев мест вырезались на стволах деревьев там, где они обитали. У северных селькупов они назывались *порге*. «*Порге* – это на дереве лицо. Когда рыбачат, если нет

рыбы – товар (ткань) повесят. Говорят как молитву: “Дай рыбу!” Я раз в Сидоровск приехал, там Василий Тетерин рыбачил. Два дня хорошо брали, на третий день – нет рыбы. Потом в самом месте, где речка в озеро впадает, щуку неожиданно поймал, кишки из нее вынул. “Зачем?” – говорю. – “Человека кормить”. И в лес побежал. Я за ним. Смотрю, лиственница большая, на ней человек рисованный (вырезано ножом) – лицо, глаза, нос, грудь – как есть. Он рот кишками мажет, говорит: “Ты меня два дня кормил, давай рыбу мне, я тебе плохого не делал”... “Водяному старику” – идолу на озере Момчик – табак в рот кладут, добытую рыбу в рот суют... У изваяния “хозяйки” одного из озер бассейна Таза лицо и передняя часть тулова черны от пропитавшего их жира, которым “хозяйку” долгие годы “кормили”. “Кормили” и “поили” (обрызгивали водкой) “хозяйку” еще прадеды современных селькупов» (Гемуев, 1984: 108–109).

Духов-хозяев родовых промысловых угодий селькупы кормили каждую весну перед началом рыбного промысла. Проезжая мимо *порге* в другое время, всегда делали им подарки – повязывали ткань, оставляли монеты, сигареты. Эта традиция сохранялась у селькупов до недавних пор. По полевым материалам автора, всем тазовским селькупам старшего возраста известно изображение старухи-хозяйки земли *Лоз-има-кота*, что стояло на правом берегу реки Таз у пос. Сидоровск. Старуха была вырезана из пня, ее голову и плечи украшали пожертвованные ей платки. Рядом со старухой были вбиты в землю березовые колышки – изображения умерших от голода детей. О данном *порге* сохранилось предание, в котором рассказывалось о случившемся в этих местах голоде. Много умерло от него народу. Как ни старались, не могли люди добыть зверя и рыбу, пустым был лес и озеро. В одной семье, где было семеро детей, и дети умирали один за другим, отец лежал, обессилев от голода, а жена была беременна восьмым ребенком. В тот день, когда она должна была родить, она сказала мужу: «Я, наверное, умру, чувствую это. Когда меня не станет, ты вырежи из дерева на месте нашего чума идола в моем облике и облике наших погибших детей». Вскоре у женщины начались схватки. Собрав последние силы, муж поднялся, подошел к ней и остолбенел от удивления. Жена его родила рыбку. Рыбка заскользила по тропинке к озеру, а женщина тут же умерла. Созвал он оставшихся людей к озеру, и люди увидели, что рыбы в нем видимо-невидимо, так женщина избавила своих сородичей от голодной смерти. Муж исполнил просьбу жены, превратившуюся в *Лоз-има-кота*, и «срубил по ней и умершим детям *порге*»¹. В другом варианте этой же сказки голод был наказанием за то, что один из сородичей взял мясо с жертвенного места (Пелих, 1998: 59–60).

Изображения домашних/семейных духов – *лозов*, *лосов* – селькупы обычно тоже делали из дерева, от изображений хозяев местности они отличались меньшими размерами. Хранили (прятали) их в священном месте чума за очагом, в лабазах, в священных нартах, на чердаках домов и т. д. Семейным духам или, как их часто называют по-русски «куклам», полагалось приносить жертвы, в частности кормить.

М. А. Кастрен писал, что жертвы приносились, когда нужна была помощь *лосов* в каком-нибудь деле, например в зверином промысле, при рыбной ловле, в болезни и т. п. Жертва состояла обычно из белок, горностаев, красивых лент, платков, ситцевых и суконных лоскутов, бус и бисера – все это клалось в корзинку. На охоте или рыбной ловле для *лосов* варили котелок рыбы или мяса. Это делалось так: перед *лосом* ставили блюдо или несколько блюд сваренного кушанья, клали соль и хлеб, нож и ложку. «Когда кушанье постоит несколько времени перед изображением бога, это все принимают и съедают сами жертвовавшие» (Кастрен, 1999: 117–118).

По данным А. В. Адрианова, нарымские остяки и самоеды два раза в год, весной и поздней осенью, перед главными промыслами, домашним духам устраивали *пори*, т. е. кормление.

¹ АМАЭ, К I, оп. 2, № 1870. Материалы экспедиционной поездки н.с. отдела Сибири МАЭ РАН к.и.н. О. Б. Степановой в Красноселькупский район Тюменской области летом 2008 г.

«Тогда тщательно моют в избе все, удаляют нечистоты, отводят подальше и привязывают собак, постилают на полу чистую *тиску* (сшитые пластины из проваренной бересты) и расставляют лучшие (жирные) кушанья, а идолов вносят в избу и ставят обыкновенно под образами. Женщина в это время находится в почтительном отдалении и прикасаться к ним не может (только старухи сравниваются в своих правах с мужчинами). В это время в избу приглашаются все юрточные жители и заезжие люди. Сам хозяин или кто-нибудь из посторонних, кто мастер, произносит молитву, обращенную к фетишам: “*Пори* есть идите, запаса сварен целый котел. Наверх выйдите посмотреть изподи (т. е. из-под земли или вообще оттуда, где они, по предположению, обитают). Зверя нам (мне) дайте, рыбы дайте! Чтобы здоровы продневали, здоровы ночевали”. После такой молитвы (вариантов много) все неистово кричат трижды: “*шок, шок, шок!*” и тогда принимаются уничтожать жертвенные яства. Фетишей укладывают обратно в кузов, кладут туда деньги, старые платки заменяют новыми, кладут кусок какой-нибудь материи и кузов относят на прежнее место» (Адрианов, 1889: 3).

По сведениям Г. И. Пелих, у северных селькупов домашних духов надо было кормить не реже одного раза в неделю, а также ежегодно шить для них новую одежду (1980: 59). Н. А. Тучкова сообщает, что кормил кукол не каждый член семьи, а только старший по возрасту или тот, «кто брал на себя ответственность общения с духами» (1997: 207–208).

Пищевое меню, предлагаемое селькупам духам, было разнообразным – духи ели то же самое, что и люди. Из собранных по теме материалов следует, что больше всего духи любили вареную рыбу. По свидетельству Г. Н. Прокофьева, в некоторых семьях духов кормили дымом².

Кормить полагалось также духов, не имевших изображения, например огонь. «Пищей» огня считались дрова. К огню следовало относиться с почтением, уважением. Нельзя было бросать в огонь сор, шевелить огонь железными предметами, вешать над огнем «нечистые» предметы, например женскую обувь и т. п. Считалось, что нарушение этих запретов может повлечь за собой несчастье, болезни. Запреты распространялись и на дрова. Нельзя было бросать дрова в местах, где люди могут через них перешагивать и этим их осквернить (Прокофьева, 1977: 66). Кроме дров огонь кормили и обычной «человеческой» пищей.

Весной, когда с юга возвращались гуси и утки, у селькупов проводился праздник встречи перелетных птиц. В советское время этот праздник лишился присутствия шаманов, потерял массовость и почти «сошел на нет», до наших дней дожил только один из его элементов – кормление духов. «В детстве в день прилета птиц тарелку с супом ставили на селькупском столике у задней стенки чума, покрытие чума там откидывали. Или столик с супом ставили на две нарты перед/рядом с чумом. Это чтобы духи кушали и нам благоволили. Тоже гостей звали. Бульон из прилетевших уток в этот день был обязательным» (Степанова, 2016: 284–285). «В этот день нужно сварить семь уток. Семь утиных сердец нанизать на ветку (прутик) и повесить (положить) на березу. Чтобы уток было много, и охота в этот год была удачной. Чтобы показать, что мы, селькупы, живы, помним свои обычаи, помним своего бога и приносим ему дар» (там же). «Убить 7 уток, сварить. Поставить 7 чашек с бульоном на стол. Утки вареные поставить отдельно. Если снег лежит, берешь ведро со снегом и ставишь у окна на улице, – чтобы утки летящие пили. Берешь вареные желудки («их отдельно кладут»), втыкаешь в них 7 палочек, как на шампур. Кладешь их в отдельный пакет и вместе с косточками уносишь в лес и вешаешь на дерево. В пакетике. Собакам нельзя давать! В этот день оленям уши протыкают и разноцветные ленточки привязывают. На березу – белый материал (по 0,5 м) вешают, черный – на кедр, красный – на сосну» (там же). «В день прилета птиц первую чашку супа ставили Нуму (в доме на стол), только потом начинали есть сами» (там же).

² АМАЭ, Прокофьев Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 14, л. 34.

Изначально к празднику встречи перелетных птиц была приурочена церемония оживления шаманских принадлежностей. Проводилась она шаманами, участниками ее были все собравшиеся сородичи. Вместе с шаманом они «путешествовали» по мирам мифической вселенной, оживляя бубен шамана-неофита. В финале этого обряда, т.е. по возвращении путешественников из иных миров, устраивалось всеобщее пиршество (для него убивали оленей, гусей, уток), во время которого угощались также и «идолы», изготовленные специально для церемонии (Прокофьев, 1930: 369, 371). В данном ритуале, как и в погребальном обряде, обнаруживаются сразу два традиционных взгляда селькупов на пищу, первый – пищей маркируется переход из потустороннего мира в земной, второй – получение помощи и защиты духов через их кормление.

Следующее представление о магических свойствах пищи связывается у селькупов с запретами есть мясо того или иного животного или какую-то часть этого животного. Ряд запретов имел общий характер, многие устанавливались только для женщин. Объяснение большинства селькупских пищевых запретов кроется в мифологических характеристиках животных, чье мясо запрещалось есть. Для селькупов каждого рода табуированным было мясо животного, от которого род вел свое происхождение. Например, как пишет Е. Д. Прокофьева, селькупы родов Медведя, проживающие на р. Тым, не убивали медведей, и в 1920-е годы их расплодилось столько, что в районе было невозможно содержать крупный рогатый скот: медведи задирали всех коров, которых только выпускали на пастбища (1976: 117), отчего тормозилось развитие районного скотоводства (1952: 97–98).

Остальные селькупы, не причислявшие себя к родам Медведя, запрет убивать медведей, распространявшийся также и на них, не соблюдали. Съедая мясо убитого животного, они проводили ритуал, смыслом которого было убедить медведя в том, что это не они убили его. Трапеза сопровождалась обращенными к медведю извинительными текстами: мол, это не мы убили тебя, это русская стрела/ружье убило тебя; это не мы кушаем тебя, это вороны тебя кушают. При этом едоки говорили «кук, кук», подражая воронам, мазали нос углем, мол «черный медведя кушает»³. При разделке медвежьей туши кости отделяли по суставам и старались, чтобы ни капли крови не упало на землю. Голову варили отдельно и «бульон в чашке медведю ставили»⁴. Кости съеденного медведя тщательно собирали и захоранивали определенным образом. Строго следили, чтобы какая-то кость не попала к собаке.

Особые правила употребления в пищу мяса медведя объяснились представлениями о медведе как о тотемном животном, духе и посмертной форме существования человека. Тщательное собирание и захоронение костей вытекало из первобытного представления о кости как матрице человеческого и звериного рода.

Магия медвежьего мяса виделась в том, что при его употреблении или неправильном употреблении на селькупов мог обрушиться гнев духа-медведя. Та же магия, по селькупским представлениям, заключалась в мясе других тотемных/почитаемых животных: нельзя, но можно – с соблюдением правил предосторожности – было убивать и есть журавля, орла, лебедя, гагару и т.д. Божественным животным считали селькупы лося (лосиху). Несмотря на то, что лось являлся основным охотничьим животным, исследователями был зафиксирован запрет на его охоту (Пелих, 1998: 13; Ким и др., 1996: 208).

Особыми магическими свойствами в мифологии селькупов обладали отдельные органы и части тела духов. В фольклоре сердце и печень духов имеют способность оживлять, возрождать, возвращать силы и давать новую жизнь. По-видимому, в этих представлениях кроется

³ АМАЭ, К-1, оп. 2, №2189. Степанова О. Б. Материалы экспедиции в Пуровский район Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа, состоявшейся в сентябре 2013 г. Л. 6.

⁴ АМАЭ, К-1, оп. 2, №2270. Материалы экспедиции О. Б. Степановой в Пуровский и Красноселькупский районы Ямало-Ненецкого АО в июне 2015 г. Л. 11.

объяснение некоторых пищевых предпочтений селькупов. Деликатесами у селькупов считались сердце, печень, голова и костный мозг оленя, их ели сырыми и преимущественно мужчины (Доннер, 2008: 92–93). Волшебные качества приписывали селькупы налимьей печени: в фольклоре героиня, съевшая налиమ్ью печень, беременеет, реальным девушкам запрещалось есть эту часть налима в период менструации.

Голова и сердце зайца в качестве пищи имели в представлениях селькупов негативную окраску: «У зайца голову и сердце молодые не едят. Старики могут. Молодым голову не дают, чтобы у их детей заячьей губы не было. Сердце молодым не дают – вот таким отдать – бояться будут, как зайцы»⁵. Этот запрет можно истолковать двумя способами. Первый – заяц как тотем принадлежал какому-то соседнему народу, а все чужое в селькупском фольклоре обычно имеет негативную окраску. Второй – селькупы верили в приобретение свойств животного после съедения этого животного, т. е. в еще одну разновидность первобытной пищевой магии. Верой в тот же тип магии объясняется ряд «женских» запретов: «Гагару женщинам есть нельзя, а то как гагара хромать будут. Яйцо птичье молодым девушкам нельзя кушать – не родят. Поэтому же нельзя им кушать и нижнюю часть медведицы»⁶.

Исключительные представления связываются у селькупов с поеданием мяса кукушки – в обычный рацион селькупского питания оно не входит и используется как чисто магическое средство в процессе шаманской инициации (одновременно служа маркером перехода границы миров). «Убил кукушку, из всех пород деревьев нужно костер сделать, разрезать кукушку на 7 частей и сделать *чопсы*. Когда съешь, на том же дереве спать ложишься. Тут уже тебе второй контроль нужен, чтобы никуда не убежал. Будет сниться, что тебя, как кукушку, разделяют, режут, тоже на 7 кусков: руки, ноги, голову и т. д. отрезают и выкидывают. У кого голова слабая, с ума сойдет. Кто это все выдерживает, становится таким же, как шаман»⁷.

Достичь состояния, которое давало возможность оказаться в мире духов, помогал селькупам мухомор, «пун», он употреблялся в сушеном виде с водой. «Пун – пьяный грибок, по мнению остяков, опьяняет и сообщает человеку особое состояние, когда он все знает, кто у него украл что-нибудь, кто обманул его и т. д.» (Шатилов, 1927: 166). По-видимому, мухомор употребляли не только шаманы, но и все желающие войти в контакт с духами (о неискоренимой привычке «подшаманивать», присущей когда-то всем селькупам без исключения, писал Г. Н. Прокофьев (1931)). Остальные грибы селькупы раньше не ели, «считая их погаными, не зная однако же, почему...» (Шатилов, 1927: 148). Материалы, освещающие мифологическое осмысление грибов у селькупов, не были записаны, но в мифологическом мировоззрении соседних кетов и эвенков грибы представлялись «захиревшими» фаллосами и были агентами мира духов (Анучин, 1914: 9; Шатилов, 1927: 147).

Итак, в исследовании были рассмотрены мифологические взгляды селькупов на пищу. Было установлено, что в ряде случаев селькупы приписывали пище магические, сакральные свойства. В самых древних слоях селькупского мировоззрения была выявлена идея о съедении человека в момент смерти духом-предком; через рот духа-предка умерший попадал в потусторонний мир – внутренности этого духа, где проживал еще одну жизнь, такую же, как на земле. При переходе в другой мир умерший терял свою телесную целостность, изменялся, трансформировался в иное (инобытийное) состояние, равно переживался духом-предком. Со временем представление о поедании, пережевывании духом человека, переходящего границу миров, упростилось до представления об обязательности приема пищи в момент этого перехода. Принимаемая на отрезке/участке перехода пища обладала магическими свойствами, которые могут

⁵ АМАЭ, К-1, оп. 2, № 2123. Полевые материалы О. Б. Степановой: экспедиционная поездка 01.09.2012 – 14.09.2012 в Красноселькупский район Тюменской области. Л. 22.

⁶ Там же, л. 26.

⁷ Там же, л. 24.

быть выражены формулой «поел-превратился» (или в более раннем варианте «съели-превратился»). Принятие пищи в фольклоре и обряде стало маркером перехода.

В погребальном обряде данный механизм преодоления рубежа миров находит отражение прежде всего в похоронной трапезе, порче погребальной одежды и сопроводительного инвентаря (которые тоже «пережевываются» духом) и в представлениях о телесных изменениях умершего.

Вторая идея, связанная с селькупскими воззрениями на магическую пищу, воплощается в кормлении духов – обряде, бывшем когда-то неотъемлемой частью жизни традиционного селькупского общества. Селькупы верили, что пропитание посылается им духами, и просили духов даровать им вдоволь рыбы и мяса (а также здоровья, детей и т. д.). Свои просьбы они подкрепляли угощением духов, считая, что духи – жители потустороннего мира и так же, как люди, едят и пьют. Духов кормили перед рыбалкой, охотой, весной и осенью, регулярно и ситуативно, угощали всем тем, что ели сами, некоторых кормили дымом. Угощения духов потом съедались участниками обряда или отправлялись в огонь, представлявший тоже духом и используемый в качестве канала связи между мирами. Угощения одинаково получали как духи, живущие в изготовленных для них изображениях (изображениях духов-хозяев мест и домашних духов), так и духи, присутствующие рядом с селькупам в невидимом состоянии.

Из веры в магические свойства некоторой еды происходил ряд пищевых запретов. Запреты распространялись, как правило, на мясо животных-тотемов, но были довольно условными. Веками выработанная традиция разрешала есть мясо любого духа-животного с соблюдением ряда правил, суть которых сводилась к обману или задабриванию духа (путем того же кормления) и выказыванию ему всяческого уважения, а также действий, имеющих целью воспроизводство его и ему подобных.

Некоторые пищевые запреты селькупов вытекали из представлений, основанных на принципе подобия, который, как им казалось, обязательно сработает, если ими будет съедено мясо «несимпатичного» им животного-духа, имевшего в их глазах какие-то физические недостатки.

Особыми магическими свойствами в мифологии селькупов обладали отдельные органы (сердце, печень, кровь) и части тела (голова) духов-животных: считалось, что они увеличивают жизненную силу человека. Эта пища определялась селькупам как желательная и деликатесная. В основу отношения к этой пище как особой и магической тоже был положен принцип подобия.

Множество пищевых запретов касалось женщин, что объясняется присущими селькупам специфическими взглядами на женскую природу: женщина производила на свет детей и поэтому обязана была осторожничать (принимая во внимание принцип подобия) в питании; она имела более сильную связь с нижним миром (полном злокозненных духов) и потому была способна случайно «испортить» какую-то «деликатесную» мужскую еду, обидеть какого-то (доброжелательного) духа и т. д. Представления селькупов о женской природе – тема отдельного исследования.

Мясо кукушки и галлюциногенный мухомор были исключительной пищей, позволяющей, по представлениям селькупов, совершать переход границы этого и того мира: мясо кукушки – будущему шаману при шаманской инициации, мухомор – любому селькупу при возникновении желания «пошаманить».

Сокращения:

МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Литература:

- Адрианов А. В.** Забытые люди забытого края // Русские ведомости. 1889. №9. С. 2–3.
- Анучин В. И.** Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914. 89 с.
- Гемуев И. Н.** Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. 156 с.
- Головнев А. В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Доннер К.** У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
- Кастрен М. А.** Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–49). Тюмень: Изд-во Мандрики. 1999. 348 с.
- Ким А. А., Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А.** Селькупский праздник *Пиль эд* и культ Лося // Материалы и исследование культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: ТГУ, 1996. С. 205–212.
- Мифология селькупов. Томск: ТГУ, 2004. 380 с.
- Народы Западной Сибири. М.: Наука. 2005. 805 с.
- Островских П. Е.** Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. №7–8. С. 161–181.
- Пелих Г. И.** Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
- Пелих Г. И.** Селькупская мифология. Томск: ТГУ, 1998. 79 с.
- Прокофьев Г. Н.** Три года в самоедской школе // Советский Север. 1931. №7–8. С. 143–160.
- Прокофьев Г. Н.** Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т. II. Л.: ЛГУ. 1930. С. 365–373.
- Прокофьева Е. Д.** К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 18. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 88–107.
- Прокофьева Е. Д.** Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сборник МАЭ, Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
- Прокофьева Е. Д.** Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005. 332 с.
- Степанова О. Б.** Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2007b. С. 182–198.
- Степанова О. Б.** Селькупский праздник встречи перелетных птиц: прошлое и настоящее // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 282–290.
- Степанова О. Б.** Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб., Абакан: Петербургское Востоковедение, Издательский дом «Пантеон», 2010. 303 с.
- Третьяков П. И.** Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. Безобразова, 1871. 316 с.
- Тучков А. Г.** Мука и хлеб в культуре селькупов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. №4 (10). 2015. С. 99–108.
- Тучкова Н. А.** О селькупах реки Кети // Земля Верхнекетская. Томск: ТГУ, 1997. С. 188–209.
- Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е.** Тазовские селькупы: очерки традиционной культуры. СПб.: Филиал издательства «Просвещение». 2002. 147 с.
- Шатилов М. В.** Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского региона // Труды Томского краеведческого музея. Томск: Красное знамя, 1927. Т. I. С. 139–167.

Степанова Ольга Борисовна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Университетская наб., 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13 марта 2022 г.

О. В. Stepanova

FOOD IN THE MYTHOLOGICAL IDEAS OF THE SELKUPS

As a result of the semantic analysis of the materials of Selkup folklore, beliefs, rituals, the study of food preferences and prohibitions, several ancient religious ideas were revealed that made food the most effective

magical means in the Selkup mythological field. Among them, the idea of eating a deceased person, crossing the border of the earthly and otherworldly worlds, by an ancestor animal, later grew into ideas about the connection between eating and crossing the border, as well as death; a view of food as a benefit sent to a person by spirits, and a view of spirits as material beings who eat and drink, and who need to be fed, appeasing; the idea of similarity, according to which a person who has eaten meat or some part of the spirit acquires the same properties that the spirit or this part of it has, etc. Each of the ideas is universal and characteristic of all peoples of the world at the early stages of the development of culture and religion. This is the first time such a study is carried out on the basis of Selkup religious beliefs, which is its novelty and scientific significance. The relevance of the study is given by the process of the formation of a new ethnicity among the modern Selkups and the resulting demand for any developments on the issues of Selkup history and culture.

Keywords: *Selkups, mythological concepts, rituals, food prohibitions and preferences, magical properties of food.*

References:

- Adrianov A. V.** Zabytyye lyudi zabytogo kraya [Forgotten people of the forgotten land]. Russkie vedomosti. 1889, No. 9. P. 23. (in Russian)
- Anuchin V. I.** Ocherk shamanstva u yenisayskikh ostyakov [Essay on shamanism among the Yenisei Ostyaks]. Sankt-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 1914. 89 p. (in Russian)
- Gemuev I. N.** Sem'ya u sel'kupov (XIX – nachalo XX v.) [The family of the Selkups (XIX early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye. 1984. 156 p. (in Russian)
- Golovnev A. V.** Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN. 1995. 606 p. (in Russian)
- Donner K.** U samoyedov v Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter. 2008. 176 p. (in Russian)
- Castren M. A.** Sochineniya v dvukh tomakh: T. 2. Puteshestviye v Sibir' (1845–49) [Works in two volumes: T. 2. Travel to Siberia (1845–49)]. Tyumen: Mandriki. 1999. 348 p. (in Russian)
- Kim A. A., Kudryashova T. K., Kudryashova D. A.** Sel'kupskiy prazdnik Pil' ed i kul't Losya [Selkup holiday in Pil' ed and the cult of the Elk]. In: Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri [Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri]. Tomsk: TGU. 1996. P. 205–212 (in Russian)
- Mifologiya sel'kupov [Mythology of the Selkup]. Tomsk: TSU. 2004. 380 p. (in Russian)
- Narody Zapadnoy Sibiri [Peoples of Western Siberia]. Moscow: Nauka. 2005. 805 p. (in Russian)
- Ostrovskiy P. E.** Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse XIX v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of Turukhansk Territory at the end of the 19th century]. Sovetskiy Sever, 1931, № 78. P. 161–181 (in Russian)
- Pelikh G. I.** Materialy po sel'kupskomu shamanstvu [Materials on Selkup shamanism] In: Etnografiya Severnoy Azii [Ethnography of North Asia. Novosibirsk]. Nauka. 1980. P. 570 (in Russian)
- Pelikh G. I.** Sel'kupskaya mifologiya [Selkup mythology]. Tomsk: TGU. 1998. 79 p. (in Russian)
- Prokofiev G. N.** Tri goda v samoyedskoy shkole [Three years in a Samoyed school]. Sovetskiy Sever, 1931, № 78. P. 143–160 (in Russian)
- Prokofiev G. N.** Tseremoniya ozhivleniya bubna u ostyako-samoyedov [Ceremony of reviving a tambourine at Ostyak-Samoyed]. Izvestia LGU, 1930, II. P. 365–373 (in Russian)
- Prokofieva E. D.** K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [To the question of the social organization of the Selkups (genus and phratry)]. In: Sibirskiy etnograficheskiy sbornik. Trudy Instituta Etnografii. Novaya seriya. [Siberian ethnographic collection. Proceedings of the Institute of Ethnography. New series]. Vol. 18. Moscow Leningrad: Nauka. 1952. P. 88–107 (in Russian)
- Prokofieva E. D.** Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkup]. In: Sbornik MAE [Compilation of the MAE]. Vol. 33. Leningrad: Nauka, 1977. P. 66–79 (in Russian)
- Prokofieva E. D.** Staryye predstavleniya sel'kupov o mire [Old representations of Selkups about the world]. In: Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa [Nature and man in the religious ideas of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka. 1976. P. 106–128 (in Russian)
- Propp V. Ya.** Istoricheskiye korni volshebnoy skazki [The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint. 2005. 332 p. (in Russian)
- Stepanova O. B.** Mir mertvykh i pogrebal'nyy obryad sel'kupov [The world of the dead and the funeral rite of the Selkup]. In: Mifologiya smerti. Struktura, funktsiya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri [Mifologiya smerti. Struktura, funktsiya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri]. Sankt-Petersburg: MAE RAS. 2007b. P. 182–198 (in Russian)

Stepanova O. B. Sel'kupskiy prazdnik vstrechi pereletnykh ptits: proshloye i nastoyashcheye [Selkup holiday of meeting migratory birds: past and present]. In: Radlovskiy sbornik [Radlovsky compilation]. Sankt-Petersburg: MAE RAS. 2016. P. 282–290 (in Russian)

Stepanova O. B. Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe [The traditional worldview of the Selkup: ideas about the cycle of life and soul]. Sankt-Petersburg, Abakan: Peterburgskoye Vostokovedeniye, Izdatel'skiy dom "Panteon". 2010. P. 303 (in Russian)

Tret'yakov P. I. Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Sankt-Petersburg: Bezobrazova Press. 1871. P. 316 (in Russian)

Tuchkov A. G. Muka i khleb v kul'ture sel'kupov [Flour and bread in the culture of the Selkups]. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. 2015, No. 4. P. 99–108 (in Russian)

Tuchkova N. A. O sel'kupakh reki Ket'i [On the Selkups of the Ket'i River]. In: Zemlya Verkhneketskaya [Verkhneketskaya land]. Tomsk: TGU. 1997. P. 188–209 (in Russian)

Khomich L. V., Irikov S. I., Ayupova G. Ye. Tazovskiye sel'kupy: ocherki traditsionnoy kul'tury [Taz Selkups: essays on traditional culture]. Sankt-Petersburg: Filial izdatel'stva "Prosveshcheniye". 2002. 147 p. (in Russian)

Shatilov M. B. Ostyako-samoyedy i tungusy Prinarymskogo regiona [Ostyako-Samoyeds and Tunguses of the Prinarym region]. In: Trudy Tomskogo krayevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Museum of Local Lore]. Vol. 1. Tomsk: Krasnoye znamya. 1927. P. 139–167 (in Russian)

Stepanova Olga Borisovna.

Candidate of science in history, senior researcher.

**Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences.**

3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Н. Ф. Степанова, Ю. Ф. Кирюшин, Д. Ю. Рыбаков

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ С НОВОВАСЮГАНСКОГО ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ ИЗ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ¹

Представлены результаты исследований керамики с двух памятников (Нововасюганского поселения и городища) кулайской культуры из Нарымского Приобья, расположенных в непосредственной близости – на расстоянии 60 м, что представляет особый интерес для выявления традиций в изготовлении глиняной посуды. Техничко-технологический анализ керамики проведен в рамках историко-культурного подхода. Основная задача исследований заключалась в выявлении специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс и сравнительном анализе полученных результатов. В результате изучения исходного сырья установлено, что использовались ожелезненные глины (средне- и слабоожелезненные) с большим количеством мелкого песка. В формовочные массы практически не вводили искусственные минеральные примеси, лишь в нескольких случаях зафиксирован шамот, как правило, в низкой концентрации, что не влияло на качество сосудов. Навыки в выборе исходного сырья и подготовки формовочных масс с этих двух памятников очень похожи, но сосудов, изготовленных из одной глины, не обнаружено. Установлено, что гончары с поселения и городища использовали разные залежи глин, которые различались размерами песка. Особенности обжига, обработки поверхности сосудов, нанесения орнамента свидетельствуют о разных традициях изготовления керамики, о разных гончарах и группах населения. Возможно, выявленные особенности связаны с хронологическими причинами, о чем свидетельствуют различия в орнаментации сосудов. Сравнительный анализ с изученными ранее коллекциями кулайской культуры выявил отличия. Для кулайских памятников из Томского Приобья характерно использование слабо- и неожелезненных глин с добавлением в формовочные массы дресвы (дробленного камня), для Прикетья – добавление шамота. На Нововасюганских поселении и городище неожелезненные глины и добавление дресвы не выявлены, а минеральные примеси вводились редко. Наличие на Нововасюганских памятниках рецептов с шамотом может свидетельствовать о небольшом притоке населения с другими навыками подготовки формовочных масс, характерными для Прикетья.

Ключевые слова: *Нововасюганское городище, поселение, кулайская культура, керамика, технико-технологический анализ, исходное сырье, формовочные массы, орнамент, Нарымское и Томское Приобье.*

Керамика – один из наиболее важных источников информации о древнем населении, особенно для ранних периодов истории, о которых нет письменных источников. В последние годы проведен технико-технологический анализ целого ряда коллекций керамики кулайской культуры (Рыбаков, Степанова, 2013; 2017; 2019; Плетнева, Степанова, 2018; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021; Селин, Чемякин, 2021; Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021; Селин, 2021 и др.). Получены сведения, имеющие большое значение для изучения этой эпохи. В данной работе также представлены результаты изучения керамики кулайской культуры с памятников, расположенных на расстоянии 60 м друг от друга, что представляет особый интерес для выявления культурных традиций. Кроме того, приведены данные сравнительного анализа с результатами исследований коллекций с ранее изученных памятников, удаленных на значительное расстояние (400 км и больше) от Нововасюганских (рис. 1. 1).

Нововасюганское городище (городище Путь Севера) (рис. 1. 1–3)

Расположено на территории п. Новый Васюган, который основан спецпереселенцами на рубеже 1920–1930-х гг. и первоначально назывался п. Путь Севера (Лукина, 2004: 13). Первые сборы с памятника поступили в Колпашевский краеведческий музей примерно в 1940–1941 гг. без какой-либо сопроводительной документации. Долгое время считалось, что ее доставил

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006) и при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

директор музея П. И. Кутафьев – первый исследователь археологических памятников Нарымского Приобья. Однако выявленные позже письменные источники из архива Колпашевского краеведческого музея позволяют предположительно назвать первооткрывателем памятника и автором вышеуказанных сборов И. Т. Белимова. Именно он, будучи директором неполной средней школы в п. Путь Севера, собирався, судя по этим новым материалам, в 1937 г. раскапывать городище и, видимо, осуществил свое намерение (Яковлев, Рассамахин, 2000: 96–127). В 1962 г. внештатный сотрудник Колпашевского краеведческого музея В. Е. Добычин во время экспедиции по р. Васюгану в бывшем поселке Путь Севера, переименованном к тому времени в Новый Васюган, приобрел в местной школе «ремень, украшенный сильно выпуклыми медными бляшками». Находка была обнаружена на значительно разрушенном городище на территории населенного пункта – на этом основании В. Е. Добычин назвал памятник Нововасюганским городищем (Добычин, 1962: С. 24).

В 1970 г. памятник обследовал Ю. Ф. Кирюшин. По его данным, городище находится на мысу высотой 12–15 м левого берега р. Васюгана, на окраине п. Новый Васюган, в 60 м к северу от Нововасюганского поселения. С трех сторон памятник окружен валом шириной 1,5–2,0 м, высотой до 0,7 м и рвом шириной 2,0 м, глубиной 0,5–0,7 м. С южной стороны ров заканчивается промоиной, с западной – начинаются огороды жителей ул. Рабочей. Размеры сохранившейся части городища 22 × 30 м. Городище значительно повреждено детьми во время игр и сбора керамического материала для школьного музея. Был снят глазомерный план. В его юго-западной оконечности памятника заложена траншея размером 3 × 1 м. В ходе раскопок обнаружена керамика, камни, кости животных. Также с поверхности памятника поднят подъемный материал (Кирюшин, 1971: 5–6). Л. А. Чиндиной памятник отнесен к васюганскому этапу кулайской культуры (Чиндина, 1984: 206). Материалы опубликованы Ю. Ф. Кирюшиным и Л. В. Панкратовой в статье «Нововасюганское городище» (2002), в которой подробно рассмотрен керамический материал, включающий 528 единиц хранения. Сделан вывод о том, что материалы городища представляют однокультурный комплекс, отражающий особенности формирования и генезиса кулайской культуры. Хронология существования памятника определяется переходным временем от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа (ранний этап) и васюганским этапом кулайской культуры (Кирюшин, Панкратова, 2002: 86–89).

Нововасюганское поселение (поселение Новый Васюган I) (рис. 1. 2, 4)

Обнаружено в 1970 г. Ю. Ф. Кирюшиным (Кирюшин, Малолетко, 1979). Располагалось на левом берегу р. Васюгана высотой 12–15 м, в юго-западной части п. Новый Васюган. Памятник поврежден сооружением двух подъездов от реки к поселку и интенсивно разрушался паводками. Жилищные западины на поверхности не фиксировались. В 1970 г. Ю. Ф. Кирюшиным в осыпи разрушенного берега и заложенной траншее собрана значительная коллекция керамики, обломков тиглей и литейных форм. В 1972 г. им же в северо-восточной части поселения заложен раскоп площадью 114 кв. м, обнаружено жилище с культурным слоем от 0,3 до 0,6 м. Найдена керамика переходной эпохи от бронзы к железу. Часть находок датируется бронзовым веком.

В 2017 г. место расположения поселения было обследовано Д. Ю. Рыбаковым. Однако визуальный осмотр коренной террасы, на которой оно расположено, а также зачистка обнажения результатов не дали. Культурный слой и подъемный материал отсутствовали. Было отмечено, что практически вся территория находится под частной застройкой и огородами местных жителей. С их слов, раньше здесь было произведено выравнивание площадки с использованием тяжелой техники. Возможно, памятник полностью уничтожен (Рыбаков, 2018: 33–34).

В результате раскопок и сборов подъемного материала получена коллекция находок, состоящая из более 6 тыс. очень мелких обломков керамических сосудов, из которых по венчикам

Ю. Ф. Кирюшиным выделено 404 сосуда. По форме, размерам и орнаментации они были разделены на две группы, которые, по мнению Ю. Ф. Кирюшина, вероятно, соответствуют столовой и кухонной посуде. На основании распределения керамического материала при проведении раскопок сделан вывод о том, что часть керамики первого штыка Нововасюганского поселения, а также обнаруженная в заполнении жилища характеризует один из заключительных этапов существования данного поселения и датируется началом раннего железного века. Керамика со второго штыка, очевидно, отражает более ранний этап существования поселения, который может быть датирован концом переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (Кирюшин, 1975: 46–47). Впоследствии Л. А. Чиндиной памятник был отнесен к васюганскому этапу кулайской культуры (Чиндина, 1984: 15, 206). Керамика Нововасюганского поселения включает 2 и 3 группу керамики, датировка которых укладывается в VI–V вв. до н. э. (Чиндина, 1984: 103).

Для технико-технологического анализа керамики представлен 41 образец: 31 с поселения и 10 с городища (рис. 1–4). Это венчики от разных сосудов, которые различаются цветом внешней поверхности: черные, серые и коричневые различных оттенков, красноватые. В изломе также различаются по цвету: черные, серые, бежевые, красноватые, изредка двухцветные. Венчики различаются обработкой поверхности: часть из них заглажена изнутри предметами, оставляющими параллельные бороздки на поверхности, другие заглажены предметом, не оставляющим видимых следов. Некоторые образцы имеют заглаживание инструментом, оставляющим бороздки, и с внешней стороны. При нанесении ямок и жемчужин в нескольких случаях сохранились четкие отпечатки пальцев гончара (рис. 2. 3; 4. 3). Большинство сосудов тонкостенные: толщина стенок варьирует от 0,2 до 0,7 см, преимущественно 0,3–0,5 см.

Сосуды орнаментированы разнообразно и отнесены к нескольким группам керамики по классификации Л. А. Чиндиной. На обоих памятниках найдена керамика группы 2, 3, а на городище в том числе и группы 5 (Чиндина, 1984). На всех изделиях с Нововасюганского поселения в верхней части нанесен ряд жемчужника или ямок. На некоторых сосудах присутствует ряд жемчужника и расположенный ниже или выше ряд ямок. Лишь в трех случаях ряд ямок образует самостоятельную композицию (рис. 2. 1, 2; 3. 6), в остальных сосудах она дополняется мотивами из оттисков и наколов уголка гребенчатого штампа, лопатки, треугольного штампа и овалов, образующих горизонтальные или наклонные мотивы.

Большая часть сосудов с Нововасюганского городища орнаментирована ямками. В одном случае ямки чередуются с жемчужником (рис. 1. 5), на четырех нанесен штамп в виде уточки (рис. 1. 7, 12, 14). На одном из сосудов появляется волна гребенчатого штампа (рис. 1. 12). Их можно отнести к 5 группе керамики по классификации Л. А. Чиндиной, которая датируется рубежом V/IV–II вв. до н. э. (Чиндина, 1984: 103).

Поскольку все сосуды украшены ямками или жемчужинами, иногда и тем и другим видом отпечатков, были проведены специальные исследования ямок и жемчужин. Анализ диаметров ямок, глубины отпечатков, особенностей дна, а также стенок показал, что для нанесения орнамента использовались разные инструменты. Они различались оформлением рабочего края. В частности, диаметром (от 0,3 до 0,6 см), оформлением основания (стенки параллельные, закругляются у самого дна, реже постепенно сужаются к основанию). Видимо, различались и способ нанесения ямок или жемчужин: в ряде случаев инструмент как бы вкручивался, а не вдавливался. Глубина ямок также различается – от 0,2 до 0,6–0,7 см. В некоторых случаях ямки сквозные. Анализ отпечатков свидетельствует о том, что использовались не просто разные инструменты, но можно говорить о разных традициях в выборе инструментов и нанесении подобных оттисков.

Результаты технико-технологического анализа

Исследования выполнены в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А. А. Бобринским с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2017). Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). Рассматривались вопросы выделения культурных традиций, выявления местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Нововасюганское городище (городище Путь Севера). Изучено 10 образцов. *Исходное сырье (ИС).* Все сосуды изготовлены из ожелезненных глин: среднеожелезненных (60%) и слабоожелезненных (30%). Один сосуд по цвету занимает промежуточное положение между средне- и слабоожелезненными изделиями. Все сырье сильно запесоченное. Концентрация песка от 1: 1–2 до 1: 3–4. Преимущественно 1: 2 и 1: 2–3. Размер песчинок различается: от 0,1–0,2 до 0,5. Есть и более мелкие частицы, а отдельные включения достигают 1–2 мм. Бурый железняк (БЖ) зафиксирован в 40% образцов. Выделяется один сосуд (рис. 1. 7), где концентрация этих частиц достигает 1: 4–5. В исходном сырье изредка встречаются мелкие отпечатки растительности.

Все глины происходят из разных залежей, о чем свидетельствует состав песка, размерность и концентрация частиц, а также степень ожелезненности глин. Особо выделяются три образца (рис. 1. 5, 7, 14) размером частиц для этих двух коллекций. Размер песчинок в них от 0,2–0,5 мм и выше, в то время как для коллекции в целом подобный размер частиц не характерен.

Формовочные массы (ФМ). Выявлено 2 рецепта: глина + органика (90%) и глина + шамот (10%) (рис. 1. 12). Концентрация шамота до 1: 5. Органики во всех образцах мало. В большинстве случаев ее характер – искусственная или естественная примесь определить затруднительно. Второй рецепт необычный для коллекции.

Нововасюганское поселение (поселение Новый Васюган I). Изучен 31 образец. *Исходное сырье.* По ожелезненности глин ИС подразделяется на ожелезненное и неожелезненное. Последнее зафиксировано всего в одном случае в качестве второй глины (рис. 2. 5). Ожелезненное ИС подразделяется на средне- и слабоожелезненное (соответственно 53 и 35%). Необходимо отметить, что особую группу составляют образцы (12%), которые по цвету занимают промежуточное положение между слабо- и среднеожелезненным сырьем. Все сосуды изготовлены из сильнозапесоченного сырья. Песок очень мелкий. Как правило, размер частиц от 0,1 мм и меньше. Как исключение встречаются частицы размером 0,2–0,3 мм или 0,5 мм. В двух образцах выявлены остроугольные частицы (рис. 2. 8; 3. 8), в одном – их размер достигал 2 мм. Есть небольшие различия в концентрации песка: от 1: 1 до 1: 3–4. Однако концентрация 1: 3–4 выявлена всего в одном образце (рис. 4. 4), 1: 3 – дважды (рис. 2. 3; 4. 3). В основном использованы глины, в которых концентрация песка 1: 1–2 и 1: 2–3. Из других естественных минеральных примесей в 52% образцов зафиксирован бурый железняк. Как правило, это округлые частицы (рис. 4. 14), мелкие и в очень низкой концентрации (1 частица на несколько квадратных сантиметров). Выделяется один образец с включениями охристого облика. Кроме того, зафиксированы мельчайшие обломки косточек рыб (рис. 4. 16), реже отпечатки чешуи рыб (в общей сложности в 65% образцов). Обычно это 1–2 мелких фрагмента косточек на всей изучаемой поверхности образцов, то есть помимо свежего слома учитывалась внутренняя и внешняя поверхность фрагментов керамики. Изредка встречаются отпечатки мелких фрагментов растений.

Рис. 1.

1. Место расположения Нововасюганских памятников на карте Томской области.
2. Ситуационный план расположения Нововасюганского городища и поселения (Киришин, 1971: приложение 2).
3. Общий вид Нововасюганского городища (съемка Д. Ю. Рыбакова 2017 г.).
4. Общий вид места расположения Нововасюганского поселения (съемка Д. Ю. Рыбакова 2017 г.).
- 5–14 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского городища

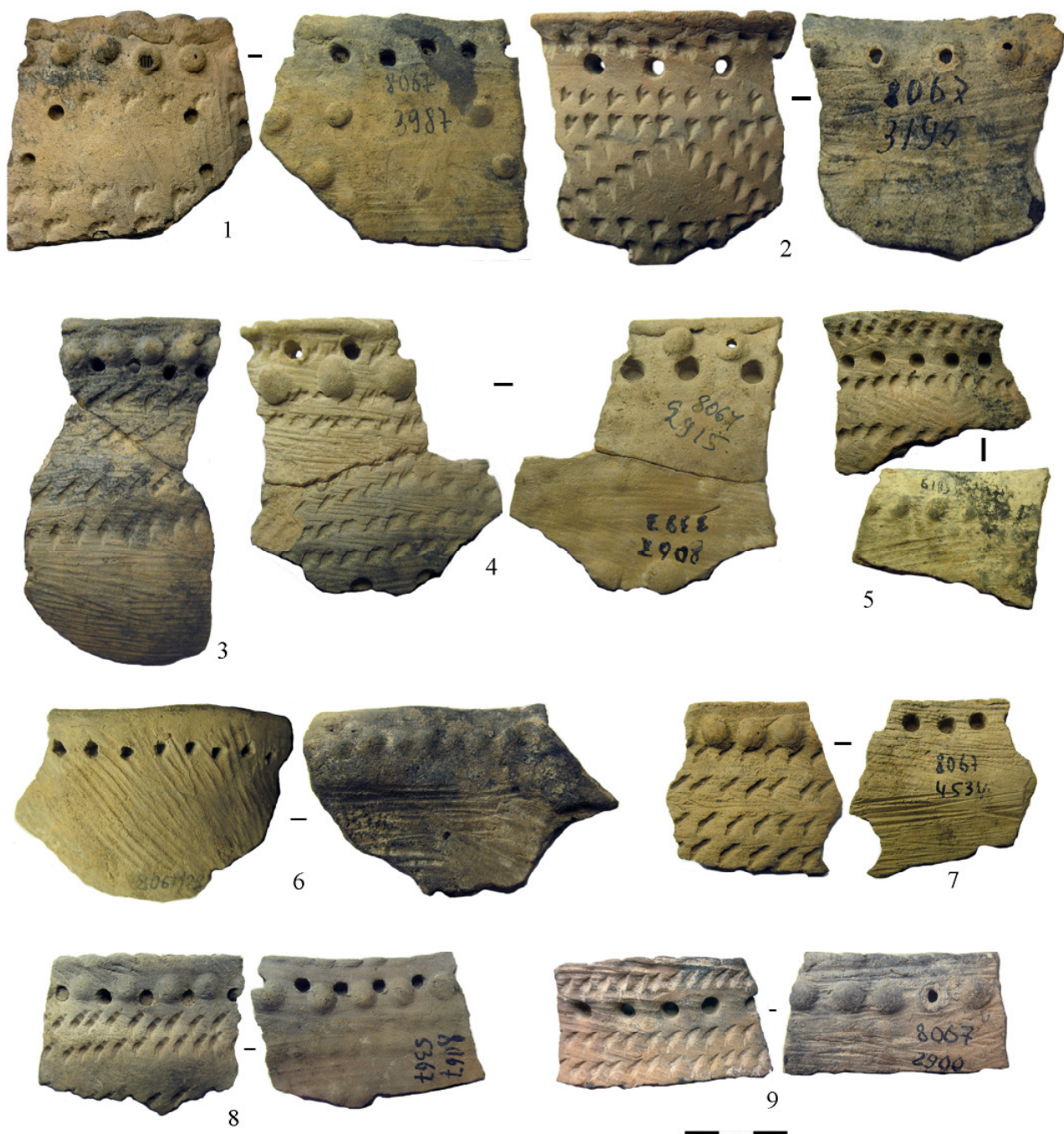

Рис. 2.
1–9 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского поселения

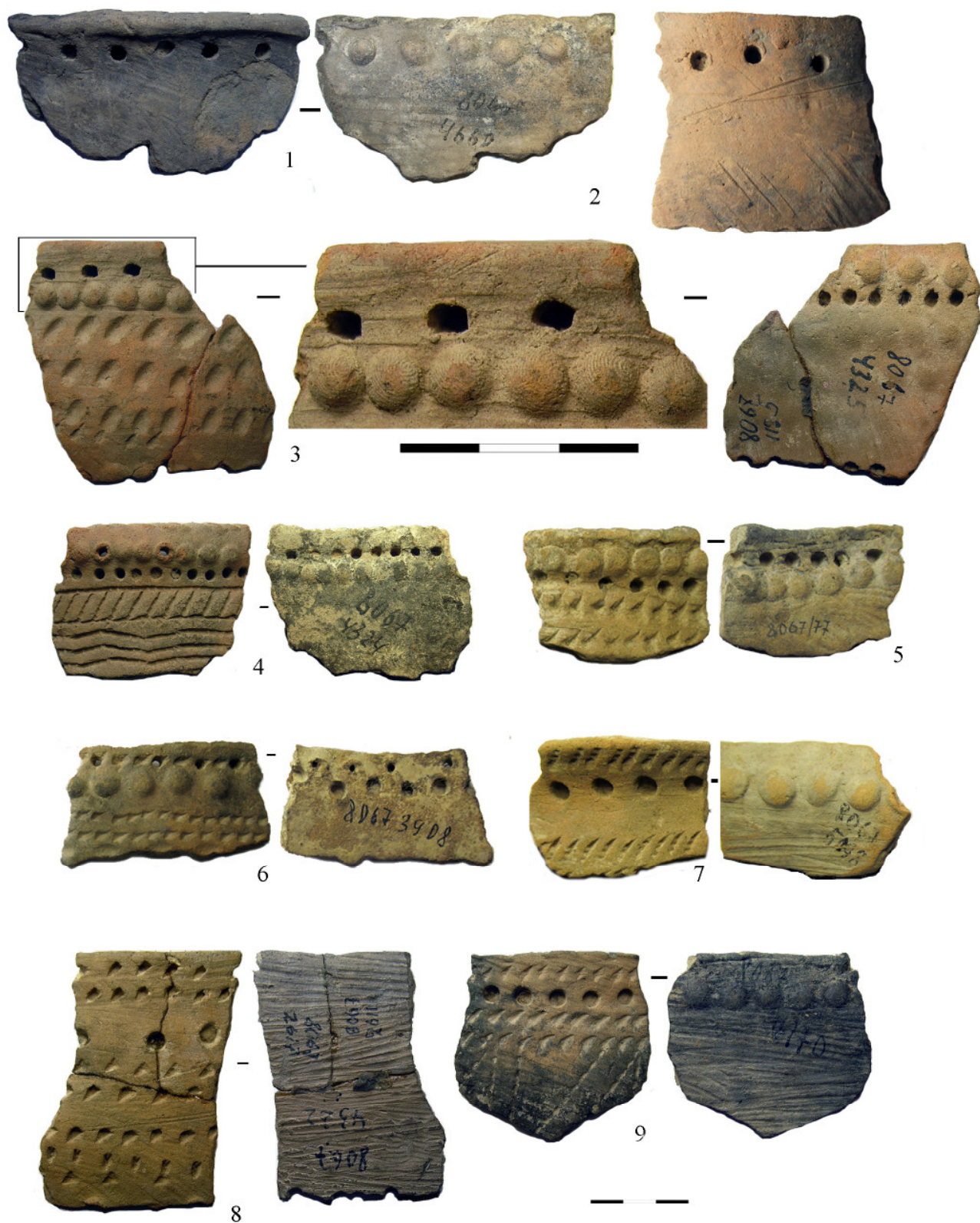

Рис. 3.
1–9 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского поселения

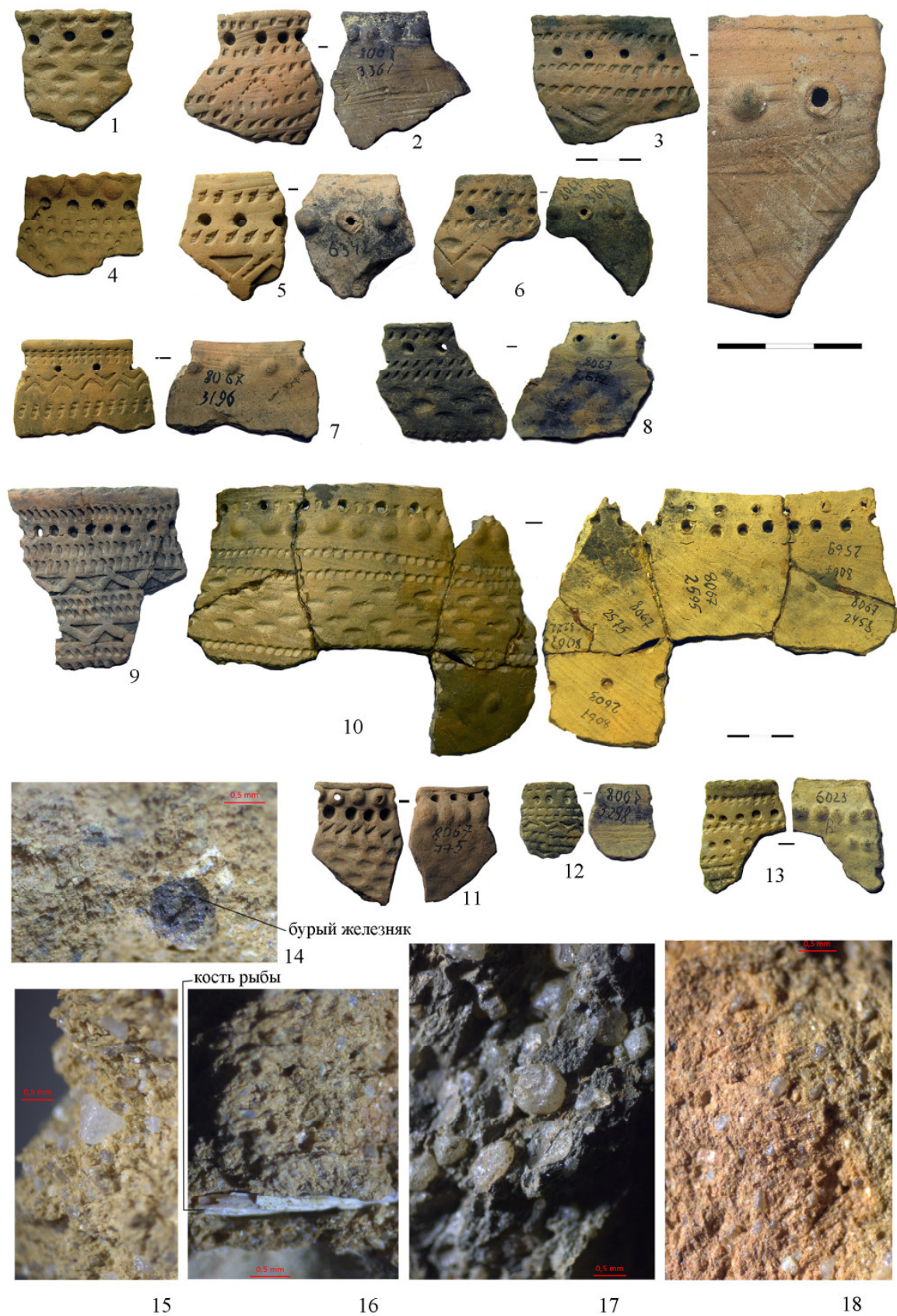

Рис. 4.
1–13 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского поселения.
14–18 – микрофотографии формовочных масс

Анализ признаков показал, что исходное сырье взято из разных, но очень похожих между собой источников. Наличие в ИС мелких обломков костей рыб, а также изредка встречающихся комочков сухой глины свидетельствует, что брали его на берегу водоемов.

Формовочные массы. Выделяются 3 рецепта: глина + глина + органика (10 %) (рис. 2. 5; 3. 5; 4. 5), глина + шамот + органика (13 %) (рис. 2. 1, 3; 3. 5, 9), глина + органика (77 %), которые по наличию искусственно введенных минеральных примесей объединены в группы: 1) глина + органика и глина + глина + органика (87 %); 2) глина + шамот + органика (13 %). В тех образцах, в которых выявлены частички шамота, их концентрация составляет от 1: 8 и меньше. Такая низкая концентрация может свидетельствовать об отмирании традиции добавлять шамот или о случайном попадании шамота в формовочные массы. Необходимо отметить, что органики, как правило, мало. Определить ее характер (естественная – искусственная) во многих случаях затруднительно.

Сравнительный анализ результатов изучения исходного сырья и формовочных масс с этих двух памятников показал, что исходное сырье коллекций похоже тем, что во всех случаях оно сильно запесочено (рис. 4. 14–18). Несмотря на то, что песчинки очень мелкие, исходное сырье с городища незначительно отличается размером частиц: на городище песок более крупный – от 0,1–0,2 мм и больше, а на поселении более мелкий – от 0,1–0,2 мм и меньше. Это свидетельствует о том, что традиции в выборе ИС были аналогичными, но использованы разные залежи глины. Ни на одном из двух памятников не выявлено сосудов, изготовленных из одной и той же глины. Необходимо подчеркнуть, что по концентрации песка с Нововасюганского поселения выделяются 3 образца (рис. 2. 3; 4. 3, 4). Эти же образцы выделяются и по орнаментации: все три сосуда украшены овальным штампом. По-видимому, совпадение двух необычных признаков является неслучайным.

К отличиям от ранее изученных коллекций относится факт, что не выявлено использования нежелезненных глин, характерного для Томского Приобья (Степанова, Рыбаков, 2019; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021). Однако процент слабожелезненных глин достаточно высок и на Нововасюганских поселении и городище. Это отличает от коллекций с сопредельных территорий, в частности Алтая (Степанова, 2015; 2017).

Другое отличие этих двух коллекций от изученных ранее в том, что практически не фиксируется специальное введение минеральных примесей в формовочные массы. В общей сложности шамот выявлен всего в 12 % образцов и ни одного случая с добавлением дресвы. Среди них особое место занимает один сосуд, в котором концентрация шамота достигает 1: 5 (рис. 1. 12). В остальных обнаружено минимальное количество частиц, что может свидетельствовать об угасании традиции, так как то количество шамота, что было добавлено в формовочные массы, не могло отразиться на качестве изделия.

Как уже отмечалось ранее, для Томского Приобья в раннем железном веке характерно использование дресвы, а для памятников из Прикетья – шамота (Степанова, Рыбаков, 2019; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021). В то же время на большинстве памятников фиксировалось незначительное количество сосудов, изготовленных без добавления минеральных примесей, которые предположительно связывали с особой группой населения. В данном случае на Нововасюганском поселении и городище наблюдается традиция подготовки формовочных масс без добавления минеральных примесей, а об особой группе населения, представленной в небольшом количестве, свидетельствуют рецепты с шамотом.

Технико-технологический анализ керамики проведен для ряда коллекций с памятников кулайской культуры (сургутский вариант) из других регионов. Было также установлено, что при составлении формовочных масс преимущественно использовалась дресва, реже шамот, наблюдается смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей (дресва + шамот) (Селин, 2021; Селин, Чемякин, 2021; Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021).

Выше уже отмечался ряд различий в орнаментации коллекций Нововасюганских памятников. На наш взгляд, отличие в орнаментации керамики поселения и городища связано с различной хронологией их существования. Об этом свидетельствует как наличие штампа уточка на части сосудов Нововасюганского городища, так и уменьшение числа сосудов, орнаментированных жемчужником. Проведенный статистический анализ керамического комплекса Степановского III поселения V–III вв. до н. э. со Среднего Васюгана (раскопки Н. В. Торощиной) показывает, что из 29 учтенных сосудов 22 (76 %) были орнаментированы жемчужником. Сокращение числа сосудов, орнаментированных жемчужником, в последующее время является хронологическим признаком. Для поселений конца IV–II вв. до н. э. Томского Приобья число сосудов, орнаментированных жемчужником, максимально (поселение и городище Рюзаково (Духовое) – 55,5 %, городище Чердашный Лог I – 49 %, поселение Половинка I – 41 %). Для памятников I в. до н. э. – II в. н. э. их число значительно ниже (городище Мурашка – 21 %, поселение Мурашка IV – 20 %). Для поселений Новосибирского Приобья I в. до н. э. – I в. н. э. этот показатель еще ниже (поселение Дубровинский Борок-3 – 2 %, поселение Ордынское-9 – 0 %, поселение Усть-Ирмень – 2 %). В III–IV вв. в Томском Приобье жемчужник практически полностью отсутствует (поселение Аникино I – 1,5 %, городище Тимирязево III – 0 %) (Рыбаков, 2015). В связи с этим можно предположить, что некоторые различия, характерные для исходного сырья Нововасюганского поселения и городища, могут быть неслучайными и связаны с хронологическими различиями изученных комплексов, то есть гончары придерживались тех же традиций в выборе исходного сырья и подготовки формовочных масс, однако прежние места добычи глины им были не известны.

Подводя итог, необходимо отметить, что особенности обжига, обработки поверхности сосудов, нанесения орнамента свидетельствуют о разных традициях изготовления керамики, разных гончарах и группах населения. В то же время удивительное сходство в выборе исходного сырья и составлении формовочных масс свидетельствует о единой традиции, но при этом не выявлено сосудов, изготовленных из одного замеса или одной и той же глины. Исключений в составлении рецептов формовочных масс очень мало (добавление шамота), что может свидетельствовать о небольшом притоке населения с другими навыками подготовки формовочных масс, характерными прежде всего для Прикетья.

Источники:

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Добычин В. Е.** Отчет о поездке по реке Васюган. 1962 // Архив Колпашевского краеведческого музея. Без номера.
- Кирюшин Ю. Ф.** Отчет об археологических работах Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, летом 1970 г. Томск. 1971. 23 с. // Архив МАЭС ТГУ, № 467.
- Кирюшин Ю. Ф.** Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1975. Вып. 16. С. 29–48.
- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.** Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во ТГУ. 1979. 182 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Панкратова Л. В.** Нововасюганское городище // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск: Изд-во ТГУ. 2002. Т. 1. С. 67–96.
- Коллекция керамики с Нововасюганского поселения (Каргасокский район Томской области). Раскопки Ю. Ф. Кирюшина 1970 г. Фонды МАЭС ТГУ, № 8067.
- Коллекция керамики с Нововасюганского городища (Каргасокский район Томской области). Раскопки Ю. Ф. Кирюшина 1970 г. Фонды МАЭС ТГУ, № 9026.
- Лукина Н. В.** Ханты от Васюганья до Заполярья: Источники по этнографии. Томск. 2004. Т. 1: Васюган. 245 с.
- Плетнева Л. М., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Шеломок II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 107–117.

- Рыбаков Д. Ю.** Томское Приобье в конце IV/III вв. до н. э. – IV в. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Томск. 2015. 24 с.
- Рыбаков Д. Ю.** Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Археологическая разведка в Каргасокском районе Томской области в 2017 г.» Томск. 2018. 102 с. // Архив ООО «Сибирская археология», №40.
- Рыбаков Д. Ю., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. № 2 (22). С. 86–90.
- Рыбаков Д. Ю., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. Вып. 49. С. 56–63.
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.** Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. №5. С. 116–128.
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П., Мыльникова Л. Н.** Керамика городища эпохи раннего железа Барсов городок III/6 в Сургутском Приобье: технико-технологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 2. С. 72–83.
- Селин Д. В.** Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 7. С. 86–96.
- Степанова Н. Ф.** Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 90–95.
- Степанова Н. Ф.** Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 401–404.
- Степанова Н. Ф., Плетнева Л. М., Рыбаков Д. Ю.** Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Томского гос. ун-та. История. № 69. 2021. С. 55–61.
- Степанова Н. Ф., Рыбаков Д. Ю.** Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 607–613.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Чиндина Л. А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.
- Яковлев Я. А., Рассмахин Ю. К.** У истоков Колпашевского краеведческого музея: Петр Иванович Кутафьев // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск. 2000. Т. X. С. 96–127.

Степанова Надежда Федоровна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

Пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049.

E-mail: nstepanova10@mail.ru

Кирюшин Юрий Федорович.

Доктор исторических наук, профессор.

Алтайский государственный университет.

Пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049.

Рыбаков Дмитрий Юрьевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, г. Томск, 634050.

E-mail: dima0183@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 марта 2022 г.

N. F. Stepanova, Yu. F. Kiryushin, D. Yu. Rybakov

**THE RESULTS OF THE TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS
OF KULAI CULTURE CERAMICS FROM THE NOVOVASYUGAN SETTLEMENT
AND THE SETTLEMENT FROM THE NARYM OB REGION**

The article presents the results of studies of ceramics from two sites (Novovasyugan settlement and settlement) of the Kulai culture from the Narym Ob region, located in close proximity – at a distance of 60 m, which is of particular interest for identifying traditions in the manufacture of pottery. The technical and technological analysis of ceramics was carried out within the framework of the historical and cultural approach. The main objective of the research was to identify the specifics of cultural traditions in the selection of raw materials and the preparation of pottery paste and a comparative analysis of the results obtained. As a result of the study of the raw materials, it was found that ferruginous clays (medium and slightly degree of iron content in clay) with a large amount of fine sand were used. Artificial mineral impurities were practically not introduced into the pottery paste, only in a few cases chamotte was recorded, as a rule, in a low concentration, which did not affect the quality of the vessels. Skills in the selection of raw materials and preparation of pottery paste from these two sites are very similar, but vessels made of the same clay were not found. It was found that the potters from the settlement and the settlement used different clay deposits, which differed in the size of the sand. The peculiarities of firing of vessels, surface treatment of vessels, and the application of ornaments indicate different traditions of pottery making, different potters and groups of the population. Perhaps the identified features are related to chronological reasons, as evidenced by differences in the ornamentation of vessels. A comparative analysis with the previously studied collections of the Kulai culture revealed differences. The Kulai monuments from the Tomsk Ob region are characterized by the use of weak – and non iron clay with the addition of crushed stone (broken stone) to the pottery paste, and the addition of chamotte for the Priketye. At the Novovasyugan settlement and the settlement site, non iron clay and the broken stone were not detected, and mineral impurities were rarely introduced. The presence of recipes with chamotte on the Novovasyugan sites may indicate a small influx of people with other skills in preparing pottery paste characteristic of the Tomsk region.

Keywords: *Novovasyugan settlement, settlement, Kulai culture, ceramics, technical and technological analysis, raw materials, pottery paste, ornament, Narym and Tomsk Ob.*

References:

- Bobrinskii A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. M.: Nauka, 1978. 272 p. (in Russian)
- Bobrinskii A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya // Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: (koll. monografiya). Samara: Izd-vo SamGPU, 1999. P. 5–109. (in Russian)
- Dobychin V. E.** Otchet o poezdke po reke Vasyugan // Arkhiv Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeya. Bez nomera. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F.** Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Problemnoi laboratorii istorii, arkheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. V. Kuibysheva, letom 1970 g. Tomsk. 1971. 23 p. // Arkhiv MAES TGU, № 467. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F.** Novovasyuganskoe poselenie // Iz istorii Sibiri. Tomsk: Izd-vo TGU. 1975. Vyp. 16. P. 29–48. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F., Maloletko A. M.** Bronzovyi vek Vasyugan'ya. Tomsk: Izd-vo TGU. 1979. 182 p. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F., Pankratova L. V.** Novovasyuganskoe gorodishche // Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo. Tomsk: Izd-vo TGU. 2002. T. 1. P. 67–96. (in Russian)
- Lukina N. V.** Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya: Istochniki po etnografii. Tomsk. 2004. T. 1: Vasyugan. 245 p. (in Russian)
- Pletneva L. M., Stepanova N. F.** Results of the technical and technological analysis of ceramics from Shelomok II settlement // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2018. № 3 (21). P. 107–117. (in Russian)
- Rybakov D. Yu.** Tomskoe Priob'e v kontse IV/III vv. do n. e. – IV v. n. e.: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06. Tomsk. 2015. 24 p. (in Russian)
- Rybakov D. Yu.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme: arkheologicheskaya razvedka v Kargasokskom raione Tomskoi oblasti v 2017 g. Tomsk. 2018. 102 p. // Arkhiv OOO "Sibirskaya arkheologiya", № 40. (in Russian)
- Rybakov D. Yu., Stepanova N. F.** Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulaiskoi keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Dukhovoe) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2013. № 2 (22). P. 86–90. (in Russian)

Rybakov D. Yu., Stepanova N. F. The results of technical and technological analysis of ceramics of the kulai cultural-historical community's sites from the Tomsk and Naryn Ob region. In Tomsk state university journal of history. 2017, iss. 49, pp. 56–63. (in Russian)

Selin D. V., Chemyakin Yu. P. Osobennosti keramiki kulaiskoi kul'tury (surgutskii variant) gorodishcha Barsov gorodok I/32 (Surgutskoe Priob'e) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2021. T. 20. № 5. P. 116–128. (in Russian)

Selin D. V., Chemyakin Yu. P., Myl'nikova L. N. Keramika gorodishcha epokhi rannego zheleza Barsov gorodok III/6 v Surgutskom Priob'e: tekhniko-tekhnologicheskii analiz // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2021. T. 49. № 2. P. 72–83. (in Russian)

Selin D. V. Keramicheskoe proizvodstvo kulaiskoi kul'tury v Novosibirskom Priob'e: po materialam mogil'nika Kamennyi Mys // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2021. T. 20. № 7. P. 86–96. (in Russian)

Stepanova N. F. Cultural traditions in selection of feedstock and mineral admixtures in ceramics production (on the ground of materials from the mountainous, foothill, steppe and forest-steppe areas of Altai). In Samarskii nauchnyi vestnik, 2015, No 4 (13), pp. 90–95.

Stepanova N. F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2017, vol. XXIII, pp. 401–404. (in Russian)

Stepanova N. F., Pletneva L. M., Rybakov D. Yu. Features of initial raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk ob region // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. № 69. 2021. P. 55–61. DOI:10.17223/19988613/69/7 (in Russian)

Stepanova N. F., Rybakov D. Yu. Features of raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk and Naryn Ob region. In Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2019, vol. XXV, pp. 607–613. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.607-613 (in Russian)

Tsetlin Y. B. Ancient Ceramics. Theore and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAN, 2012, 384 p. (in Russian)

Chindina L. A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza (kulaiskaya kul'tura). Tomsk: Izd-vo TGU, 1984. 255 p. (in Russian)

Yakovlev Ya. A., Rassamakhin Yu. K. U istokov Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeya: Petr Ivanovich Kutaf'ev // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk. 2000. T. Kh. P. 96–127. (in Russian)

Stepanova Nadezhda Fedorovna.

Candidate of historical sciences, senior researcher.

Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.

E-mail: nstepanova10@mail.ru

Kiryushin Yuriy Fyodorovich.

Doctor of science (history), professor.

Altai State University.

61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.

Rybakov Dmitry Yurievich.

Candidate of historical sciences, senior researcher.

Tomsk State University.

36 Lenin ave., Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: dima0183@yandex.ru

Т. И. Чудова

СОСТАВ ПРАЗДНИЧНЫХ БЛЮД В Г. СЫКТЫВКАРЕ В 1970–1980-Х ГГ.

Рассматривается состав блюд праздничного застолья в многонациональном г. Сыктывкаре, столице Коми АССР, в 1970–1980-е гг. Выбор этих хронологических рамок связан с тем, что к концу 1960-х гг. был преодолен продовольственный кризис послевоенного периода, при этом не наступил еще экономический кризис 1990-х гг. Источниками изучения состава гостевого меню послужили воспоминания городских жительниц 1929–1960 г. р., русских и коми, создавших семьи с коми, русскими и украинцами. Корпус источников расширен за счет рукописных сборников рецептов праздничных блюд. Относительное благополучие с продовольствием, хотя и с некоторыми трудностями его приобретения, особо проявляющимися в провинции, позволило возродить практику организации праздничного застолья. Перед хозяйками стояла задача сытно накормить гостей, а ментальность того периода требовала подачи пищи домашнего приготовления. В репертуар праздничного меню входили холодные закуски, горячие блюда, сладости и алкогольные напитки. Салаты «Оливье», «Селедка под шубой», «Мимоза», рис с крабовыми палочками заправлялись майонезом, поэтому они были очень калорийными и сытными. Разнообразие в состав холодных закусок вносили соленые грибы, огурцы и помидоры, сельдь и холодец. Горячие вторые блюда были представлены из мяса, курицы, блюда из рыбы отсутствовали из-за ее дефицита в продаже. Приобретаемое через торговую сеть продуктивное сырье, одинаковые рецептура и технология приготовления предопределили подачу блюд, имеющих унифицированные черты. Проявляющаяся ранее этнокультурная специфика праздничного застолья в подаче дичи и рыбы практически сошла на нет, однако сохранилась подача грибов и ягод. В те годы наблюдается тенденция стирания разницы между праздничной и будничной пищей. Тем не менее можно однозначно говорить, что салаты и сладости рассматривались исключительно как блюда праздничного стола. Хозяйки не жалели сил и времени на приготовление «сладкого» стола, особенно для детских праздников.

Ключевые слова: г. Сыктывкар, 1970–1980 гг., праздничное меню, холодные закуски, салаты, горячие блюда, сладости, алкогольные напитки.

В современном мире изучение пищи в контексте праздника находится в поле зрения отечественных и зарубежных этнологов, исследовательская оптика которых обращена не только на описание фактологического материала, но и на определение символики праздничных блюд, на особенности организации праздничного застолья (Праздничная и обрядовая пища народов мира, 2017). Пища в контексте праздника коми (зырян) в начале XX в. отражала этнокультурную специфику, связанную с природно-климатическими условиями проживания и направлениями хозяйственной деятельности, выступала в роли символа, который трудно выразить другими средствами культуры, а праздничное застолье было призвано интегрировать в единый социальный организм деревенский социум (Чудова, 2012). Изменения социально-экономического характера в последующие годы внесли свои коррективы в организацию праздничных угощений, а кризисная ситуация с продовольственным обеспечением практически свела на нет праздничное застолье до начала 1970-х гг. В настоящее время происходит процесс переосмысления отношения к традициям праздничного застолья. При этом, как отмечают исследователи, культура питания современного мира одновременно отражает процесс глобализации и модернизации, а также процесс возрождения национальных традиций (Бати, 2017: 509). С целью сохранения нематериального культурного наследия и конструирования собственной идентичности в Республике Коми возрождаются некоторые праздники с включением гастрономических угощений, о чем красноречиво свидетельствуют тексты и фотографии из Интернета. Общая направленность этих праздников связана с позиционированием ранее существовавшей промысловой деятельности и ее результатов (Возвращение Прокопия; Ижемский луд; На Удоре день района отметили с Праздником хариуса; Над Печорой отгремел «Черинянь гаж»; Праздник охотника). Аналогичная ситуация с возрождением календарной обрядности наблюдается по всей стране, например, в Архангельской обл., где календарные праздники «официально» вернулись в быт (Фролова, 2017).

Цель работы – показать состав праздничных блюд, организованных в домашних условиях, одновременно выяснить, сохранялась ли этнокультурная специфика в городской среде в 1970–1980-е гг.

В контексте изучения праздничной культуры XX в. из поля зрения этнографов выпали 1970–1980-е гг. Выбор этого десятилетия не случайный, так как к концу 1960-х гг. был в основном преодолен продовольственный кризис послевоенного периода, но еще не наступил новый социально-экономический кризис 1990-х гг.

Территориальные рамки исследования определены столицей Коми АССР – г. Сыктывкаром, получившим статус города в 1780 г. Несмотря на то, что Сыктывкар – столица зырянского края, он многонациональный, в нем не так много проживало коми жителей, хотя значительно больше, чем в других городах Коми АССР, которые имеют лагерное прошлое (Жеребцов, Рогачев, 1993: 18).

Источниками написания работы послужили воспоминания жительниц г. Сыктывкара, годы рождения которых располагаются в диапазоне от 1929-го до 1960-го, коми и русские, создавших семьи в браке с коми, русскими, украинцами, имеющих разный образовательный уровень и социальный статус. Кроме того, в корпус источников включены тетради с рецептами блюд, которые записывались и бережно хранились на «всякий случай», чтобы можно было приготовить блюда на праздничный стол. Контент-анализ этого вида источника позволил выяснить, как формировался состав праздничных блюд, каким блюдам отдавали предпочтение. При этом автор выступает не только как интерпретатор материалов, но и как носитель культуры.

Праздничная городская культура в г. Сыктывкаре в 1970–1980 гг. сохраняла взаимную гостьбу. Практика приглашения в гости и посещения гостей на праздники была актуальна в те годы. Нужно отметить особенность, связанную с составом приглашенных гостей. Как правило, старшее поколение приглашало в гости родственников. Молодые люди старались собираться за праздничным столом не только с родственниками, но и с друзьями (рис. 1).

Рис. 1. Празднование дня рождения в общежитии.
Из личного архива Т. П. Волкотруб. 1975 г.

Учитывая, что в тот период молодые семьи редко имели собственное жилье, то праздничное застолье в домашних условиях проходило главным образом в кругу родственников. Организация праздничных трапез имела свои правила. Так, праздничный стол накрывали в самой большой комнате, доставали сервизы и хрусталь, которые в будни хранились в сервантах. В тот период вносятся коррективы в организацию застолья. Если в традиционной культуре детей не усаживали за праздничный стол (НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э). Д. 194 а), то в 1970–1980 гг. была характерна практика участия детей в общем застолье, которое спланивало родственников, позволяло транслировать какие-то семейные истории, предания, а дети впитывали их. Таким образом передавались семейные традиции из поколения в поколение. На детские праздники, которые отличались разнообразием фруктов и сладостей, детям подавали лимонад, реже сок, по случаю дня рождения ребенка приглашали как друзей детей, так и родственников. При возможности организовывали отдельные столы для каждой из этих групп. Наблюдалась еще одна особенность, связанная с тем, что молодые люди, собираясь отдельно, готовили праздничное застолье совместными усилиями.

В те годы активно отмечали Новый год, 8 Марта, Масленицу, День Победы, 1 Мая и 7 ноября, дни рождения детей и взрослых. На новогодний стол старались как можно больше приготовить блюд, так как изобилие застолья, по народным представлениям, предопределяет благополучие на предстоящий год. В новогоднюю ночь принято было ходить на елку на центральной площади. В День Победы посещали родственников, ветеранов Великой Отечественной войны. За праздничным столом собиралось большое количество гостей. Созданная в 1920-е гг. схема празднования 1 Мая и 7 ноября с парадом и демонстрацией, за исключением Великой Отечественной войны, просуществовала до развала Союза ССР (Глебкин, 1998: 99). После обязательной праздничной демонстрации родственники собирались за праздничным столом, как правило, в доме, который находился в центре города, а не в пригороде. Активное празднование дней церковного календаря в тот период ушло в прошлое. Но сохранилась традиция на Масленицу выпекать блины, а также красить яйца в луковой шелухе на Пасхальную неделю. Интересно отметить, что с появлением в продаже яиц коричневого цвета многие хозяйки отказались от их крашения в луковой шелухе. Куличи и пасху не готовили, но выпекали колобки и рыбники. Эти дни церковного календаря отмечались в домашнем кругу, без приглашения гостей. Тенденция возрождения празднования церковных праздников наблюдается в городской культуре к середине 1980-х гг. В рамках семейного времяпровождения стали отмечать престольные праздники, отмечаемые ранее в местах рождения городских жителей. В качестве примера можно привести традицию моей семьи. Мой отец, И. А. Чудов (1925–1991 гг.), прошедший Великую Отечественную войну и проживший всю сознательную жизнь в городе, после выхода на пенсию в 1985 г. стал приглашать в гости своих родственников, как он говорил, на «родовой» праздник, так как в его родной деревне была часовня, освященная во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря). До выхода на пенсию отмечать этот праздник было сложно, так как этот день, как правило, выпадал на рабочий день. Инновацией того периода можно отметить практику организации празднования дней рождения взрослых людей, особенно юбилеев.

Обильное угощение, как и в традиционной культуре, выступает характерной чертой праздничной трапезы того периода. Подготовка к празднику занимала много времени и сил, а дефицит продуктов требовал от хозяек большой фантазии. Совместное участие детей и взрослых в подготовке праздничного угощения способствовало передаче навыков приготовления пищи, спланивало их за общей работой. На праздники хозяйки старались запасти продукты, в число которых входили консервированный горошек и кукуруза, колбаса и сыр. Эти «деликатесы», если могли «достать» через знакомых или привезти из других городов, сохраняли до ближайшего праздника. Овощи (морковь, свекла, картофель, огурцы, помидоры) были собственного производства, их выращивали на своем огороде (в г. Сыктывкаре был большой сектор

частных домов с приусадебным участком) или на дачных участках (в тот период стали активно возделывать дачные участки), а у кого не было возможности вырастить свои овощи, покупали их в магазине. Многие дачники консервировали огурцы и помидоры, которые также выставлялись на праздничный стол. Осенью закатывали в банки икру из овощей. Это блюдо рассматривали как повседневное, так и праздничное, которое подавали с картофельным пюре. В традициях городских жителей была практика создавать запасы квашеной капусты в большом количестве, что предопределило подачу на праздничный стол винегрета, который, за исключением консервированного зеленого горошка, состоял из продуктов со своего огорода. Сбор даров леса осенней порой позволял горожанам подавать на стол соленые, реже маринованные, грибы. На праздничный стол всегда готовили морс из клюквы или брусники, реже – из ягод, выращенных на дачах.

В 1970-е гг. стали активно готовить мясной салат или «Оливье», включающий семь ингредиентов: вареную колбасу, зеленый горошек, отварной картофель, соленые огурцы, лук репчатый, вареные яйца и майонез. Многие хозяйки вносили свои коррективы в классический рецепт. Например, добавляли нарезанные на кусочки яблоки, что придавало оригинальный вкус. Салат «Оливье» был обязательным блюдом праздничного репертуара, так как он сытный, а ингредиенты доступные. Второй по частоте подачи на праздничный стол был салат «Селедка под шубой», для изготовления которого предпочитали использовать соленую сельдь иваси, которая считалась вкуснее остальных. В состав салатов входил салат из крабовых палочек, очень простой по своему составу: отварной рис, крабовые палочки, яйца, консервированная кукуруза и майонез. Из крабовых палочек готовили также салат «Коралловые рифы», когда замороженные палочки натирали на терке, смешивали с тертым сыром, чесноком, орехами и майонезом, из готовой массы лепили шарики. Готовили также салат «Мимоза», в состав которого входили консервированная рыба, отварной картофель, морковь и яйца, сыр твердых сортов и репчатый лук, заправляли его майонезом. На праздничный стол варили студень, к нему подавали горчицу, которую готовили самостоятельно из горчичного порошка, или столовый хрен, который стали продавать в магазинах. Практика подачи студня была характерна для холодного времени года, так как для застывания его выносили в холодное помещение. Из отварных сухих грибов с добавлением лука и моркови готовили икру, иногда ею фаршировали яйца. В состав праздничного угощения входили хрустящие грузди, которые заправляли сметаной. На праздничный стол подавали соленую сельдь, заправленную луком и растительным маслом. На юбилеи взрослых людей старались «достать» семгу или красную икру, из которых готовили бутерброды. Колбасу (главным образом копченую), а также сыр, который не дифференцировался по сортам, а просто определялся как «твердый» в отличие от имевшегося в продаже плавленого сырка, включали в состав блюд праздничного стола. Праздничные блюда варьировались исходя из состава продуктов, которые были в наличии. Чтобы как-то внести разнообразие в праздничное меню, хозяйки сочетали в салатах то, что было в наличии, иногда это давало удивительный результат. Из припасенных к праздничному столу рыбных консервов с добавлением вареных яиц, зеленого горошка или кукурузы, репчатого лука готовили салаты, что уже придавало необычность застолью. Для разнообразия праздничного меню стали готовить салаты из тертой моркови и свеклы с добавлением чеснока и яблок, а также салат из тертого сыра с добавлением чеснока, заправляя все майонезом. В 1980-е годы в г. Сыктывкаре на праздник 8 Марта в продаже стали появляться первые свежие огурцы, покупка которых считалась большой удачей.

Одним из любимых горячих блюд была «курица по-французски»: куски курицы с картофелем под сметанным соусом запекали в духовке. Из мясного фарша готовили котлеты или зразы. Значительно реже готовили гуляш с густой подливой. Нужно особо подчеркнуть, что гарниром к мясным блюдам выступало картофельное пюре, в будни картофель подавали отварным или жареным. На стол подавали тушеное мясо с картофелем с добавлением лука

и специй, некоторые хозяйки вносили разнообразие в это блюдо за счет сухих грибов. Горячие рыбные блюда редко появлялись на праздничном столе, что отчасти объясняется незначительным ловом рыбы в водоемах республики (История Коми, 2004: 635). Ранее пользовавшаяся огромной популярностью треска практически полностью исчезла из торговых точек (ПМА. Запись 2021 г.). В число праздничных блюд на 7 ноября и Новый год входили пельмени. Лепили их всей семьей, укладывали на доску и выносили на холод для замораживания. На другие праздники пельмени не готовили, так как их негде было хранить, редко у кого были морозильные камеры. Меню застолий в эти годы расширилось за счет национальных блюд народов СССР: шашлык, плов, голубцы, два последних блюда готовили в домашних условиях, а «на шашлыки» на майские праздники молодые люди выезжали за город. Правда, нужно отметить, что редко у кого получался настоящий плов, это, скорее всего, была рисовая каша с мясом, луком и морковью. Для «ленивых» голубцов необходима была капуста, мясной фарш, морковь, лук, иногда мясной фарш заменяли тушенкой.

Фактически существовал некий стандартный набор блюд, наиболее часто подаваемых на праздничный стол. Из салатов были представлены винегрет, салаты: «Оливье», «Селедка под шубой», «Мимоза», из риса с крабовыми палочками, в рецептуру которых входил майонез, он повышал калорийность блюд, придавая им особую сытность. В современной практике из состава салатов исчез салат из крабовых палочек, реже готовят «Оливье» и «Мимозу», их заменяют более легкими салатами. А салат «Селедка под шубой», как, впрочем, и винегрет, до настоящего времени сохранил свои позиции, что, скорее всего, связано с тем, что они – отличная закуска под крепкие алкогольные напитки. Состав холодных закусок был представлен солеными грибами, огурцами и помидорами, селедкой, что сохранилось до настоящего времени. Из горячих блюд подавали курицу в сметанном соусе, котлеты и гуляш с картофельным пюре, тушеное мясо с картофелем. Первые три блюда продолжают готовить на праздничный стол, а последнее практически полностью исчезло из меню праздника, что опять же связано с тем, что его заменили на более легкие горячие вторые блюда. Задача хозяйки в то время состояла в том, чтобы сформировать сытное меню, плотно накормить гостей. Для того периода была характерна домашняя кухня, а ментальность требовала, чтобы на стол подавались блюда собственного приготовления, это свидетельствовало о том, что хозяйка умело ведет дом и прекрасно готовит.

Заключительным аккордом праздничного стола выступала подача чая с тортом, пирожными, конфетами и другими сладостями. Самым лучшим считался индийский чай в больших пачках «со слоном» (ПМА. Запись 2021 г.). Карамель, печенье, сушки, пряники, что предлагали магазины, рассматривались как будничная еда. А праздничными были шоколадные конфеты, упакованные в красочные коробки. Их либо привозили из крупных городов (Москва, Ленинград, Минск, Киев и др.), либо покупали по случаю и хранили до ближайшего праздника. В то время редко можно было приобрести торт с масляным кремом, детей привлекали «цветочки» из крема (ПМА. Запись 2021 г.). Очень часто старались на праздник с охотой получить торты из других городов. Так, из г. Киева привозили «Киевский торт», а из г. Воркуты – торт «Ежик». Отсутствие в магазинах кондитерских изделий подвигло хозяек на изготовление разнообразных сладостей. Так, из сухого молока и какао-порошка с использованием сливочного масла, иногда смеси масла и маргарина, в домашних условиях готовили конфеты «Трюфели». Из печенья с добавлением масла и какао-порошка – пирожное «Картошка», которое, как правило, готовили в виде рулета, нарезаая его на небольшие кусочки. Из печенья, творога с маслом с добавлением сахарного песка и какао-порошка готовили рулет «Финский домик», он был прост в изготовлении и не требовал выпекания. Особой популярностью пользовался торт «Птичье молоко», коржи которого соединялись с помощью крема, сбитого из манной каши с добавлением сливочного масла. Многие хозяйки выпекали торт «Наполеон», а из дрожжевого теста из пшеничной муки – пироги с ягодной начинкой, сметанники с кремом. В составе кухонного инструментария

были вафельницы, на которых готовили хрустящие вафли, их скручивали в трубочку, а начиняли вареньем, вареной сгущенкой, которую использовали также для приготовления крема для тортов. При этом хозяйки не жалели времени и сил на приготовление сладостей, так как сладкая выпечка четко ассоциировалась с праздничной культурой. Объяснение этого лежит в прошлом: многие женщины, детство которых прошло в деревне, подчеркивали, что в их детстве были ограничения в потреблении сахара, который подавали к чаю в случае прихода гостей (ПМА. Запись 2021 г.). Особо старались разнообразить сладкий стол на детские праздники. Любимую выпечку коми (зырян) шаньги на ржаной корочке с разнообразной начинкой, которая сейчас определяется как бренд коми кухни, в тот период в городской среде редко кто выпекал. В состав сладких кушаний входила клюква в сахарной пудре, которую производили в с. Визинга Сысольского района Коми АССР. Правда, это угощение, как и все остальное, редко можно было приобрести в магазинах, но практика домашнего изготовления не была распространена, хотя клюкву заготавливали на зиму в большом количестве. К чаю обязательно подавали варенье из лесных или садовых ягод. Новшеством в структуре «сладкого» стола был растворимый кофе, который был в дефиците, поэтому его запасали заранее. Если был ликер, то его подавали к кофе. Как отмечали информанты, украшением праздничного стола того периода выступал самовар (НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э). Д. 213 а). Отношение к самовару как статусному предмету гостевой культуры в городской среде сохранялось достаточно долго (рис. 2). Чаепитие со сладостями четко соотносится с гостевой культурой. Вместе с чаем/кофе подавали фрукты, но они не часто появлялись на столе. Чаще всего можно было купить яблоки. У людей старше 60 лет с новогодними праздниками четко ассоциируются мандарины, которые входили в состав детских новогодних подарочных наборов. Запах хвои ели и запах мандаринов – запах детства (ПМА. Запись 2021 г.). Все остальные фрукты (виноград, апельсины, сливы, вишня, черешня и др.) и ягоды, выращенные на садовых или приусадебных участках, появлялись только в сезон их созревания. Практика замораживания ягод и овощей еще не была распространена. Появившиеся в 1970-х гг. в продаже недозрелые бананы не пользовались спросом. Лимоны, если они появлялись в продаже, покупали в большом количестве. Для того чтобы сохранить, их прокручивали через мясорубку, добавляли сахарный песок и хранили в холодильнике. Эту массу добавляли в чай, в тесто при готовке сладкой выпечки. Другие экзотические фрукты в магазинах города появлялись крайне редко.

Рис. 2. Праздничное чаепитие.
Фото В. В. Янушевского. 1998 г.

Праздничное застолье отличалось подачей горячительных напитков. Мужская часть общества предпочитала водку, реже подавали коньяк из-за его дороговизны. В те годы была практика улучшать качество водки, кладя в нее за несколько дней до намеченного дня сушеные ягоды рябины (ПМА. Запись 2021 г.). Женщины, как правило, не пили крепкие напитки, а позволяли себе выпить сухое или крепленое вино. Пиво редко появлялось в продаже, поэтому оно не входило в число праздничных алкогольных напитков. В связи с практикой употребления алкоголя интерес представляет словесная формула, которую на днях рождения взрослых людей озвучивали в конце тоста: «Мэд во та кад кэжло тшан сур да ведра вина (На следующий год в это же время чан домашнего пива и ведро вина)» (ПМА. Запись 2019 г.). Здесь надо дать пояснение. Домашнее пиво (сур) – традиционный для коми (зырян) напиток, который специально готовили на празднично-обрядовый стол, а словом «вино» определяли все алкогольные напитки. Так, водку определяли, как «вина» или «еджыд вина» (букв. «белое вино»), а крепленое вино, опять же без градации, – «гöрд вина» (букв. «красное вино»). В годы антиалкогольной кампании, после известного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. «Об усилении борьбы с пьянством», стал наблюдаться дефицит алкогольных напитков, который вызвал практику подпольного изготовления самогона, для очистки его пропускали через угольный фильтр, а для снятия сивушного запаха и придания цвета, похожего на коньяк, использовали растворимый кофе.

Необходимо особо подчеркнуть, что в тот период наблюдается тенденция не разделять блюда на будничные и праздничные. В ежедневное меню включали блюда из курицы, которая была наиболее доступна, подавали колбасные изделия с гарниром из картофеля и макарон, реже отварного риса, а греча редко подавалась, так как отсутствовала в продаже, из фарша готовили котлеты или «ежики» с добавлением отварного риса, появление последнего блюда связано с трудностями приобретения мяса или фарша. Поэтому можно смело утверждать, что в число исключительно праздничных блюд входили разнообразные салаты и сладкая выпечка (торты, рулеты и др.).

До настоящего времени у многих хозяек старше 60 лет хранятся тетради / блокноты / амбарные книги с рецептами блюд, которые записывались и бережно хранились на «всякий случай», чтобы можно было приготовить блюда на праздничный стол, ими делились, передавали друг другу. У многих были специально изготовленные блокноты для домашней кухни, разделенные на разделы: овощные блюда, салаты и закуски, супы и бульоны, мясные блюда, рыбные блюда, соусы, сладкие блюда, коктейли и напитки, заготовка, советы хозяйке, в которые можно было записывать рецепты. Контент-анализ сборников позволяет утверждать, что их содержание состоит из рецептов вторых горячих блюд, различных салатов, соусов, тортов, кексов и других сладких кушаний. Отсутствие практики приготовления первых блюд на праздничный стол предопределило отсутствие их рецептуры в таких сборниках. Много рецептов в этих записях было взято из перекидных календарей, журналов «Работница» и «Крестьянка», что привело к унификации блюд праздничного стола. Дефицит продуктового сырья предопределил включение в состав этих записей рецептов домашних заготовок: осенью в большом количестве консервировали овощи, варили варенье, закатывали компоты, квасили капусту на длинную зиму. Некоторые хозяйки вели записи в отдельных тетрадях: кондитерские изделия, закуски и вторые блюда. В одном из сборников было записано более 40 рецептов салатов, около 30 – вторых блюд, включая блюда кухонь национальных республик СССР. Хотя нужно особо подчеркнуть, что наличие этих рецептов не означало, что их готовили на праздничный стол. Хозяйки ориентировались на имеющийся состав продуктового сырья, исходя из которого, готовили блюда на праздничное застолье.

Таким образом, меню праздничных застолий в г. Сыктывкаре в 1970–1980-х гг. напрямую зависело от состава и структуры пищевого сырья, предлагаемого торговой сетью, а также овощей и ягод, выращенных собственными силами, и собранных дикоросов. Урбанизация привела к тому, что блюда имели унифицированный характер по составу продуктового сырья, рецептуре и технологии их приготовления, что привело к почти полному исчезновению этнокультурных

особенностей в питании сельских жителей Коми АССР, ранее проявляющихся в практике подачи дичи и рыбы, шанег на ржаной корке с разнообразной начинкой. Сохранение практики подачи даров леса (грибы и ягоды) и выпечки (колобки и рыбники) можно рассматривать как остаточное явление этнокультурного своеобразия праздничного угощения в городской среде. Статус и престижность праздничного застолья повышаются за счет использования нового пищевого сырья или дорогостоящих продуктов и алкогольных напитков. При этом интегрирующий характер праздничного застолья сохранялся.

Литература:

- Бати А.** Венгерская праздничная пища: традиции и инновации // Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2017. С. 509–518.
Возвращение Прокопия. URL: <http://russianroutes.ru/m/prazdnik-okhotnika-vralysyasln/>. Дата обращения 15.02.2019 г.
- Глебкин В. В.** Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.
- Жеребцов Л. Н., Рогачев М. Б.** Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). (Научные доклады. Вып. 326). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 28 с.
Ижемский Луд 2018. (Комиинформ). URL: <https://komiinform.ru/news/166607/>. Дата обращения 08.08.2018 г.
- История Коми с древнейших времен до конца XX в. Т. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 704 с.
- На Удоре день района отметили вместе с Праздником хариуса. URL: <https://komiinform.ru/news/150766/>. Дата обращения 08.08.2018 г.
- Под Печорой отгремел «Черинянь гаж». URL: <http://www.gumilev-center.ru/pod-pechorojj-otgremel-festival-cherinyan-gazh/>. Дата обращения 08.08.2018 г.
- Праздник охотника. URL: <http://russianroutes.ru/m/prazdnik-okhotnika-vralysyasln/>. Дата обращения 15.02.2019 г.
- Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2017. 773 с.
- Фролова А. В.** Современные календарные праздники русских Архангельского Севера // Полевые исследования Института этнологии и антропологии Российской академии наук – 2006 / отв. ред. З. П. Соколова. М.: Наука, 2009. С. 175–192.
- Чудова Т. И.** Символика пищи в контексте календарной обрядности коми (зырян) // Вестник Удмуртского ун-та. Ижевск, 2012. №4. С. 72–79.

Источники:

НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э). Д. 194 а; Д. 213 а.
ПМА. г. Сыктывкар, Республика Коми. Запись 2019 г., 2000 г., 2021 г.

Чудова Татьяна Ивановна.

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и зарубежных стран.

Институт истории и права,

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина.

Октябрьский пр., 55, г. Сыктывкар, 167001.

E-mail: ChudovX@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2022 г.

T. I. Chudova

THE COMPOSITION OF FESTIVE DISHES IN SYKTYVKAR IN THE 1970–1980S

The article discusses the composition of the dishes on the festive feast in the multinational city of Syktывkar, the capital of the Komi ASSR, in the 1970s–1980s. The choice of this chronological framework is due to the fact that by the end of the 1960s the food crisis of the post-war period was overcome, while the economic crisis of the 1990s had not yet begun. The sources for studying the composition of the guest menu were the memories of urban residents born in 1929–1960, Russians and Komi, who created families with Komi, Russians and Ukrainians. The corpus of sources has been expanded with handwritten collections of recipes for festive dishes. The relative prosperity with food, although with some difficulties in obtaining it, especially manifested in the provinces, made

it possible to revive the practice of organizing a festive feast. The hostesses were faced with the task of satisfyingly feeding the guests, and the mentality of that period required serving home-cooked food. The repertoire of the festive menu included cold appetizers, hot dishes, sweets and alcoholic drinks. Salads “Olivier”, “Herring under a fur coat”, “Mimosa”, rice with crab sticks were seasoned with mayonnaise, so they were very high-calorie and satisfying. Salted mushrooms, cucumbers and tomatoes, herring and aspic made a variety in the composition of cold appetizers. Hot main courses were presented from meat, chicken, fish dishes were absent due to its shortage in sales. Food raw materials purchased through the trading network, the same recipe and cooking technology predetermined the serving of dishes with unified features. The ethno-cultural specificity of the festive feast in the serving of game and fish, which was manifested earlier, has practically disappeared, but the serving of mushrooms and berries has been preserved. In those years, there is a tendency to blur the difference between festive and everyday food. Nevertheless, it can be unequivocally said that salads and sweets were considered exclusively as dishes of the festive table. The hostesses spared no effort and time to prepare a “sweet” table, especially for children’s parties.

Keywords: *Syktvykar, 1970–1980, festive menu, cold appetizers, salads, hot dishes, sweets, alcoholic drinks.*

References:

- Bati A.** Vengerskaya prazdnichnaya pishcha: tradicii i innovacii [Hungarian festive food: traditions and innovations] // Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira [Festive and ritual food of the peoples of the world] / otv. red. S.A. Arutyunov, T.A. Voronina. M.: Nauka, 2017. S. 509–518.
- Vozvrashchenie Prokopiya [Return of Procopius]. URL: <http://russianroutes.ru/m/prazdnik-okhotnika-vralysyasln/>. Data obrashcheniya 15.02.2019 g.
- Glebkina V. V.** Ritual v sovetskoj kul'ture [Ritual in Soviet culture]. M.: Yanus-K, 1998. 168 s.
- Zherebcov L. N., Rogachev M. B.** Etnodemograficheskaya situaciya v Komi krae (konec XIX veka – 1980-e gody) [Ethno-demographic situation in the Komi region (end of the 19th century – 1980s)]. (Nauchnye doklady. Vyp. 326). Syktvykar: Komi NC UrO RAN, 1993. 28 s.
- Izhemskij Lud 2018 [Izhemsky Lud 2018]. (Komiinform). URL: <https://komiinform.ru/news/166607/>. Data obrashcheniya 08.08.2018 g.
- Istoriya Komi s drevnejshih vremen do konca XX v. [The history of Komi from ancient times to the end of the 20th century] T. 2. Syktvykar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 704 s.
- Na Udore den' rajona otmetili vmeste s Prazdnikom hariusa [On Udora, the district day was celebrated together with the Grayling Festival]. URL: <https://komiinform.ru/news/150766/>. Data obrashcheniya 08.08.2018 g.
- Pod Pechoroj otgremel “Cherinyan' gazh” [Under Pechora, the “Cherinyan Gazh” died down]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/pod-pechorojj-otgremel-festival-cherinyan-gazh/>. Data obrashcheniya 08.08.2018 g.
- Prazdnik ohotnika [Hunter's Day]. URL: <http://russianroutes.ru/m/prazdnik-okhotnika-vralysyasln/>. Data obrashcheniya 15.02.2019 g.
- Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira [Festive and ritual food of the peoples of the world] / otv. red. S.A. Arutyunov, T.A. Voronina. M.: Nauka, 2017. 773 s.
- Frolova A. V.** Sovremennye kalendarnye prazdniki russkih Arhangel'skogo Severa [Modern calendar holidays of the Russians of the Arkhangelsk North] // Polevye issledovaniya Instituta etnologii i antropologii Rossijskoj akademii nauk [Field research of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences] – 2006 / otv. red. Z. P. Sokolova. M.: Nauka, 2009. S. 175–192.
- Chudova T. I.** Simvolika pishchi v kontekste kalendarnoj obryadnosti komi (zyryan) [The symbolism of food in the context of the calendar rituals of the Komi (Zyryans)] // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]. Izhevsk, 2012. №4. S. 72–79.

Sources:

NA MAE SGU im. Pitirima Sorokina. F. 14 (E). D. 194 a; D. 213 a.
PMA. g. Syktvykar, Respublika Komi. Zapis' 2019 g., 2000 g., 2021 g.

Chudova Tatyana Ivanovna.

Doctor of historical sciences, assistant professor,

professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries.

Institute of History and Law,

Pitirim Sorokin Syktvykar State University.

55 Oktyabr'skiy ave., Syktvykar, 167001.

E-mail: ChudovX@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

Т. И. Дронова

**«КАК ЭТО МУДРО – БЫТЬ САМИМ СОБОЙ».
СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. А. СЕМЁНОВА / ПОД РЕД. Т. И. ЧУДОВОЙ.
СЫКТЫВКАР, 2021. 328 С.: ИЛ.**

В 2021 г. Сыктывкарский университет издал книгу «Как это мудро – быть самим собой»¹. Сборник научных статей и воспоминаний памяти профессора В. А. Семёнова. На обложке помещен портрет В. А. Семёнова и строка из его стихотворения «Бессвязное» – название книги очень точно отражает духовный мир глубоко одаренного человека – ученого, поэта, художника.

12 июля 2020 г. ушел из жизни Виктор Анатольевич Семёнов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник Республики Коми.

Виктор Анатольевич родился 31 октября 1945 г. в г. Ломоносове Ленинградской области. После службы в Советской Армии он поступил в Ленинградский государственный университет, а по его окончании поступил в аспирантуру на кафедру археологии ЛГУ. После аспирантуры в 1976 г. Виктор Анатольевич приехал в Сыктывкар, связав с этим городом свою дальнейшую профессиональную жизнь и судьбу. Сыктывкарский университет был для него местом работы, где ученый проработал 44 года и прошел путь от ассистента до профессора: в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Свайные поселения бассейна Западной Двины во 2–3 тыс. до н. э. как археологический источник», а в 1996 г. – докторскую диссертацию «Традиционная семейная обрядность коми-зырян во второй половине XIX – первой половине XX вв. (пространство и время)».

На историческом факультете СГУ им. Питирима Сорокина Виктор Анатольевич был очень значим: его уважали коллеги, любили студенты. В. А. Семёнов был инициатором и руководителем этнографических исследований на историческом факультете, стоял у истоков формирования этнографической коллекции Музея археологии и этнографии, открытие которого состоялось в 1982 г. Многие экспонаты были найдены им во время полевых экспедиций.

С 1999 по 2010 гг. Виктор Анатольевич возглавлял кафедру источниковедения, археологии и этнографии: читал основные курсы лекций по археологии, этнологии, социальной антропологии, историческому краеведению; «Финно-угорский мир: история и современность»; спецкурсы: «Археолого-этнографические параллели предметного мира в древней и традиционной культуре народов европейского Севера», «Символика культового литья раннего Средневековья на европейском Северо-Востоке». Виктор Анатольевич вел спецсеминары, руководил археологической практикой, курсовыми и дипломными работами студентов. Как пишет Т. И. Чудова, «на его лекциях было интересно, он никогда не поучал студентов, а настоятельно рекомендовал читать, причем любые книги, подчеркивая, что потом “в мозгах разберешься” и сможешь правильно распорядиться знаниями. Ему важно было, чтобы студенты научились мыслить самостоятельно: как он сам неоднократно подчеркивал, нужно уметь рассуждать, сопоставлять факты и тогда можно сделать адекватные выводы» (Чудова, 2021: 4).

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0010 «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений».

Некоторые его ученики после студенческой скамьи продолжили обучение в аспирантуре, и хотя многие из нас писали свои диссертации не под его руководством, но для нас он априори всегда оставался Учителем. С Виктором Анатольевичем мы обсуждали концепции своих работ, спорили, после экспедиционных выездов рассказывали ему о своих находках, а он щедро делился с нами своими идеями и замыслами. И, главное, мы, ученики, стали с ним друзьями. Виктор Анатольевич невероятным образом объединял вокруг себя коллег, друзей, учеников и всякий раз умел нас чем-то удивить.

Археолог, этнолог, историк – Виктору Анатольевичу наряду с многогранностью интересов была присуща широчайшая эрудиция. Полюбивший Коми край, он живо интересовался его историей и людьми и транслировал знания широкой общественности. Ученый обладал даром рассказывания, использовал оригинальные приемы эмоционального повествования и этим легко поддерживал внимание аудитории. Его лекции были востребованы, их с удовольствием воспринимали люди самых разных возрастов и профессий. Широкий кругозор, глубокие предметные знания, в том числе в области литературы и искусства, увлеченность профессией были притягательны не только для представителей научного сообщества, но и для людей, интересовавшихся схожими вопросами истории и культуры.

Виктор Анатольевич успешно совмещал преподавательскую деятельность с научной работой. В 1992 г. по итогам конкурса научно-исследовательских работ «Нир-92» он был признан лучшим ученым Сыктывкарского университета. Им опубликовано свыше 250 научных работ по археологии, этнографии, истории финно-угорского мира. С научными результатами В. А. Семёнов выступал на высокоуровневых форумах: на международных конгрессах финно-угроведов, международных и всероссийских конференциях, симпозиумах.

В 1988 г. он был участником учредительной конференции, одним из создателей общественной организации «Мемориал» в г. Сыктывкаре. Виктор Анатольевич был активным пропагандистом научных знаний: выступал по радио и телевидению, давал интервью не только о научной жизни университета, но и по разным актуальным темам современности.

Сборник открывает вступительное слово составителя – Т. И. Чудовой, в котором автор пишет о Викторе Анатольевиче как человеке с разносторонними интересами: ученом, общественном деятеле, поэте, художнике. Приехав в Сыктывкар, В. А. Семёнов занялся изучением археологических памятников эпохи бронзы на европейском Северо-Востоке. На протяжении многих лет осуществлял археологическую практику, откуда привозил уникальные находки, вошедшие в коллекции памятников Музея археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина.

Сборник состоит из четырех разделов. Вводную часть открывает статья дочери В. А. Семёнова – Д. А. Вишняковой, которая рассматривает генеалогию своего рода, начиная со второй трети XIX в., описывает трудовую занятость представителей рода, важнейшие жизненные события и завершает сведениями о профессиональной деятельности современников, ставших учеными.

В сборник вошли две неопубликованные работы В. А. Семёнова: «Попытка автобиографии», в которой автор с присущей оригинальностью описал свою жизнь в образе некоего лирического героя, и «Сказка», сочиненная для дочери Даши.

Представляется удачной подборка избранных статей А. В. Семёнова, вошедших в настоящее издание, раскрывающих его разносторонние интересы и направления научной деятельности. В статье «Коми менталитет: вчера и сегодня», написанной в соавторстве с Л. А. Максимовой, рассматриваются этапы сложения народа коми, важнейшие факторы, повлиявшие на формирование и развитие его менталитета, слагавшегося в рамках русской государственности.

Об уникальной археологической находке – бронзовой декорированной секире ананьинского периода – сообщается в статье «Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара», написанной в соавторстве с А. Н. Рябцевым. Обращается внимание, что из всех известных секир,

выявленных в сопредельных областях, данная находка отличается более пышным, лучше проработанным в деталях орнаментом.

В статье «“Биармия” К. Ф. Жакова в историческом и мифологическом контекстах» В. А. Семёнов анализирует эпическое произведение «Биармия» – выдающегося коми писателя, ученого, общественного деятеля К. Ф. Жакова, представившего свое видение реконструкции северного эпоса народов финно-угорской семьи, издревле проживавших на территории современной России. Обращается внимание, что в создании эпоса автор опирался на мифологические тексты и коми народную культуру в целом.

Следующие три статьи – «Река жизни в страну смерти», «Топонимы и гидронимы европейского Северо-Востока в сакральном и обыденном контексте», «Семантика традиционной деревенской среды у народов коми» (в соавторстве с Н. М. Теребихиным) – являются этнографическими исследованиями, раскрывающими сакрализацию окружающего пространства, которая выступала как один из важнейших механизмов самоидентификации местного коми населения и способ передачи межпоколенной этнокультурной информации. Представленные в сборнике научные статьи В. А. Семёнова раскрывают широту его научных интересов, оригинальный подход к анализу материала, позволивший выделять его труды среди прочих исследований.

В сборнике представлена библиография ученого, составившая свыше 250 работ, – это монографии, методические пособия, научные статьи, редактирование и рецензирование трудов.

Завершают эту часть книги неопубликованные стихи В. А. Семёнова. Талант ученого проявился и в его поэтическом даровании: стихи разных лет наполнены философскими размышлениями о Боге, России, бытии... Достойное место в его творчестве занимают и посвящения друзьям, близким людям. При жизни В. А. Семёнова были опубликованы два сборника: в 1990 г. – «На чашу судьбы мы поставили жизнь...» (Семёнов, 1990) и в 2005 – «Заметки в пути» (Семёнов, 2005). Виктор Анатольевич красиво, с чувством читал стихи и не только свои: он знал наизусть произведения известных поэтов, с чувством пел бардовские песни. Включение в сборник стихов – это несомненная удача составителя, позволившая читателю прочувствовать глубину души и выразительности Виктора Анатольевича.

В следующий раздел вошли воспоминания коллег, друзей, учеников В. А. Семёнова, которые написаны с искренней теплотой и душевностью. В них раскрываются разные стороны его жизни: ученого, преподавателя, коллеги, друга, отца... В каждом из них остались светлые воспоминания о Викторе Анатольевиче как высококлассном специалисте, эрудированном человеке с искрометным юмором, надежном друге, равнодушном учителе к судьбам своих учеников. Еще об одной грани таланта В. А. Семёнова – графический рисунок – широкой общественности стало известно благодаря организованной выставке к 75-летию ученого в Национальном музее Республики Коми и очерку В. Э. Шарапова в данном издании. Виктор Анатольевич написал цикл цветных графических работ «Сказки для дочери Даши», часть из которых вошли в сборник. В этих и других его работах просматриваются размышления о «мифологических, архетипических смыслах собственной жизни» (Шарапов, 2021: 194).

Следующий раздел сборника представлен научными статьями по археологии. «Новые археологические исследования в долине средней и нижней Ижмы в 2017–2019 гг.», написанной в соавторстве с А. Л. Белицкой, Н. А. Волокитиной, А. С. Макаровым и С. А. Родовым, раскрывают историю изучения древностей Ижемского края от эпохи камня до Средневековья. За более чем полувековой период исследований выявлено порядка 120 археологических памятников. Актуализированы сведения о ранее выявленных и изучавшихся исторических памятниках, определены риски и угрозы их сохранности. Выявленные находки позволили авторам расширить представления о процессах освоения региона и механизмах адаптации древнего населения, его хозяйственных занятиях.

В статье В. Н. Карманова и Т. Ю. Туркиной «Новые данные о миниатюрной кремневой скульптуре крайнего северо-востока Европы» рассматривается кремневая пластика двух поселений:

Угдым IB и Мартюшевское II, исследованных авторами в 2010 и 2018 гг. соответственно. Дается датировка археологических комплексов, технико-типологические характеристики керамической посуды и других находок интересного явления первобытной культуры охотников-собирателей. Авторы отмечают, что В. А. Семёнов также проявлял научный интерес к миниатюрной кремневой скульптуре, возникший после найденной фигурки медведя на поселении Вис II в 2000 г.

Завершает сборник цикл этнографических работ. В статье В. В. Власовой «Репрезентация этничности в локальных сообществах (Музей истории кольских саамов, с. Ловозеро)» рассматривается роль и место сельского музея, репрезентирующего локальную историю и этническую специфику в условиях утраты национального колорита в крае. Автор подчеркивает, что музей является одной из главных достопримечательностей района, представленные в нем экспозиции позволяют проследить различные аспекты традиционной культуры (жилище, одежда, хозяйство) и истории саамов, коми и русских, проживающих на Кольском полуострове, культурные границы между которыми в обыденной жизни практически утрачены.

В статье со своеобразным названием «Программа организации похорон у сыольских коми» И. А. Коваль на основе архивных источников в самых общих чертах знакомит читателя с бытовавшими традициями погребального обряда вышеназванной этнографической группы коми. Важный акцент ставится на стремлении сельских жителей возродить элементы обряда, утраченные в годы советского строительства.

Описание коллекции металлической утвари, собранной В. А. Семёновым, хранящейся в Музее археологии и этнографии СыктГУ, приводится в статье Н. А. Кожуховой «Личная коллекция металлической утвари В. А. Семёнова». 26 бытовых предметов было собрано ученым в коми деревнях при возвращении из археологических экспедиций, часть из которых демонстрируется в экспозиции музея. Как уже говорилось выше, В. А. Семёнов принимал активное участие в строительстве университетского музея, занимался его комплектацией.

В название следующей статьи вынесена цитата из рассказов усть-куломского охотника: «“Иногда и медведь должен съедать охотника”: концепция равновесия в природе». Авторы – А. Лёте и В. Б. Липин, основываясь на рассказах охотника, анализируют мир леса, взаимоотношение человека и зверя, охотничью мораль в целом.

Традиции и новации брачно-семейных отношений анализируются в статье И. В. Спасенкова «Традиционное и новое в брачно-семейных отношениях 1920–1930-х гг. (на материалах г. Вологда)». Автор, основываясь на архивном материале, рассматривает гражданский и церковный брак, возраст вступающих в брак, этнический аспект брачующихся, расторжение брака. Автор резюмирует, что новое правовое поле семейно-брачных отношений советского строя формально изменило институт брака, упростило процедуру развода и создало предпосылки для коренного переустройства семейного уклада в целом. При этом укорененность традиции в указанный период сохранялась.

В статье С. В. Третьяковой «Сакральное пространство Белозерья второй половины XIX – начала XX в. и религиозные практики: странничество и странноприимство» рассматривается сакрально-архитектурный ландшафт в центральной части средневековой Руси в районе Белого озера, известное как консолидированное территориальное образование под названием Белоозеро и связанные с ним религиозные практики. Автор заключает, что средоточие там православных святынь, и в первую очередь монастырей, предопределило практику паломничества и, соответственно, странноприимства – устойчивых моделей конфессиональной жизни верующих людей, способствовавших распространению сведений о святых и святынях, и активизации к ним народного интереса.

Актуальность темы «Культура питания коми» раскрыта в статье Т. И. Чудовой «Повседневная пища коми (зырян) в первой половине XX в.». Автор заключает, что традиция питания коми базировалась на использовании природных ресурсов, зерновой, мясо-молочной, рыбной

и овощной продукции, а начиная с революционных событий 1917 г., изменивших хозяйственный и жизненный уклад, восполнение продсырья осуществлялось с помощью торговли.

В приложение вынесены фотографии из семейного альбома В. А. Семёнова, раскрывающие вехи его взросления и жизни: студенческие годы, встречи с друзьями и коллегами, круг близких и родных людей.

Особый интерес представляют рисунки В. А. Семёнова, выполненные для дочери Даши, а также работы, где «присутствует тема “преодоления” – самого себя и границ между мирами; сюжет “о братьях-близнецах”, которых разделяет заколдованный меч». Проиллюстрированы также статьи Д. А. Вишняковой, А. Л. Белицкой, Н. А. Волокитиной, А. С. Макарова, С. А. Родова, Н. В. Карманова и Т. Ю. Туркиной, Н. А. Кожуховой.

Книга красиво оформлена, серьезно продумана: ее информативность свидетельствует о значении Виктора Анатольевича Семёнова в науке, деятельности университета и жизни авторов статей. Данное издание – это дань светлой памяти Ученому, Учителю, Коллеге, Другу.

Литература:

Семёнов В. А. На чашу судьбы мы поставили жизнь... Усть-Цильма, 1990.

Семёнов В. А. Заметки в пути. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 2005.

Чудова Т. И. От составителя // «Как это мудро – быть самим собой». Сборник научных статей и воспоминаний памяти профессора В. А. Семёнова. Сыктывкар, 2021. С. 3–6.

Шарапов В. Э. Визуальные нарративы профессора В. А. Семёнова // «Как это мудро – быть самим собой». Сборник научных статей и воспоминаний памяти профессора В. А. Семёнова. Сыктывкар, 2021. С. 194.

Дронова Татьяна Ивановна.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этнографии
Института языка, литературы, истории.

ФИЦ «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук».

Ул. Коммунистическая, 24, г. Сыктывкар, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27 мая 2022 г.

T.I. Dronova

**“HOW IT’S WISE TO BE YOURSELF.” COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES AND MEMORIES
IN MEMORY OF PROFESSOR V.A. SEMYONOV / ED. T.I. CHUDOVA. SYKTYVKAR, 2021. 328 P.: ILL.**

References:

Semenov V.A. Na chashu sud'by my postavili zhizn'... [We put life on the cup of fate...] Ust'-Cil'ma, 1990.

Semenov V.A. Zametki v puti [Notes on the way]. Syktyvkar: Syktyvkarskij universitet, 2005.

Sharapov V. Je. Vizual'nye narrativy professora V.A. Semenova [Visual narratives of professor V.A. Semenov] // “Kak jeto mudro – byt' samim soboj”. Sbornik nauchnyh statej i vospominanij pamjati professora V.A. Semenova [“How wise it is to be yourself.” Collection of scientific articles and memoirs in memory of Professor V.A. Semenov]. Syktyvkar, 2021. pp. 194.

Chudova T.I. Ot sostavitelja [From the originator] // “Kak jeto mudro – byt' samim soboj”. Sbornik nauchnyh statej i vospominanij pamjati professora V.A. Semenova [“How wise it is to be yourself.” Collection of scientific articles and memoirs in memory of Professor V.A. Semenov]. Syktyvkar, 2021. pp. 3–6.

Dronova Tatiana Ivanovna.

Doctor of historical sciences, chief researcher sectors of ethnography.
Institute of Language, Literature, History,

FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

24 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Александров Е. В. — Кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник.
Музей землеведения МГУ им. М. В. Ломоносова.
Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991.
E-mail: eale@yandex.ru
- Бурнаков В. А. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: venariy@ngs.ru
- Герасимова Л. Н. — Научный сотрудник сектора «Лингвофольклористика»
Научно-исследовательского института Олонхо.
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, г. Якутск, 677000.
E-mail: gelinica@yandex.ru
- Дампилова Л. С. — Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: dampilova_luda@rambler.ru
- Дронова Т. И. — Доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этнографии
Института языка, литературы, истории.
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук».
Ул. Коммунистическая, 24, г. Сыктывкар, 167982.
E-mail: t_i_dronova@mail.ru
- Забелина Е. А. — Аспирант.
Институт лингвистических исследований Российской академии наук.
Пер. Тучков, 9, г. Санкт-Петербург, 199053.
E-mail: windmill161@gmail.com
- Кирюшин Ю. Ф. — Доктор исторических наук, профессор.
Алтайский государственный университет.
Пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049.
- Кичеева К. В. — Старший научный сотрудник.
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
Ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017.
E-mail: kristi.tabakova@mail.ru
- Миндибекова В. В. — Кандидат филологических наук, научный сотрудник.
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: mindibekova@ngs.ru
- Нилогов А. С. — Кандидат философских наук, заведующий лабораторией
генеалогических исследований, ведущий научный сотрудник.
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
Ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017.
E-mail: Nilogov1981@yandex.ru
- Рудницкая Е. Л. — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела языков народов Азии и Африки.
Институт востоковедения Российской академии наук.
Ул. Рождественка, 12, г. Москва, 107031.
E-mail: erudnitskaya@gmail.com
- Рыбаков Д. Ю. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Томский государственный университет.
Пр. Ленина, 36, г. Томск, 634050.
E-mail: dima0183@yandex.ru
- Степанова Н. Ф. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
Пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049.
E-mail: nstepanova10@mail.ru

- Степанова О. Б. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук.
Университетская наб., 3, г. Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: stepanova67@mail.ru
- Сулейманова Р. А. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук.
Пр. Октября, 71, г. Уфа, 450054.
E-mail: suleimanova-r@mail.ru
- Ушницкая Н. Ю. — Кандидат филологических наук, научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук.
Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.
E-mail: maltak84@mail.ru
- Чугунекова А. Н. — Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.
Ул. Ленина, 94, г. Абакан, 655017.
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru
- Чудова Т. И. — Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России и зарубежных стран.
Институт истории и права,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина.
Октябрьский пр., 55, г. Сыктывкар, 167001.
E-mail: ChudovX@mail.ru

AUTHORS

- Aleksandrov E. V.* — Candidate of art history, associate professor, leading researcher at the Earth Science Museum at Moscow State University (The Museum of Natural History). 1 Leninskiye gory, Moscow, Russia, 119991.
E-mail: eale@yandex.ru
- Burnakov V. A.* — Ph.D. in history, senior researcher. Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. 17 Academician Lavrentiev ave., Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: venariy@ngs.ru
- Chudova T. I.* — Doctor of historical sciences, assistant professor, professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries. Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. 55 Oktyabr'skiy ave., Syktyvkar, 167001.
E-mail: ChudovX@mail.ru
- Chugunekova A. N.* — Doctor of philology, associate professor, leading researcher. Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology, Katanov Khakas State University. 94 Lenina st., Abakan, Russia, 655017.
E-mail: Chugunekova@yandex.ru
- Dampilova L. S.* — Doctor of philology, chief research fellow. Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaev st., Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: dampilova_luda@rambler.ru
- Dronova T. I.* — Doctor of historical sciences, chief researcher sectors of ethnography. Institute of Language, Literature, History, FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 24 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russia, 167982.
E-mail: t_i_dronova@mail.ru
- Gerasimova L. N.* — Researcher of sector "Linguofolkloristics" of Olonkho Research Institute. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. 58 Belinsky st., Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: gelinica@yandex.ru
- Kicheeva K. V.* — Senior research fellow. Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. 23 Shchetinkin st., Abakan, Russia, 655017.
Email: kristi.tabakova@mail.ru
- Kiryushin Yu. F.* — Doctor of science (history), professor. Altai State University. 61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.
- Mindibekova V. V.* — Candidate of philology, research fellow. Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaev st., Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: mindibekova@ngs.ru
- Nilogov A. S.* — Candidate of philosophical sciences, head of the genealogical research laboratory, leading researcher. Khakass Research Institute of Language, Literature and History. 23 Shchetinkina st., Abakan, Russia, 655017.
E-mail: Nilogov1981@yandex.ru
- Rudnitskaya E. L.* — Doctor of philology, leading researcher. Institute of Oriental Studies, Asia and Africa Languages Department. 12 Rozhdesvenka st., Moscow, Russia, 107031.
Director: (495) 625-42-62
E-mail: info@ivran.ru
erudnitskaya@gmail.com

- Rybakov D. Yu. — *Candidate of historical sciences, senior researcher.
Tomsk State University.
36 Lenin ave., Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: dima0183@yandex.ru*
- Stepanova N. F. — *Candidate of historical sciences, senior researcher.
Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.
E-mail: nstepanova10@mail.ru*
- Stepanova O. B. — *Candidate of science in history, senior researcher.
Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences.
3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: stepanova67@mail.ru*
- Suleimanova R. A. — *Candidate of philology, senior researcher.
Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences.
71 Oktyabr ave., Ufa, Russia, 500544.
E-mail: suleimanova-r@mail.ru*
- Ushnitskaya N. Yu. — *Candidate of philology, research fellow.
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
1 Petrovsky st., Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: maltak84@mail.ru*
- Zabelina E. A. — *PhD student.
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.
9 Tuchkov lane, St. Petersburg, Russia, 199053.
E-mail: windmill161@gmail.com*

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;

- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

**REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION
TO THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY”**

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at tjla@tspu.edu.ru

For the submissions in Russian:

- **the 1st file**
- (in Russian)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically);
- Full Name of the author(s);
- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the Russian language version:

- (in English)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the Russian abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources, with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

For the submissions in English:

- **the 1st file**
- (in English)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically, and with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);

- Full Name of the author(s);
- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the English language version:

- (in Russian)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the English abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources given alphabetically);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

The volume of the submission generally should be over 12 A4 pages but not to exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14 pt, line spacing 1,5, all margins 2 cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams may be in MS Excel format, all submitted as separate attached files. Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are to be accompanied by Latin transliteration and English translation of the titles given in [square brackets]). References in the text are to show in parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).

